

**О ВРЕМЕНИ,
О НОРИЛЬСКЕ,
О СЕБЕ...**

ВОСПОМИНАНИЯ

Москва
«ПолиМЕдиа»
2007

ББК 84-4
О-33

Составитель Г.И. Касабова

О времени, о Норильске, о себе... Книга 9 /
О-33 Ред.-сост. Г.И. Касабова. — М.: «*ПолиМЕдиа*»,
2007. — 608 с.

ISBN 978-5-89180-054-0.

ББК 84-4

© Составление. Касабова Г.И., 2007

© Оформление. ООО «*ПолиМЕдиа*», 2007

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Книга девятая издания «О времени, о Норильске, о себе...» — это продолжение истории Норильского промышленного района, которую коллективно пишут те, кто долгие годы прожил в Заполярье. Норильский магнит держит нас вместе без малого десять лет в клубе под названием «69 параллель». Он объединяет тех, кто после Крайнего Севера поселился в Москве, Подмосковье и близлежащих к ним городах. Именно здесь после первых бурных ностальгических встреч возник замысел издания наших воспоминаний.

Вообще-то книг о Норильске издано великое множество. Но большинство из них по понятным причинам не рассказывали о первых годах его строительства. Первостроителями называли комсомольцев, а на самом деле самые тяжкие первые 20 лет достались заключенным, да и последующие годы они еще немало лет составляли основной костяк трудового коллектива Норильского комбината. А сколько заключенных-первостроителей лежит в норильской мерзлоте, до сих пор не знает никто. По сути, их не захоронили так, как положено было бы в обществе, которое глубоко осмыслило трагизм сталинских репрессий. Эти безвинно погибшие люди не успели рассказать о том, что смертельно надорвало их тело и душу. Но, к счастью, о них еще помнят выжившие, их родные и дру-

зья. Вот почему мы, норильчане, до сих пор пишем историю своего главного города. И как часто щемит сердце: как же мы опоздали с этим!

Часто неведомыми мне путями люди узнают об издании книги «О времени, о Норильске, о себе...» и шлют конверты, дискеты, диски с воспоминаниями, фотографиями, иногда компактно исписанными тетрадками из разных городов России и даже стран. Но бывает, люди, которых мы искали, находятся рядом — в Москве. Понятно, помогают нам Интернет, Ленинка. Но в большинстве своем мой адрес люди узнают через обыкновенную почту, ведь норильчане никогда не теряют связи со своими, куда бы они ни разъехались. Узнал об издании один — и побежала информация по цепочке... Так наши книги добрались до Австралии, Магадана, Биробиджана, Америки, Израиля, Германии, Франции, не говоря уж о городах Сибири и Центральной России... И это при том, что у некоммерческого издательского фонда нет ни магазина, ни рекламы...

Предыдущие три книги (шестая, седьмая и восьмая) посвящены преимущественно теме восстания заключенных после смерти Сталина. Они вызвали приток воспоминаний, продолжающих эту тему. При этом выяснилось, что некоторые очевидцы и участники этих событий (им сегодня за восемьдесят лет) описали те времена тогда, когда и подумать никто не мог, что рухнет советская власть. Так что о сопротивлении в норильских лагерях вы еще прочитаете в наших книгах, и в этом томе тоже.

Сегодня уже невозможно оспорить факт, что основные промышленные объекты, да и сам город с его инфраструктурой, были построены заключенными, в основном политическими. Но почему-то и сегодня многие считают, что их-то как раз было немного

и что в большинстве здесь отбывали сроки обычные уголовники. Отсылаю интересующихся к статьям В.С. Биргера, сделавшего обзор структуры квартальных отчетов и состава заключенных Норильлага и Горлага на 01.10.49 г. В отчетах дается разбивка по статьям, «окрасам» (характеру обвинений), полу, возрасту, срокам, этнической принадлежности, подданству (гражданству). В.С. Биргер, проанализировав отчеты, ответил на вопрос, какую часть в лагерном контингенте составляли политические: в Норильлаге — около 40 %, с Горным лагерем — 53 % с лишним. Он считает, что и среди «бытовиков» многие отбывали свои сроки по абсолютно липовым делам — «за колоски», опоздание на несколько минут... В.С. Биргер заключает: «Есть основания полагать, что число безвинных узников вполне сравнимо с числом политзаключенных» (см. сайт «Норильлаг — ресурсы Интернет» в Яндексе).

Именно эти сотни тысяч з/к на долгие годы определили моральный климат и культуру общества в Норильске, ведь здесь собрались светила мировой и отечественной науки, техники, искусств, специалисты высокой квалификации в медицине, геологии, энергетике, металлургии и других областях. Неудивительно, что в каждой нашей книге обязательно есть рассказы об их благотворном влиянии на молодежь и детей, на комсомольских «десантников» и молодых специалистов, направленных в Заполярье по окончании вузов.

Любая наша книга имеет самостоятельное значение, каждая дает представление о Норильске разных лет. Воспоминания публикуются в порядке их поступления без отбора по годам, профессиям или какому-то другому принципу. Иногда меня упрекают: не многовато ли пишем о репрессированных? Считаю,

что нет. Такова была действительность и так велико было их влияние. Например, в книге пятой издания «О времени, о Норильске, о себе...» Нина Даниловна Волошина написала, что политические заключенные «учили меня жизни просто фактом своего существования». В этой же книге вы можете прочесть такие слова: «Годом своего спасения считаю 1953 год, когда оказалась в среде политических». Они принадлежат человеку трудной судьбы Люции Петровне Успенской. Так говорили и писали многие. И в этом — правда.

Прочитайте книгу девятую, и вы узнаете о соловецком этапе в Норильлаг, о лагерной дружбе и о том, как 48 лет прожила под чужой фамилией каторжанка Елена Юрчинская, об узнике норильских лагерей авторе пионерского гимна «Взвейтесь кострами...» Сергее Кайдане-Дежкине, об истории детского здравоохранения, о музыкантах первого духового оркестра, о Норильском телевидении, о первых десятилетиях ТЭЦ-1, о ядерных взрывах на озере Лама и о многом другом... Мы фиксируем прошлое время, разные настроения и суждения людей, рассказываем о трагических судьбах. Нам надо знать правду. Всю и обо всем. Пока, если говорить об истории Норильлага, в полном объеме она нам недоступна, но главное мы уже знаем о геноциде собственных народов. Придет время — откроются архивы, вот тогда цифры и факты, до сих пор сокрытые от нас властями, мы сверим со свидетельствами простых людей.

Все, кто хочет и может написать свои страницы в историю Норильского промышленного района, кому есть что рассказать о своей жизни и работе на Таймыре, может стать автором наших книг. Пока есть люди, понимающие необходимость и важность этой работы, всячески поддерживающие некоммерческий из-

дательский фонд «Норильский», пока востребованы наши книги, мы будем их издавать. Каждый купивший нашу книгу — это наш спонсор, ибо мы издаемся на деньги от продажи издания «О времени, о Норильске, о себе...».

По сложившейся с книги первой традиции мы сообщаем для читателей координаты наших единомышленников, настоящих друзей, без которых дело наше не продвигалось бы так успешно, — это издательство «*ПолиМЕдиа*»: 143003, Московская область, г. Одинцово-3, а/я 101, телефон в Москве 159-86-11.

*Галина Касабова,
генеральный директор некоммерческого
издательского фонда «Норильский».*

Нина Семеновна Дзюбенко

Нина Дзюбенко:

«Чахвадзе, ссылаясь на слова конвоиров, называет число 3800 этапированных из Соловков в Норильск».

Нина Семеновна Дзюбенко

СОЛОВКИ — ALMA MATER ГУЛАГА

Больше всего песен о лагерях времен раннего социализма народ сочинил о Соловках и Магадане. Это были лагеря самые известные своей совершенной жутью, что принес новый строй народу, освобожденному от собственности, от элементарных условий для мало-мальского существования, от морали, религии и т.д. А между западным СТОНОм (Соловецкая тюрьма особого назначения) и восточным Дальлагом — широка страна наша родная, объятая ужасом государственного бандитизма и обнесенная «колючей» проволокой... Соловки — первенец отечественной концлагерной системы. Располагался он на группе островов в Белом море, при входе в Онежскую губу: Соловецкий, Анзерский, Б. и М. Муксалма, Б. и М. Заяцкие. К Соловецкому лагерю принадлежал также о. Попов. С XV века здесь действовал православный монастырь, закрытый в 1918 году.

В 1923 году в стране для победившего пролетариата и примкнувшего к нему крестьянства, и не только для них, уже насчитывалось около семисот исправительных учреждений: исправдома, домзаки, тюрьмы, сельхозпоселения и концлагеря. В них содержались десятки тысяч человек — явные и потенциальные враги власти рабочих и крестьян.

В том же году произошло дальнейшее усиление репрессий. Понадобились новые места для содержания заключенных, ибо из уже имеющихся происходили массовые побеги — система находилась в стадии становления. Этим качественно новым образованием стал Соловецкий лагерь особого назначения — так называемый СЛОН (одна из книг о Соловках Ю.А. Брод-

ского так и называлась: «Красный СЛОН на Белом море»). В 1922 году острова вместе с монастырем были переданы ГПУ для размещения там заключенных из «праконцлагерей» в Холмогорах, Пертоминске.

За время существования Соловецкий лагерь пережил несколько реорганизаций, и каждая приносила только усиление режима: хребет ГУЛАГа от времени только костенел. Первоначально это был политизолятор для членов оппозиционных партий, затем концлагерь для уголовников (их численность колебалась около 20 %) и политических и наконец — тюрьма особого назначения. И если заключение партийцев носило превентивный характер, то в концлагере утвердилась идея принудительного труда. Тюрьма же прямо была ориентирована на уничтожение людей.

Постановление СНК СССР об организации Соловецкого лагеря принудительных работ было принято 13 октября 1923 года за подписью зам. Председателя СНК Рыкова (История сталинского ГУЛАГа. М., 2004. Т. 2. С. 581). Как известно, Рыков через несколько лет станет жертвой репрессий, которые сам же и санкционировал.

Отличительными чертами СЛОНа были полная изоляция от вольного населения, чего легко можно было добиться на островах, расположенных в замерзающем море, затруднительность побегов — не было ни одного удачного, принудительный двенадцатичасовой труд, нормированное питание, армейская организация.

Со времен ленинской резолюции «О единстве партии» (1921 г.) известно, что однопартийная система в стране сложилась «исторически». Тогда за фракционность в партии следовало безусловное и немедленное исключение из ее монолитных рядов. Позже и из жизни. Как однажды сказал Бухарин, у нас действительно однопартийная система: одна партия у власти, другая — в тюрьме. Через два года,

в 1923 году, представителей всех дореволюционных политических партий привезли на Соловки: в политическом споре стал применяться географический аргумент, по определению писателя и многолетнего узника Юрия Домбровского.

И если на воротах Бухенвальда была надпись: «Каждому свое», то на воротах СЛОНа было написано: «Железной рукой загоним человечество к счастью». Очевидно, что цинизма и откровенного надругательства над исконным правом человека на свободу в нашем лозунге гораздо больше.

Монастырские валунные постройки на острове довольно хорошо сохранились, — видно, монахи «сдавали их приемной комиссии» не в конце квартала. В царстве тишины и покоя ничего не напоминает о временах соловецкой власти. В те годы, как вспоминали очевидцы, на главном куполе кремля место креста занимала железная пятиконечная звезда как символ несвободы. Теперь ее можно увидеть в музее, материалы экспозиции которого показывают, что

Все фотографии из архива А. Мельник

Лагерные решетки на окнах Троицкого скита

советская репрессивная система сложилась задолго до Сталина. При нем же она достигла своего классического совершенства, и только. Но общим местом в современной публицистике до сих пор являются «сталинские репрессии». Термин необходимо заменить на «советские репрессии».

Лагерь менял свое название, принадлежность, управление, но скоро по местам заключения пошли слухи о нем как об учреждении с наиболее жестоким режимом.

Вот что пишет Жак Росси, автор «Справочника по ГУЛАГу»: «Нормальными явлениями были:

а) избиение, иногда до смерти, часто без повода;
б) морение голодом и холодом, иногда до смерти;
в) индивидуальное и групповое изнасилование заключенных женщин;

г) выставление на комарики летом, а зимой — обливание водой под открытым небом;

д) забивание насмерть пойманных беглецов, причем изуродованное тело бросали на несколько дней у ворот лагеря (это стало общесоветской практикой» («Справочник...», с. 370).

Кроме того, заключенных заставляли переносить воду из одной проруби в другую, снег с одного места на другое, то есть и сам труд, и сама жизнь лишались всякого смысла.

Безудержному произволу соловецкого начальства способствовали периодические расстрелы (так называемые разгрузки) заключенных по заданиям из Москвы. В 1937–1938 годах то же происходило и в Норильске. Центральным штрафным изолятором Соловков была Секирка или Секир-гора. Ее высота 85 метров. Подняться можно было по тремстам ступеням. Одной из специфических соловецких зверств было сбрасывание заключенного в мешке со ступенек. Жак Росси писал: «В 50-х гг. в Восточной Сибири автору довелось услышать песню о том, что «на восьмой

версте Секир-гора, а под горою мертвые тела. Ветер там один гуляет. Мать родная не узнает, где сынок сخورенный лежит» («Справочник...», с. 353).

Вот цитата из документа, помещенного в четвертом томе книги «История сталинского ГУЛАГа» на с. 143: «Особыми зверствами на о. Революции отличался командир 5-й карантинной роты заключенный Курилко, печальная слава о котором проникла даже в украинские ДОПРы; его наиболее изощренные художества были: заставлял заключенных испражняться друг другу в рот, учредил специальную «кабинку» для избиений, ставил голыми на снег («стойка»), принуждал прыгать зимой в залив и пр. Лишь в несколько более легкой форме проявили себя другие администраторы».

В таких условиях жизнь казалась излишней роскошью. Преступления Курилко завершились его наказанием. Он был работником Оренбургского ГПУ, осужден на 5 лет и попал на Соловки. В лагере он стал самоохранником. Летом 1930 года по решению особой комиссии ОГПУ 12 обвиняемых персонала лагеря, в том числе и Курилко, были расстреляны. Из песни слов не выкинешь. Именно Курилко принадлежит фраза: «Здесь вам власть не советская, а соловецкая».

Хотя и делалось все это не по указке ОГПУ, но все же служило преследуемой им цели: психически сломить заключенных, чтобы превратить их в безвольную, покорную массу «человеческого материала».

Соловки — важнейшая веха на пути к созданию подлинно советского метода строительства светлого будущего принудительным трудом. 15 лет соловецких опытов на сотнях тысяч заключенных вконец убедили ленинское руководство, что в специфических советских условиях подневольный труд целесообразен. Что удивительно многого можно достичь крохотными прибавлениями к голодному пайку (изобретение Н. Френкеля). Соловецкие опыты показали, что

стукачество — самое верное и безотказное средство разрушения самообороны угнетенных и эксплуатируемых, что их беспомощность успешно усиливается систематическим игнорированием их жалоб.

Опыт, приобретенный ОГПУ на Соловках, был использован не только в последующем лагерном строительстве, но и с успехом применялся к основной массе советских граждан. В то же время некоторые методы самообороны соловецких заключенных бесповоротно утвердились в советском быту, например туфта.

В 1930 году Соловецкий лагерь был реорганизован в 11-е отделение Беломорско-Балтийского лагеря ОГПУ. Начали рыть канал. Это было еще одно бесчеловечное надругательство над людьми и здравым смыслом: ведь его построили сталинскими темпами без цемента и металла, без техники за 20 месяцев и 10 дней. От этого эксперимента остался безудержный энтузиазм, поговорка «Без туфты и аммонала не построили б канала» (даже вождь, осмотрев новостройку имени себя, недоволено буркнул: «Мелко и неказисто»). Пьеса Погодина «Аристократы» про перековку уголовников в самоотверженных борцов за правое дело много лет гуляла по театрам страны. Даже я в молодом возрасте сподобилась посмотреть этот спектакль про воровских оборотней. Да и сам термин «Зэ Ка» отсюда же и первоначально расшифровывался как «заключенные каналоармейцы». Народу об этом строительстве до конца XX века напоминали папиросы «Беломор».

Когда канал вступил в строй, то в ноябре 1933 года на базе Соловецкого лагеря было создано 8-е Соловецкое специальное (штрафное) отделение Беломорско-Балтийского комбината ОГПУ — НКВД.

Приказом НКВД от 28 ноября 1936 года 8-е Соловецкое специальное отделение ББК было передано 10-му отделу ГУГБ (Главное управление госбезопасности) НКВД и реорганизовано в Соловецкую тюрьму особого назначения (СТОН) ГУГБ.

Работа в котловане шлюза № 11. 1932 г.

Детский труд на канале № 182. 1933 г.

В ней содержались социально опасные преступники, а также осужденные, нарушавшие режим, трудовую дисциплину, совершавшие побег. В основном это были те, которые, как пелось в известной песне про товарища Сталина, «оказались ни при чем».

Для них установили особо строгие условия содержания:

камеры запирались на замок и находились под стражей;

все выводы осужденных из камер осуществлялись под охраной;

на внешние работы осужденные не выводились; свидания и передачи разрешались один раз в месяц, переписка — два раза в месяц;

прогулка совершалась ежедневно в пределах одного часа.

На 1 марта 1939 года в СТОН содержалось 1688 заключенных, а на 1 августа того же года — 2512.

За время существования Соловецкой тюрьмы в ней неоднократно производились расстрелы больших партий заключенных. В 1937–1938 годах было расстреляно 1818 заключенных.

Приказом НКВД СССР от 2 февраля 1939 года и Постановлением СНК СССР от 1 декабря 1939 года СТОН был закрыт.

По ходатайству Наркомата ВМФ территория Соловецких островов, строения и подсобное хозяйство были переданы Северному флоту. Именно там во время ВОВ была Школа юнг ВМФ. Очень популярный писатель В.С. Пикуль был учеником этой школы. В своей автобиографической повести «Мальчики с бантиками» он рассказывает о жизни обитателей Соловецких островов в стенах Школы юнг. Вот цитата из этого произведения:

«— Скажите, что означает эта надпись: «С.Л.О.Н.»?

Щедровский обернулся к фасаду мрачного здания.

— Ах, эта, — засмеялся он. — Она расшифро-

Строительство Соловецкой железной дороги. 1928 г.

ываается очень просто: «Соловецкий лагерь особого назначения». Здесь, товарищи, когда вас еще на свете не было, размещалась знаменитая тюрьма. В ней сидели бандиты-убийцы, взломщики-рецидивисты и мастера по ограблению банков. Их давно уже здесь нет, тюрьма в Савватьево ликвидирована еще в двадцать восьмом году...».

Может быть, и не стоило приводить слова персонажа этой книги, если бы они не совпадали с мнением большинства наших современников, не обремененных знанием подлинной истории Отечества нашего свободного.

СТОН

Тема Соловков необъятна. Это повествование будет касаться только тюремного периода, который просуществовал два года. Летом 1937 года соловецких заключенных выгнали из барачков, построили, и двое приехавших военных зачитали распоряжение об усилении режима. Переписка прекращалась до особого распоряжения (раньше можно было получать одно письмо в месяц).

Лагерь переводился на тюремный режим. Заключенных переделали в особую, соловецкую форму. На окнах бараков, даже в санчасти, устанавливались «намордники». В кремле возводились высокие заборы с рядами колючей проволоки.

Свежее пополнение соловчан и будущих норильчан: М.П. Рубеко, А.П. Бабушкина, А. Герцулина, ослабевших в тюрьме и на этапах, — принял на станции Кемь конвой из четырех человек. Один из конвоиров шагал впереди с револьвером, остальные шли с саблями наголо. В таком живописном составе они дошли от железнодорожного вокзала до пристани, эзков затолкали в баржу, где было тепло и сухо, привезли на Соловки, а потом развели по разным камерам.

Из воспоминаний А. Баева, опубликованных Ю. Бродским:

Соловки, Кемь. Отсюда увозили заключенных на Соловецкие острова

«Тюрьма была новым этапом во всей политике репрессий. Лагерь был еще сравнительно либеральным местом. Тюрьма была ужесточением этого места.

Для меня самыми трудными из 13 лет заключения были годы пребывания в Соловецкой тюрьме.

Большую часть своего соловецкого сидения я провел в одном из келейных корпусов возле Спасо-Преображенского собора, в камере № 79.

Одним из моих сокамерников был молодой человек со Сталинградского тракторного завода. Фамилию не помню. Его обвиняли вместе с другими работниками завода в участии в фашистской организации. Дело в том, что на сталинградском заводе когда-то работали немцы, и ОГПУ считало, что вокруг них создались фашистские организации. Наш сокамерник фашистом быть не хотел и протестовал. Но протестовал, можно сказать, примитивно. Например: входит кто-то из администрации — все должны встать, а он лежит. Или откроет форточку, которую открывать нельзя самим заключенным.

Вначале было несколько карцеров возрастающей продолжительности, в самой тюрьме. А потом заключили в башенный карцер в кремле. После двух недель его привели под руки: он был весь отекавший и лишенный сил. Волосы у него почти все вылезли...»

О ложных расстрелах, о борьбе за чистоту в кельях в форме издевательств охраны над заключенными за каждое пятнышко на полу, о надписях кровью из отрубленных пальцев — обо всем этом рассказал своему сыну Иосиф Михайлович Махновецкий (уже опубликовано Г.И. Касабовой в книге третьей издания «О времени, о Норильске, о себе...»). Так что сюжет из фильма Т. Абуладзе «Покаяние» — невымышленная метафора.

Вот что рассказал другой сиделец — Б. Оликер (публикация Ю. Бродского):

«Дежурный не отходил от «волчка» камеры и все время должен был видеть, что делается в камере,

а главное — лица заключенных. В тюремных правилах значилось: «...запрещается громкий разговор». Но и негромкий разговор, даже шепотом, преследовался. Во избежание наказания люди месяцами хранили молчание. В камере, бывшей келье, стояло 6 коек. Между ними был проход 25–30 сантиметров. Это была «прогулочная площадка», по которой можно было ходить: два шага вперед, два шага назад.

Курить можно было, но заключенный обязан был по счету вернуть все мундштуки от папирос. На каждого был заведен индивидуальный счет: сколько папирос он получил, сколько мундштуков вернул, причем последние должны быть целыми, неоткушенными, покрытыми тонкой папиросной оболочкой. Время от времени производился переучет: требовалось указать, сколько осталось несданных мундштуков от выкуренных папирос. Под контроль попадали также спичечные коробки и коробки от зубного порошка. Это была сложная бухгалтерия. Сколько людей работало на регистрации мундштуков, папирос и коробков! А сколько заключенных было наказано за кажущуюся недостачу окурков!

Даже вывод заключенных на opravку сопровождался исключительной строгостью. Также руки назад, та же метровая дистанция, тот же конвой: один — спереди, другой — сзади. При входе в туалет каждый получал клочок бумаги величиной со спичечную коробку. Внутри неотступно стоял конвоир и не спускал глаз с заключенных. Горе тому, кто не использовал бумажку и при выходе не вернул ее!

Медицинскую помощь оказывал простой стрелок, который разносил порошки. Получающий порошок подставлял свой рот перед открытой в двери форточкой, и «лекарь» сыпал ему в рот порошок, не давая в руки обертку.

Ровно в 6 утра вделанная в глубине стены лампочка начинала мигать. Через 2–3 минуты заключенный должен был сидеть на кровати одетым.

Тачколазы

Запрещалось ложиться с момента подъема до отбоя. Все 16 часов надо сидеть без права не только ложиться, но хоть сколько-нибудь наклоняться вперед. Тело должно быть строго в вертикальном положении. Через 1–2 месяца у всех стали отекать ноги».

Б. Оликер рассказывал, что он однажды забылся, наклонился вперед и положил ногу на ногу. Тут же был составлен акт, и он был лишен переписки на 6 месяцев. От сильной усталости и непрерывного сидения после 5–6 часов вечера начинало клонить ко сну, трудно было удержать веки, чтобы они не закрывались, но глаза должны быть все время открытыми, иначе — наказание...

Но и настоящая ночь не несет заключенному много радости. Довольно часто сон нарушался. Дежурный все время должен видеть лицо спящего. Стоило кому-нибудь натянуть одеяло выше плеч, как всех заключенных поднимали, начинались крики, ругань. Заканчивалось все наказанием одного кого-нибудь. Чтобы не попасть в число виновных, заключенные, несмотря на низкую температуру, укрывались лишь до пояса, но не могли уснуть от холода.

Летом, в жару, мучения еще больше усиливались. Один московский студент был наказан на 5 суток карцера. Дело в том, что, несмотря на жару, снимать рубашку, вытаскивать ее из штанов, засучивать рукава строго воспрещалось. А ему как раз попалось белье из брезентовой фланели. Лежа в кровати, москвич пошел на риск — задыхаясь от жары, снял под одеялом кальсоны. Когда он уснул, голое колено вылезло из-под одеяла... Вся камера была поднята на ноги.

Симон Эрастович Чахвадзе (земляк С. Орджоникидзе) рассказал, что иногда их выводили гулять. «Там, — вспоминает он, — был дворик небольшой, метров 5–6 в диаметре. Разрешалось пройти 5 кругов по нему, и все. Расписание прогулок было так составлено, чтобы не встречались с теми, кто сидел

в соседних камерах. Поэтому я не знал, что рядом с моей камерой (я сидел в 88-й) сидел мой брат Георгий. Он не перенес всего этого и умер на Соловках».

Только во время этих прогулок заключенные и узнавали о событиях на воле, видя на тюремных зданиях очередную смену портретов вождей.

В камерах-кельях сидельцы не имели права подойти к окну (сокамерник М.П. Рубеко попал за это в карцер), нельзя было вставать спиной к стене камеры — сразу получали трое суток карцера за «перестукивание», но зато могли бесконечно перечитывать классиков марксизма-ленинизма, искать в этом «вечно живом» наследии ответы на животрепещущие вопросы, которые задавала им жизнь (из воспоминаний деда Ветродуя — М.Г. Потапова).

«Мыть полы рвались все, ведь это же физическая нагрузка, а она необходима всем. Помыв пол, я постучал в дверь, чтобы сдать деревянную шайку с половой тряпкой. Но стучать было запрещено, и это послужило поводом к карцерному наказанию.

В дни, когда разрешалось писать письма и заявления, тем, кто имел на депоненте деньги, выдавались бумага и конверт. Конверт заклеивать запрещалось, обратный адрес не Соловки, а станция Кемь. Только в 1955 году жена узнала, что я больше года провел в Соловецкой тюрьме, а она была уверена, что я нахожусь в Кемь. Срок для написания письма или заявления давался ровно полчаса. Если не успел написать, надо сдавать недописанным. Лица, не имевшие депонентных денег, автоматически лишались возможности написать письмо.

Бывали случаи, когда вызывали по одному в канцелярию старшего или дежурного надзирателя. Усаживали на табурет посреди комнаты и вручали уже распечатанное письмо для прочтения. Но чаще письмо зачитывал надзиратель.

Дважды камера лишалась на месяц прогулок за проявление недовольства хлебом с большим количеством песка в нем и отказ от баланды, в которой плавали в большом количестве белые черви. Черви были собраны в спичечный коробок и переданы надзирателю. Появился начальник тюрьмы с врачом. Врач заявил, что черви абсолютно безвредны для человека и наши претензии вызваны злобой против соловецкой власти.

— Говорите спасибо, что кормят! — добавил от себя начальник тюрьмы», — вспоминал Д. Сагайдак.

Ни в одном архивном документе не встречались перечисления работ, которые выполняли соловецкие заключенные. Точнее выразиться, почти ни в одном. Вот какую уникальную справку сохранило личное дело И.Г. Малышкина. Заведующий архивом УВД Красноярского края Клопов сообщил о нем: «...с 15 июня 1935 г. по август 1939 г. работал в цехе производства йода при Соловецкой тюрьме внутрицеховым рабочим-аппаратчиком». Значит, Ивану Григорьевичу сильно повезло — он избежал келейного сидения.

Как рассказал Василий Васильевич Баранов, «все мы были тюремщиками», то есть сидели в тюрьме. Но в июне все того же 1939-го «всем тюрьму заменили лагерем — работа до упаду, а паек тюремный».

А.А. Баев, В.Н. Коляда, И.М. Махновецкий, М.П. Рубеко, С.И. Штейн (Снегов) поведали, на каких работах их «перековывала» советская власть. «Мы успели разорить монастырское кладбище (буквально на костях поставили госпиталь), вывели под крышу тюрьму, а на песчаной косе острова построили военный аэродром», — вспоминает А.А. Баев.

Снегов с присущим ему лагерным юмором дополнил рассказ Баева: «Мы с нетерпением и надеждой ждали формирования этапа. Два месяца земляных ра-

бот у Белого моря вымотали самых стойких. Многие, добредя до площадки будущего аэродрома, валились на песок, и даже мат майора Владимирова и угрозы охраны не могли поднять их. Тюремные врачи, называвшие симулянтами даже умиравших, стали массами оставлять заключенных внутри тюремной ограды. Соловецкое начальство поняло, что хозяйственной пользы из нас уже не выжать, и сотне истощенных — мне в том числе — дало двухнедельный отдых перед этапом».

Приближалась незначительная война — советско-финская.

ЭТАП СОЛОВКИ —НОРИЛЬСК

Первоначальный план возведения Норильского комбината предусматривал его пуск в 1938 году. Этого не случилось, что стоило свободы первому начальнику Норильскстроя В.З. Матвееву.

В следующем году темпы и масштабы стройки должны были многократно возрасти. Увеличилась и потребность в рабочей силе. Заявки в ГУЛАГ на спецконтингент подавал начальник Норильского комбината А.П. Завенягин, имя которого носит комбинат и поныне.

ГУЛАГ помог комбинату решить проблему с кадрами. В 1939 году, по слухам, в Норильск прибыло около 10 тыс. эков пятью этапами: 13.VI, 19.VII, 17.VIII, 17.IX и 9.X. Соловецкий этап был самый многочисленный, но наименее работоспособный. Тут существует некая тайна. По приказу наркома Берии соловецких заключенных должны были перевести в Орловскую и Владимирскую тюрьмы. В опубликованных ныне (доступных мне) материалах Норильск нигде не называется. Почему?

При современном положении в работе архивов невозможно установить, были ли связи между СТОНОм и Норильлагом до 1939 года, сколько было этапов в

Дудинский порт из Соловков, каково было количество этапированных. Все эти и другие вопросы все еще остаются без ответов.

Источниками для данной публикации служат воспоминания бывших заключенных, литературные материалы, а также документы — личные дела из Объединенного ведомственного архива Норильского комбината (ОВА). В этом архиве хранится часть дел, заведенных в свое время на уже освободившихся из ИТЛ и вступивших с комбинатом в трудовые отношения по вольному или невольному найму.

Как свидетельствует анализ документов ОВА, как правило, мы можем изучить личные дела только тех специалистов, кого успел вытащить с общих подконвойных работ какой-нибудь гражданин начальник еще до того, как они успевали оформиться в «этап» на тот свет.

В некоторых личных делах упоминаются Соловки как место отбывания наказания без указания преступления. В других случаях устанавливать факт пребывания на Соловках помогала известная дата прибытия в Норильск соловецкого этапа (17 августа 1939 года), воспоминания сокамерников, однодельцев и т.д.

Большинство из этих документов появилось спустя годы после закрытия Соловков как места для сидения.

Прежде чем пойдет рассказ о самом этапе 17 августа 1939 года, хотелось, чтобы сами невольные соловчане рассказали, что же это была за тюрьма. Почему слухи о ней ходили по всей Руси великой? Исследователь истории Соловков Ю. Бродский приводит слова заключенного Михаила Никонова о Соловках: **АДСТРОЙ.**

Наиболее вероятной датой отправки этапа из Соловков является 5 августа 1939 года. Называет ее Снегов. Это был день его рождения.

Лесовоз, или сухогруз, «Семен Буденный» пришел к Соловецкому архипелагу загруженный в Архангельске четырьмя сотнями уголовников, которые расположились на корме.

Вспоминает Дебола Алкацев: «Заклученных-соловчан августовской ночью разбудили в необычное время. Тюремную одежду велели снять и надеть свою».

Около бани на Соловецкой пристани людей погрузили в баржи, а из них перегрузили на сухогруз, по этому случаю оборудованный гулаговской мебелью — нарами. Количество этажей называют разное — от 2 до 7.

Вместимость лесовоза могла быть самая фантастическая, если вспомнить чекистские методы загрузки.

Чахвадзе, ссылаясь на слова конвоиров, называет число 3800 этапированных из Соловков в Норильск.

На этом же сухогрузе находился и Николай Васильевич Волохов, по свидетельству М.П. Рубеко, начальник Соловецкой тюрьмы. По данным ОВА, Н.В. Волохов с октября 1938 года по июнь 1939 года числился в резерве назначения отдела кадров НКВД СССР. Именно он и привез новых норильчан.

17 августа 1939 года начальник Норильского комбината А.П. Завенягин подписал приказ № 386: «На основании предписания ГУЛАГа НКВД № 1820 от 20 июля 1939 г. назначается заместителем начальника Норильского комбината по лагерю капитан госбезопасности т. Волохов Н.В.».

Названная Завенягиным дата — 17 августа — подтверждает известный по другим источникам день прибытия соловецкого этапа в Норильск.

Путь по Белому, Баренцеву, Карскому морям, реке Енисей лесовоз шел в сопровождении ледакола, который участвовал еще в проводке караванов Карских экспедиций. Плыли тяжело. Море сильно болта-

ло, поэтому «трюмный груз», как назвал его Снегов, лежал вповалку, не поднимаясь. А те, кто выходил наверх, видели низкое небо и льдины, стучавшие о борт корабля.

Кроме морской болезни более худшей из мук была неизвестность, ибо никто не знал ни цели, ни конечного пункта этапа.

Василий Феоктистович Ромашкин назвал фамилию журналиста из Ленинграда А.Е. Старовойтова, который не заболел морской болезнью и был единственным, кто помогал в пути людям, подавая им пищу, воду... А кормили так, что ни по Белому, ни по другому морю не убежишь, как шутил Рубеко.

15 августа сухогруз «Семен Буденный» подошел к Дудинке. Ночь простояли на рейде. Причала не было, поэтому с лесовоза посреди Енисея людей перегружали на баржу и на ней везли к берегу.

800 человек, по словам Чахвадзе, оставили в Дудинке.

Одна группа заключенных до Норильска ехала по узкоколейке. Когда колонна подошла к вокзалу, то обнаружилось, что она вдесятеро длиннее линии платформы. Заключенных «нанизали» друг на друга: сажали на колени, плечи и даже головы. Таким образом в сопровождении охраны, станкового пулемета доехали до пункта, для многих действительно оказавшегося конечным.

Другая группа, по свидетельству Д.К. Алкацева, И.М. Алексеенко, в Норильск пришла пешком.

Потом всех долго сортировали — ведь подконвойных было очень много. М.П. Рубеко утверждает, что его личный номер по норильской учетной картотеке был обозначен в тридцать восьмой тысяче.

Из Соловков в Норильск (как пока известно) попали пять врачей: А.А. Баев, П.Е. Никишин, М.А. Райвичер, З.И. Розенблюм, Д. Сагайдак. Они в лагере после этапа определяли рабочую пригодность заключенных: «кого в работяги, кого в доходяги».

Осенью в Норильском ИТЛ вспыхнула эпидемия дизентерии. «В те октябрьские дни, — вспоминает Снегов, — люди из нашего этапа умирали ежедневно. Соловки поставили в Норильск очень ослабленный контингент — так это формулировалось лагерной медициной».

Летом и осенью 1939 года в Норильск прибыло очень много инженеров. Приток их настолько был велик, что УРО формировало бригады «инженеров-землекопателей». Тяжелый, изнурительный труд многим был не под силу. И как следствие, «при моем освобождении в 1947 году с этого этапа оставшихся в живых по пальцам можно было пересчитать» (из воспоминаний Натрошвили).

Кто же входил в число соловчан-норильчан? На сегодня точное число найденных составляет 131 человек. Подавляющее большинство — более 100 человек — люди с высшим или незаконченным высшим образованием: и технари, и гуманитарии. На свободе они советской власти были не нужны.

Много раз приходилось слышать о том, что в Норильске лагерь был хороший благодаря А.П. Завенягину. Но мы как-то не всегда помним, что это были люди НЕВИНОВНЫЕ! Выше я писала, что весь список этапа из Соловков — это те, кто выжил. А в «Мемориале» Петербурга 2 года назад мне попались сведения о А.В. Кузьмине, который до ареста был политредактором «Ленинградской правды». В Норильлаге он работал на стройке (неспециалист, поэтому его спасти было некому), болел цингой, открытой формой туберкулеза и пеллагрой. В начале января 1940 года он умер. С точки зрения лагерных начальников, кто не работает, тот не ест.

Этот лозунг родился на Соловках и дожил до морального кодекса строителя коммунизма.

И еще: о двух главных фигурантах. Это Н. Френкель и А. Ногтев.

Френкель был изобретателем системы дифференцированных норм питания в зависимости от выработки и состояния здоровья. Впоследствии стал генералом МВД и умер в почете и в своей постели. Ногтев был начальником СЛОНа, подвергся наказанию (совсем не за Соловки), попал в Норильлаг, освобожден в победный год, а уже затем следы его потерялись. Философ Гегель в свое время вывел формулу: преступление и наказание не находятся в причинно-следственной связи.

Алла Борисовна Макарова

її батька, сестру Надю і брата Юрія. В них вперше відчула, що моє родиною, що я не є круглою сиротою. Олена було дуже любимою дитиною, дуже добродушною, ніякого страху в її очах ніколи не було велика патріотка. Майбутнє, як і семінарії вона вступила в членів ОУН, так як її брат і сестра. Вони були відважні і вперше вирішили своє життя на небезпечну.

О. Юрчинська
і М. Луцка
у дитячі роки

Колі в її казала, щоб ризикати на себе, то вона з усмішкою відповідала, що хоче працювати для України так як її брат і сестра. Як її згадала, Олена була дуже добра і чутлива на людському болю, вона помогала потребуючим сиротам, а мені особисто вперше допомогла свої гарній одяг, щоб я могла піти на шкільну зміну і тривалий розмовляти моє сумне і

безрадісне життя. Вже після закінчення Семінарії, на віддані вчителів в її дні і згадала завжди чесною і патристично настроєного колекта Римова Прокломента який став моєю чоловіком. В її дні сподівалися намі виступити, де вона і її сестра були мені за друзями, а її батько вступив проти батька. Коли народився мені син в з любові до татині родиною назвали його Юрієм - на честь Олександрового брата. Любили Олександр, яка любила шкільницю, і писала Криско, Гомін та інші відсутності мисли де є чоловіком Мана Бока, а теж інші чудові Карпати. Ми всіма манурачіві інших групам. Промаканим вимено була Олена. Останньою вістку про Оленку я мала в 1948 р. Мені розповіли, що Оленку зловили більшовики з гранатою в кишені яку мала кинути на об'єкт МГБ і, подібно, її вбили. З того часу я мовчала за її душу. Швидко за роками посередництвам в з нею знову знайшла контакт. її листи, в яких описала своє життя, а теж історія її життя описана в часописі, наповаляли мою душу всіляким жалем та повери то якесь іскра сподівання пробивалися в моїй душі, що моє скривлене життя ще врятувало її життя від розстрілу. Це, може, і єдина, хоча несвідомо, моя відплата за її добре серце, її безстрашну щирість до мене в часи нашої молодості. Вістка про її смерть знову наповаляла болем мою душу, бо я робила планів вкося ще зустрітися з нею, подивитися ще на її чудові очі, попити доброту, обняти знеможливі переживаннями та змореною тіло. Та сталося інакше, Бог забрав її...

Пане Микола! Не знаю, чи пригадується Вам це, що написала про Оленку і чи когось вдалось зайняти цей Ваш чудовий задум про видання її споминів. Знаю, що там і галія і друг дуже дорогі, тому хотіла б знати приблизно скільки це мало б коштувати в долларах. Я Вам признюся, що я не багата, бо грошей в банку не маю, грошей, яку дають по чоловікові, може б і не вистачило на життя, коли б не допомогла мені моя дочка Христина. Життя в Аргентині дуже дороге. Але коли б це на долларах вийшло не багато, я відмовила б собі кожного місяця гроші, щоб купити пару доларів і відслати на це видання. Крім цього, гроші в Україну можна послати тільки за посередництвам когось хто ще в Україні і хоче їх вити. Тому чекаю Вашої відповіді в цій справі. А чи написала Вам Лілія про те, що я до неї написала в Канаду?

З прихилом Великодня бажаю Вам Веселих Свят - ХРИСТОС ВОСКРЕС!
Дякую Вам щиро і щиро. Маруся з родиною.

Солово, квітень 1996 р.

Алла Макарова:

*«...прожившая 48 лет под
чужой фамилией бывшая но-
рильская каторжанка вернула
себе подлинное имя...»*

48 літ з чужим прізвищем

Олена Юрчинська
(1943 р.)

мить зміркувала, що для неї, чію сестру - провідницю ОУН - замордували в тюрмі, а батька вивезли Бог вість куди, так буде краще, і головне - для двох братів і улюбленої молодшої сестри, заляяних, як і вона, в підпільній боротьбі. На 48 років вона перетілилася у Марію Луцак.

А починалося життя Олени Юрчинської у Чорткові. У тому далекому часовому вимірі сягнув аж до самісінької Млинівки розлогий овочевий сад, і нічого чудеснішого не було, як шубовснути у серетове

“Вони бігли за мною і кричали “Стої!””. Почали стріляти, кулі свистіли біля вух. Мала я із собою гранату, хотіла розбезпечити, але - не знаю, чи вона була несправна, чи я щось не правильно зробила - граната не вибухнула. Я кинула її під ноги і бігла далі, а в кінці опинилася в їхніх руках...”.

Від жовтневого дня 1944 р., коли це сталося, вона перестала бути сама собою - Оленою Юрчинською з Чорткова. Їй було 23 роки. Та життя, що вмістилося у цей термін, закінчилося разом з її іменем і батьківським. В одну

Її подруга - справжня
Марія Луцак (1943 р.)

*Елена Юрчинская и подруга Елены Мария Луцак,
чье имя Е. Юрчинская носила 48 лет. 1943 г.*

Много лет храню в своем архиве тонкую тетрадочку с надписью на обложке: «ЗДЕСЬ ПИСЬМА МАРУСИ ЛУЦАК». Я никогда не знала лично эту женщину. Просто однажды услышала о ней от Нины Фоминичны ОДОЛИНСКОЙ — бывшей узницы норильских лагерей. Маруся Луцак была ее лучшей подругой и в лагере, и после освобождения, и в годы ссылки, и после реабилитации обеих «за отсутствием состава преступления». Судьба не раз разлучала их, но с помощью писем они упорно искали друг друга и находили вновь.

Их переписка продолжалась до середины 90-х годов прошлого века.

Как раз тогда я и познакомилась с Н.Ф. Одолинской (это произошло в Москве, на первой совместной конференции бывших узников советских и фашистских концлагерей). После конференции Нина Фоминична пригласила меня часть отпуска провести у нее в Одессе. Ей хотелось подробно расспросить меня, газетчика, о Норильске сегодняшнем и показать свою недавно законченную рукопись о годах неволи: Одолинская в юности побывала и в немецком плену, и в советских лагерях (7 лет — в Норильске, 3 года — в Воркуте).

Конечно, я согласилась, и вскоре на две недели мы с дочкой сняли комнату в ее скромном домике на окраине, в окружении старых яблонь. То лето было ненастным: то и дело моросил дождь, а ночью было слышно, как яблоки со стуком падали на крышу домика и скатывались наземь. По вечерам, после прогулок по паркам и набережным Одессы, уложив маленькую дочку спать, я слушала рассказы Нины Фоминичны о ней, о ее подругах и друзьях. Каждая рассказанная

история казалась жуткой, невероятной — как же мало мы знали тогда (да и сейчас много ли больше?) о первостроителях «жемчужины Заполярья», о засекреченном лагерном прошлом Норильска. Я задавала множество вопросов, переспрашивала, пыталась во всем разобраться.

— Осенью 1945 года нас, каторжанок, привезли на 102-й километр строить аэродром Надежда, поселили в брезентовых палатках — «стены» хлопали на ветру, а пола не было, — негромко рассказывала Нина Фоминична. — Умываться конвой водил нас партиями к ручью...

— Постойте, кто такие каторжане? Они тоже были в Норильске?

— Конечно. Тысячи каторжан — мужчин и женщин! В 1945-м в Норильск привезли два этапа каторжанок. «Изменниц Родины» и «пособниц врага» помиловали — вместо высшей меры наказания, то есть расстрела или повешения, молодым женщинам, девушкам давали огромные лагерные сроки, чаще всего 20–25 лет каторжных тяжелых работ (КТР). Таким образом каждую из нас лишили будущего, семьи, любви... В каторжном лагере на что-то могли еще надеяться мужчины, если выживут после 25 лет наказания. А женщины? Почти ни у кого после освобождения не сложилась семья, почти все одиноки, бездетны, так же как и я...

О том, что в Норильске были каторжане, я тогда услышала впервые. Собственно, журналисты любой подневольный труд привыкли именовать каторжным, то есть тяжелым, невероятно трудным для заключенных. Но были, оказывается, среди наших лагерников и самые настоящие каторжане, ведь советская власть в 1943 году восстановила каторгу, отмененную Временным правительством еще в марте 1917 года.

В то же лето в Государственном архиве РФ я нашла материалы о том, что Норильлаг принял первые этапы каторжан (практически одновременно с воркутинскими и дальневосточными лагерями) еще до

окончания Великой Отечественной войны. Это были «безнадежные» заключенные, не имевшие права на амнистию или поощрения за добросовестную работу, носившие номера, кандалы и полосатую одежду, как на царской каторге. Им запрещался даже такой «легкий» труд, как, например, шахтерский, — ведь под землей тепло, а каторжан обрекали на самые физически тяжелые работы, и обязательно на «открытом воздухе». Например, женщины-каторжанки добывали щебень со дна тундровых озер и тачками вывозили на погрузку в вагоны. Они были обязаны трудиться при любой погоде и не имели права на активировки. К тому же их рабочие смены были длиннее на час-два, чем у обычных заключенных. Каторжан помещали в дальние закрытые лагеря, запретив общение не только с вольным населением, но даже с другими заключенными. Им не полагались книги, газеты, журналы, радио, запрещались переписка с родными и даже хранение собственных фотографий...

Слушая рассказы Нины Фоминичны Одолинской, я пыталась понять: за что их подвергли такому суровому наказанию, за что называли «особо опасными государственными преступниками» и «пособниками фашизма»? Даже в 1990-х годах все мы были уверены, что «у нас зря не посадят». Что-то должно было скрываться за этой статьей — 58-1 «а», какая-то конкретная вина? Нина Фоминична усмехнулась:

— Вывезти в Германию должны были маму, ее фамилия стояла в списке. Вместо нее поехала я. Потом в контрразведке 4-го Украинского фронта в моем деле записали: «В Германию поехала добровольно, значит, налицо измена Родине». Там, в концлагере, после неудачного побега я тоже «добровольно» дала согласие учиться в немецкой школе разведчиков-пропагандистов. Ради чего? Хотелось вернуться на Родину любым путем. После окончания немецкой школы с ребятами из группы договорились, что сразу после переброски за линию фронта явимся в «Смерш». Так и сделали. Только на Родине нам не поверили. Меня

осудили как «немецкую шпионку», приговорили к высшей мере наказания, а затем расстрел заменили 20 годами каторги...

— А у ваших подруг тоже статья 58-1 «а»? За что их судили?

— Многие украинские девушки жили на оккупированной немцами территории, по понятиям чекистов, это тоже «измена Родине». Некоторые, особенно из западных областей, были подпольщицами, помогали освобождению своей земли от оккупантов. Они боролись за независимость Украины. Вот за это мою подругу Марусю Луцак судили как члена Организации украинских националистов (ОУН). В чем обвинили? Якобы она хотела взорвать какой-то важный объект. На самом деле она, убегая при аресте, себе под ноги бросила гранату, чтобы не попасть в руки чекистов живой, но граната почему-то не взорвалась, и ее схватили. Маруся — бандеровка. Вы знаете, что в этом движении было два крыла: те, кто применял оружие, и те, кто боролся словом и считал террор недопустимым? Так вот она из тех, кто был против вооруженной борьбы с врагом. При аресте не растерялась — назвалась чужим именем, поскольку случилось все это в соседней области, где ее никто не знал.

— Но я не понимаю, зачем она назвалась чужим именем?

— Да чтобы не навлечь беду на своих родных, чтобы их не тронули. Тогда ведь было так: родителей, сестер, братьев арестованного отправляли в ссылку, имущество описывали, чтобы конфисковать. Ради своих родителей, младших братьев и любимой сестренки она это сделала.

— А как же потом — в лагере и после?

— Молчала. Хранила свою тайну. Правду о ней чекисты так и не узнали. Она и в 6-й зоне Горного лагеря жила под чужой фамилией, и в Озерном лагере, и в Мордовии в ссылке, и после освобождения паспорт ей выдали на имя Марии Ивановны Луцак.

— Удивительная история... И до сих пор она жи-

вет под чужим именем? Ваша подруга придумала его или существовала какая-то Маруся Луцак на самом деле?

— Кажется, настоящая Маруся Луцак умерла или уехала куда-то очень далеко...

В один из вечеров Н.Ф. Одолинская принесла сохранившиеся письма своей подруги. Я попросила прочесть два письма из Дубравного лагеря — туда Марусю Луцак отправили после норильского восстания 1953 года с этапом активных участниц событий (а Нину Одолинскую еще раньше, в 1952 году, перевели в Воркуту, и девушки надолго потеряли друг друга, но все же письма отыскивали адресата). Маруся писала по-украински, тексты переводила и комментировала Нина Фоминична Одолинская, а я записывала в тонкую тетрадку:

«Дорогая Ниночка, ты меня очень обрадовала своим письмом. Я не надеялась, что открытка, которую я послала твоей матери, дойдет, так как не была уверена, верно ли запомнила адрес. Прошло немного лет, как мы расстались, но они принесли так много перемен в наши жизни! Мне интересно знать о тебе все до подробностей: осталась ли ты такой, как была? Знаю, что пережитое оставляет свой отпечаток, но многое зависит от обстоятельств и окружения, — люди меняются. Очень хотела бы тебя видеть, с тобой наговориться. А мне есть что рассказать, но вместить в эти несколько страниц письма можно так мало, даже не знаю, с чего начать писать.

Ты спрашиваешь, как я очутилась здесь? После 1953 года, после всего пережитого, которое отразилось на всей моей семье, отправили нас на Тайшет, а через девять месяцев сюда, в Мордовию. Рада, что вырвалась из старого места, из Норильска, потому что там было невыносимо, больно жить по-старому и мириться со всем этим. Там, где все пережито, там тяжелее, так как напоминает о том, что все продолжается по-старому, а мы бессильны. Люди все остаются людьми и из-за маленьких облегчений в их судьбе

забывают об основном. Ниночка, не знаю, можешь ли ты меня понять, это зависит от того, знаешь ли ты про меня и мою семью. Рада, что мы связались, надеюсь, что сейчас молчания между нами не будет. Я долго ждала, что ты дашь о себе знать, а потом уже потеряла надежду.

...Теперь о наших всех. Сюда приехало нас много, но потом всех разбросали в разные места. Со мной тут Билык, Липаньска, Василишина, Омельян, Туманьска, Заячківська, Голуб, Петрацук, Тещук, Лугичко — всех не перечислить. Многие разъехались домой вольными из нашего давнего «колхоза» (Норильска), уже где-то человек 60. Все они по-своему живут, большинство там выходят замуж. Некоторые и отсюда уехали домой: Заречиньска (отправили на высылку к родителям), Степанюк (Мария, бригадирша), Жишко Верочка. («Наша каторжанка, Прапорщица — так девушки ее называли за то, что она сняла черный флаг восстания и спрятала, чтобы не отдать солдатам. Вера была потом на вольной высылке в Красноярске, писала Марусе», — прокомментировала Н.Ф. Одолинска.)

...Из моих ближайших подруг со мной тут Аврамчук Маруся, а самая для меня сейчас близкая — одна знакомая еще с воли, Ира, встретились мы с ней тут после десяти лет разлуки, живем, как сестры. Других подруг навещаю по воскресеньям. Все пережитое собрало нас в одну семью, вместе празднуем все праздники, всегда сходимся попеть и повспоминать о пережитом.

А в общем-то все надоело до невозможности. Большинство работает здесь в швейных цехах. Меня выручила и спасла от этой работы сломанная рука да палец-калека. («Руку поломали ей во время подавления забастовки, да так и повезли в тюрьму, затем переправили этапом в Красноярск и Тайшет, и тоже без врачебного осмотра», — снова прокомментировала Нина Фоминична Одолинская.)

Я даже рада, что так случилось, — не хотелось садиться за машинку и становиться ее рабом. А так

я хожу за зону и бываю на разных работах. Теперь сеем морковь, свеклу и т.д. Хоть иногда тяжело, да на свежем воздухе, и тут никто не стоит над тобой. Работаю по силе своей, выполнять норму сейчас уже не могу и не думаю.

Вся радость для меня — это почта, которая у меня очень богата. Пишут изредка из Коломны. Связалась и с сестричкой Славой, от нее письма получаю часто. Она продолжает находиться в Магадане. Работа тяжелая, но она здорова и хорошо держится, из писем вижу, что бодрее меня. Я сдаю, пала духом, не отношусь к пессимистам, но так часто впадаю в какую-то апатию — ничего абсолютно не хочется и все немило. Немного плаксой стала.

Ниночка, когда же вырвемся из этого туго завязанного мешка?!

Буду ждать от тебя письма, что тебе интересно и про кого — спрашивай. Меня называют Информбюро — со всеми держу контакт и про всех знаю. Жду, что напишешь. Целую тебя крепко, моя незабываемая Нинуся, и желаю скоро оставить чужбину и отправиться в гости к своей старой матусе. Прощай. Маруся».

Как много нового рассказали мне эти строчки об участниках норильского восстания и о самой Марусе Луцак! И как жаль, что я не поехала тогда повидаться с этой удивительной женщиной, ведь Н.Ф.Одолинская готова была сообщить мне и адрес своей подруги, и ее настоящее имя. Но отпуск заканчивался, пора было нам с дочкой возвращаться в Норильск.

Я не ведала еще, что буду долго хранить тонкую тетрадочку с надписью на обложке: «ЗДЕСЬ ПИСЬМА МАРУСИ ЛУЦАК». А ее история получит продолжение в 2003 году, когда в одной из московских библиотек я, листая украинские газеты и журналы, встречаю знакомую фамилию, прочту письмо настоящей Маруси Луцак из Аргентины и узнаю, что прожившая 48 лет под чужой фамилией бывшая норильская каторжанка вернула себе подлинное имя — Елена

Остаповна Юрчинская, по-украински Олена Евстахивна Юрчинская. С этим именем она, правда, прожила недолго и после смерти была похоронена на Украине, в родном городе Чорткове Тернопольской области, где есть теперь улица Юрчинских и культурный центр в их бывшем доме. Так пожелала она в своем завещании, опубликованном в газете «Голос народа» (г. Чортков) 9 апреля 1994 года:

«Дорогие чортковчане! Я, Юрчинская Олена-Корнелия Евстахивна, бывшая жительница города Чорткова, политзаключенная большевистского режима в 1944–1955 годах, обращаюсь к вам, гражданам моего родного города.

Я — единокровная представительница семьи Юрчинских, которая дожила до сегодняшнего дня. В разные годы умерли моя мать Мария Юрчинская (из рода Бахталовских), старший брат Софрон, Богдан. Погибли трагически в борьбе с большевистскими захватчиками сестра Надя, братья Юрий, Роман. От болезни, нажитой за время 10-летнего пребывания в сталинских тюрьмах и лагерях, оборвалась преждевременно жизнь моей младшей сестры Мирославы. Вывезенный в 1941 году в Сибирь, погиб в ссылке отец Евстахий (Остап) Юрчинский. После 11-летнего пребывания за колючей проволокой я, Олена Юрчинская, поселилась в городе Львове. Я добилась реабилитации и возвращения своей подлинной отчей фамилии, потому что с момента ареста аж до 1992 года жила под чужой фамилией и именем.

Дорогие мои земляки! Чужаки, которые дважды приходили на землю моих родителей, в 1941 и 1944 годах, не только уничтожили моих родных и не только искалечили судьбы остальных членов семьи. Они создали такие страшные условия, такие крючкотворные законы и такую бесчеловечную мораль, что до сегодняшнего дня справедливость и человечность понапрасну ищут себе пристанища, как те бездомные сироты...

Из-за названных причин жена моего брата, погибшего руководителя ОУН Юрия Юрчинского, пани О. Юрчинская, не может доживать свой век в старенькой отцовской хате в городе Чорткове. По этим же причинам я не в силах, как наследница своего отца, вернуть имущественное право на дом, где я проживала до 1944 года со своими родными в городе Чорткове, на улице Школьной. Между тем возвращение отцовского имущества, которое по законам справедливости мне принадлежит, не является важным для меня само по себе. Моя цель — передать это здание в распоряжение городских властей. Подтверждением серьезности моего намерения служит завещание от 16 июля 1992 года, переданное Чортковской городской раде. Я готова сделать поправки, уточнения в завещании относительно характера использования здания, о котором идет речь. Дом Юрчинских должен использоваться для гражданско-культурных потребностей города (например, для деятельности Союза украинок, товарищества «Просвет», для музея ОУН и так далее). Приоритетное право на часть дома Юрчинских должно принадлежать отделению Союза украинок имени Нади Юрчинской.

В память о членах моей семьи, отдавших жизни и бескорыстно служивших Украине во имя национальной идеи, которой я тоже посвятила себя с юных лет, обращаюсь к равнодушным гражданам Чорткова, представителям органов власти, специалистам права, общественности, духовным деятелям с просьбой помочь осуществить мое намерение.

Олена ЮРЧИНСКАЯ».

Тайну имени, которое столько лет носила Елена Юрчинская, раскрывает письмо настоящей Марии ЛУЦАК-ПРОКОПОВИЧ редактору газеты «Голос народа» (апрель 1996 г.). На двух фотографиях — Оленки Юрчинской и Маруси Луцак в детские годы — видно, как внешне похожи были эти девочки. А в строчках письма из далекой Аргентины присутствуют

и скорбь об умершей подруге детства, и грустные воспоминания о Родине, и слова любви к той, которая скрашивала долю сироты в монастыре:

«...Расскажу Вам кое-что из своей биографии. Кто такая Мария Луцак, можно было бы ответить одним лишь словом — это маленькая, незаметная девочка, сиротка без роду и судьбы, которая не знала своих родителей и воспитывалась в сиротстве в монастыре Святых Василиянок. Но эта девочка имеет свою историю жизни, хоть и не богатую блестящими событиями, но все же историю, которая в определенный период жизни тесно связана была с покойной Оленкой. Родители мои умерли, когда я была совсем маленькой, отца вообще не помню, а маму представляю на катафалке в бронзовом платье — этот образ так врезался в мою память, что я потом всю жизнь не любила бронзовый цвет и никогда его не носила. Это было в Золочеве, меня забрали в монастырь Святых Василиянок, и там я прожила некоторое время.

...Поскольку за нас платил наш великий митрополит Шептицкий и нашу судьбу мы сами не решали, то однажды нас, сироток (которые были все печальны, безрадостны), перевели во Львов, в монастырь Святых Василиянок, которые вели Захоронкарский семинар, чтобы мы приобрели практику, получили специальное образование, которое пригодится в жизни больше, чем гимназическое. И там же в первый год учебы я познакомилась с Оленкой, которая по призванию пошла учиться в Захоронкарский семинар. Оленка была сирота по маме, но имела отца, сестру, брата. Отец был адвокатом в Чорткове и в то время, можно сказать, богатым человеком. С Оленкой мы подружились сразу, с первого дня нашего знакомства, и оно постепенно превратилось больше чем в дружбу, мы как будто стали родными сестрами.

На время каникул Оленка брала меня к себе в Чортков, где я узнала ее отца, сестру Надю, брата Юрия. Здесь я впервые ощутила, что имею семью, что я не круглая сирота. Оленка была мягкой натурой,

имела доброе, щедрое сердце, а при этом была великая патриотка. Должно быть, еще в семинарии она вступила в члены ОУН, так же как ее брат и сестра. Она была отважной и не раз подвергала свою жизнь опасности, а когда я ей сказала, чтобы берегла себя, то она с усмешкой ответила, что хочет работать ради Украины, как ее брат и сестра. Как я говорила, Оленка была очень доброй и чуткой к людской беде, она помогала нуждающимся сиротам, а мне не раз одалживала свою лучшую одежду, чтобы я могла пойти на школьные развлечения и немного разнообразить свое грустное и безрадостное житье.

Уже после окончания семинара, на каникулах, в ее доме я познакомилась с таким же честным и патриотично настроенным юношей Романом Прокоповичем, который стал моим мужем. В ее доме справили нам свадьбу, где она и ее сестра были моими подружками, а ее отец заменил мне отца. Когда родился мой сын, я из любви к их семье назвала его Юрием — именем Оленкиного брата. Благодаря Оленке, которая любила путешествовать, я узнала Крылос, Гошив и другие святые места, где есть чудотворная Божья Матерь, а также наши чудные Карпаты. Мы всюду путешествовали пешком группами. Проводником нашим была Оленка.

Последнюю весточку о ней я имела в 1944 году. Мне рассказали, что большевики поймали Оленку с гранатой в руке, которую она хотела кинуть на объект МГБ, и, кажется, ее убили. С того времени я молилась за ее душу. Благодаря Вашему посредничеству я с нею снова завязала контакт. Ее письма, в которых она рассказала про свою жизнь, а также история ее жизни, описанная в газете, наполнили мою душу великой скорбью, но все же какая-то искорка радости пробивалась в душе — ведь мое скромное имя спасло ее от расстрела. Это, может быть, единственная, хоть и нечаянная моя плата за ее доброе сердце, ее безоглядную щедрость ко мне в дни нашей молодости...

Маруся с семьей».

Кое-какие детали о послелагерной жизни Елены Юрчинской добавил очерк Андрея Базалинского из той же газеты «Голос народа». Бывшим каторжанам было очень трудно вернуться на родину: не прописывали, не давали работы. По законам советского времени им нельзя было находиться в приграничной зоне. Но домой стремились все, соглашаясь на любую работу. Андрей Базалинский пишет: «Мария Луцак зарабатывала на кусок хлеба тем, что травила мух на помойках (какую еще работу она могла получить от «вызволителей», выйдя из-под стражи?). Потом удалось поступить в музыкальную школу (она имела кое-какие начальные знания и умения еще с довоенной жизни Олены Юрчинской), позднее окончила Дрогобычское музыкальное училище и работала до пенсии на преподавательской работе, передавая знания молодежи». Я прикинула, сколько лет ей могло быть, когда она поступила в музыкальное училище: арестована в 23 года, в 1944 году, из лагеря освободилась в 1955-м, дальше ссылка, безуспешные попытки вернуться на родину, борьба с мухами на помойках... И наконец возвращение в мир музыки — примерно в сорок лет или того больше. Поразительное мужество и стойкость, удивительный характер, необыкновенная любовь к родине и ее культуре!

С особенным интересом читала в очерке Андрея Базалинского все, что рассказывала Маруся Луцак о каторжном лагере в Норильске и восстании политзаключенных в 1953 году, в котором она, судя по всему, активно участвовала. К сожалению, этому событию посвящено мало строк, главным образом рассказывается о штурме женской зоны военными и пожарными в ночь на 7 июля и подавлении сопротивления: «...вошли в зону войска и пожарники в своем снаряжении. На девчат обрушились сильные струи воды из брандспойтов. Струи воды сбивали с ног, но девчата стояли над рвом сплошным строем в несколько рядов, сменяя друг друга, а кто-то даже, сорвав с крыши брезент, использовал его как свое-

образный щит. После такой «водоподготовки» на безоружных девчат кинулись солдаты с шомполами. Били нещадно куда попало. Многие падали от ударов и оставались лежать, всех остальных оттесняли в противоположный край зоны.

Даже в такой трагической ситуации запомнился комичный момент. На центральном бараке во время забастовки был поднят черный флаг. Добравшись до барака, солдаты хотели его сорвать, и один из них забирался по лестнице на крышу, а девчата, схватившись руками за его сапоги, повисли на нем и весом своего тела тянули его вниз. В результате нас всех выгнали за зону, в тундру, где мы, мокрые, усталые, окруженные войсками, попадали на землю...»

И ни слова о том, что в эту ночь при штурме зоны Марусе Луцак сломали руку и покалечили палец, ни слова о Марийке Нич, которая сумела уронить лестницу и за это была избита солдатами, ни слова о Прапорщице — Верочке Жишко, которая спрятала флаг восстания и на себе вынесла его из зоны каторжанок... Великая скромность или великое умение хранить тайны до поры, когда можно будет рассказывать о деталях?

Помнится, на той конференции в Москве, где мы познакомились с Н.Ф. Одолинской, один из бывших норильских заключенных читал стихи:

О люди, люди с номерами!
Вы были — люди, не рабы!
Вы были выше и упрямей
Своей трагической судьбы...

Теперь строчки эти постоянно в моей памяти связаны с гордым обликом и трагической судьбой бывшей норильской каторжанки Маруси Луцак — украинской патриотки Елены Остаповны Юрчинской.

Валентина Петровна Вачаева

*Музей истории и освоения
Норильского промышленного района*

Валентина Вачаева:

*«... мне довелось читать столько
исповедей...»*

Валентина Петровна Вачаева в Сочи

За 20 лет работы в Музее освоения и развития Норильского промышленного района мне довелось читать столько исповедей, которые потрясали, удивляли, ужасали и восхищали. Поразительно мужество Человека в нечеловеческих условиях...

В 1989 году в норильском музее состоялся вечер, который назывался «Свеча милосердия», а посвящен он был медикам Норильлага. Зигурд Генрихович Людвиг, Серафим Васильевич Знаменский и Игорь Борисович Паншин не только поделились воспоминаниями о работе в Центральной больнице лагеря, но и каждый из них поведал историю своей жизни, насколько это было возможно за 30–40 минут.

Они очень разные, эти люди, и по-разному говорят о прошлом: доктор Людвиг — с глубокой болью, доктор Знаменский — с налетом философии, доктор Паншин — с элементом самоиронии. Их объединяет то, что они были, есть и будут, пользуясь выражением Игоря Борисовича, людьми определенного морального уровня. Часто от них зависела жизнь и судьба това-

ПРИКАЗ № 430

В целях улучшения лечебной работы... и обеспечения заключенными специализированной медицинской помощи приказываю:

организовать Центральную больницу в составе трех отделений — терапевтического, хирургического и инфекционного;

передать под Центральную больницу стационары 3-го и 4-го лаготделений и дом № 14 на Заводской ул.

Начальником Центральной больницы назначить врача вольнонаемную Слепцову Александру Ивановну.

Старшим ординатором терапевтического отделения назначить врача заключенного Розенблюма Захара Ильича.

ВОЛОХОВ.

14 декабря 1939 г.
пос. Норильск.

рищей по несчастью. В «Медицинской газете» Давид Кугультинов вспомнил еще одного лагерного доктора, Антона Иосифовича Янулявичуса, интеллигента и умницу, добившегося, чтобы Кугультинова перевели в лагерную больницу, и тем спасшего жизнь поэту.

Вчитайтесь в три исповеди, общим действующим лицом которых стала Центральная больница норильского лагеря, организованная 14 декабря 1939 года.

Зигурд Людвиг:
«...Я БЫЛ ОСУЖДЕН И ЭТА-
ПИРОВАН В НОРИЛЬСК...
К МОЕМУ СЧАСТЬЮ»

Родом я из Брянска, учился в 1-м Московском медицинском институте. С началом войны, будучи студентом 5-го курса, был выслан вместе с семьей, работал в колхозе, потом была мобилизация в трудовую армию: Челябинск, Бакалстрой, медсанчасть... Затем решением Особого Сопещения я был осужден и этапирован в Норильск... к моему счастью. Я это говорю совершенно серьезно, потому что, если бы я не попал в Норильск, может быть, я и не жил бы сейчас. Пусть мне простят мой дрожащий голос, потому что старость и склероз выражаются в повышенной чувствительности, а мне 70 лет.

Центральная больница лагеря, в которой я имел честь работать, для меня началась в Красноярской пересылке, на станции Енисей. Туда приехали Сергей Михайлович Смирнов, зам. начальника санитарного отдела, и Вера Ивановна Грязнева, врач, произвести отбор, чтобы не везти в Норильск тех, кто к Северу негоден. Медикам пересылки Смирнов прочел доклад о кишечных заболеваниях, а Грязнева рассказала об организации лечебного дела в Норильлаге.

По моей просьбе хирург Виктор Алексеевич Куз-

нецов, такой же зэк, как и я, в процессе вскрытия трупов обучил меня тонкостям некоторых неотложных операций. Но учил меня не только он...

Уголовники учили «бескорыстию»: подходили группой к политическому, предлагали снять хорошую одежду, обувь. Тех, кто цеплялся за свое имущество, забивали до смерти досками, оторванными от нар. В результате «пожертвований» я стал ходить в кальсонах, выкрашенных химическим карандашом, в изношенном полупальто, в шапочке, связанной мною из ниток, выдернутых из старого одеяла. Тощий, небритый, я казался стариком, и когда пришел на доклад Смирнова бритым, он не узнал меня: «А где старичок в синих штанах?»

Перед отправкой очередного этапа в Норильск появилась масса симулянтов и членовредителей. Заключенные засыпали себе в глаза порошок, сделанный из химического карандаша (и часто слепли), пили «химию», курили разные смеси из лекарств и снадобий, полученных за проволокой, чтобы вызвать болезненные явления. Медики были между двух огней, ибо начальник хотел побольше отправить этапом на Север.

В конце сентября 1943 года с последним этапом меня на «Серго Орджоникидзе» отправили в Дудинку. Охрана отобрала у нас, двух медиков, во избежание нарушений все инструменты, а в трюме находился больной с распухшей щекой, изнемогающий от зубной боли и лихорадки. В Китае народные лекари рвут зубы пальцами, которые упражняют с детства. Соображаю: «У всех авитаминоз, зубы держатся слабее, чем у здоровых. Значит, только чтобы не укусил!»

Принял меры — и зуб у меня в руках! Больной сплевывает гной с кровью и шепчет: «Как хорошо!»

В Дудинке нас всех гоняли на лесобиржу, чтобы вытаскивать бревна из воды и подавать к подъемнику. Возвращались мокрые. Едва хватало сил подняться на обледенелый крутой берег.

В Норильске меня отправили на рудник открытых работ (РОР), в 10-е лаготделение. Я получил

барак стационарных больных. Вел амбулаторный прием вечером после работы и утром перед разводом с хирургом Угаровым и терапевтом Бернфельдом (из Польши). Главными заболеваниями были переохлаждение и пневмония. В холодную погоду поступало по восемь–двенадцать больных, двое-трое к утру умирали.

Переохлажденным кроме всего прочего внутривенно вводили раствор глюкозы-фруктозы, который готовили в бактериологической лаборатории санэпидемстанции. А для лечения цинги применяли густой хвойный экстракт и напиток из дрожжей и отрубей. Эти средства получал каждый заключенный. СЭС строго следила за содержанием витаминов в «квасе». Вскоре тяжелые формы цинги, пеллагры, бери-бери и других авитаминозов практически перестали встречаться.

В стационарах давали импортную аскорбиновую кислоту, но она полностью не излечивала, а только ослабляла цинготные явления. Секрет успеха хвои и весенних ольховых листьев — в сочетании необходимых факторов.

Помню, как медиков РОРа и других лаготделений собирали на конференции. Доклады читали врачи ЦБЛ Леонард Бернгардович Мардна, Захар Ильич Розенблюм и др.

Однажды я стал жертвой коварства. Врач кислородной станции привез на санях и спихнул мне больных с фальшивыми диагнозами. Чтобы разместить их в переполненном стационаре, пришлось делать внеплановую выписку. Один из выписанных в белье при сорокаградусном морозе побежал через все лаготделение к начальнику Шошкину, который люто ненавидел медиков, и тот, не вникая в суть дела, приказал водворить меня в штрафной изолятор на 10 суток. Штрафников водили строить дорогу за горой Шмидта. Норма на день: накайлить 50 тачек грунта и вывезти на расстояние свыше 50 метров. Я выбился из сил и на обратном пути не поспежал за бригадой. Меня оставили одного. Я шел и внушал себе: «Если

упадешь — умрешь». Когда доплелся до вахты, то увидел всю бригаду: ее не пускали в зону без меня. Накинулись, избили...

После ШИЗО меня перевели в 7-е лаготделение, обслуживавшее промплощадку никелевого завода. Начальником санчасти была юная В.П. Проходная, ставшая впоследствии Рознатовской. Здесь же я познакомился с прибалтийскими медиками. Санчасть была хорошо оснащена, уровень обслуживания больных много выше, чем на РОРе.

В связи с эпидемией венерических заболеваний и нехваткой специалистов меня отправили на стажировку. Поликлиника вольнонаемных и ЦБЛ на улице Заводской соединялись галереей. Рядом находилось 5-е лаготделение. В одном из его барakov я и жил. При отделении была поликлиника, в которой принимали больных и врачи ЦБЛ. Они жили в улучшенном бараке, а ведущие медики (Л.Б. Мардна, В.А. Кузнецов, П.Е. Никишин) — в комнате при морге. Морг был научным центром со своим анатомическим музеем. После работы в морге собирались, чтобы почитать, поиграть в шахматы, побеседовать за вязанием веревочных шапочек для продажи.

Здесь же работали курсы для средних медработников. Павел Евдокимович Никишин, заведующий моргом, организовал занятия на очень высоком уровне. Кстати сказать, освобождавшиеся из лагеря медики жили при морге месяцами, ночуя на столах вскрытия, а потом уже расходились по найденным местам обитания: балкам, баракам, производственным помещениям.

Каждое утро конвой отводил заключенных на работу в поликлинику, а вечером приводил обратно в ЦБЛ.

В венерологическом кабинете работала Анна Родионовна Зубкова, научившая меня диагностике сифилиса, но еще больше показала, каким высоко нравственным человеком должен быть венеролог. В минуты затишья я уходил к Илье Захаровичу Шиш-

кину, который позволял мне выполнять некоторые лечебные процедуры самостоятельно. Вечерами заглядывал в палаты к Станиславу Игнатьевичу Туминасу, специалисту по различным осложнениям, особенно связанным с плохой переносимостью мышьяка и ртути. Антибиотиков тогда Норильск не получал.

После стажировки мне выделили два барака амбулаторных больных и два дизентерийных барака, поручили делать осмотр всех прибывающих с этапом, периодические проверки женских зон. Спустя годы я с удовлетворением узнавал, что мои больные, прошедшие полный курс лечения, выздоровели и имели здоровых детей.

Осенью 1945 года меня назначили начальником санчасти на рудник 3/6. Стационар там вел врач С.В. Знаменский, так что мы с ним знакомы 44 года, а с биологом И.Б. Паншиным — 43, со времени моей службы в санэпидемстанции, где я участвовал в организации бактериологических анализов и анализов крови на наличие венерических заболеваний. В СЭС работали очень сильные специалисты: химик А.К. Пиккат, бактериолог А.И. Душин...

После ухода в вольный сектор С.И. Туминаса меня перевели на его место в ЦБЛ, где я получил несколько палат в главном корпусе и несколько коек в бараках для терапевтических больных. В.И. Грязнева прилагала много усилий для развития ЦБЛ. Начальник САНУ А.А. Золотарский, его заместитель С.М. Смирнов полностью поддерживали Грязневу. Кроме Веры Ивановны начальниками ЦБЛ работали Е.И. Урванцева, О.И. Атарова, Г.А. Попов...

При больнице были подсобные хозяйства: теплица, свинарник, мастерские, прачечная, пошивочная, был здесь и свой конференц-зал. В 1948 году ЦБЛ с улицы Заводской переехала в новую зону, под рудник 3/6, сейчас засыпанную отвалами «Медвежки». На новом месте фонд коек возрос до 500.

В ЦБЛ поражал подбор кадров: ни одной санитарки без образования! Кочегаром в котельной

работал эстонец*, бронзовый призер Олимпийских игр 1936 года по борьбе. Санитаром в морге работал В.Н. Дмоховский, в прошлом, до революции, офицер, а после лагеря преподаватель физики в старших классах норильской школы. (Его дочь Мария Владимировна в 1949 году стала окулистом в ЦБЛ и в больнице для вольнонаемных.) Медсестра Е.А. Керсновская, агроном и художница, знала одиннадцать европейских языков.

Врачи, отбывшие заключение, то оставались работать в системе лагеря, то переходили в вольный сектор, поэтому четкой границы между больницей лагеря и больницей поселка не было.

Большинство врачей ЦБЛ читали медицинскую литературу на иностранных языках, при больнице поселка была хорошая библиотека, которой пользовались и врачи-заключенные. Ведущие врачи охотно делились знаниями с менее опытными коллегами. Окулист Альфред Янович Дзенитис разрешил мне помогать на его приемах, а потом привлек к участию в глазных операциях. У него же учились В.И. Грязнева и М.В. Дмоховская. Ф.М. Даугирдас прошел курс у Н.Н. Сухорукова, а потом передал мне практические приемы обследования и лечения лорзаболеваний. Позднее нашли пособие «Пур пратисьен» («Для практиков») и через полгода беспощадного обучения у Е.А. Керсновской я стал свободно читать французские тексты и говорить почему-то с гасконским акцентом.

Упражнения на трупах у добрейшего П.Е. Никишина сделали меня уверенным в своих силах. Позднее пришли книги русских специалистов, и я стал делать ювелирные операции. Например, восстановил голоса двум женщинам подсадкой кусочка реберного хряща под парализованную голосовую связку. Они заговорили прямо на операционном столе. Голос я им настраивал, как музыкальный инструмент, меняя длину вводимого кусочка.

* В. Вяли? А. Нео? — *Ред.*

В.А. Кузнецов научил меня пользоваться интроскопами, я извлекал кости из пищевода, куски провода из мочевого пузыря и др. Виктор Алексеевич включал меня в графики своих дежурств, назначал ассистентом на полостные операции — так я стал разносторонним хирургом.

Евгений Данилович Омельчук, окончивший медицинский факультет в Праге, уступая Виктору Алексеевичу в технике операций, превосходил его в методике обследования, в логике обоснования диагноза. Быстро набирались опыта выпускники мединститутотв Н.В. Горбунова, М.И. Морозова, К.Н. Чернявцева и др.

Медикам приходилось сражаться сразу на двух фронтах. Некоторые оперуполномоченные и начальники лаготделений вмешивались в решения врачей: отменяли освобождения от работы, запрещали направлять в ЦБЛ с острыми заболеваниями. Итогами таких мер были инвалидность и смерть. Жертвами чаще становились женщины, особенно молодые, красивые.

Уголовники, ненавидевшие труд, придумали целую систему симуляции и членовредительства, методы искусственного истощения. Вызывали заболевания кожи, лихорадку, сердечную недостаточность. На штрафном лагпункте Каларгон была такса за «услуги»: отрубить палец — одна пайка хлеба, отрубить руку — три пайки хлеба. И «клиенты» находились.

Врачам неоднократно угрожали расправой и оперуполномоченные, и уголовники. Несколько медиков пытались покончить с собой. Не удалось спасти Угарова, Макакса, зубного врача Люцию Францевну. Врача Миткуса зарезали на кислородной станции. Были случаи резни между уголовниками даже в ЦБЛ.

Естественно, я упускаю много интересного, например, как доктор Кавтеладзе устраивал претендентам на место хирурга в ЦБЛ проверку боем. Приглашал ассистировать при операции, потом внезапно командовал: «Дальше оперируйте сами!» Некоторые

расписывались в своей непригодности к большой хирургии. Кузнецов же такую проверку выдержал блестяще, и Кавтеладзе уступил ему свое место.

Виктор Алексеевич виртуозно выполнял сложнейшие операции по созданию искусственного пищевода из тонкой кишки у женщин, пытавшихся отравиться едкой щелочью из аккумуляторов (пищевод и входная часть желудка оказывались тяжело обожженными и подлежали удалению). Он подготовил и защитил кандидатскую диссертацию на тему из проктологии, где было рассмотрено около ста способов операции и предложено два своих способа. Переводы с иностранных языков (даже с португальского) для диссертации сделала Е.А. Керсновская, она же выполнила часть рисунков, а другую часть — больная О.Е. Бенуа, из рода известного русского художника.

Туберкулезное отделение вел эстонец Реймасте. Это был внешне очень сдержанный, но чуткий врач. В сложных случаях А.В. Миллер на консилиум предпочитал вызывать именно его. Даже в условиях Норильлага Реймасте удавалось излечивать больных с кавернами легких.

Большой популярностью у вольнонаемных и заключенных пользовался психиатр Алексей Георгиевич Гейнц. Он успешно отсеивал истинных больных от симулянтов, считавших, что чем больше глупостей они сотворят, тем скорее специалисты поверят, что они больные. Психических больных вели также врачи Арканов и Семенченко, фронтовик.

Отлично работала «скорая». Врач перед выездом из лаготделения обязательно звонил в ЦБЛ, чтобы персонал мог приготовиться. В мое дежурство главврач «Скорой помощи» Иллариya Арсентьевна Шиляева сообщила, что привезет раненного ножом в сердце и живот. Через 20 минут больного прямо из машины подняли на операционный стол. Наркоз давал А.Я. Дзенитис, ассистировал терапевт Х.М. Давудов. Я наложил четыре шва на рану сердца. Кровь из грудной полости была собрана, процежена и внутривенно

введена больному, были также наложены швы на желудок и печень. Через неделю больной Микашвили самовольно встал с постели.

В октябре 1952 года меня освободили из лагеря, определив пожизненную ссылку — поселок Норильск. В Горлаге полковник на меня кричал, называл фашистом и угрожал расправой за то, что я, спасая жизни людей, делал это без диплома... А с известием о процессе над кремлевскими врачами началось шельмование медиков и в Норильске.

Я жил в морге и подыскивал себе работу. От приглашений в Дудинку и в Игарку пришлось отказаться: диплом! По протекции бывшего моего больного, спасенного от горловой чахотки при наличии каверн в обоих легких, я стал монтером в цехе связи комбината.

В 1955 году, когда я отвозил жену рожать, в Москве зашел к директору своего института: не допустит ли к сдаче экзаменов экстерном? Не примет ли на последний курс?

Он ответил вежливым отказом...

В 1956 году я поступил во Всесоюзный заочный политехнический институт и в возрасте 45 лет получил диплом инженера-электромеханика.

Серафим Знаменский:

«ДОРОГИ ВЫБИРАЮТ НАС...»

Я родился еще до революции, окончил школу грамоты в лапотной губернии, откуда родом Лермонтов, Белинский. Мне пришлось быть единственным мальчишкой в женском пятиклассном училище. Затем — единая трудовая школа. Преподаватели — из бывшей женской гимназии, самый большой специалист — это преподаватель русского языка. Он идет сердитый, — значит, мы будем лишние люди, никуда не годимся; идет веселый, — значит, чего-то

стоим... Школа эта была с педагогическим уклоном, с той поры — мое любовное отношение к педагогике.

Когда я приехал в Москву, то первое время вел кружок по ликвидации неграмотности на заводе «Большевик». О медицине я ничего не знал, не думал. Считал, что буду естествоиспытателем — вроде Базарова. Окончил только что организованный техникум при Московском институте народного хозяйства им. Плеханова, стал химиком-органиком и уехал работать в Харьков.

Затем я работал в Донбассе, в Киеве. Из Киева меня перевели в Москву.

Как-то я заболел. У меня оказалась двусторонняя крупозная пневмония... Я не помню, как приехала «скорая», как меня отправили в больницу.

Это был 1929 год. Антибиотиков тогда еще не знали. Камфора в основном была...

Открываю глаза.

— Вам больно?

— Нет...

Когда я буду умирать и смерть меня спросит: «Знаменский, скажи, ты видел счастье?» — я отвечу: «Смертушка, ей-богу, видел, красоту видел, вот эти глаза... Я имени ее не знаю, но глаза эти унесу с собой».

...Итак, в один прекрасный день я стал студентом Харьковского мединститута. За год до его окончания я получил премию на конкурсе научных работ в Киеве. Академик Богомолец сказал мне: «Ты не понимаешь, дурак, что ты придумал. Если ты не бросишь свою

*Серафим Васильевич Знаменский
перед отправкой на фронт.
1941 г.*

работу, через два года будешь лауреатом Сталинской премии».

Дальше началась война. С собой на фронт я взял чемоданчик, несколько книг, среди которых «Фауст», первый том.

Мне пришлось быть младшим врачом 7-го гвардейского тяжелого пушечного полка резерва Главного Командования. Дороги выбирают нас... Однажды привели во 2-й дивизион пленного, пришли особысты, переводчики, а допросить его не могут.

— А у нас новый врач появился...

— А ну давайте его сюда!

Думаю: «Зачем я хвалился? Я говорить по-немецки не могу, читать могу сколько угодно, переводить. Он будет говорить, я ж не пойму...»

Смотрю, стоит он, высокий, чуть выше меня, красный, нервничает. Приказ есть приказ, я сочиняю фразу: «Не бойся, я врач». Он меня понял. За столом мне освободили место, у меня карта.

— Где тут немецкие батареи?

— Вот тут две, еще три...

Командир полка доволен.

— Начальник штаба, успеваете писать?

Это было во время нашего первого наступления на Харьков 12 мая 1942 года. Потом были и отступления и наступления. В штабе Юго-Западного фронта в Сталинграде — с первого до последнего дня. Потом меня перевели старшим врачом противотанкового истребительного полка. В этом полку врачей давно не было — убивали. Чтобы хорошо прошла прививка, я приходил вместе с фельдшером, и он мне делал прививку первому. Так было в одном дивизионе, идем во второй, и он, окаянный, в ту же лопатку мне дозу... В третий, четвертый, потом еще в штабную батарею... У меня в секрете на станции Успенка — дивизион, куда можно было бы не ходить, но я пошел: люди довольны и я доволен. Поставил сам себе честную трочку. Возвращаюсь, но что-то вдруг душа заболела, словно какую-то ошибку допустил... Нет, ошибок не

было. Думаю: «Приду — выплуюсь, доложу командиру, что за месяц сделал».

Прихожу, а мне:

— Вас к командиру.

Вхожу к командиру, докладываю:

— Все хорошо, прививки сделаны, сегодня был в секрете. Люди устали, надо бы их заменить.

Командир полка ко мне всегда очень хорошо относился — и вдруг:

— А это что? — показывает ордер на арест.

— Это — чепуха!

— Чепуха? Чепухи не может быть!..

...Пропускаю, пропускаю. ...И вот я уже в трюме «Серго Орджоникидзе». Этот теплоход многих перевез сюда. Конец сентября, начало октября. Объявили, что будет высадка. А у меня нет сапог — украли. Смотрю, что там на улице, — снег... А у меня ни сапог, ни портянок. За полпайки выменял портянки, намотал на ноги. Выхожу — снег по колени.

— Становись!

Встал.

— Трогай!

Пошел. Прошли пять шагов, портянки мои размотались, ветер рвет полы шинели. Конвоир натравливает на меня собаку. С тех пор я боюсь таких собак.

Пока я плыл на «Орджоникидзе», у меня собралась бригада слабосильных, и один из моих подопечных показал мне человека, укравшего мои сапоги. Смотрю: здоровый такой парень в тельняшке...

Есть пословица «Кричащий во гневе — смешон, молчащий во гневе — страшен». Вот я, вероятно, был таким. Подошел к нему — и ничего не могу сказать... Вдруг он садится и снимает сапоги. Я снова в сапогах, и дальнейшее путешествие до Норильска — это уже другое дело.

...Спали по двое. Ты снимаешь одежду и кладешь ее вниз, я снимаю, ложусь рядом, и мы укрываемся моей одеждой. Если человек не одет, то он один, и никто его к себе не берет.

Так мы приехали в Норильск, и я получаю направление по спецнаряду. Что это такое? Черт его знает. Приводят меня во 2-е лаготделение. У всех есть свой хозяин, свой нарядчик, а у меня нет.

Ночью меня будит человек с винтовкой:

— Иди.

Теперь-то я представляю. Это был ДИТР, еще кирпичный, красный. Проходим мимо. Какое-то здание, на втором этаже — хорошая комната, сидят два человека.

— Расскажите о себе.

Я стал рассказывать.

— Мы пошлем вас на работу туда, где будет трудно.

— Штрафная, что ли?

— Да нет, доктор. Туда, где умирают люди. У нас к вам одна просьба: чтобы не было значения, кто он, что он, как его фамилия, кем он был до заключения.

Так меня направили на «Валек». К тому времени там собрался контингент, который умирал... Не было стационара, был один хороший фельдшер Геннадий Свеклинский и одна девушка. И стал я там заворачивать: стационар на 20 коек, ОК (оздоровительная командировка) на 50 человек.

На прием с большим панарицием пришел бывший секретарь райкома.

На следующий день вызывают:

— Ты почему вчера не отрезал палец?

— А зачем? Я могу вылечить.

— Эх, по тебе заготовка льда тоскует!

Я мешал, мешал администрации... Людей было много, я — один, а фамилий не знаю. Помню одного, по-моему, латвийский адмирал, по фамилии Юдейскас. Он каждый вечер минут 15 ходил армейским шагом, поддерживал свое физическое состояние.

Так вот теперь о том, что я мешал администрации... Однажды меня все-таки решили отправить с «Валька». И я попросил разрешения подойти к телефону:

— С вами говорит заключенный врач Знаменский. Меня отправляют сопровождать эшелон. Что мне делать?

— Передать трубку начальнику... Ты что, хочешь от доктора освободиться? Он остается у тебя, а через месяц я его заберу, и ты останешься совсем без врача.

Итак, иду я с конвоиром, и идет девушка, что работала со мной.

— Доктор, вы заняты только своей работой, своими больными. А кто вам сапоги мыл?

— Дневальный.

— Вы совсем-совсем ничего не видите. Это я вам их мыла...

Мы говорим о милосердии. А были врачи, которые могли написать на наших ежедневных рапортчиках об освобожденных от работы: «Опять распоясались, доктор Знаменский и доктор Кавтеладзе».

Некоторые результаты судебно-медицинского вскрытия трупов

1. Вскрыто 19.

2. Все погибли от огнестрельных пулевых ранений. Резаных, колотых и иных ран не установлено ни одной.

3. Ни один из погибших в момент получения огнестрельной травмы не совершал агрессивных действий.

Локализация ран: Сзади у 13;

Слева у 7;

Справа у 3;

Спереди нет.

4. Ни один из погибших в момент получения огнестрельной травмы не имел состояния опьянения. Проба желудочного содержимого на запах алкоголя — отрицательная.

5. По статовейной принадлежности все погибшие принадлежат к 54 ст. УК УССР и 58 ст. УК РСФСР.

6. По продолжительности срока: 10 лет у 9 погибших; 15 лет у 1 погибшего; 25 лет у 8 погибших.

Вскрытие производил врач

(Знаменский С.В.)

Эту справку С.В. Знаменский подкрепил схемой огнестрельного ранения, он рассчитал ее и изобразил сам. Находились врачи, которые в подобных случаях вопреки очевидному как причину смерти указывали какую-нибудь болезнь

Мы, врачи, по должности должны быть хороши-ми людьми. Но было и так, что ты не ожидаешь от человека ничего хорошего, а он оказывается хоро-шим. Так у меня было с начальником политотдела В.И. Козловским. Один раз он собрал врачей:

— Друзья, я пригласил врачей, и вольных, и заключенных, чтобы вы мне сказали, отчего люди «доходят»?

Первым встал некий Бриллиант:

— Гражданин начальник, прежде чем ответить на ваш вопрос, надо рассмотреть состояние текущего момента. Сейчас, когда весь земной шар разбился на два полушария, коммунизма и капитализма, у нас много таких людей, которые сами себя доводят, чтобы помочь мировой буржуазии...

Я смотрю в лицо начальника политотдела, а он, такой невозмутимый, поднял брови, лицо белое-белое, лоб высокий. Берет стакан, стучит ложечкой:

— Милый доктор, мы знаем, что у советской власти есть враги, и мы знаем, как с ними бороться. А почему тысячи, десятки тысяч, готовых живот свой отдать, «доходят»?

...Долгое время я работал на руднике 3/6, кото-рый давал 70 процентов всей жильной руды. Иногда заходишь в камеру, а она блестит, как хрустальная. Начальником рудника был Лев Александрович Сав-ва, а заключенными командовал Золотарев. У меня сохранились копии моих рапортов Золотареву, в ко-торых я писал о том, что 40 процентов заключенных не имеют белья, одежды, необходим ОП на 100 коек, стационар на 60 человек.

Когда меня пригласили в ЦБЛ в качестве совме-стителя, я там вел туберкулезных больных. Всего я работал в ЦБЛ два с половиной месяца, старался...

Моя работа о раке легких — первая в своем роде, американец Хюкнер ссылается на нее...

Жизнь свою я прожил не зря. А почему, собствен-но, прожил? Мой главный врач говорит: «Вы непра-вильно себя оцениваете. Вы — старый человек».

А я не знаю, когда начинается старость. Голова у меня не болит, одышки нет. А главное — я мечтаю...

Игорь Паншин:
«ИМ НУЖНО ПОСТАВИТЬ
ПАМЯТНИК»

Образование у меня университетское, я — метафизик, идеалист, морганист, тот самый, который... Медицинская профессия — тюремно-лагерная. Но вот с ней мне повезло, хотя к медицине я не имел особого пристрастия, правда, дедушка мой был крупнейшим врачом, ректором университета, организатором Киевского бактериологического института, у отца та же профессия, что и у меня.

...И вот выгрузились мы в Дудинке с большого океанского корабля. Вышли на снег, впереди — бугор, и после этапных перипетий не можем мы подняться по обледеневшей горе. Этап был главным образом из военнослужащих. И тут я говорю: «За Родину! За Ста-

*Репрессированных врачей (слева направо) С.В. Знаменского,
В.А. Кузнецова, К.К. Денцеля подружил Норильск*

лина! Вперед!» Ребята захохотали и, представьте себе, несмотря на наше печальное положение, вбежали на эту самую гору.

Некоторое время в Дудинке мы находились в пересыльном лагере, есть было нечего, и я стал все хуже и хуже чувствовать себя. И когда мы приехали в Норильск, то от моих горнолыжных мышц ничего не осталось: колоды, ткнешь пальцем — останется дырка. Поместили меня в ОП (оздоровительный пункт), помыли, обработали от всяких животных, положили на чистую койку, накормили чем-то.

А врачом ОП был доктор Хайдепримс, который ко мне относился очень хорошо. Правда, один раз он меня наказал: я выпил компот соседа, а мне это было строго запрещено. Короче говоря, доктор оставил меня без ужина. Врач он был великолепный. У него была такая же великолепная профессиональная память, как у З.Г. Людвига. Доктор Хайдепримс быстро поставил меня на ноги. Он рассказал мне, что во 2-м лаготделении есть некто Душин, который работает в санэпидстанции, и что мне надо переговорить с ним, чтобы не попасть на общие работы, так как это дело довольно кислое. После выписки из стационара я написал заявление, которое Душин отвез к начальнику СЭС Манькину, и меня взяли на работу. Мистика, конечно...

Начал я работать в СЭС, не имея о медицинской лаборатории никакого понятия. Но поскольку лабораторная практика у меня была хорошая (я работал и у академика Н.И. Вавилова в его лаборатории института генетики, потом в знаменитом кольцовском Институте экспериментальной биологии), стал я работать по клиническому анализу, анализу крови, а потом и в бактериологической лаборатории.

Надо сказать, то, что я увидел, меня удивило. Несмотря на очень скромное помещение, лаборатория была отлично организована и специалисты были очень хорошие, хотя и не все медики. Первое время, пока я еще учился, моим учителем был Ян Карлович Мергин,

профессор политэкономии, старый партиец. Когда-то он работал в аптеке, а учился в Норильске у очень хорошего специалиста — врача А.Ю. Харита. Мергин учился у Харита, потом я учился у Мергина.

Работа в бактериологической лаборатории была мне ближе хотя бы по методике, поскольку я — дрозофильный генетик, а этих самых мух великих тоже разводят на питательных средах. И что самое удивительное, в СЭС было налажено производство бактериофага. В Норильлаге одно время была очень высокая смертность от дизентерии. Причем особенно подвержены ей были прибалтийцы... То, чем сейчас болеют, — это не дизентерия, это парадизентерия, настоящая дизентерия ликвидирована практически на всем земном шаре.

В Норильске к моему приезду дизентерию свели на нет благодаря производству бактериофага, и не на привозных штаммах, а на местных. Наладила производство Мирра Борисовна Гусакова. А я на этом деле сильно выигрывал, потому что производство бактериофага — это прежде всего хороший бульон. Привозного мяса не было, только совхозное. Ясное дело, если имеется килограммов сто–двести мяса, то можно некоторое его количество съесть тайным путем. Товарищи, учитывая, что у меня были остатки болезни, сказали, чтобы я ел сырое мясо — великолепнейший препарат от любого авитаминоза. И я моментально поправился.

В жизни мне феноменально везло в некоторых отношениях. Никаких лагерных ужасов я практически не видел. Я и на общих работах почти не был, а работал все время в лаборатории. Странная ситуация: разговариваю с товарищами по заключению, они явно ни в чем не виноваты, у меня же дело сложнее... Ну а что по существу — другой вопрос... Об этом написано в «Зубре» у Гранина, но далеко не все.

...Так вот, возвращаюсь к Норильску. Я очень долго работал (без каких-либо неприятностей) в СЭС. В некоторых случаях я даже чувствовал себя чем-то

вроде врача, и мне это дело понравилось. Сотрудничал я и с доктором Людвигом. Зигурд Генрихович — человек любознательный, и работал он в СЭС, потому что ему хотелось знать лабораторное дело. В частности, он ставил сложнейшую серологическую реакцию Вассермана. Часто бывал в лаборатории и Серафим Васильевич Знаменский.

Однажды было назначено массовое обследование женского лаготделения. Материал брал доктор Людвиг. Это, конечно, каторжная работа, как он выдерживал, я не знаю. Материала масса, и один я с ним справиться не мог, мне дали в помощь лаборанток. Несколько дней без всякого конвоя мы работали в лаборатории и получали благодарности от начальства.

Постепенно я прошел все виды медицинской работы: и клиническую, и бактериологическую, и производство бактериофага. А потом даже стал правой рукой наших следователей по судебно-медицинской экспертизе. В лагере, как вы понимаете, случаются и убийства. Нужно исследовать вещественные доказательства, пятна крови на одежде... Довольно сложная лабораторная работа требует внимания, но главное, что я стал почти чекистом. Почему я в конце концов попал на общие работы? Виной тому — нелепое, дикое ужесточение режима в 1950 году. У меня и у моей знакомой отбирают пропуска, я устраиваюсь работать в ЦБЛ, где я жил тогда, а ей грозят общие работы — это значит попасть в лапы уркама... Она пишет рапорт, чтобы ее тоже перевели работать в ЦБЛ. Но это — нарушение режима, так как в лагере все про всех знают. Пришлось мне писать заявление еще раз, и меня перевели во 2-е лаготделение. Так я стал работать бурильщиком.

Интересно, когда я забурил свой первый шпур, я понял, что Маркс и Энгельс были не правы, разграничивая умственный и физический труд. Две недели нас учили, затем дали бурить забой, и я, очень глубоко загнав шпур, с гордо поднятой головой вышел на поверхность. Зашел к начальнику участка и слышу:

«Да ты что?! Инженер еще! (На шахте всех с высшим образованием называли инженерами.) Да твой забой перебуривать придется... атомом не оторвешь!»

Оказывается, я так увлекся бурением, что запустил шпуры вкось, да еще и загнал глубоко. Не сработала голова. И тут пришел я к мысли, что никакой разницы между умственным и физическим трудом нет, а есть только умственный труд в той или иной степени. В хитроумной науке генетике у меня были кое-какие достижения, а тут мозг не сработал.

С того рудника я освободился и продолжал работать в разных медицинских учреждениях: поликлинике лагеря, инфекционной больнице, организовав там лабораторию. У меня даже появился интерес к медицине. Такие великолепные специалисты: Миллер, Тумина... И от каждого что-то получаешь... Тогда у врача-лаборанта был контакт с врачами, какого сейчас нет. Они приходили в лабораторию, смотрели препараты, им было интересно, как идет реакция, какова микроскопическая картина. Имея живой контакт с лечащим врачом, легко стать специалистом. К тому же это были люди определенного морального уровня. И это, пожалуй, главное. Им нужно поставить памятник.

Расскажу еще об одной судьбе узника Норильлага. Когда пионеры разных поколений, сидя у костра или весело шагая, пели «Взвейтесь кострами, синие ночи...», им и в страшном сне не могло привидеться, что человек, написавший гимн пионерии, осужден как враг народа. А ведь это было правдой.

Сергей Кайдан-Дежкин:
«Я ЖИВУ, КАК ЗАБИТАЯ
КЛЯЧА...»

Сергей Федорович Кайдан-Дежкин, автор известного всей стране гимна, родился в 1901 году и до определенного времени действительно верил, что «близится эра светлых годов...».

Композитор Сергей Кайдан-Дежкин

Первые материалы о Кайдане-Дежкине были переданы в наш музей Тамарой Ивановной Сливинской. Это был норильский снимок Сергея Федоровича, сделанный в 1948 году, стихи, написанные в разные годы, нотные листы, датированные февралем 1942 года, и сборник «Легкие пьесы для фортепьяно», вышедший в ленинградском издательстве «Музыка» в 1967 году. Этот год был для композитора (к тому времени уже 6 лет как члена Союза композиторов СССР) особенным. Кроме сборника пьес была

поездка в «Артек», куда его пригласили как автора «Взвейтесь кострами». Возвращаясь в Великие Луки, он заехал в гости к «подруге заполярных лет», музе, вдохновившей многих писавших и снимавших норильчан 40-х годов, — Тамаре Сливинской. Они не виделись более 30 лет с того самого времени, как Кайдан-Дежкин уехал из Норильска в Игарку. Он был вынужден срочно уехать, чтобы опять не оказаться в лагере, из которого освободился 9 августа 1940 года.

При встрече со Сливинской Кайдан-Дежкин рассказал, за что его арестовали в 1930 году. Так мы узнали, что он был разведчиком-нелегалом. В Польше к нему обратился советский агент с просьбой передать нашему командованию важные сведения, полученные им через немцев. При этом сообщил, что за ним следят и поэтому необходимо как можно быстрее передать эти материалы. Кайдан-Дежкин возмутился нарушением конспирации, но был вынужден действовать. Сергей Федорович сумел связаться с нашим командованием

и передать добытое коллегой. Вскоре его вызвали в СССР «для отдыха», где арестовали, а затем осудили по статьям 58-11 и 58-8.

Тамара Ивановна Сливинская передала рассказ Сергея Федоровича о его пребывании на Лубянке, затем в лагере в Горной Шории, откуда его привозили на допросы в Москву. К сожалению, до сих пор не удалось найти документы, подтверждающие эту версию. По документам Великолукского архива, перед арестом Кайдан-Дежкин учился в знаменитой Гнесинке. В картотеке заключенных Норильлага, находящейся в Красноярском УВД, он вообще значится заключенным Норильлага с 1 февраля 1932 года, тогда как Норильлаг был построен только три года спустя. Кстати, тоже 23 июня. Так что документам тех времен особенно доверять не приходится, а путаница как раз работает на версию о Кайдане-Дежкине — «рыцаре плаща».

Тамара Ивановна рассказала и о происхождении двойной фамилии Кайдан-Дежкин: «Мальчиком он был бойскаутом, поэтому его и пригласили заниматься пионерскими делами. Тогда же он познакомился с будущей женой. Настоящая его фамилия — Дежкин, женившись, он взял фамилию жены — Кайдан. Когда об этом узнала его мама, то заплакала:

— Сереженька, ты знаешь, что такое по-украински «кайданы»? Кайданы — это кандалы. Зачем же ты добровольно на себя кандалы надел? Почему же она не взяла твою фамилию?

Девушке фамилия показалась неблагозвучной. Через некоторое время они расстались».

Тамару Сливинскую привезли в Норильск за два года до освобождения Кайдана-Дежкина, в 1938-м. Студентка мединститута была осуждена на 10 лет фактически за то, что родилась и жила в Харбине. Они познакомились в клубе 2-го лаготделения на концерте и очень подружились. Из воспоминаний Т.И. Сливинской: «Сергея Федоровича вместе с тезкой, виолончелистом Дягилевым, перевели во 2-е лаготделение,

чтобы организовать там оркестр. Он создал хороший оркестр: виолончель, клавишные, скрипка».

«Заполярная правда» уже публиковала в 1989 году, когда в Норильск хлынул поток писем от бывших норильлаговцев, воспоминания Виталия Бабичева, который играл в духовом оркестре, где руководителем был Сергей Федорович:

«В шестом лагерном отделении жила группа музыкантов духового оркестра, руководителем и создателем которого был Сергей Федорович Кайдан-Дежкин. Оркестру нужен был трубач, и когда Сергей Федорович узнал о том, что я играю на трубе, он тут же прослушал меня и добился через НКВД, чтобы меня допустили играть в оркестр, так как политических к ним не брали. Таким образом, на 30 человек музыкантов политических было только двое — Кайдан-Дежкин и я, все остальные музыканты были «бытовики» (воры, бандиты, мошенники и др.). Оркестр играл на увеселительных вечерах для работников НКВД, танцах, похоронах, праздниках и других мероприятиях. Все музыканты ходили по пропускам, кроме Сергея Федоровича и меня. На каждый выход из зоны к нам приставляли конвоира. Кроме этого я работал шахтером, грузчиком угля на железной дороге, рабочим в геологической бригаде, и когда нужно было играть с оркестром, меня освобождали на полдня от работы и под персональным конвоем доставляли на увеселительные мероприятия. Однажды ночью Сергея Федоровича забрали с вещами и увезли в Норильск-2. Оттуда, как правило, никто не возвращался. Людей заставляли рыть для себя могилы, а следующая партия заключенных закапывала их и готовила могилы для себя. На следующий день должно было состояться важное мероприятие НКВД и срочно нужен был оркестр. Тут же вызвали старосту оркестра Виктора Еськова и предложили ему возглавить оркестр. Но все музыканты отказались играть без своего руководителя. Угрозы не помогли, и чтобы не сорвать мероприя-

тие, ответственные лица были вынуждены вернуть Кайдана-Дежкина. ...Сергея Федоровича доставили к нам совершенно седым. Несмотря на то что его предупредили под строжайшую расписку никому не говорить о Норильске-2, все подробности я узнал от него лично».

Освободившись, он стал писать письма в лагерь, а писать было нельзя, не положено... Девушка понимала, что, храня переписку, подвергает опасности своего друга. Как-то работая во вторую смену в Центральной химлаборатории, она собрала письма, чтобы сжечь, но печь, как назло, была вычищена, и в ней уже лежали дрова для следующей смены. Поэтому, засунув письма за пазуху, она отправилась в барак. По дороге она зашла в контору за извещением на посылку и не заметила, как стоявшие на крыльце урки вытащили у нее сверток. Через некоторое время Кайдана-Дежкина вызвали в соответствующую службу и полковник, по воспоминаниям Тамары Ивановны, «довольно порядочный человек», сказал, что вынужден был читать его письма, что они очень хороши, что давно он не читал ничего более приятного, нежного, лирического... Но вольнонаемный не имел права писать энкам. Начальник предложил влюбленному уехать из Норильска. И Сергей Федорович, как утверждала Тамара Ивановна, уехал в Игарку, где стал работать музыкальным руководителем Заполярного театра (того самого, который был открыт зимой 1936 года после заполярных гастролей Малого театра) и преподавать в педагогическом училище.

После гимна пионери Сергей Федорович через 22 года написал «Песнь о Норильске». За этот гимн и еще три песни на стихи Владимира Фролова авторы кроме благодарности начальника Норильского комбината получили денежную премию — 1500 рублей каждый. А «Песнь о Норильске», где есть слова «Норильск родной, всегда с тобой!», пели артисты норильского крепостного театра — театра КВО (культурно-воспитательного отдела лагеря), организованного

летом 1944 года. Песню «Енисей» мы и сейчас можем услышать в чудом сохранившемся фильме «Гигант Заполярья» — первом фильме о Норильске, снятом в самом конце войны Новосибирской киностудией.

По архивным документам, сохранившейся театральной программке 1943 года и по надписи (если верить ей) на фотографии, подаренной музею все той же Тамарой Ивановной, Кайдан-Дежкин до конца 1940-х годов был связан с Норильском. А если точнее, то Сергей Федорович Кайдан-Дежкин работал зав. музыкальной частью Норильского драмтеатра (до 1944 года — точно: есть документ, подписанный А.А. Панюковым). Сколько времени он провел в Игарке, выяснить пока не удалось. Из рассказа Тамары Ивановны: «В Игарке на квартире рядом с Сергеем Федоровичем жила женщина с ребенком и без мужа. Он был очень добрым человеком и всячески помогал им. Вскоре они поженились, он усыновил ребенка. Но через некоторое время эта женщина оставила его, а он очень долго помогал ребенку материально».

Не нашлось следов Кайдана-Дежкина не только в Игарке, но и в Красноярске, где, по рассказам Тамары Ивановны, Сергей Федорович женился вновь на актрисе театра, в котором работал (предположительно речь идет о краевом драматическом). Он обучал ее дочку Инну игре на фортепиано. Инне позднее посвятил свои лучшие стихи: «Я живу, как забитая кляча, нет в конюшне моей жеребят. И никто обо мне не заплачет, если черти возьмут меня в ад...» Жизнь с актрисой не сложилась...

Из материалов, присланных из Псковской области, стало известно, что в 1959 году композитор переехал в Великие Луки, где прожил до самой смерти, а прожил он 71 год. До Великих Лук он преподавал в Тувинской областной детской музыкальной школе в Кызыле, Новосибирском музыкальном училище и детской музыкальной школе в Прокопьевске Кемеровской области.

В Великих Луках замечательный пианист и композитор заведовал музыкальной частью Великолукского драматического театра.

Всю жизнь единственным богатством Сергея Федоровича был рояль, на нем он давал частные уроки, время от времени его приглашали выступить на концертах как автора пионерского гимна.

Осипа Яхницкая, 17 лет. 1942 г.

*Подруги на фоне озера у Горстроя.
Слева – Катя Ярицева. 1956 г.*

Осипа Яхницкая:

*«Она (фронтовичка Катя
Ярицева, россиянка) была мне
как мать, сестра, подруга».*

Оксана Ивановна Ясницкая. Львов, 2000 г.

Родилась я в крестьянской семье в селе Любинь Великий Львовской области в 1925 году, там же окончила семь классов польской школы, а потом поступила в украинскую торговую гимназию во Львове. В 1940 году, 15-летней, стала членом молодежной организации украинских националистов (ОУН).

Когда началась Вторая мировая война и к нам пришли немцы, я вернулась в свое село. Тайно проводила занятия с девочками в Любине Малом, выполняла обязанности связной (мой районный руководитель — Иван Магоцкий, псевдоним Гонта), а также задания Петра Марутяка из службы безопасности.

Я устроилась продавцом в магазин-кооператив, это было удобно для подпольной работы. Ко мне довольно часто приходили и домой, и в кооператив разные хлопцы и девочки из Комарно, была среди них и Ярослава Стецько (об этом мне рассказывал много лет спустя, когда приезжал из Америки, мой бывший руководитель Иван Магоцкий).

Однажды ночью в 1943 году (я как раз уехала по заданию в Самбор) немцы арестовали отца и мою старшую сестру, а приходили за мной. Рано утром я приехала поездом, но меня встретил брат и предупредил, что домой возвращаться нельзя. Так я оказалась в подполье, где продолжала оставаться до 1947 года, до моего ареста.

В сентябре 1945 года погибли два брата — Петр и Василий Марутяки, а также Степан Бусько и другие. С начала 1946 года ряды оуновцев значительно поредели. Все труднее становилось скрываться в селах, люди уже не принимали нас в хаты. Деваться было некуда. Я вынуждена была уехать во Львов. Сама себе пробивала дорогу.

Ко мне не раз приезжала моя сестра Мария — тоже подпольщица. В последний свой приезд привезла листовки (часть их я смогла реализовать — раскидала в церкви Святого Юра, а часть спрятала, их потом нашли домашние, но об этом они мне рассказали уже после моего освобождения). Мария тогда оставила у меня свой пистолет — его при обыске обнаружили чекисты. Меня арестовали 4 февраля 1947 года. Пришла я вечером домой, а они уже там.

Арестована была и моя квартирная хозяйка Ирина Степановна Вонс, но ее скоро выпустили: мы обе твердили (у нас с нею была заранее такая договоренность), что якобы мы случайно познакомились в магазине и она взяла меня к себе помогать по дому.

Меня сразу отвезли в КПЗ. Условия в камере — голый пол и параша в углу, вот и все удобства. Я ложилась на пол на одну половину плаща, а другой укрывалась. Хлеба давали по 200–300 граммов в день, суп — вода с крупой в миске без ложки.

Мой первый следователь, Абрамов, говорил по-русски. Бил меня так, что я потеряла сознание вечером, а в себя пришла только утром. Очнулась на папках с бумагами под головой. Я не признавалась, что я — Яхницкая. Но он подвел меня к карте, показал мое родное село Любинь и еще приводил какие-то аргументы. Я поняла, что сопротивляться незачем, что они знают, кто я и откуда, к тому же при аресте нашли пистолет. Тогда я сказала все о себе и призналась, что являюсь членом ОУН. Старалась говорить так, чтобы никого не подвести и не выдать тех людей, у которых скрывалась: якобы я все делала в одиночку, а до этого (выдумать пришлось) находилась в Германии.

Они не верили, что я одна, что никакой группы нет. Меня даже водили на базар — может, я там кого увижу или кто-то узнает меня. Правда, попался один знакомый (видела я его один раз, он встречался с моей сестрой Марией, как видно, его интересовало, где она). Но я ему только сказала: «Я вас не знаю». Моя сестра Мария тоже находилась в тюрьме — я услыша-

ла и узнала ее голос, когда конвой вел арестованных по коридору.

Протоколы допросов я читала и подписывала. Через неделю, а может, и больше меня перевезли в тюрьму на Лонцкого. В камере было еще три женщины. По сей день не могу забыть Анну Александровну Стецько. К сожалению, в живых ее уже нет. Мы встречались не раз с этой женщиной нелегкой судьбы: она после 10-летнего срока заключения жила в Караганде, где закончила наконец прерванное обучение и получила диплом врача. Арестовали ее студенткой Львовского медицинского института. Вернуться на родину ей удалось с большими трудностями. Во Львове она работала врачом в туберкулезной лечебнице.

В камере постоянно хотелось есть, потому что никто из нас не получал передачу. Один раз был для нас праздник, когда дежурный Женя принес мешочек сухарей.

Потом меня перевели в основной корпус. Новый следователь Самсонов все допытывался да выспрашивал, как это так, почему я по делу прохожу одна. Раз ударил так, что у меня сразу началась рвота. Больше не бил, а стал вызывать на допрос с вечера и держать по стойке «смирно» до утра. Ни о чем не спрашивал: брал на измор.

С неделю так все продолжалось, а может, и больше. Днем в камере спать не разрешалось, хотя девочки пытались меня выручать. Чтобы я хоть чуть-чуть подремала и дала себе отдых, клала им голову на колени, будто у меня что-то ищут в голове. Бессонница отнимала все силы, я очень устала, изнемогла.

Изнуренная и физически, и морально, я решила покончить с собой. Утром, когда меня с допроса привели в камеру, я порезала вены на левой руке и засунула ее в баночку с водой, чтобы кровь не сворачивалась. Помню только, что стало мне тепло, хорошо, вспомнила я всех родных, мысленно попрощалась с ними и словно провалилась куда-то.

Прозвучал сигнал «Подъем», и девочки проснулись. Я не встала, а лежала в крови. Кто-то из них потом рассказывал, что, когда меня приводили в чуство, я кричала: «Жить не хочу!»

Увезли меня в больницу, там дважды делали переливание крови. Около меня дежурил конвой, я ни с кем не говорила. Но медсестра, когда ставила градусник, шепнула, чтобы я написала записку кому-нибудь из знакомых, принесла мне листок бумаги и карандаш. Я написала записку, и она дала знать знакомым, где я и что со мной, но ко мне никто не пришел. Скоро меня забрали опять в тюрьму, хотя я еще и сидеть самостоятельно не могла, когда везли, я наваливалась на конвойного.

Поместили меня в больничную камеру, где находились женщины с детьми и одна раненая (нога в гипсе). Помню только одну женщину с ребенком, Марийку Дембицкую (ныне — Вовк), теперь мы с ней время от времени встречаемся на собраниях областной организации политзаключенных.

Следователь скоро, без лишних вопросов, закончил мое дело, и меня осудили по статье 54-1 «а» и 54-11 на 10 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах. Судил меня военный трибунал, насколько помню, заседал здесь же, в тюрьме на Лонцкого. Процедура была недолгой: зачитали обвинение, я себя признала виновной, а от последнего слова отказалась — сказать было нечего. Я была рада, что все закончилось. Но на самом-то деле все только начиналось...

В пересыльном лагере во Львове я снова попала в больницу: началось кровохарканье. Меня поместили в туберкулезное отделение. Там я пролежала недолго, потом стала работать санитаркой, но заболела желтухой. Гепатит тогда еще не считали инфекционным заболеванием, и эти больные находились вместе с остальными.

На пересылке я получила передачу, ее принесли незнакомые люди (кое-что из одежды, обувь и продукты), они же привели на свидание мою младшую

сестру Ганну. К тому времени репрессии разбросали всю нашу семью: 77-летнего деда вместе с дочерью и ее семьей сослали в Прокопьевск, отец ушел в подполье (арестован в 1949 году), брат Иван скитался по селам, помогал хлопцам в лесу, а потом уехал в Николаев на судостроительный завод, мама с тремя малыми детьми жила в чужих хатах — нашу забрали, вселили других жильцов, ригу спалили, а конюшню разобрали. Сестра Мария, как сказали мне позднее, погибла, и неизвестно, где ее могила.

*Осипа Яхницкая.
Норильск, 1954 г.*

В конце лета 1948 года меня отправили этапом в Норильск. Там уже было холодно, лежал снег. Жили в бараках с двухэтажными нарами, где посредине стояла печь, за печью — большой стол с лавками. Это было 6-е отделение Горного лагеря. Кроме барачков для проживания узников в зоне были оборудованы еще амбулатория, кухня, дрожжеварка, сушилка для одежды и валенок, баня, клуб, дом, где содержались дети, больница — в таком же бараке с такими же нарами, только один корпус был с койками. При больнице было еще отделение для ослабленных больных — дистрофиков, оно называлось ОП (оздоровительный пункт).

Я работала сначала регистратором в амбулатории, потом медсестрой в больнице. Остальные женщины ходили на строительство, кайлили траншеи в вечной мерзлоте. Лишь некоторые имели должности в жилой зоне лагеря: в администрации, на кухне, в дрожжеварке, больнице, доме для детей, бане, сушилке. Была также бригада портных, насколько помню, она тоже находилась внутри лагеря.

«Бытовики» здесь не хозяйничали — их было мало. Основная масса политзаключенных была с

Украины, но были также литовки, латышки, эстонки, россиянки, татарки, грузинки, финки и женщины других национальностей. Забор отделял от нас зону каторжанок.

Имелся и карцер, я сама провела в нем трое суток. Попала туда за то, что вечером, когда относила списки освобожденных от работы больных в планово-производственную часть (ППЧ), зашла в дрожжеварку к подруге, знакомой еще по Львовской пересылке. И нас обеих посадили в карцер.

Раза два меня вызывал к себе наш опер, чтобы я согласилась на сотрудничество. Я отказалась, не помню, чем мотивировала свой отказ, но больше он меня не тревожил. А дежурный, который меня приводил к оперу и отводил в барак, сказал: «Молодец, что отказалась!»

В восстании политзаключенных я не участвовала, так как дежурила в больнице каждую ночь, а перед дежурством еще составляла и относила заявки на питание больных. Кроме основной работы моей обязанностью было также писать отчеты о работе. Доводилось мне выходить и за зону — провожала больных на консультацию в Центральную лагерную больницу, относила в городскую больницу для вольнонаемных на стерилизацию материал для операций.

Освободили меня 30 апреля 1955 года по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1954 года, документы готовили без нашего ведома. В лагерной справке ничего не было сказано про «Положение о паспортах», был указан только мой лагерный номер «Ж-464», который я носила на плечах и колене, и поставлен штамп, что паспорт выдан. Пока паспорта у меня не было, я ходила в комендатуру отмечаться.

После освобождения из лагеря я осталась в Норильске, потому что имела еще 5 лет поражения в правах. Написала в прокуратуру, чтобы сняли поражение. И мне выдали паспорт, но в нем поставили отметку «Положение о паспортах», которая означала, что у меня нет права вернуться на родину.

С 21 мая 1955 года я пошла работать в инфекционную больницу медсестрой. Кроме основной службы приходилось подрабатывать там, где только удавалось. Через два с половиной года я хотела поехать в отпуск. Жила тогда на квартире у приятельницы — старшей медсестры инфекционной больницы Екатерины Ивановны Ярцевой. Мы вместе работали и подружились. Россиянка из Волоколамского района Московской области, воевала на фронте и прекрасно относилась и к заключенным, и к бывшим узникам, которые трудились в больнице, например, к таким, как я.

*Оксана Ивановна Яхницкая.
Норильск, 1956 г.*

Ее муж (украинец из Донбасса) Ефим Корнеевич Стрельцов был осужден в 1938 году как «враг народа» на 10 лет лишения свободы, отсидел, был реабилитирован и продолжал работать на комбинате. Но пришло время им уезжать навсегда из Норильска, потому что у Ефима Корнеевича случился инфаркт и врачи порекомендовали выезд на материк. Они выбрали город Калугу, а мне предложили после окончания отпуска остаться жить у них.

*Екатерина Ивановна Ярцева.
Норильск, 1956 г.*

После лечения и отдыха в санатории Е.К. Стрельцов вышел на работу в Калуге, и через месяц ему,

как ценному специалисту, дали там квартиру. Меня он вписал в ордер, как сестру своей жены. С пропиской хлопот не было — от Москвы до Калуги больше 100 километров...

В Калуге я в июле 1958 года устроилась на работу в «Скорую помощь» (в детском санатории мне отказали: «С детьми таким, как вы, работать нельзя!»).

Через 10 лет муж Екатерины Ивановны умер, и мы остались вдвоем. Так вместе и жили, хотя она дала мне денег на первый взнос в строительный кооператив и у меня уже появилась собственная квартира. Чем я могла ее отблагодарить? После смерти мужа Катя хотела снова идти работать — пенсию ей давали всего 38 рублей. Но мы посоветовались и решили, что делать этого не стоит. Есть справка о ее зарплате в Норильске, пенсия по ней полагалась почти 120 рублей. Нужно протянуть только восемь лет до этой пенсии. И я на своей работе стала брать больше дежурств, пустили мы студенток на квартиру, в общем, пережили-перетерпели эти годы.

Вместе мы прожили 37 лет. Она (фронтовичка Катя Ярцева, россиянка) была мне как мать, сестра,

Слева направо: Ефим Корнеевич Стрельцов, Осипа Ивановна Яхницкая, Екатерина Ивановна Ярцева. Норильск, 1957 г.

подруга. Она помогала мне два года учиться на вечерних курсах медсестер, чтобы я получила диплом. В Калуге за мной постоянно следили (об этом я знала от главного врача). Уехать домой, на Львовщину, не давали разрешения даже в 1984 году: «Там приграничная зона!..» Но подруга согласилась и тут мне помочь, и в 1988 году мы начали обмен квартиры. Ордер был на ее имя, а я проходила как член семьи. Свою квартиру в Калуге я сдала, и в 1989 году мы переехали во Львов. Прожили мы в нем вместе три года, и подруга умерла. Осталась я одна. Из моих родных во Львове живут сестра и брат, и я себя считаю самым счастливым человеком, потому что на старости лет живу с родными и на родине, от которой была оторвана 43 года.

Еще немного о личном. Первая любовь моя закончилась трагично: Петр Марутяк погиб в сентябре 1945 года. Позже на моем жизненном пути было знакомство с Романом Яновичем: встретились мы на пересылке во Львове, в туберкулезной больнице, а примерно через год нас одним этапом отправили в Норильск. В лагере мы все время переписывались. Это морально поддерживало и давало силы жить. За все время пребывания в Норильске виделись один раз, когда я и он приводили больных на консультацию в Центральную больницу. После норильского восстания Романа отправили в тюрьму,

*Осипа Яхницкая и Оксана Цяпка.
1952 г.*

а потом в лагерь в Тайшете. Мы продолжали переписываться, после освобождения договорились о встрече, но вдруг он сообщил, что не имеет права забрать меня к себе, так складываются обстоятельства, всего в письме не опишешь. Замуж я так и не вышла. Видно, такая у меня судьба — от нее никуда не денешься.

Назову тех, кого помню по 6-му лаготделению Горлага в Норильске. Моими подругами были Оксана Цяпка, Стефа Близнюк, Марийка Жолнович, Катруся Чернявская. В больнице, где я работала, главным врачом была россиянка Касаткина, врачами из заключенных — украинки Мария Андреевна Гулай и Людмила Александровна Рик, россиянка Крылова, латыш Альфонс Павлович Бачулис приходил из 5-го

Снимок сделан в больнице 6-го лаготделения Горлага в мае 1954 года. Сидят в первом ряду (слева направо): медсестра Валентина Труханова, фамилии двух женщин, сидящих с ней, не помню; во втором ряду: медсестра Людмила Семелевичюте, фамилию врача не помню, врач Крылова, фамилию следующей женщины забыла; в третьем ряду: фамилию сотрудницы не помню, медсестры Мария Павленко, Осипа Яхницкая, Анна Ятниекс, фамилию пятой женщины память не сохранила

лагеря. Из медсестер помню литовку Люду Семелевичюте, латышку Анну Ятниекс, россиянку Светлану Томилину, украинку Марию Павленко, регистратора Елизавету Савельевну Бабич, санитарку Марию Клиц. Остальных забыла — пишуется воспоминания слишком поздно, многое из памяти ушло, ведь половина века миновала, да и вообще старость не радость. Фотографии посылаю, какие сохранились.

*Письмо послано
Алле Борисовне Макаровой,
она и подготовила его к печати.*

Георгий Осипович Кононович

Георгий Кононович:

*«... Авраамий Павлович сказал:
– Товарищ Кононович, мы
примем вас и ваших людей в
нашу систему, поручим вам
спасение парохода...»*

Маргарита Александровна и Георгий Осипович Кононович

О ДРУГЕ И МУЖЕ

Я прожила долгую и интересную жизнь. В ней было все. А самое главное — большая любовь. Я была счастлива с Георгием Осиповичем Кононовичем. Он из старейших и заслуженных капитанов Мурманского морского пароходства. Почетный полярник, почетный работник морского флота, заслуженный работник транспорта, Кононович отдал морю 56 лет. Но для меня он как был, так и остался любимым человеком, интересным, глубоко чувствующим, талантливым во всем, за что ни брался. Долгие годы он вел дневник, рисовал... Он любил жизнь, хотя сама она была к Георгию Осиповичу чрезмерно суровой...

Впервые я увидела Георгия Осиповича на Доске почета — фото было замечательное. Слышала о нем многократно от многих людей — как журналист я часто писала о людях и событиях Мурманского пароходства. А встретились мы в первом рейсе атомохода «Арктика» из Ленинграда в Мурманск. Наш роман развивался бурно, но мы не спешили: год проверяли свои чувства, прежде чем поженились.

Георгий Осипович Кононович родился в поселке Посъет, близ Владивостока, в 1914 году. Его предки — потомственные дворяне. Дед Владимир Осипович Кононович, будучи полковником, занимал должность коменданта каторжной тюрьмы на Каре. Это Нерчинские рудники, в которых работали народовольцы, декабристы и другие политические узники. Вопреки воинскому уставу В.О. Кононович относился к каторжникам уважительно. Об этом свидетельствуют опубликованные у нас и в Америке воспоминания очевидцев. Владимир Осипович был начальником, а затем, получив

звание генерал-лейтенант, стал первым губернатором острова Сахалина. О нем по-доброму писали А.П. Чехов, В.Г. Короленко, И.А. Гончаров.

Отец Осип Владимирович Кононович имел звание полковник, был юристом, заместителем прокурора Владивостока. В годы репрессий был расстрелян. Мать Ольга Ивановна Егорова работала в музее, дружила с исследователем сибирской тайги и писателем В.К. Арсеньевым и его женой. Два брата Георгия Осиповича, Михаил и Алексей, погибли в сталинских лагерях. Георгия с матерью выслали из приграничного района Дальнего Востока. Вот как это было. Всего через два года после окончания морского техникума его назначили старпомом. Он принимал груз и собирался в рейс. И вдруг записка от матери: «Если можешь, скорее приходи домой». Встревоженный, он помчался домой и узнал, что в их паспорта на приграничный штамп поставили жирный крест черной тушью. Это означало, что в 10-дневный срок им надо было уехать. Борис Гляттэр, друг Георгия, посоветовал выбрать Красноярск и дал адрес, где остановиться. Здесь они обосновались, Георгий поступил на службу на колесный грузопассажирский пароход «Каганович». Он написал в дневнике: «...мои товарищи, такие же «крестоносцы», улетели в Дудинку на разные полуморские должности в богатый Норильскстрой. Меня это не привлекало... Неожиданно вызвали в пароходство. Неужели снова сработало «чуждо-классовое» происхождение? Тревога оказалась напрасной:

— Товарищ Кононович, мы хотим предложить вам должность капитана линейного морского буксира. Он зимует в Игарке... Вы будете буксировать лихтеры с норильским углем на Диксон. Придется также обслуживать рыбные промыслы и охотничьи фактории на Таймырском побережье.

...«В. Чкалов» оказался весьма приличным судном — по меркам того времени, конечно. Это был па-

ровой двухвинтовой буксир, недавно построенный в Ленинграде для Главсевморпути».

Мне кажется, что воспоминания Георгия Осиповича представляют интерес не только для меня. Вот, например, такое:

«Однажды на своих собачках приехал старый промысловик Тарасеев. Он профессиональный охотник и рыбак. Прежде он жил в Курейке и хорошо помнил Сталина. Ходил с ним на охоту. Рассказывал, что Сталин совершенно не занимался политикой и просвещением жителей, как это делал Яков Свердлов, живший напротив в станке Суциха.

— Вот в карты Иосиф Виссарионович играть любил. В очко особенно. И женщин любил. В Курейке и сейчас живет его сын, радист. Стрелял Сталин хорошо. Мы с ним на гусей ходили. Зимой на лыжах в тайге били зверей разных. Потом, когда война началась, он в солдаты записался. Я ему на память трубку хорошую из березового наплыва вырезал — он курил много. Вообще человек был хороший. Только больно гордый и вспыльчивый. Прوماхнетя, бывало, а я посмеюсь. А он так взглянет! Не знаю точно, может, и не он сейчас в Кремле правит?»

Георгий Осипович написал, что Тарасеев был из сельдюшников, — так звали метисов, потомков казачков-завоевателей, женившихся на девушках из таежных племен.

В жизни Георгий Осипович встречал немало интересных людей. О многих он написал в книге «Законы моря». Я буквально заставила его заняться ею, и она вышла благодаря Мурманскому морскому пароходству через год после его трагической гибели с посвящением: «...жене, Маргарите Александровне, верному любимому другу, без горячего участия которой эта книга не была бы написана».

Есть в ней такие строки: «...завещаю, чтобы урна с прахом моим была предана морю у Лофотенских островов, где океан свиреп и прекрасен, штормы ужасны, волны вздымаются гигантские, где мы всегда вы-

ходили победителями в битве с их неистовой, яростной силой». Он взял с меня слово, что я выполню его завещание. Я благодарна экипажу теплохода «Звенигород» (Кононович отходил на нем в море капитаном 20 лет), вместе с которым я исполнила его волю.

В год 10-летия гибели мужа я обратилась к генеральному директору Мурманского морского пароходства А.М. Медведеву с просьбой помочь мне выйти к месту захоронения Георгия Осиповича — я так хотела проститься с ним. Вряд ли надо говорить, как я благодарна всем, кто организовал и был рядом со мной в этом скорбном путешествии к Лофотенским островам... Я живу памятью о протяжном гудке теплохода «Капитан Чухчин», о венках и цветах, опущенных в воду 16 сентября 2005 года у острова Скомвер...

В трудовой книжке Г.О. Кононовича жизнь, связанная с Таймыром, обозначена 1939 годом: он был принят в Енисейское пароходство первым штурманом парохода «Каганович», потом стал капитаном на буксире «В.Чкалов». В 1942 году, в октябре, в той же должности он был принят на работу в управление

Маргарита Кононович

Дудинского порта. В штабе Норильского комбината он числился по 30 октября 1945 года, когда он приступил к обязанностям начальника отстоя и ремонта флота порта Игарка. Это значит, что его связи с комбинатом не прерывались. И только 8 декабря 1946 года Г.О. Кононович был отправлен в распоряжение Минморфлота. Через несколько строк я опять читаю, что муж принят на работу в Архангельскую контрольную Норильскснаба МВД на должность начальника группы по перегону судов и групповым капитаном. И только в 1945 году, в сентябре, появилась запись: «Освобожден от работы в связи с окончанием перегонов судов в Дудинку».

Мне хочется, чтобы дневниковые записи мужа, посвященные Таймыру, были опубликованы в издании «О времени, о Норильске, о себе...». Пока единственным их читателем была я...

«В. ЧКАЛОВ» СЕЛ НА РИФЫ

Шестнадцатого сентября 1941 года, в полдень, пароход «В. Чкалов» сел на рифы банки Крестовской в Енисейском заливе. Сняться не удалось. Шестнадцать суток боролись мы за жизнь своего судна. Пережили на нем три жестоких шторма, спасаясь на мостике от разъяренных волн. Корпус получил множество пробоин, все отсеки оказались затопленными. Надежды на спасение не оставалось. Пароходство расценивало аварию как кораблекрушение. Что не успели сделать шторма, закончит весенний ледоход, разрушив пароход и сбросив его с банки на глубины.

Я не был с этим согласен и обратился к руководству с просьбой отстоять его весной от нажима льда. После этого можно было начать спасательные работы. Перед тем как оставить «В. Чкалов», я похлопал его по трубе и мысленно поклялся: «Я спасу тебя, чего бы мне это ни стоило!» Выполнение клятвы стало целью моей жизни на ближайшие годы. Роковое совпадение: за четверо суток до нашей аварии, 12 сентября, в Карском море, северо-восточнее Диксона, на неизвестную

банку наскочил «Садко» и на ней погиб. Время было суровое — война! И капитана А.Г. Карельского расстреляли, хотя вины его ни в посадке на мель, ни в гибели парохода не было. Точно такая же судьба могла ожидать и меня, хотя и у капитана «Садко», и у меня причиной аварии была не небрежность или навигационная ошибка, а несовершенство карты*.

В то время я не думал ни о чем, кроме спасения парохода. И это удалось. Не скоро и не вдруг, но пароход был спасен, отремонтирован и еще долгие годы честно нес свою службу. О том, как мне, вернее, нам это удалось, я попытаюсь рассказать.

Летом 1942 года на маленьком буксире «Полярный» мы обследовали «В. Чкалов» и произвели пробные откачки воды. Сначала я думал: «А вдруг удастся заделать пробоины, осушить отсеки и снять пароход с мели?..» Но после осмотра парохода эта слабая надежда исчезла. «Что же делать? В чьи двери стучаться?» — искал выход я.

Помогла судьба! В 1940 году мне не раз приходилось сталкиваться с А.А. Панюковым, начальником управления Дудинского порта и лагерей. Тогда он был или старшим лейтенантом, или подполковником МВД. Чекист с 1919 года, из уральских рабочих, он производил впечатление хотя и сурового, но честного и справедливого человека. Не раз мне приходилось по его просьбе снимать с мели лихтеры и баржи, доставлять грузы в Игарку или из Игарки. Однажды мы даже потушили пожар, вспыхнувший на барже. Панюков у меня

* Пароход «В. Чкалов» был послан в рейс по распоряжению С.И. Якимова. После того как он сел на мель в Енисейском заливе, было возбуждено уголовное дело по обвинению капитана Г.О. Кононовича и С.И. Якимова по ст. 59-3 «в», ч.1 УК РСФСР. (Эта статья «пострашнее» ст. 58, подробнее об этом можно прочитать в книге седьмой издания «О времени, о Норильске, о себе...» на с. 216–217.) Обвиняемые виновными себя не признали, что подтвердили и свидетели. В итоге 16 июня 1941 года линейный суд водного транспорта, а вслед за ним Водно-транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР (после протеста прокуратуры) по причине отсутствия состава преступления С.И. Якимова и Г.О. Кононовича оправдали. (Примеч. ред.)

бывал, иногда мы пили чай и вели интересные беседы. О себе он говорил скупое. Чувствовалось, что он ко мне испытывает такие же добрые чувства, как и я.

После зимовки и похода на «Полярном» меня назначили заместителем начальника Дудинской пристани. Панюкова там уже не было. Он стал директором Норильского комбината и получил звание генерал-майор. Карьера головокружительная! В Дудинке на его месте оказался Иван Иванович Штырков, тоже старый чекист. О нем я еще упомяну.

Вот если бы удалось убедить Норильскстрой включиться в спасательную операцию! В то время такие люди, как Панюков на енисейском севере, Никишов в Магадане и на Колыме, были всемогущи. В их власти находились сотни тысяч заключенных, многие тысячи сильнейших инженеров и ученых. Страна требовала от них золото, никель, медь, уголь, и как можно больше. Они обязаны были все это дать, а каким способом, какими методами — это второе дело. Грозными владыками, бесконтрольно вершащими судьбы людей, казались они нам, простым смертным.

...Панюков меня принял. Внимательно выслушав, сказал:

— На днях мы ждем Авраамия Павловича Завенягина. Я ему передам ваше ходатайство. Думаю, оно его заинтересует и он захочет вас видеть. Готовьтесь к этому. Я вас поддержу.

...В кабинете было человек двадцать. Панюков меня представил. Авраамий Павлович, высокий, красивый сорокалетний мужчина, встал из-за стола, пожал руку и сказал:

— Товарищ Кононович, не волнуйтесь, пожалуйста. Мне известно о вашей беде и о той настойчивости, с которой вы пытаетесь спасти пароход. Уточните, что он собой представляет, его состояние и метод, каким вы намерены его поднять.

Докладывал я, по всей вероятности, довольно сбивчиво, и Завенягин не все понял. Резюмируя смысл моего проекта, он, между прочим, сказал:

— А вы знаете, товарищи, мне этот проект нравится: эти длинные винты ввинчиваются под корпус и приподнимают пароход...

По наивности и неопытности я хотел было поправить Заვენягина и уже открыл рот, как сосед, какой-то генерал, прошептал мне на ухо: «Не вздумайте уточнять — этим, не дай Бог, вы покажете, что он ничего не понял. Тогда пиши пропало!» После недолгого обмена мнениями Авраамий Павлович сказал:

— Товарищ Кононович, мы примем вас и ваших людей в нашу систему, поручим вам спасение парохода. Отремонтруем его, и вы снова будете его капитаном! Возражений нет?

Панюков принял решение поднимать пароход этой же осенью. В срочном порядке изготовили мягкие понтоны из бельтинга, и мы вышли на небольшом пароходике «Сплавщик» в залив. Руководителем экспедиции назначили Павла Михайловича Жука. С нами шел начальник управления флотом комбината Павел Иванович Оров. Мне он казался очень старым, хотя было ему не более пятидесяти с небольшим. Непревзойденный специалист, ученик самого Фотия Крылова, Павел Иванович руководил водолазными работами при возведении гигантских плотин на Днепре, Волхове и Волге.

В последующие годы я был близко связан с Оровым. Он стал руководителем отдела водолазных работ, а я был его заместителем. Мы крепко подружились, и он многому меня научил. Участник Гражданской войны, балтиец, он повидал и сам испытал много страшного и жестокого, но остался благородным, честным, справедливым и гуманным человеком. Он рассказывал, как его поразило бесстрашие и мужество молоденьких английских моряков, ворвавшихся на торпедных катерах в Кронштадтскую гавань. Атака была безумной — мальчишки шли на верную смерть. Когда их вели на расстрел, они улыбались и пели песню «Типперэри». Ни один не плакал, не просил пощады. «Мы их убили, а потом напились

и плакали! Жестокое было время!» — признался Павел Иванович Оров.

Мягкие понтоны оказались непригодными: бельтинг пропускал воздух, и надуть их было невозможно. На обратном пути попали в жестокий шторм. Пришлось от бухты Широкой до Сопочной Карги идти под самым берегом. Не вынуди нас шторм уйти с фарватера, возможно, мы напоролись бы на немецкие субмарины, зашедшие в залив. Мы слышали их переговоры и запросы о погоде, которые они подавали, маスキруясь под наши суда.

В Норильске изготовляли для нас судоподъемные винты и домкраты. Как-то меня принял Панюков и сказал:

— Послушайте, Кононович, что творится? Куда ни пойдешь, всюду увидишь эти огромные винты, всякие скобы, гайки и прочее. И все для вас!

Это, конечно, была шутка, но в ней проскользнуло подтверждение того, что мы не забыты. Приступили к сборам. Отход наметили на начало октября.

Многое зависело от того, что за люди пойдут с нами. Из тридцати шести человек восемь были так называемые вольнонаемные (я со старпомом, два водолаза, электросварщик, боцман и матрос), двадцать четыре — заключенные разных специальностей и четыре стрелка ВОХР. Никогда до этого мне не приходилось иметь дело с заключенными. Я пошел к начальнику лагеря Лейману, чтобы уточнить мои права и обязанности по отношению к этим людям. Ответ был таков:

— Прежде всего помните, что это люди, и соответственно поступайте. Вас не должно интересовать ни их прошлое, ни по какой статье они осуждены. Учитывая специфику зимовки, знайте, что ваши права ничем не ограничены. Вам поручена работа, вы должны ее выполнить. Соответственно и подбирайте таких, кто будет необходим по профессии, умению трудиться и квалификации. В этом мы вас ничем не ограничиваем: кого подберете, того и направим.

— Товарищ Лейман, нужна ли охрана? И что эти четыре человека могут сделать в случае, ну, скажем, бунта, побега? И будут ли они подчинены мне?

— Охрана необходима хотя бы для того, чтобы у этих людей не появился соблазн совершить нечто такое, о чем вы упомянули. Вам они подчинены, но не во всем. У них свой устав, свои обязанности. В этой части действуйте по обстановке. Могут возникнуть обстоятельства, в силу которых вы будете вынуждены заставить стрелков отступить от устава. Этим не злоупотребляйте. В случае успеха вас никто не упрекает. В противном случае каждый промах поставят вам в вину.

Это соответствовало моему пониманию вещей. Прорабом был назначен Федор Сергеевич Пирогов. Лучшей кандидатуры не могло быть. Директор крупной судостроительной верфи на Волге, он за что-то (скорее всего ни за что) получил большой срок. Конечно, он с большим желанием и радостью согласился отправиться в экспедицию. Своим опытом, тактом и спокойной деловитостью человека, знающего себе цену и понимающего людей, он чрезвычайно помог созданию того настроения, который сохранялся в течение всего времени. Ему я поручил подбор людей и составление заявок на все необходимое. Нельзя было ничего упустить. Там, в ледяной пустыне, любая мелочь может вырасти в проблему.

Завхозом вначале был прекрасный специалист и хороший бухгалтер (назовем его Быстровым). Он получил 10 лет без суда и следствия, как работавший в Харбине на КВЖД (срок давался всем, кто проработал в Маньчжурии, так, на всякий случай). Но внезапно, без моего согласия и вопреки протестам, вместо него прислали Евгения Андреевича Аржекаева. О причине я догадался лишь год спустя. Аржекаев в чем-то не согласился со Сталиным и подписал какой-то протест. Его и всех остальных из этой группы старых коммунистов исключили из партии и сослали в Якутию. Потом дали по 5 лет (очень малый срок по

тем страшным временам). Прошли годы, а его все не освобождали. В Дудинке я знал еще нескольких человек из той же группы. Аржекаев носил три ромба, был членом Реввоенсовета, начальником какой-то военно-политической академии, лично знал Ленина, а тут стал завхозом судоподъемной экспедиции, причем весьма посредственным.

Механиком и мотористом по рекомендации и ходатайству главного инженера Тимофея Гавриловича Стифеева стал Гречко. Толковый парень, сидевший за бандитизм, он не понравился мне своей развязностью и бахвальством, но Стифеев меня переубедил:

— Берите его, Георгий Осипович, от сердца отрываю — Гречко будет вам очень полезен, ведь он специалист высочайшего класса: моторист, сварщик и т.д.

У нас был балок, или крошечный домик, в котором, как в штабе, вершились все дела по подготовке экспедиции. Сюда шли те, кто хотел к нам поступить. Как-то приходит высокий симпатичный молодой человек, прекрасно одетый, с хорошими манерами:

— Я хочу предложить свои услуги и прошу вас включить меня в состав экспедиции. Я швед из Стокгольма, Олег Бернгардович Петри. По профессии авиационный инженер. Знаю и умею выполнять все работы с металлом: ковать, сваривать, обрабатывать и т.д. Да, должен пояснить, что я заключенный, хотя по виду этого не скажешь. Осужден я за шпионаж в пользу Японии. Будучи помощником военного атташе, я действительно занимался шпионажем и этого не отрицаю. Мне дали 10 лет, из которых 6 я уже отбыл.

Чем-то мне этот человек был симпатичен. Уж очень необычен, что ли? Пирогову я сказал:

— Федор Сергеевич, деликатная просьба. Я отнюдь не антисемит. Но в тех условиях, что нас ожидают, не надо никого брать, кроме русских. Мы народ выносливый, крепкий, сильный. А им это может оказаться не под силу. Начнутся жалобы, склоки, отказы...

Пирогов заверил, что учтет мое пожелание. Нам дали большой огород: копайте для себя картофель,

режьте капусту, дергайте свеклу и морковь. Выдали остальные продукты из расчета десяти месячных норм. А нормы-то какие? Шла война, и кормили впроголодь. А тут отдаленная зимовка и тяжелый труд на морозе в любую погоду. Что можно было сделать, я сделал... Плохо обстояло дело и с палатками: местные пошивочные мастерские никак не могли их изготовить. Недоставало самых необходимых вещей, даже таких, как домкраты. Пришлось ехать в Норильск к Панюкову. Собрал своих людей и попросил вспомнить, чего еще у нас недостает и о чем надо ходатайствовать.

— Георгий Осипович, надо бы добавить продуктов, да и махорочки маловато, вместо мяса дали субпродукты, а что это такое, вы сами знаете...

Панюков, грозный и неумолимый диктатор, которого все боялись как огня, меня принял сразу. Он был в добром настроении. Я сказал, что через несколько дней мы должны отплыть к острову Крестовскому, но не все готово. До сих пор не сшиты палатки, в которых мы будем жить.

— В палатках? В такие морозы?!

— Палатки необычные. Во-первых, они огромного размера: восемь метров на двенадцать, сшиты из брезента. Будут они двойные. Построим каркас из брусьев и досок, натянем на него палатку. Затем над ней построим второй каркас пошире и повыше на двадцать сантиметров и накроем второй палаткой. Таким образом получим воздушную прослойку. Настелим пол. Поставим русскую печь для приготовления пищи и выпечки хлеба. Поставим и железные печки-буржуйки. Тепло будет сохраняться неплохо. В такой же палатке разместим продуктовый склад. Мастерскую, баню, кузницу и склад под горючее и аммонал построим из досок и бревен.

— Понимаю. Прошу прислать мне чертеж палаток — мы этот опыт используем в будущем. Что еще?

— Нет домкратов. Их у нас всего пять, а необходимо минимум пятнадцать.

Панюков тут же позвонил главному инженеру комбината и приказал немедленно, сегодня же, изыскать и отправить в Дудинку все имеющиеся в наличии домкраты. Оказалось, более пяти найти не могут.

— Есть еще просьбы?

— Есть, Александр Алексеевич. Надо бы увеличить норму питания: в тех условиях это просто необходимо... — Я стал что-то говорить относительно махорки, мяса и еще чего-то в том же духе.

— Мало просите!

Панюков вызвал Николая Николаевича Урванцева — того самого, который много лет назад, выполняя приказание Ленина, исследовал Норильское месторождение и открыл здесь богатейшие запасы никелевой и медной руды, каменного угля и редкоземельных металлов. Он же в начале 1930-х годов вместе с Ушаковым, Ходовым и Журавлевым исследовал архипелаг Северная Земля и написал об этом книгу «По нехоженной земле». Сейчас Николай Николаевич находился в заключении, имея срок что-то около 25 лет. При этом он руководил геологическим комитетом комбината и был по-прежнему энергичным и до фанатизма преданным своему делу. Панюков его ценил и вскоре добился для Урванцева условного досрочного освобождения, а затем и полной свободы и реабилитации.

Через некоторое время в кабинет вошел Урванцев. Держался он скромно, но с достоинством и отнюдь не униженно. Панюков его спросил:

— Николай Николаевич, скажите, по каким нормам вы кормите своих геологов, когда они находятся в отдаленных командировках?

— Вы имеете в виду заключенных или вольнонаемных?

— Разве есть различие?

— Да, и значительное. У вольнонаемного состава нормы выше и ассортимент другой.

— Спасибо, Николай Николаевич. Познакомьтесь — это капитан Кононович, он на днях отправля-

ется на необитаемый арктический остров Крестовский поднимать затонувший там пароход. Условия будут тяжелейшие. Девять месяцев люди будут работать на морозе. Прошу вас сейчас же передать товарищу Воронцову мой приказ относительно обеспечения всех участников экспедиции по нормам, предусмотренным для вольнонаемного состава передвижных отрядов геологического отдела.

Урванцев попрощался и вышел.

— Как, товарищ Кононович, вы удовлетворены?

— Вполне. Благодарю. Последнее: не исключено, что в процессе работ возникнет нужда в доставке чего-нибудь крайне необходимого. На наземный транспорт рассчитывать нельзя: до Диксона далеко и дорог нет. Поэтому остается лишь самолет. Мы предусмотрели, казалось бы, все, но мало ли какие неожиданности могут быть впереди... Злоупотреблять не буду. И если попрошу, то лишь в самом крайнем случае. Посадочную площадку подготовить сумеем.

— Согласен. А палатки к вашему возвращению Штырков обязался сделать. Удачи вам!

Через год я по какому-то поводу вновь побывал в Норильске и, обедая в столовой, с удивлением и радостью узнал Николая Николаевича Урванцева. Он рассказал, что вот уже месяц как на свободе. Квартиру уже дали. Ждет приезда жены.

Перед отъездом я поинтересовался, что же это за нормы такие, по которым мы будем питаться на зимовке. Нам полагалось на месяц по шесть килограммов крупяных изделий, шесть килограммов мяса или консервов, два килограмма сливочного масла, двадцать килограммов муки и многое другое, в том числе по сто граммов спирта, килограмму табака и махорки и многое другое, включая сухое и сгущенное молоко, сахар, специи и т.д. Конечно, при Петре Великом нормы были значительно выше, но и время было иным, и Петр был Великим. Лучшего нельзя было и ожидать. Вот так суровый Панюков! Не передать ту радость и даже некоторое неверие, когда я объявил это своим.

Третьего октября мы вышли в рейс. Все имущество и люди шли на лихтере «Амыл», а мы со Степаном Федоровичем Перфишиным — на катере «Шторм».

Шли с приключениями. Раз сели на мель, но снялись быстро. Потом попали в жесточайший шторм в устье реки. Отстоялись в какой-то протоке. Затем раз за разом глох мотор. Но так или иначе 8 октября прибыли на место. Лихтер ошвартовали к «В. Чкалову» и приступили к выгрузке тяжестей, не боящихся воды. Швеллеры сложили на спардеке и полубаке, остальное, к счастью, догадались занести под полубак. Пока шла выгрузка, мы стали на «Шторме» делать промеры и искать наиболее удобное место для выгрузки остального имущества и постройки зимовья.

...В восемнадцать выгрузку закончили. Волна увеличилась, и «Амыл» начало бить о берег. Наконец эта богадельня отошла. Приготовил ракетницу для салюта, как вдруг крик: «Дайте шлюпку — якоря запутались!» Когда мы их распутали, было десять вечера. «Шторм» наконец ушел. Я выдал по шестьдесят граммов спирта. Спать легли под скалой, на самом берегу у костра.

КАЛЕНДАРЬ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

11 октября

В пять утра проснулся: что-то било по ногам. Оказывается, пока мы спали, поднялся шторм и волны начали нас захлестывать. Костер погас. Быстро вскочили и стали все переносить наверх. Ветер свистит. Холодно. Волны очень крупные и залили обе шлюпки, вытащенные на песок. К счастью, успели их поднять и оттащить повыше. Шторм разыгрался вовсю! Видя, что народ совсем измучен, я распорядился развести большой костер и выдал еще по чарке...

Так началась наша жизнь на острове Крестовском. В девять все приступили к работе. Я пошел на рекогносцировку по острову.

Пройдя перешеек, отделяющий северную возвышенность острова от южной, я поднялся на холмик и увидел, как из избышки, что стояла на берегу на вид всеми покинутая, вышел какой-то человек и, увидев меня, вновь в нее забежал. «Кто же это может быть? Ведь остров с незапамятных времен необитаем? Неужели немцы? Вполне возможно, ведь видел же Панов, как они играли в футбол в бухте Лемберова, а их субмарина стояла неподалеку». Оказалось, что это были немцы, но невоенные. Сюда поселили семью Гесс, высланную из Поволжья. Испугавшимся человеком оказался глава семьи, мужчина лет шестидесяти, его жена была чуть помоложе, с ним жили восемнадцатилетняя дочь Ирма и двенадцатилетний сын Август. Все очень обрадовались мне.

Гесс — бондарь. Он будет заготавливать деревянные бочки для белужьего жира.

Избушку, сколоченную лет сто назад, запущенную и развалившуюся, они превратили в славный домик. Настелили пол и потолок, установили большую русскую печь, сделали новые оконные рамы и двери. Изготовили отличную мебель. Рядом старик выстроил сарай-мастерскую, к нему от дома провел тоннель, чтобы ходить в пургу. И все это из досок, которые они сами напилили из бревен, валяющихся на берегу. Фрау Гесс привезла с собой прялку, старинную, с большим колесом.

— Скажите, для чего вам эта прялка?

— Да, знаете, просто было жалко ее бросать. Она еще от прабабушки, со времен Екатерины Великой, осталась. Как же бросить?

Мы подружились и договорились, что женщины каждую декаду будут к нам приходить и стирать на всех белье: казенное — за деньги, нательное — за продукты. Промышленники, узнав, что у Гессов есть прялка, привозили им собачью шерсть. Старушка не только умела прясть, она и вязала отлично. Теперь никто не проезжал мимо. У Гессов появились мясо, жир, битые гуси, рыба. И все это в оплату за свитера, носки и шали, что делала хозяйка.

...Вернулся под вечер. Ребята строят каркасы и настилают полы под будущие палатки. Повар пока готовит обед на костре. Чувствуется, что все воодушевлены и работают охотно. Не дай Бог, если воцарится тот жуткий лагерный дух подневольности и рабского подчинения. Тогда им все до лампочки. Как этого не допустить? Как найти ключ к их сердцам? Думаю, что главное — никакой разницы ни в чем между нами и заключенными, никакой напускной строгости. И чтобы каждый видел и ощущал свою полезность. Нельзя людей перегружать и переутомлять без нужды, но и не давать бездельничать. Ладно, думаю, все будет как надо!

14 октября

Прекрасная погода. Поставили палатку — она служит складом. В жилой зоне печники складывают русскую печь. С утра пошел на шлюпке с водолазами на пароход. Стеблецов три раза ходил в воду. Извлек из помещений понтоны, что заложили туда прошлой осенью. Штормом погнуло два швеллера. За время нашей поездки люди успели занести в палатку все продовольствие и почти закончили еще один каркас. Вот затащили подальше от берега. Одна бригада складывала в штабель плавник. Успели заготовить около семидесяти кубометров. Видели караван из семи судов, идущий на Север. С ними два тральщика.

17 октября

Жестокий шторм с норда. В бинокль видно, что на пароходе свалило трубу и, кажется, сбросило швеллеры. Черт возьми! Два года стоял пароход, и хоть бы что, а тут такое! Двадцать пять человек поставлены на заготовку и подвоз бревен на дрова. Заготовлено не менее трехсот кубометров. Под влиянием нагонного ветра уровень воды повысился почти на метр. Срочно поднимаем все подальше от берега. Боюсь, что то, что было выгружено на палубу, смоем. Вокруг нас бегают

песцы. Ночами слышим их хриплый лай. Сегодня наконец перебрались в палатки.

Палатки огромные и просторные. Налево от входа построили две каютки: четырехместную — для стрелков и двухместную — для нас со Степаном Федоровичем. Направо шли кухня, потом лазарет и каюта доктора и Шмитке, дальше — общее помещение. Нары были двухэтажные.

У нас есть крошечный электродвижок Л-3. Это трехсильный бензиновый моторчик с генератором. Провели электропроводку, навесили лампочки.

Каждый вечер ко мне заходит Пирогов, и мы детально обсуждаем план на следующий день и на ближайшее время. При этом оговариваем, кто и что делает персонально.

Двадцать второго октября замерз пролив Крестовский. Мы с Перфишиным рискнули переправиться на противоположный берег на поиски лесных скоплений. Пошли на лыжах. Лед совсем тонкий, под лыжами прогибается, но не трескается. Уже третий день дует муссонный зюйд-ост. Надеюсь, что штормов больше не будет.

Нашли несколько больших скоплений леса и установили над ними высокие шесты. Температура держится в пределах десяти градусов. Дошли до знаменитой владимирской избушки. Это крошечный домик, в котором когда-то жил какой-то Владимир Иванович. Там, над нарами, аккуратно вырезана ножом такая благодарственная надпись: «Спасибо тебе, Владимир Иванович, за хлеб и соль на столе. Сколько раз, пургой гонимые, ночевали мы в твоей избе!» Подходим, а из трубы вьется дымок. Оказывается, в ней поселился Александр Иванович, или, проще, дядя Саша. Он охотник, прибыл бить оленей и ловить рыбу для нефтяников из Усть-Порта. Энергичный сорокалетний мужчина. Чтобы не скучать, сложил новую русскую печь, из досок, с «Тбилиси» выброшенных на берег, сделал пристройку к дому и новые нары, стол и некое подобие кресла. Капканом ловит сов. Нас уго-

стил отличными оладьями из американской муки на оленьем жиру и кофе.

К концу октября морозы установились в пределах тридцати градусов.

31 октября

Мороз двадцать пять градусов. Тихо. Идет заготовка бревен и подвозка их к берегу. Гречко и Мартынов привезли из бухты Широкая четыре бочки бесхозного авиационного бензина, свежей рыбы и соленого омуля. Отвезли к Гессам белье в стирку. Между берегом и пароходом уже сутки как держится неподвижный лед. Он еще тонкий, не более трех сантиметров, но я надеюсь завтра по нему пройти. В проливе он уже полуметровый. На «Тбилиси» упали вторая мачта и труба. Видно, что на него наносит большие поля. Боюсь, что его так же заторосит, как и «В. Чкалов». Из Омудево приехал промышленник Голубко за доктором. Заболела его жена: боли в сердце, колотье в груди, желудочные боли с тошнотой. У нас тоже одиннадцать человек заболели — грипп. Все же доктора мы послали. Поскольку у нас эпидемия, решили пока людей далеко не посылать, а использовать на постройке мастерской, бани и уборной.

На другой день ветер подогнал ледяные поля к восточному берегу, и я решил пробежаться до парохода. Взял с собой гарпун и чуточку продуктов. Мороз за сорок. Идти страшновато, но кто в молодости не любит риска? Шел быстро, почти бегом. В одном месте чуть не провалился, но все-таки дошел. Вокруг много полыней и стоят высоченные торосы, не ниже пяти метров. Набросало лед и на палубу. Швеллеры почти все сброшены, а те, что остались, погнуты. Придется поработать водолазам, да и всем остальным. Но это не ошибка и не оплошность: не могли же их на плечах выносить с лихтера на берег. Ничего, все поправимо. Труба сломана и лежит в вентиляторах. Остаться на пароходе было жутковато: лед скрипит и напирает,

вздыбливаются все новые и новые торосистые гряды. Под вечер возвратился домой. Восхищен работой моих товарищей. Уже и баня готова, и мастерскую заканчивают, и больные начали поправляться.

Апатов — сержант и командир стрелков ворчит: «Вот, предупреждал, что доктора нельзя отпускать, а его все нет. Если сбежит — кто будет отвечать?» У меня появилась упряжка. Братчиков сделал великолепные нарты и сшил упряжь. Собак купил у промышленников, а одну, по кличке Норка, одолжили Гессы. Упряжка веером. Это очень практично и удобно. Все собаки перед тобой, и управлять ими легче. Долго подбирал вожака. Им оказался самый маленький, невзрачный на вид, короткошерстный песик Норд. Был и Аристократ. Этакая огромная, важная и ленивая псина. Однажды я его ударил рукой, он огрызнулся, тогда я его ударил кулаком, а он набросился и так искусал меня, что до сих пор есть шрамы. Что поделаешь? Сам нарвался. Были Рыжий, работяга и скромник, и молодой, почти щенок, Серый — сын собачьей мамы и полярного волка. Пяти собак было вполне достаточно.

Каждой собаке требуется около килограмма мяса на день. Следовательно, надо побольше тонны. Бросил клич, и промышленники стали подвозить то белужье мясо, то сало, то еще что-либо в том же роде. Расплавивался деньгами или чем-либо техническим. Ни в коем случае не продуктами. А вот оленье мясо, рыбу, омуля мы обменивали на картофель, капусту, иногда и на молоко, в особенности тем, у кого были детишки. Аржекаев делал это открыто и объявлял, что и почем обменяли. Питались мы отлично. Обед бывал из пяти блюд, включая закуску и компот или кисель.

Вот что было скверно — это клопы. Других насекомых, к счастью, не было. Но клопы! Их была масса, они шуршали в щелях переборок, кусали нас, и не было сил от них избавиться. Пробовали вымораживать, шпарили кипятком, жгли паяльной лампой, а они продолжали отравлять нам жизнь! Наконец от

атак и наскоков мы перешли к планомерной позиционной войне. Каждую декаду устраивали аврал и победили. Не совсем, но все же!

На Октябрьские праздники мы со Степаном Федоровичем поехали в гости к Белянину. Там собралось несколько промышленников. Зашел разговор о честности северных жителей.

— Я знаю, что никто никогда здесь не возьмет ничего чужого.

— Не скажите, Георгий Осипович, — возразил Петр Романович Жданов. — В позапрошлом году весной у меня украли веревку, которой я вытаскивал белух. Она лежала на мыску и исчезла, — сказал он, лукаво взглянув на меня.

— Послушайте, Петр Романович, так это я ее взял. Мы ехали с Дутовым, он остановил собак и попросил принесли мне веревочку, что лежит на камнях. Я ее взял и ему передал, но я не знал, что она ваша.

— То-то! Я знал, что это вы взяли для Дутова. По следам увидел. А сейчас подумал: признаетесь ли вы или нет? У нас закон: что не твое, то не бери.

Все рассмеялись, а Дутову, думаю, потом от них досталось.

10 ноября

Двадцать восемь ниже нуля. Тихо. Степан Федорович с дядей Сашей ловит омулей. Ежедневно добывают до шестидесяти рыбин. Хорошее подспорье к столу. Мы с Пироговым пошли на пароход и наметили план работ на ближайшие дни. Ежедневно восемнадцать человек будут расчищать торосы и строить защитные снежные стены. Пять человек будут работать в мастерских. Двое расчистят дорогу и поставят вешки, чтобы в пургу не сбиться с пути. Остальные (кроме больных — их у нас шесть) приступят к проходке майны вокруг судна.

На обратном пути заметил оленей, пересекавших залив. Бегом бросился домой и, захватив винтовки,

вместе с Апатовым побежали за ними. Двоих удалось подстрелить. Остальные бросились врассыпную.

На другой день приступили к изготовлению стропов. Такелажное дело хорошо знали Мартынов и Братчиков, которых в свое время я и научил. Организационные проблемы были решены, и я взялся за свайку. Рассчитывал дня за три управиться, но не получилось. Трос был жесток — так называемый экскаваторный. За день успевали сделать не более четырех стропов, а всего их надо минимум двадцать.

Водолазы принялись извлекать из воды утопленные швеллерные балки.

15 ноября

Был на пароходе. Майна поддается туго. Нудная и непроизводительная работа — по кусочкам откалывать торосы и сачком вылавливать их, а потом отбрасывать лопатой. Нащупали балки, сброшенные штормом, они грудой лежали вдоль правого борта. Водолаз Стеблецов сказал, что торосы лежат на грунте, — следовательно, от подошвы до вершины не менее восьми метров. Вернувшись, приступили вместе с Перфишиным к постройке снежного сарая-лесопилки. Высота стен — четыре метра, длина — шесть. Ножовкой напилили снежные кирпичи и аккуратно их выложили. Польем водой, и все.

Механики проверяют и смазывают домкраты, судоподъемные винты, скобы, блоки и готовят мотопомпу. Сегодня водолазы подняли из воды десять швеллеров. Многие погнуты. Учитывая, что вот-вот начнутся метели и весь лес занесет, объявили тотальную мобилизацию: все на перевозку леса. Построили пять прочных саней, сшили лямки и начали работу. Каждое утро во главе колонны из двадцати человек иду к штабелям, что у Поповой разведки. Пятнадцать человек, в том числе и я, впрягаются в сани. Пять откапывают бревна из снега, пилят их на чурки нужной длины и готовят к транспортировке. Больше двух ездов за день не осилить: расстояние пять километров. Приходит-

ся делать больше двадцати километров в день, из которых десять с грузом. Труд тяжелый. Первым сдал «швед из Стокгольма». Выяснилось, что он вовсе не швед, а еврей, и не из Стокгольма, а из Иркутска.

— Мне надо было перекантоваться. Здесь вы со мной ничего не сделаете и знайте, что я профессиональный шпион и за вами тоже шпионю.

— Олег Бернгардович, не будь вы заключенным, я бы вас просто прогнал. Прошу не демонстрировать свою наглость, а работать в меру сил. Вижу, что в бурлаки вы не годитесь. Будете работать в бригаде Гречков с моторами.

Я не кричал на него, не угрожал, и это подействовало. Лишь Пирогова я посвятил в происшедшее, которому О.Б. Петри не понравился еще в Дудинке. Вторым сдал рабочий Грива, типичный лодырь, причем неисправимый. Его пришлось поставить на подсобные работы. Остальные, как говорится, выкладывались изо всех сил. Десять дней продолжался этот аврал. На первое время бревен навезли достаточно. Оставили возчика и двух рабочих, которые продолжали подвозить их на лошади.

Распорядок был обычный: в половине седьмого подъем, завтрак, а в восемь на работу. Заканчивали вечером в половине шестого. Иногда мы устраивали что-то похожее на собрание или производственное совещание. Здесь можно было услышать много интересного и полезного. Правда, бывали и грубые выходки, но особого вреда они не приносили. Из Омудевой мы привозили книги. Впервые я познакомился здесь с Беранже. Читали охотно и много. За все время не помню ни одного случая ссоры или драки. Однажды в ноябре чуть не случилась трагедия. Командир отделения сержант Иван Дмитриевич Апатов, единственный член партии среди нас и самый мерзкий тип, начал ко мне приставать с требованием всех заключенных подстричь наголо — согласно положению.

— Иван Дмитриевич, нельзя этого делать ни в коем случае: люди рады, что им разрешено носить

прическу. Остригите их, и сразу из нормальных они превратятся в стадо подневольных рабов. А потом учтите: морозы, а шапчонки матерчатые, холодные, а не меховые, как у нас с вами.

Но Апатов не унимался. Он давно служил в органах и превратился в жестокого, беспощадного исполнителя. На заключенных смотрел как на рабов, как на стадо бессловесных, обезличенных существ. Работа в охранных частях ГУЛАГа часто калечила души людей, и они, как сторожевые псы, готовы были наброситься на тех, кого сторожили. В Дудинке был случай, когда часовой застрелил инженера, руководителя работ, который отказался стать в строй вместе с заключенными. Уверен, что Апатов с превеликим удовольствием проделал бы это и со мной. Видимо, его изуродованную душу и сознание мучил вопрос, как это вольняшка руководит эсками, а его, Апатова, требования игнорирует.

...Был банный день. Как всегда, я мылся последним. Парился, блаженствовал и находился в самом прекрасном настроении. Вдруг врывается матрос Братчиков, с порога докладывает:

— Георгий Осипович, скорее, у нас беда! — и быстро убегает.

«Что за беда? Не пожар ли?», — думаю я, одеваюсь, и бегу по подземному (фактически подснежному) коридору. Открываю дверь в палатку и вижу: Апатов с наганом в руке. Двое стрелков держат за плечи водолаза Стеблецова, прижимая его к скамейке. Третий стрижет его машинкой. А сзади, на втором плане, мрачные лица разгневанных моих соратников. «Господи! Сейчас кто-нибудь трахнет табуретом по лампочке, и через минуту в темноте из этих изуверов, а потом и из меня сделают кровавое месиво!» — подумалось мне.

Вы знаете, что такое «красный гнев»? Это ярость и такой сгусток воли и злобы, перед которыми никто не устоит. С диким криком я выхватил наган из рук Апатова, схватил его за шиворот и поволок из палатки наружу, на мороз.

Что я ему говорил, можете догадаться. Он, бедняга, сник и готов был к смерти. Выговорившись, чуть успокоившись, я вернул ему наган и приказал:

— Сейчас же сам сядешь на скамейку, и пусть тебя остригут под ноль! Понял, мерзавец?!

— Понял, гражданин начальник! Понял, больше не буду!

Конечно, Апатова, вернее, его достоинство я пощадил, и его не остригли. Этот эпизод сыграл свою положительную роль, расставив все по своим местам, и показал кто есть кто.

В декабре мне вновь пришлось столкнуться с явлением галлюцинации. Была метель. К вечеру люди с парохода не возвратились. Я пошел на поиск, дошел до судна, их там нет. Возвратился домой — не приходили. Пурга разыгралась вовсю. Ведь люди могут заблудиться, замерзнуть или, что вполне реально, свалиться со скалы. Взял ракетницу, но в такую метель она бесполезна. Иду и сержусь... Вдруг вижу: вон они идут, пригибаются, закрывают руками лица от секущих снежных струй. Впереди идет Гужба, ведет отряд. Обрадовался и вместо гневных слов начал подыскивать что-то радостное, подбадривающее. Остановился и вижу, что никого нет, — это снежные струи вьются о ропаки и торосы и кажутся людьми. Стало жутко, как будто нечистая сила вступила со мной в жестокую игру. Вновь возвратился домой. Слава Богу, все целы. Пришлось не только возвратившимся, но и всем остальным выдать по сто граммов.

К концу декабря почти все было подготовлено к началу подъемных работ. Торосы расчищены, вокруг парохода проделана двухметровая полынья, когда она покрылась достаточно толстым слоем льда, в нем пробрили лунки и сквозь них поставили двойной ряд прочных свай из бревен, которые привезли с берега. Таким образом создали надежную «точку опоры». При постановке свай произошло несчастье. Эрик Христович Шмитке был старшим. Подойдя к бригаде, я сделал Эрику замечание:

— Обязательно «ножницы», которыми поднимаете сваи, раскрепите тросами — могут упасть и кого-нибудь зашибить!

Эрик снисходительно улыбнулся (он это умел) и с усмешкой ответил:

— Георгий Осипович, я же не маленький, чтобы меня учить: не упадут!

Я вновь повторил свое требование и, уверенный в том, что оно будет выполнено, отошел.

Через час, не более, прибегают:

— «Ножницы» упали, и Эрику сломало ногу!

Бедного Эрика я готов был обругать, но, как увидел его страдающее бородатое лицо, пожалел и сдержался. Из строя он выбыл. Наш врач ногу вылечил, но она стала короче. Первым самолетом его отправили в Норильск, и там великолепный кремлевский хирург из заключенных восстановил ее длину.

При подъеме швеллерных балок из-под воды сорвавшимся размахом лебедки со страшной силой ударило сварщика Веретнова в лоб и грудь. Тот упал. Ну, думаем, погиб! Через минуту встал как ни в чем не бывало. Лишь на лбу выросла здоровенная шишка. Все же насколько прочен человек! На всякий случай дали пострадавшему парочку дней отдохнуть. И тут новое несчастье. С лесов упал Стеблецов, да не как-нибудь, а прямо на голову. Я шутя сказал Апатову: «Был бы острижен, погиб бы обязательно, а так волосы самортизировали, и человек остался жив!» Апатов не обладал чувством юмора: «Да ведь верно, Георгий Осипович!»

Промышленники везут нам мясо, жир и рыбу. А те, что когда-то выловили бочки с бензином, выброшенные штормом у их зимовки, везут бензин. Это все нам очень нужно. Бартерная торговля идет вовсю. Доктор, милейший человек, удаляет зубы промышленникам, их детям и женам, лечит их и пользуется заслуженным авторитетом.

Чтобы избежать лишних разговоров, сплетен и пересудов, я попросил его ничего не брать от благо-

дарных пациентов. Все будет сделано через Аржекаева: тому можно доверять.

В конце декабря, когда залив окончательно замерз и лед стал, я поехал на полярную станцию и факторию Лескино. По пути решил побывать на «Тбилиси». Пароход исчез. Даже торосов на том месте, где он находился, не было видно. Его засосало в песчаный грунт. Очень жалел, что не побывал здесь раньше с водолазами. Сколько ценного и полезного можно было бы извлечь!

Лескино находится на левом берегу залива. За ним простираются бескрайние просторы дикой тундры с оленями, песцами, волками и кочевыми племенами. Около фактории стоят несколько оленьих и собачьих упряжек. Входят и выходят люди с ружьями и без ружей, что-то грузят на нарты, что-то выгружают и заносят на склад. Романтичная северная картина...

Я отослал радиogramмы Панюкову, Штыркову и Орову, в которых просил прислать домкраты, кошму, помпы и головку блока цилиндров на наш СТЗ-НАТИ. Третьяков, начальник фактории, меня спросил:

— У вас давно эта серая собака?

Рисунок Г.О. Кононовича. У меня появилась упряжка...

— Да нет, месяца два. Это девятимесячный щенок. Я купил его у промышленника за сто пятьдесят рублей.

— Скажите, а вы били когда-нибудь его, я имею в виду собаку, а не промышленника?

— Бил смертным боем: не хочет тянуть, хоть умри! Только улыбается своей собачьей ухмылкой, и все!

— Берегитесь! Это волк. Во всяком случае, его отец был полярным волком. Он вам не простит побои и выберет момент, чтобы отомстить по-волчьи.

Утром я собрался домой. Выпустил собак побегать перед путешествием, вытащил нарты, аккуратно разложил на снегу сбрую, оделся и стал их ждать. Побегав, собаки возвратились и каждая стала над своей лямкой. А когда ее одевал, так они даже шею вытягивали, чтобы удобней было. Вокруг много любопытных и знатоков: как этот моряк управится со своими четвероногими? Сел. Взял командную вожжу в руки, крикнул: «Усь», и псы с места в карьер вихрем помчались под горку к берегу залива. Вдогонку залаяли местные собаки, послышались прощальные напутствия, и мы выехали на гладкий лед залива. И тут я обратил внимание на Серого, он мчался и тянул нарты сильнее всех, временами оборачивался и с таким веселым торжеством на меня поглядывал своими желтыми волчьими глазами, что я не выдержал. Остановил собак, приласкал и прижался щекой к морде этого милого волчьего сына.

С тех пор лучшей собаки в упряжке не было. Удивителен и вожак. Он был правофланговым. Чтобы не сбиться с пути, я по компасу определял нужное направление, потом некоторое время шел впереди упряжки, затем садился и был уверен, что курс будет выдержан. При обходе какого-либо препятствия Норд вновь ложился на ранее заданное направление и вел наш снежный корабль, как самый лучший рулевой или лоцман.

...К семнадцатому января мы все подготовительные работы закончили и приподняли левый борт на два с половиной сантиметра. Ничтожно мало, конечно, но все же! Такое ощущение, что держат бортовые кили и винты, засыпанные галькой, и воду еще не откачивали.

18 января

Исключительно хороший, ласковый день. Полный штиль, тает, температура около нуля. Более благоприятных условий для подъема не придумать. Разнесли шестидюймовые шланги, запустили мотопомпу и приступили к откачке воды из носовых отсеков. Вода понемногу убывает. Расставили людей и начали поднимать. К вечеру огромными усилиями удалось приподнять левый борт всего на двенадцать сантиметров. Наступила темнота, люди ушли домой. Я остался с механиками, чтобы к утру осушить кочегарку и носовой отсек. Мотор заглох, его разобрали. Оказалось, головка цилиндра вся в трещинах. Вода охлаждения через них попадает в цилиндры, на свечи зажигания и в картер. Иногда работает один или два цилиндра, но тут же глохнут. Трещины старые, когда-то их заваривали, но неудачно. Выходит, Гречко знал об этом и молчал? То-то все возился с мотором и ухаживал за ним со всем тщанием! А мне — ни слова. Значит, откачать воду не удастся. А это четыреста тонн дополнительной тяжести. Скверная история...

В ДНИЩЕ НАСЧИТАЛИ 217 БОЛЬШИХ И МАЛЫХ ПРОБОИН

Наверное, Стифееву жаль было расставаться с исправным мотором и он убедил Гречко взять этот, надеясь на его золотые руки. Если это так и отремонтировать головку не удастся, что более чем вероятно, то воду мы не откачаем, тогда пароход либо вовсе не поднимем, либо так затянем это дело, что не останется времени на ремонт днища. А как будет со сваркой?! Провозившись несколько дней и убедившись, что от-

ремонтировать невозможно, Гречко понял, что подвел все к полной неудаче. Он, видимо, был в состоянии крайней безнадежности и, опасаясь предстоящего возмездия, при всех меня оскорбил:

— Это ты, начальничек, заставил меня взять неисправный мотор. Ты знал, что работать не будет, а ведь заставил! Ты вредитель и за это ответишь! Вот свидетели! — И широким взмахом руки указал на присутствующих.

Все с недоумением и ужасом наблюдали за безумной выходкой бандита, их товарища, неплохого механика и перепуганного человека.

«Только бы не сорваться... Спокойней! Не дай разгореться пожару, не соверши непоправимую ошибку», — думал я, а вслух сказал:

— Все ясно, Гречко. С должности механика ты снят, как несправившийся. Дела сейчас же передашь Багелю. На пароход больше не пойдешь — будешь работать здесь: уборка, дрова, кое-что в мастерской. Все!

Я понимал, что этим дело может не кончиться. Оскорбление, нанесенное мне публично, я расценивал как дерзкий вызов подлого труса, ищущего защиты у товарищей. Не найдя этой защиты, он способен пойти на что угодно. Посоветовавшись с Пироговым и Апатовым, решил немедленно построить в стороне от палаток снежный домик, сложить туда треть наших запасов, аммонал, детонаторы, кислород и подкатить все бочки с бензином. Домик обнесем тросовым заборчиком и запретим к нему подходить под угрозой выстрела без предупреждения. Это наше спасение на случай диверсии.

У меня не было ни доносителей, ни осведомителей, я не знал, кто с Гречко, кто против него и, вообще, каково настроение у людей. На всякий случай тех, кто с ним работал, перевел на другие участки, а Багелю позволил самому подобрать себе надежных помощников. Происшедшее мы больше не обсуждали, и по отношению к Гречко ничего не предприни-

малось. Скоро все было забыто. Ежедневно мы поднимали пароход на двадцать—тридцать сантиметров, но с каждым днем это становилось все труднее: лед в отсеках, когда-то как бы плавающий под водой, сейчас, выходя из нее, становился огромной дополнительной тяжестью.

Строить снежный домик мы взялись вдвоем с Аржекаевым. Пилим поперечной пилой снежные кирпичи и беседуем. Я как-то его спросил:

— Евгений Андреевич, вы читали Мате Залка «Добердо»?

— Читал, конечно, а что?

— Там описывается пулемет, который якобы делал свыше семисот выстрелов в минуту. Вот бы нам такой сейчас!

И тут, к моему изумлению, Аржекаев начал доказывать, что это совсем ни к чему: патронов не напасешься, а вообще-то лучше всего — это наша трехлинейка.

— Как вы можете так рассуждать: ведь вы были членом Реввоенсовета, кадровый военный, а говорите такое... Для чего же мы строим счетверенные, шестеренные пулеметы? Для чего?

— Чтобы расширить полосу огня!

Я страшно рассердился: как же так — военный человек, а несет такую чушь! А ну-ка, дай такому власть сейчас? Это вроде маршала Кулика или Тимошенко, готовых послать людей с шашками против танков. Не выдержав, я бросил пилу:

— Не буду я с вами пилить, не хочу!

Прошло несколько дней. Подъем парохода мы продолжали, все шло по плану, и страсти после выходы Гречко улеглись. Вечером ко мне зашел Аржекаев.

— Георгий Осипович, я хотел бы с вами поговорить. Вы заметили, что в последнее время я стал работать лучше?

— Нет, ничего такого я не заметил. Вы и раньше не так уж плохо все делали. А в чем, собственно, дело?

— У меня мания самоубийства. Я давно приговорил себя к смерти, не раз пытался это осуществить, но все как-то не получалось. А сейчас во мне все перевернулось, и я решил этого не делать.

— Евгений Андреевич, давайте прогуляемся. Там и поговорим.

Долго мы с ним ходили по заснеженной тундре. Он рассказал, как работал в Гражданскую войну, потом был в Коминтерне. В частности, ему поручалась работа с видными иностранными коммунистами-революционерами, такими, как Макс Гельц, Бела Кун, Клара Цеткин и др. Потом было расхождение во взглядах со Сталиным, потом — остров Крестовский. Семья потеряна. Идеалы, в которые верил, на которые молился и за которые боролся, разрушены. Жить не для чего. Но все это, как мне казалось, не могло быть причиной желания смерти.

Наша прогулка и беседа подбодрила и меня, но я очень жалел, что вспылал из-за скорострельного оружия. После разговора Аржекаеву стало легче. Он был отличным шахматистом, и мы на следующий день устроили турнир. Первый приз — банку мясных консервов и килограмм конфет — получил Аржекаев.

Об этом разговоре я рассказал Пирогову и попросил, чтобы и он исподволь помог бедняге избавиться от навязчивой идеи. Пирогов сказал, что незадолго до этого Аржекаев его спросил:

— Федор Сергеевич, вы верите в судьбу?

На что Пирогов ему ответил:

— Конечно, верю: не судьба, так не был бы на Крестовском.

Аржекаев сказал:

— Я тоже верю: сейчас стал вешаться, а веревка порвалась. Не судьба, значит.

С каждым днем наши дела шли все хуже и хуже. Вот и январь прошел, подняли мы пароход меньше чем на метр. Водолазы заглянули под корпус и ужаснулись (а как ужаснулся я?!), увидев, что все днище в

трещинах, вмятинах и пробоинах. А что можно ожидать, если в течение трех лет его били о камни штормы и зыбь, приходящая с моря? Что-то нехорошее стало происходить и со мной. Старался не поддаваться отчаянию, не пасть духом. Но надеяться было не на что. Допустим, в марте нам привезут эту злополучную головку блока цилиндров. Пароход поднимем. Но пробоины? Когда и как их заделаем? И чем?

Однажды поздно вечером пошел к пароходу, сел на скамеечку в водолазной будочке и задумался: «Вот он стоит, молчаливый, ждет, надеется, верит. А я, капитан, брошу его погибать и уеду? Нет, этого не будет! Если погибать — так вместе». Мысли бредовые так и роились: «Взорвать его и себя. Опуститься в майну и успокоиться?!» И тут осенило: «Господи, как я прежде не догадался? Это ведь так просто! Надо нагнетать воздух в отсеки водолазной помпой. Воздух вытеснит воду через днищевые пробоины, и все! И мотор не нужен сейчас, и помпы. Ведь это элементарно!»

Чуть ли не бегом, радостный, пошел домой. Поднял водолазов и приказал посменно до утра нагнетать воздух. В каждой смене два человека. Работать по четыре часа. Если воздух начнет выходить через палубные отверстия, заделать их и заморозить. С полуночи начали. Убедившись, что дело пошло и давление на манометре достигло полутора атмосфер, шланг перенесли в другой отсек.

Из-за сильных морозов подъем приостановили: металл на холоде становится хрупким, а это опасно: могут лопнуть скобы, а может быть, и балки. Медленно, но подъем идет.

Как только палуба приподнялась достаточно высоко над водой, все были поставлены на скалывание и удаление льда из помещений. А его там не менее четырехсот тонн. Все работали чрезвычайно энергично. Рабочий день увеличили до десяти часов. Никто не возражал. Перед этим мы устроили что-то вроде собрания, и плотник Парфенов, здоровенный сибиряк, заявил:

— Георгий Осипович, мы бы и по двенадцать согласны, но харч слабоват! Я чуть не упал. Слабоват харч, это при таких-то нормах?!

— Скажите, Парфенов, чего бы надо добавить и сколько, чтобы все были удовлетворены? Если хлеб будет без нормы, а в два часа тем, кто работает на пароходе, устроим полдник, пойдет?

Так и сделали. На лошади подвозили либо молоко, либо бульон и белый свежий хлеб, да еще иногда давали по большому куску вареного мяса. Я вместе со всеми работал по освобождению ото льда помещений под полубаком и в средней надстройке. Слышу, подъехали нарты. Вошел Братчиков и сказал:

— Несчастье: повесился Аржекаев.

Бедняга, все же привел в исполнение свой разговор. Причем странно и нелепо. Был обед, за столом сидели врач, стрелок, повар и трое больных, в их числе и Эрик. Поели, а к чаю не хватило хлеба. Евгений Андреевич встал из-за стола и вышел в кладовую. Ждут, ждут, а его все нет. Встревожились, пошли искать. А он висит в петле. Да так, что ногами достает пол. Когда я приехал, доктор с помощниками все еще пытались вернуть его к жизни, но тщетно. Тело завернули в брезент и вынесли в кладовую. Ни записки, ни чего-либо в таком роде. Никто, кроме нас с Пироговым, не знал о мании, преследовавшей Аржекаева. Как обычно, поползли слухи и догадки. Некоторые и меня обвиняли.

Произвели тщательную ревизию. Дела принял рабочий Лукьянец. На другой день изготовили гроб, выкопали могилу и предали тело старого большевика земле. На высоком мысу (сейчас на картах мыс Чкалова) нашел последнее свое пристанище бывший член Реввоенсовета, работник Коминтерна Евгений Андреевич Аржекаев. Осенью того же года всех его однодельцев освободили. Я пригласил в гости бухгалтера Дудинского порта Розанова, сидевшего по тем же обвинениям. Говорили о том о сем, конечно, и о спасении «В. Чкалова». Я сказал:

— Все бы ничего, если б не эта смерть. Жаль мне Евгения Андреевича!

Розанов многозначительно посмотрел на меня и возразил:

— Не жалейте его, Георгий Осипович! Аржекаев ОБЯЗАН был умереть!

Ах, вот в чем дело! Теперь понятна и эта замена завхоза Быстрова Аржекаевым, и его мания. Но тем не менее мне было всегда его жаль, не он был виноват, а жестокое, беспощадное время, ломавшее души и жизни людей во имя, быть может, и великой идеи — идеи, рожденной на крови и вспоенной кровью и страданиями людей.

Со смертью Аржекаева у нас стало совсем мало хороших рабочих рук: Шмитке — со сломанной ногой, Степан Федорович совсем плох из-за постоянных болей в животе, не менее трех человек, как правило, от работы освобождаются — то простуда, то грипп. Пришлось мобилизовать стрелков. За эти месяцы как-то стерлись социальные грани, и никто не удивлялся тому, что рядом плечом к плечу работают заключенный, его охранник и вольнонаемный человек. Как-то я сказал Пирогову, что, если мы задачу выполним, многим из участников экспедиции наверняка сбросят срок, а то и вовсе освободят. Во всяком случае я приложу все силы, чтобы так и было. При этом рассказал о встрече с Завенягиным и добрых отношениях с Панюковым.

— Думаю, что не от моего имени, а так, в порядке обычной беседы, неплохо бы об этом поговорить с людьми. Это заставит их не допустить ничего такого, что может испортить характеристику.

— А как с Гречко?

— Федор Сергеевич, в вашем вопросе можно отыскать и ответ. Гречко неплохой парень, хотя самонадеян и заносчив не в меру. Думаю, что он попадет в список на освобождение.

Мы заранее подготовили две взлетно-посадочные полосы, установили ограждающие бочки с промаслен-

ной ветошью — подожжем, и дым укажет направление ветра. В апреле дважды прилетали туполевские двухмоторные Г-1 на лыжах. Летчики привезли новую головку блока цилиндров, запасные свечи зажигания, кошму, электроды, рабочие рукавицы, даже десяток теперь уже ненужных домкратов и, конечно, газеты, журналы, письма и добрые пожелания высокого начальства. В одном даже предлагалось объявить соцсоревнование за досрочный подъем парохода. Отправили в Дудинку лодырей — «шведа из Стокгольма» и Гриву. Улетел и Шмитке на операцию. Летчики шутили: «Ваш аэродром — лучший во всей Арктике».

Двадцать восьмого апреля подъем парохода закончили. Сейчас его днище возвышается над уровнем воды на полтора метра. Лед почти весь удален. Приступаем к заделке пробоин и приданию корпусу плавучести. Собственно днища почти не осталось — сплошные пробоины, рванины и вмятины. Всего насчитали ДВЕСТИ СЕМНАДЦАТЬ больших и малых пробоин. Самая большая — восемь метров длиной и четыре шириной. Все заклепки распатаны и швы водотечны. Оба винта сломаны. Отломана пятка руля.

Оставалось немногим больше двух месяцев до вскрытия залива. А сколько предстояло сделать! Все-го у нас хватало, кроме бензина. Где его достанешь в этой глуши? Решился на уголовное дело. Реквизировал весь бензин, что хранился у Гесса, и перевез его к себе. Старику выдал расписку в том, что бензин взят мною без его согласия и вопреки протестам. Начальник промыслово-охотничьей станции Кузнецов пришел в ярость и примчался на собаках за объяснением. Вел себя при этом настолько дерзко и вызывающе, что разговор не получился.

В конце 1930-х годов в бухте Широкая полагали создать запасный аэропорт для гидросамолетов и завезли бензин. Аэропорт не построили, о бензине забыли, его штормами смыло и разбросало по побережью. Он оказался у промышленников, а часть перевезли на Крестовский под охрану Гесса. Как и следовало

ожидать, Кузнецов пожаловался прокурору. Я это предвидел и запасся показаниями промышленников, подтверждающих, что бензин бесхозный. Дело прекратили.

Мы с Пироговым составили график предстоящих работ, расписав все чуть ли не по часам. Добровольно, безо всяких «Давай, давай!» все работали по двенадцать–четырнадцать часов. Даже повар, доктор, охранники, выкроив часок, шли на лед. От людей не отставали не только лошаадь, но и собаки. Привезли кузницу, мастерскую, построили для них помещение тут же, на льду.

Жалко было смотреть на Гречко. Как ему хотелось быть сейчас со всеми, показать себя в деле, а не заниматься постылой хозяйственной работой. Мучил-ся, бедняга, и наконец решился:

— Георгий Осипович, позвольте мне работать на пароходе с механиками. Там я покажу, на что способен. Позвольте...

Конечно, позволил. «Понять — это простить». Я отлично понимаю психологию этого человека, а о прощении и говорить нечего... Через три года мы с ним жили в одной гостинице. После зимовки его освободили. Мало того, он получил визу и поехал в Финляндию на приемку буксира, предназначенного для Норильскстроя. А я работал тогда начальником перегона судов. Если вы думаете, что Гречко падал мне в ноги и благодарил за то, что вместо наказания получил свободу, то ошибаетесь. Не из той он породы. К сожалению, ничего он не оканчивал, диплома не имел и моряк из него не получился. Был он просто отличным мастеровым, но никак не мог с этим смириться, считая, что достоин гораздо большего. Неординарная личность, сильная, гордая, но надломленная.

На своих собачках я съездил на Диксон. Путь не велик, но и не близок: что-то около ста тридцати километров. Дорога знакомая, не раз хоженная и ездженная, но все же я взял с собой буссоль и карту на случай пурги. Весной они особенно часты и свирепы. Интерес-

ное явление можно наблюдать, когда солнце скрыто за облаками. Тогда нет теней и невозможно отличить некоторые предметы один от другого. Белая пустыня, горизонта не видно, вообще ничего не видно, кроме какого-то безликого серо-белого фона. Вижу: впереди бежит лемминг, он совсем близко, но уж очень медлителен. Да нет, это не лемминг вовсе, это далеко-далеко на нартах едет промышленник. Или так: на мысу чернеет промысловая избушка, а не — это совсем рядом на снегу валяется спичечный коробок. В это время, именно когда нет солнца, как ни странно, чаще всего люди страдают снежной слепотой.

Ночевал на Беломорканале у старшего механика Александра Онуфриевича Нарожного, с которым когда-то работал на «Маныче». Принял ванну, посидел в кают-компании и вновь ощутил себя европейцем. С хорошей завистью слушал рассказы об Америке, Англии, о конвоях и родном Владивостоке.

На другой день я покатал моряков на собачках, получил двенадцать мешков отличной американской муки, купил новенький карабин с патронами, сыграл несколько партий в домино на фактории и отправился назад. Десять мешков оставил здесь, на фактории, такое же количество получу в Омуде. С собой увезу два мешка. Это многовато для пяти собачек, но сам пойду пешком.

Ехал днем и ночью с небольшими перерывами на отдых. Пуржило не очень. На переходе от зимовки Баяндина увидел белого медведя. Он лениво трусил впереди. Собаки ни за что не хотели прибавить шагу, и медведь вскоре скрылся в снежной пелене, а я уж и карабин приготовил.

К вечеру ветер достиг силы шторма. Видимость исчезла. Внезапно собаки воспряли духом и понеслись куда-то в гору. Через минуту я оказался... на крыше зимовки Осиповка. Домика не видно совершенно — просто огромный снежный холм. Немного отдохнул, покормил собак и поехал дальше. Хозяин уговаривал меня не ехать: «Куда же в такую метель? Заблудитесь,

и карта ваша с компасом не поможет. Переждите!..» Вечером был у себя. Кто-то услышал собачий лай, и меня вышли встречать. Мука всех обрадовала:

— Ого! Из нее Сергеич такое сотворит!

— Георгий Осипович, можно я к утру сдобных булочек напеку?

Тогда это было запрещено, но, конечно, я разрешил. Подумать только: нарушение! Однажды, пару месяцев назад, побывали у нас в гостях несколько ссыльных латышек, к их приезду мы напекли вкуснейших и булочек, и пирогов. Эти женщины, словно собаки, впрягались в нарты и по ледяной пустыне в полярную ночь тащили их сотни километров от зимовки к зимовке, доставляя продукты рыбакам. Называлось это — «поезд». Мне рассказали, что в Сопкарге в числе ссыльных были и немки с Поволжья. Комендант, этот всесильный сатрап, заметил у одной из них хорошенький перстенок с камушками: «Не отдашь — заставлю груз возить!» Старушка не подчинилась и не отдала фамильную вещицу. Он заставил ее вместе с дочерью везти груз из Нарзоя в Сопкаргу. Это в декабрьскую стужу, через торосы и ропаки заставшего Енисея! Тела их обнаружили только весной, когда подтаял снег. Они лежали, прижавшись друг к другу, в укрытии из высокого ропака.

От пархода до глубокого места чуть меньше кабельтова. Предстоит разрушить и убрать в сторону не менее трех тысяч кубометров льда и снега, положить канал во льду шириной в десять метров и на всем пути при помощи водолазов углубить его и очистить от крупных валунов. Однажды я решил показать пример и сам спустился под воду. Водолаз из меня неважный: уже на десятиметровой глубине очень сильно стало давить на уши, и, что скверно, я так и не смог научиться правильно ориентироваться под водой. Плохо работало под судовым днищем: я то ударялся головой, то опускался слишком низко. Здесь же было мелко, вода прозрачная, в водолажном снаряжении тепло, и я с удовольствием отработал смену, и не без пользы.

Съездил в Лескино. Радировал, чтобы прислали буксир к моменту разрушения припая, чтобы вывести пароход, пока не начались шторма и волнение. Почти все крупные пробойны заделали и подкрепили набор. А как быть с заклепочными швами? Был бы цемент, но его нет. И тут возникла мысль: что, если швы хорошенько зачистить и просушить, под днище установить мангалы с огнем и, когда металл прогреется, залить его изнутри пеком или варом, да еще смешанным с песком? В кузнице нагрел лист железа и полил сверху пеком. Отличный результат — пек пристал намертво.

Механики окончили ревизию всех двигателей и парового котла. Все оказалось в полном порядке и не разморожено. Отремонтировали пятку рулевой рамы, отцентровали баллер и привели рулевое устройство в рабочее состояние. Изготовили громадный румпель и вооружили тали. С их помощью будем управлять. На случай, если буксир не придет вовремя, на фок-мачте подняли рей с большим парусом, сшитым из бывших мягких понтов. Примитивно, но может помочь, и неплохо!

Тринадцатого июня приступили к спуску. Обнаружив течь, спуск приостановили. То там, то здесь появлялись фонтанчики, струйки, а то и потоки забортной воды. В ход шло все: сварка, деревянные клинья, жесткие пластыри из кошмы и пакли. Гречко изготовил несколько отличных ручных насосов. Мы их расставили по всем отсекам, чтобы не переносить с места на место помпу Гарда.

Двадцать пятого июня спуск окончен. Пароход плавает, словно лебедь. Наступил торжественный момент: осторожно, бережно, «под ручки» повели «В. Чкалов» по каналу и ошвартовали у края банки. Демонтировали береговые сооружения. Люди перебрались в судовые помещения. В них тепло: поставлены железные печки и из труб вьется дымок. Моим жильем стал мостик.

Приехали на собаках промышленники, пришла в полном составе семья Гесс. Лед весь в промоинах, вот-вот припай начнет разрушаться. Сегодня «В. Чка-

лов» начинал свой первый рейс после длительного и жуткого полярного сна.

К весне следующего года пароход отремонтировали, и он долгие годы работал сначала в Норильскстрое, а потом в качестве гидрографического судна в Карском море. Закончил он свою морскую жизнь в Архангельске много лет спустя.

Пятнадцать человек из числа заключенных были представлены к снижению сроков и к полному освобождению. Почти все приняли участие в ремонте, восстановлении парохода и были включены в штатный состав его экипажа. Их расконвоировали, они пользовались полной свободой, жили и питались вместе и наравне с нами.

Мы, так называемые вольнаемные, получили благодарность в приказе начальника порта и денежные премии от двухсот до семисот рублей. Мне дали месячный оклад. Ни орденов, ни медалей! Степан Федорович Перфишин до пенсии продолжал плавать на «В. Чкалове», а затем работал лоцманом и капитаном порта. Он вылечился от своего многолетнего недуга — язвы двенадцатиперстной кишки, состарившись, уехал в Западную Украину. Дудинцы его помнят и в знак любви и признательности навечно включили в почетные члены своего коллектива.

Федор Сергеевич Пирогов должен был выйти на свободу, но скоропостижно скончался.

Спустя какое-то время меня пригласили в НКВД и передали толстую папку с доносами: «Ознакомьтесь, товарищ Кононович, что тут про вас написано». Читать я не стал. Возможно, до сих пор эта папка где-то хранится. Сейчас я бы с интересом ее прочитал. А тогда не хотелось знать, кто это пишет... Быть может, и тот, кого я считаю другом, уважаю и люблю?

РАЗНЫЕ ЛЮДИ НА МОЕМ ПУТИ

Летом 1945 года меня вызывает А.А. Панюков: — Кононович, вы любите приключения. Хочу поручить вам поднять со дна Карского моря бочку спирта!

— А конкретней, Александр Алексеевич?

— Американцы на пароходах «Сергей Киров» и «Архангельск» отгрузили для нас оборудование аффинажного завода, а немецкие субмарины летом 1943 года эти суда потопили в Карском море. Немцы знали кого топить. Я хочу вам поручить найти эти суда, произвести водолазный осмотр и решить вопрос о том, можно ли эти пароходы поднять, а если нет, то, может быть, спасти то уникальное, ценнейшее оборудование, что на них погружено. Кроме того, там много и другого груза, в том числе и спирт в бочках. Но это так, к слову... Ну, так как?

— Разрешите, через два дня я доложу вам план и подготавливаю проект решения...

24 июля 1945 года состоялось совещание, на котором было принято решение о подъеме судов. Я попросил заняться подбором людей Федора Сергеевича Пирогова. Мы все работали чуть ли не сутками: сроки поджимали.

Как-то сижу в каюте и что-то вычерчиваю, вдруг слышу:

— Георгий Осипович, к вам посетитель!

Входит высокий исхудавший человек в военной фуражке с белым кантом, но без кокарды.

— Моя фамилия Ляликов. Я капитан дальнего плавания. Нахожусь в заключении. Очень прошу вас принять меня в экспедицию. Буду полезен.

— Скажите, что, когда и где вы оканчивали и кто из ваших сокурсников теперь в капитанах.

К моему удивлению и радости, он назвал Сергея Илларионовича Ушакова, «моего капитана» и еще несколько не менее значительных и уважаемых имен. Я сказал:

— Слово «гражданин» отбросьте. Я для вас, как и для всех остальных, кто меня знает, Георгий Осипович. Просьбу вашу постараюсь выполнить. А пока мойте руки, и прошу вас к столу...

Его невеселая история достаточно типична для того времени. Учебный барк «Товарищ», на котором

он исполнял обязанности капитана, находился в Мариуполе, когда туда ворвались немцы. Шлюпку, на которой он попытался бежать, потопили. На допросе вежливый гестаповец сказал:

— Господин Ляликов, убивать вас мы не станем, если согласитесь поработать на одесском портовом буксире капитаном.

Предусмотрительные немцы ограничивали в топливе так, что его хватало только на выполнение портовых работ. Решили поднакопить угля, чтобы хоть до Севастополя добраться. Складывали его под койками, в рундуках, под палубным настилом. Когда угля стало достаточно, Севастополь пал. Зимой на льдине унесло в море рыбаков из Очакова. Их удалось спасти. Ляликова наградили медалью «За спасение на водах», так как на той льдине были и немцы.

Война шла к завершению. Ляликов буксировал из Одессы на Запад баржи с немецкими солдатами и техникой. Ночью отдали буксир и вернулись в Одессу. Наша авиация разбомбила эти баржи.

Ляликова назначили капитаном порта, наградили боевым орденом, перевели в Одессу на более престижную работу. И тут внезапно вызвали в Севастополь. Допрос в «Смерше», обвинение в измене и пособничестве фашизму... Решающую роль сыграла та медаль за спасение. Приговор — 10 лет лагерей. Этап, и вот он у меня в каюте. Вот и пришлось мне включать в проект решения специальный пункт о Ляликове. И его расконвоировали. Он работал у меня вторым помощником. А зимой я был назначен начальником отстоя флота в Медвежьем логу Игарской протоки, а он работал начальником планового отдела. Осенью 1946 года, когда меня там уже не было, Ляликов погиб во время пожара... Тогда мы потеряли чуть ли не сорок человек. Ляликова опознали по золотому брегету, который незадолго до трагедии прислала ему мать. Правда, брегет тут же исчез в чьих-то ловких руках, и больше его не видели.

Завхозом экспедиции был некто Швец. Этот человек перед войной возглавлял дизелестроение Советского Союза. Не раз участвовал в совещаниях при Сталине, который, зная его лично, ценил как организатора и специалиста. Его должны были откомандировать в Штаты для ознакомления с организацией дизелестроения, но вместо Америки он угодил в Дудинку с 25-летним сроком. Судьба!

Швец мог достать все, что требовалось. Я оставил ему список того, что необходимо получить в мое отсутствие, в том числе и три французских карабина системы Этгена и двести пятьдесят патронов к ним. По возвращении завхоз доложил мне, что все получено.

— Где же вы храните оружие?

— В вашей каюте под койкой.

...Я решил съездить в Норильск к Николаю Николаевичу Урванцеву в надежде получить прибор, позволяющий обнаружить потопленные суда с помощью магнитных сил.

При встрече Николай Николаевич сказал:

— К превеликому сожалению, помочь ничем не могу. Единственные «весы Шмидта», что были у нас, погибли. На пути в Красноярск затонула баржа с никелем. Для ее обнаружения мы выдали этот прибор. Его поместили на деревянный плотик и буксировали туда и сюда. Кто-то подошел к переднему краю плотика, и он, как известный вам «змей» лота Джеймса, ушел в воду. Человек спасся, а прибор погиб.

— Спасибо, Николай Николаевич. Упомянув о лоте Джеймса, вы подали мне идею: с помощью этого прибора я буду искать потопленные пароходы. А кроме того, решил использовать трал Ручкина. Если не секрет, чем сейчас заняты вы?

— О! У меня много идей и есть возможность их осуществить: буду искать уран. Убежден, что в Арктике мы его найдем. В частности, шхер Минина, бухта Бирули только слегка прощупаны. Уран там обнаружен. У нас есть две маленькие шхуны «Диорит» и «Пегматит», вот на них я туда и отправлюсь. Только

никому ни-ни! — И он заговорщически приложил указательный палец к губам.

Урванцев был тогда уже далеко не молод. Но почти юношескую живость, энергию и оптимизм он не утратил. Несмотря на жестокие испытания, рабом он не стал! Такие люди не сгибаются!

Не могу забыть еще одного человека той же закладки. Домбровский — ни имени, ни отчества его я не помню — сидел в дудинских лагерях. Ученый-океанолог (в частности, ему принадлежит теория происхождения прибрежных образований типа крымского Сиваша), потомок декабриста, интеллигентный человек, аристократ духа в полном значении этого слова, он как-то легко, вроде шутя, относился к своему положению. Однажды мы с ним шли из лагерной зоны. Я показал пропуск и прошел. Домбровскому же охранник приказал:

— Стой по форме! Отзовись!

И лишь после того как Домбровский четко отпартовал этому охраннику свою фамилию, имя и отчество, статью, по которой осужден, и срок, тот крикнул: «Проходи!» Мне было неловко и стыдно глядеть на эту моральную экзекуцию.

— Ничего, Георгий Осипович, не переживайте за меня. Что тут поделаешь? — сказал Домбровский.

Он бывал у меня дома, держался с достоинством, без какого-либо намека на суетливую благодарность. Мы много разговаривали, но никогда не касались темы постигшего его несчастья. Через три года, занимаясь перегонем финских судов, я прилетел в Норильск. Каково же было мое удивление и радость, когда я узнал, что Домбровский освобожден, получил квартиру и к нему приехала семья.

Вечером он зашел ко мне и сказал:

— Георгий Осипович, давайте завтра утром встанем пораньше, и я покажу вам чудесную картину, которая открывается с вершины Шмидтихи на восходе солнца!

Сходили мы на эту гору. Вид действительно был волнующе-прекрасный: долины, в том числе и та, в которой расположен Норильск, были еще погружены во мрак, а горные вершины уже сверкали в лучах встающего светила. Небо чистое, безоблачное, но над заводами города стояло темное дымное пятно. Легкий, ласковый ветерок обвевал нас, неся ароматы трав, хвои и каких-то северных цветов.

— Вы знаете, Георгий Осипович, когда я люблюсь на эту северную красоту, забываю обо всем трудном и скверном. Знаю, как никто, что там, в этой темной долине, много страданий и горя. Знаю, но думаю не об этом, а о вечном, прекрасном, о величии природы, о силе духа и, не смейтесь, пожалуйста, о Боге.

...Григорий Абрамович Хитрин работал бухгалтером в Ростовском пароходстве, пока его не отправили в Дудинку на 25 лет. Работал он хорошо, дело свое знал, и все относились к нему с должным почтением.

Прошло 15 лет. Будучи капитаном-наставником, я прибыл в Мариуполь с заданием помочь в организации зимней морской навигации в Азовском море. Прохожу по коридору пароходства и вижу табличку: «Главный бухгалтер Г.А. Хитрин». Вот это неожиданность, вот эта встреча! Когда я зашел к Хитрину, мы обнялись, а вечером я сидел у него в гостях.

Георгий Осипович Кононович. 1980 г.

Любопытные вещи он рассказал. Оказывается, Сталин распорядился, чтобы стойких политических заключенных, не желающих умирать в лагерях, поместили в тюрьмы. Так Григорий Абрамович оказался в каземате Александровского централа под Иркутском. От отчаяния, тоски и вынужденного безделья иные опускались, некоторые сходили с ума, кончали жизнь самоубийством.

— А я, Георгий Осипович, изучил французский язык и перевел несколько произведений Эмиля Золя и Романа Роллана. Текст снабдил иллюстрациями. Начальник тюрьмы, гуманный человек, велел мой труд переплести — у нас там была переплетная мастерская.

Хитрин показал мне три тома своих трудов в прекрасном кожаном переплете. Я увидел мелкий каллиграфический почерк и всевозможные затейливые виньетки в стиле рококо.

— Когда Сталин увидел, что мы не умираем и в тюрьмах, он приказал отправить нас на лесоповал в тайгу. Вот это было действительно страшно. Не выполнишь норму — снижается пайка. Потом человек совсем доходит и гибнет. Да, это не расстрел и не смертная казнь, но ничуть не лучше.

— Как же вы выжили, Григорий Абрамович?

— Я бы не выжил, если бы не друзья. Они убедили кого надо не мучить меня больше и отправить просто в ссылку. Приехала Фрума Павловна, подкормила, и я выжил. Большое вам спасибо за американское теплое белье, что вы подарили, оно в тайге помогло.

— Я никогда вам его не дарил!

— Вы забыли... Это из тех запасов, что Панюков отпустил на вашу экспедицию...

Так мы сидели, переворачивая страницы своей жизни: «старый большевик» Григорий Абрамович Хитрин и я, в ту пору еще «беспартийная сволочь».

...На ремонте «В. Чкалова» энергично действовал какой-то весьма дельный заключенный. Его громкий, властный голос постоянно можно было слышать там,

где потрудней. Однажды мы с ним сцепились. Я что-то приказал чеканщику, а он мой приказ отменил и крикнул:

— Послушайте, вы! Ваше дело пароходы топить, а наше их ремонтировать!

Здорово! И в общем-то достаточно резонно. Я заинтересовался у Ф.С. Пирогова, что это за человек и почему он так агрессивен?

— Это Сергей Иванович Разин. Он конструировал и строил миноносцы, и, говорят, очень неплохие. С кем-то повздорил и вот угодил к нам. Статья, кажется, не политическая. Мужик отличный, но крутой и никого не боится.

— Отличная характеристика, Федор Сергеевич. Познакомьте нас, пожалуйста.

В обеденный перерыв, сидя в конторке у Пирогова, мы пили чай, ели какие-то жуткие лепешки из гнилой муки, которую заключенные наскребли на потопленной барже, и беседовали. Через пару лет Сергей Иванович освободился, и его назначили начальником флота. Как-то раз мы с ним даже подрались, и не на шутку. Дело в том, что я требовал людей для пополнения экипажа буксира, пригнанного из Финляндии, а он не давал. Мы погорячились, и дело дошло до кулаков. Помирились, конечно. Дружили долго. Разин достиг больших высот и был одно время главным инженером и даже исполняющим обязанности начальника Норильского комбината.

До конца дней своих он оставался свирепым на вид и дерзким на язык, а на деле добрейшим, умным и милым человеком. Его уже нет.

Вспоминаю один случай. Мы шли порожняком вниз по Енисею от Туруханска в Игарку. Было начало лета, все в зелени, в цвету. Тепло, тихо. Шли по протокам, идущим параллельно Енисею вдоль его правого берега. Перед Игаркой следовало выйти на Енисей — дальше мелко и камни.

Часов в десять вечера я прилегу отдохнуть, чтобы к полуночи выйти на мостик: Ляликову доверять в

узкостях было еще рано, а Закускин эти места знал прекрасно.

Работая на буксире, я и во сне научился чувствовать все повороты, смену скорости и т.д. Знал, что вот-вот должен был быть поворот влево, но я его не ощутил. Встал, умылся и вышел на мостик. «Что это?! Где мы?!» — подумал я.

— Скоро Игарка, Георгий Осипович! — сказал Николай Егорович Закускин.

— Стоп машины! Полный назад! Лотовых с флукштками на оба борта! — приказал я.

Мы полным ходом мчались прямо на камни, до которых было всего-то метров сто, не больше. А отсюда, с мостика, были видны дно и даже камни.

Задним ходом осторожно пошли назад. Потом развернулись, прошли мили четыре вверх и затем вышли на Енисей. Я был взбешен и находился под впечатлением только что пережитого ужаса: еще немного, всего несколько секунд, и мы налетели бы с полного хода на камни, и пароход «В. Чкалов», который с таким трудом спасли, отремонтировали и возвратили к жизни, погиб бы! Конечно, надо было погибнуть и мне. Что это за капитан: то зимует посреди реки, то налетает на банку, то губит пароход в реке, когда все тихо и ясно! Н.Е. Закускин что-то бормотал в свое оправдание... Я успокоился только дня через два.

— Николай Егорович, как это получилось?

— И сам не пойму... Не спал, видел, что по носу рябь: значит, камни... но как будто оцепенел...

Я сказал, что не надо ему пока плавать, попрошу, чтобы его устроили в бригаду швартовщиков. В Дудинке мы расстались, а Закускин все же вновь пошел плавать. Накануне своего освобождения, когда возник тот страшный пожар, вместе с Ляликовым погиб и он. Кто-то из спасшихся видел, как он метался в огне.

...Лет через десять на Диксоне увидел я какое-то гидрографическое судно знакомых до боли очертаний. Это же «В. Чкалов»! Капитан, почтенный гидрограф,

провел меня по судну. Казалось бы, все в порядке. Но чего-то не доставало. Душа была уже не та, что в годы страданий, борьбы и побед. Быть может, я унес ее с собой? Однажды мы на судовом боте поехали ловить рыбу в бухте Лемберова. «Ермак» стоял на Диксоне в ожидании каравана, день был прекрасный, и мы решили отдохнуть. Сварили уху, поели и собрались уходить. Подошел молодой промышленник — его зимовка была рядом. Разговорились. Узнав мою фамилию, он спросил:

— А вы не знали капитана Кононовича, что поднимал парход «В. Чкалов» у Крестовского?

— Это был я!

— Вы? Да вы тому в подметки не годитесь! Только и сходства что фамилия!

И он рассказал, как в жуткий шторм погибал парход, как молодой капитан, гигантского роста, неимоверной силы и храбрости, его спасал. Поведал о востании каторжников, о красавице, жившей на острове,

*Георгий Осипович Кононович
с попугаем*

о дуэли этого капитана с одним охотником из-за нее. Романтичен был конец рассказа: спасенный парход под белоснежными парусами уходит из места трехлетнего своего плена и скрывается за островами.

— Кто это все вам рассказал?

— Никто не рассказывал, я сам видел и все помню.

— Ты не сердись, я пошутил, мы действительно лишь однофамильцы с тем капитаном.

— То-то!

Расставшись со своим пароходом и перейдя на должность руководителя флота Норилькомбината, я почувствовал, что относительное благополучие, обеспеченность и достаток начинают меня затягивать, засасывать... Нельзя так! Надо вновь вернуться на море, чего бы это ни стоило. Панюков понял мое состояние и приказал откомандировать меня в Министерство морского флота для продолжения службы по специальности. Конечно, это только звучало так. Никто меня не запрашивал, никому я в этом министерстве не был нужен. Просто я увольнялся по собственному желанию и отправлялся в неведомое пространство искать свою долю. В сентябре 1946 года на пароходе «Армавир» я прибыл в Мурманск...

Сергей Львович Щеглов. Тула, 2005 г.

Николай Александрович Козырев

Мне не довелось встречаться с Н.А. Козыревым в Норильске, хотя целых три года мы находились с ним недалеко друг от друга. Поэтому для меня важно было узнать как можно больше об этом периоде жизни ученого. Рассказывали мне видевшие его норильчане, что в бараке Козырев всегда был с тетрадкой, испещренной формулами и цифрами.

Козырев интересовал меня не только потому, что я с увлечением много лет собирал доступные материалы о замечательных норильчанах, прошедших круги ГУЛАГовского ада. Он был мне интересен еще и потому, что с самого детства меня манили просторы космоса с его бесчисленными тайнами, самой главной из которых была возможность существования братьев по разуму. Впервые представленная Жюлем Верном и Гербертом Уэллсом, Камилем Фламарионом и Александром Беляевым, тайна эта будоражила меня, влекла к ее разгадке. Но жизнь складывалась так, что не удалось осуществить юношеские мечты и замыслы. В 20 лет — тюрьма по необоснованным обвинениям, Норильлаг. Однако при малейшей возможности я жадно читал все, что мог найти о космосе и его тайнах, составил даже библиографию по этой теме, потом написал фантастическую повесть (она была напечатана в «Заполярной правде» в 1963 году под названием «Алые джунгли Венеры»).

Так что мой особый интерес к Козыреву был вполне объясним. Я стал посылать запросы норильчанам, рассеянным с середины 50-х годов XX века по многим городам и весям страны: не помнит ли кто Николая Александровича Козырева по Норильску или Дудинке? Начал с таких хорошо знакомых мне ветеранов, как Н.Н. Урванцев, И.А. Шамис,

Ю.Н. Зинюк, А.Д. Яхонтов. Ответы не приносили ничего существенного. 11 августа 1969 года Иосиф Адольфович Шамис, хранивший целую картотеку сведений о раннем Норильске и его людях, ответил: «Что Козырев там был, я знаю. Мне даже мерещится его фигура, стройный, подтянутый человек, тонкое лицо, гладкие седоватые слегка волосы, причесанные на пробор».

Иосиф Адольфович обещал поспрашивать у знакомых ветеранов Норильска, живших в то время в Москве, — Е.Е. Гайсинович и др. Советовал мне запросить М.В. Кима, С.А. Штейна (Снегова), Л.Н. Гумилева, которые, несомненно, должны были знать Козырева. «М.В. Киму писать не буду, — сообщил Шамис в следующем письме от 22 сентября, — боюсь приревнует к тому, что интересуюсь Козыревым (я его знаю, человек «ревнивый»». Пиши Штейну (Снегову). Знал Козырева, конечно, Н.Н. Урванцев, но он тоже человек «ревнивый». При всем уважении к Иосифу Адольфовичу я не разделял его опасений на счет «ревности» кого-то из бывших норильчан, хотя мне тоже приходилось сталкиваться с некоторыми ее проявлениями. По собственному опыту я знал, что ее можно преодолеть уважительным отношением к воспоминаниям каждого.

«Говорил сегодня с Либиным (муж Е.Е. Гайсинович), — рапортовал Иосиф Адольфович через неделю. — Он человек очень сведущий. Мы его в шутку звали «Патэ-журнал» — всех и обо всех все знал. Козырева — тоже. Но он рано уехал: не то в 1944-м, не то в 1945 году. И Либин ничего уже не помнит теперь. Говорит, что следует обратиться к Штейну (Снегову). А живет он в Калининграде». Вот так наставлял меня заботливый летописец Норильска. Я знал, где живет Штейн. В 1961 году он поселился в бывшем Кенигсберге, мы переписывались. И как раз накануне того дня, когда Шамис написал мне открытку с повторным советом запросить Снегова (после выхода в свет его книг псевдоним стал единственной

фамилией С.А. Штейна. — *Ред.*) о Козыреве, Сергей Александрович прислал мне письмо:

«Дорогой Сергей Львович! <...> С Николаем Александровичем Козыревым знаком хорошо. В 1941–1943 гг. жили в одном бараке, койками — напротив. Он организовал на БМЗ пирометрический пункт, который передал мне, когда я стремился уйти из ОМЦ (опытно-металлургического цеха), а он — в геологи. Я расширил этот пункт в лабораторию теплоконтроля. Он вначале работал в Дудинке, там ему пять лет превратили в десятку и прислали в Норильск. Мы тогда втроем дружили — он, я, Лев Гумилев, сын Анны Ахматовой и Николая Степановича Гумилева, ныне доктор исторических наук.

Адрес Н.А. Козырева: Ленинград, Алтайская, 12, кв. 40.

Адрес Гумилева где-то затерялся, но можно поискать, если нужно, — тоже Ленинград, Московский проспект.

С Козыревым мы несколько раз встречались, он с семьей приезжал ко мне в Калининград. Если нужно, напишу о нем подробнее. С дружеским приветом — С. Снегов. 29-IX-69».

В тот день, когда Сергей Александрович писал в Калининграде эти строки, я уже не только знал адрес Козырева, но и — бывают же такие совпадения! — беседовал с ним. А получилось это так.

Прочитав в журнале «Нева» очерк Владимира Львова «Флаг над Венерой», я 14 апреля 1968 года послал автору, с которым переписывался несколько лет, с начала работы над книгой о Николае Михайловиче Федоровском, письмо в Ленинград. Просил сообщить подробнее о Козыреве, которому была посвящена часть очерка Владимира Евгеньевича. Кажется, он в то время болел или еще что-то помешало ему своевременно ответить на мой запрос. Но после напоминания он прислал мне домашний адрес и телефон Николая Александровича: Ленинград, Алтайская, 12, кв. 40, 98-89-45. В тот же день, как получил эти сведения,

21 марта 1969 года, я послал Козыреву просьбу — сообщить для норильской газеты несколько воспоминаний о своей жизни и о работе на Таймыре. В записной книжке против даты отправки письма поставил красную черточку, что означало: проследить за дальнейшим ходом. И еще пометку сделал ввиду особой важности: «В случае молчания — позвонить». Знал из опыта: не очень любят некоторые норильчане отвечать на такие предложения.

Так и оказалось. Подошел к концу сентябрь, а ответа от Козырева не было. Сначала я думал: «Может, болен или в отъезде, да мало ли что еще...» Но вот появилась его статья в «Правде». Значит, профессор в строю.

В один из вечеров заказываю телефон в Ленинграде — номер не отвечает. Через справочную службу получил совершенно другой номер козыревского телефона: 93-67-05. После трех неудачных попыток наконец услышал: «Говорите, у телефона Козырев». Называю себя, напоминаю о письме. «Что-то не помню», — раздается в ответ. В нескольких словах повторяю свой мартовский запрос. «Ах да, — слышу из трубки, — теперь припоминаю. Я был в Норильске и Дудинке с 1939 по 1945 год. Я вам не ответил... Видите ли, не очень приятно вспоминать о том, как скалывал лед с бортов ледокола или долбил мерзлую землю. Я ведь был там заключенным...» «Я об этом знаю, — ответил я. — И все же расскажите о своей жизни в Норильске. Что же касается тогдашнего вашего положения, я вас очень хорошо понимаю — сам был в таком же».

И тут его голос оживился, наполнился интересом к собеседнику: «Вот как! А в какие годы вы там были? Где работали?» Я коротко ответил и поспешил вернуться к цели беседы. Чтобы помочь собеседнику, говорю: «Николай Александрович, мне рассказывали, будто вы работали в геологическом управлении комбината». — «Да, некоторое время работал. Видите ли, были в нашей тогдашней жизни своеобразные взлеты

и падения. Вот в один из взлетов я и оказался у геологов. Что-то там чертил, делал какие-то расчеты».

Закончил я разговор повторением своей просьбы — написать для газеты Норильска хотя бы страничку о пребывании там. Николай Александрович согласился, записал мой адрес, и мы распрощались. Досадно, но свое обещание Николай Александрович не выполнил.

Месяца через два я оказался в Ленинграде. Позвонил Козыреву. Мальчишеский голос ответил, что его нет дома. «А кто это говорит?» — поинтересовался я. «Его сын». — «Как же тебя звать?» — «Федя». Оказалось, что трое суток назад профессор уехал в Подмоскowie, в санаторий, вернется не раньше чем через месяц.

Прошло еще несколько недель. Я обработал все, что знал о Козыреве, придал форму и размеры газетного очерка и отправил... нет, не в «Заполярную правду», а Николаю Александровичу в Ленинград. 15 февраля получил ответ:

«05.02.70.

Глубокоуважаемый Сергей Львович, спасибо за присылку Вашего очерка. Мне понравилось, как Вы его написали, и все вполне корректно. Хорошо получилось, что Дудинка—Норильск упоминаются Вами кратко. Эта краткость звучит многозначительно, как это и должно быть. Прошу извинить меня, что я после разговора с Вами по телефону не выполнил Вашего пожелания написать самому мне о том времени. Но, подумав, я понял, что отделить то, что я там делал, от всей обстановки нельзя. Получилось бы неправильное впечатление, и делать так было бы нечестно.

Еще раз благодарю за Ваш очерк.

Ваш Козырев».

Я со спокойным сердцем отправил материал в «Заполярную правду». 4 марта его напечатали. В первом же номере 1968 года журнал «Нева» писал: «Одним из первых ученых, проникших инструментом опыта и теории в глубь таинственного мира, был

знаменитый советский планетовед, наш земляк — ленинградец Николай Александрович Козырев. <...> Внимание ленинградца было привлечено к чуть заметному свечению, исходящему от не освещенной солнцем части диска Венеры. <...> Козырев сделал предположение: светятся в ночном небе Венеры молекулы газов ее атмосферы. <...>

Весной 1953 года Николаю Александровичу Козыреву впервые в истории удалось сфотографировать спектр пепельного света в небе Венеры. <...> Он работал на пятидесятидюймовом зеркале Крымской астрофизической обсерватории. Безлунной ночью 18 марта

Сидя в саду
у моря
Катя и Яша
вместе
где-то в саду
и всё как прежде,
в отдалённом саду:
море и горы,
на море, море, море...
Владимир Дружников

Сидят (слева направо): Марков, Яшинова, Козырев, Перевелкин, Газе, Постоев, Хромов-Хромой, Амбарцумян. Пулково, 1928 г.

планета была видна как узкий серпик в ранней своей фазе. Холмы вблизи обсерватории покрывал снег, и прозрачность воздуха была предельной. В эти-то часы с помощью светосильной кварцевой оптики был получен отчетливый спектр пепельного света Венеры. Через несколько лет на высокогорной обсерватории в штате Колорадо американец Ньюкирк повторил козыревские наблюдения».

В газетах и журналах конца 60-х годов появились сообщения об открытии Н.А. Козыревым вулканической деятельности на Луне. Прошло некоторое время, и американские астрономы путем визуальных наблюдений подтвердили открытие Козырева. Значение его для астрофизики, дальнейших исследований нашей планетной системы, а также для космонавтики было признано большинством специалистов.

23 февраля 1970 года коллеги по редакции газеты «Коммунар» подарили мне книгу Ашота Азруманяна «Око Бюракана», изданную в Ереване в 1969 году. Я нашел в ней очерк о В.А. Амбарцумяне. К радости моей, обнаружил там на страницах 420–421 снимок титульного листа и первой страницы статьи В. Амбарцумяна и Н. Козырева из журнала «Zeitschrift für Physik» (Берлин, 1928 г.). В конце той страницы была ссылка еще на одну совместную работу двух ученых, опубликованную годом ранее. Здесь же я увидел фотографию, сделанную в Пулково в 1928 году, на которой под деревьями на траве расположилась группа молодых людей. Под фотографией была подпись: «Сидят (слева направо): Марков, Яшнова, Козырев, Перевелкин, Газе, Постоев, Хромов-Хромой, Амбарцумян. Пулково, 1928 г.». Амбарцумян на снимке выглядит мальчишком, хотя ему было в то время 20 лет. Он — в гимнастерке, Козырев — в куртке и белой сорочке с галстуком. Высокий лоб, сужающееся книзу интеллигентное лицо... «Так вот какой он был в начале научной карьеры», — думал я, вглядываясь в его лицо.

Когда и где разошлись пути двух молодых ученых? Один достиг всемирной славы, другой был

обречен на долгие годы забвения и несчастий. Один поднялся к вершинам научного и общественного признания, другой на долгое время лишился возможности использовать свой талант исследователя. Кто, как не сам Козырев, мог точнее всех ответить на эти вопросы? И я попросил его об этом написать в письме. Ответ пришел через месяц. Короткий, без каких-либо объяснений происшедшего.

«27.03.70.

Глубокоуважаемый Сергей Львович, благодарю за присланный Вами номер норильской газеты. С Амбарцумяном мы познакомились на вступительных экзаменах в университет, учились там вместе и вместе поступили в аспирантуру в Пулковской обсерватории. Много было общих интересов, и поэтому естественно, что первые наши научные опыты обдумывались и обсуждались друг с другом столь детально, что получалось соавторство. Дальше стали появляться индивидуальные влечения, но дружеские отношения сохранились до моего отъезда в Дудинку—Норильск и т.д. Вот вкратце и вся суть по Вашему вопросу. С наилучшими пожеланиями — Ваш Н. Козырев».

«До отъезда в Дудинку...» Ничего себе — «отъезд»! Не научная командировка украла у крупного ученого годы жизни и возможность творить, делать новые открытия... Козырев — первый ученый, который обратил внимание на необходимость серьезно изучать физическое содержание понятия времени и предложил для этой цели определенный — теоретический и экспериментальный — аппарат. Заметим, что теория относительности рассматривает время и его связь с пространством совсем в ином аспекте. Она не покушается на расшифровку смысла времени.

С удовольствием приведу стихотворение «Нет пороков в твоём отечестве» Андрея Вознесенского, опубликованное в журнале «Новый мир» (1989, № 2, с. 245).

Не уважаю лесть.
Есть пороки в моем отечестве,
зато и пророки есть.

Такие, как, вне коррозии,
ноздрей петербургской ведет
Николай Александрович Козырев —
небесный интеллигент.

Он не замечает карманников.
Явился он в мир стереть
второй закон термодинамики
и с ним тепловую смерть.

Когда он читает лекции,
над кафедрой, бритый весь, —
он истой интеллигенции
указующий в небо перст.

Воюет с извечной дурью,
для подвига рождена,
отечественная литература —
отечественная война.

Какое призвание лестное —
служить ей, отдавши честь:
«Есть русская интеллигенция!
Есть!»

Андрей Вознесенский вышел в своих оценках Козырева за пределы табу того времени. Научные пророчества Козырева для поэта Вознесенского бесспорны. Сама жизнь Козырева, сама судьба его — крупного, но официально не прославленного ученого — является таким «пророчеством». Для поэта сам по себе факт, что Козырев «явился ... в мир стереть второй закон термодинамики и с ним тепловую смерть», был «пророчеством». Ведь недаром же у Андрея Вознесенского есть еще одно стихотворение, посвященное Николаю Александровичу:

Живите не в пространстве, а во времени,
минутные деревья вам доверены,
владейте не лесами, а часами,
живите под минутными домами
и плечи вместо соболя кому-то
закутайте в бесценную минуту.
Какое несимметричное время!
Последние минуты — короче,
последняя разлука — длиннее...
Килограммы сыграют в коробочку.
Вы не страус, чтоб уткнуться в бренное.
Умирают — в пространстве.
Живут — во времени.

...Четырнадцать лет пробежало с тех пор, как получил я последнее письмо от Николая Александровича. Будучи в Ленинграде в феврале 1984 года, решил повидаться с профессором. Но чего судьба не предусмотрела, ты на то не рассчитывай. Позвонил по старому телефону, и мне сказали, что Козыревы здесь не живут. В справочном бюро получил известие: Козырев Николай Александрович, уроженец Санкт-Петербурга, 1908 года рождения, проживал на Московском проспекте (помните письмо Снегова?), д. № 206, кв. № 6, умер в 1983 году.

Поехал на Московский проспект, нашел дом № 206. В квартире № 6 никто не ответил. Жительница соседней, седьмой, квартиры на мой вопрос сообщила, что Николай Александрович умер прошлой осенью, а жена его, Римма Васильевна, умерла весной прошлого года. В квартире остались два сына и невестка. «Один вот этак... — сказала женщина и показала, как хромает человек с изогнутым позвоночником. — Бывают они здесь редко, — добавила она, — так как разменивают квартиру». Есть в квартире телефон, но Екатерина Ивановна (так звали соседку) его не знает, поэтому мне назвала свой: 293-50-27. Пообещала, когда я позвоню, вызвать Козыревых, если кто-то из них окажется в квартире.

Несколько раз я звонил. Екатерина Ивановна ходила, узнавала, но никого не было. А через пару дней я уехал из Ленинграда, так и не познакомившись с наследниками моего героя. Полученными сведениями поделился с Сергеем Александровичем Штейном (Снеговым). 12 мая 1984 года он ответил: «О смерти Николая Александровича я уже знаю. Какая потеря для нас и для науки! Не знаете, от чего он умер? И где живут его близкие — Римма Васильевна и дети?» Я сообщил Сергею Александровичу подробности, какие узнал от Екатерины Ивановны.

...Прошло еще несколько лет, очень трудных для меня: тяжело и неизлечимо болела моя жена Нина Ивановна, я был неотлучно при ней, стараясь облегчить ее страдания.

Во второй половине 1989 года прочитал в «Заполярной правде» за 12 июля статью под названием «А все-таки она вертится!». Это были выдержки из воспоминаний известного астрофизика Иосифа Самсоновича Шкловского, члена-корреспондента АН СССР, уже покойного в то время, напечатанных в журнале «Химия и жизнь» (№ 9 за 1988 г. и № 1, 2, 3 за 1989 г.) под названием «Эшелон». «Заполярная правда» поместила из воспоминаний то, что относилось к Н.А. Козыреву:

«Его арестовали на балу, где люди праздновали наступающую 19-ю годовщину Великого Октября. Он после танца отводил свою даму на место, когда подошли двое. Такие ситуации тогда понимали быстро...

Он — это Николай Александрович Козырев, 27-летний блестящий астроном, надежда Пулковской обсерватории. Его работа о протяженных звездных атмосферах незадолго до этого была опубликована в ежемесячнике Королевского астрономического общества Великобритании, авторитетнейшем среди астрономов журнале. Арест Николая Александровича был лишь частью катастрофы, обрушившейся на старейшую в нашей стране знаменитую Пулковскую обсерваторию.

Он получил тогда 10 лет. Первые два года сидел в знаменитой Владимирской тюрьме в одиночке».

Н.А. Козырев познакомился с Александром Исаевичем задолго до громкой славы последнего. Тогда еще никому не известный Солженицын позвонил Н.А. и выразил желание побеседовать с ним. Два бывших ээка быстро нашли общий язык.

Далее в статье рассказывается, что А.И. Солженицын в своем четырехтомном труде поведал о тюремной одиссее Николая Александровича, но упустил такой драматический эпизод из жизни Козырева, о котором сообщила журнал «Химия и жизнь».

Рассказывают, что Козырев, отбывая срок в Туруханском крае, мог на сорокаградусном морозе с ледяным ветром монтировать провода голыми руками!

«Столь необыкновенная способность, естественно, привела к тому, что он на какие-то сотни процентов перевыполнил план. Ведь в рукавицах много не работаешь. По причине проявленной трудовой доблести Н.А. был обласкан местным начальством, получил какие-то дополнительные калории и стал даже старшим в какой-то производственной группе.

Такое неожиданное повышение имело, однако, для Н.А. самые печальные последствия. Какой-то мерзкий тип из заключенных, как говорили тогда, «бытовик», бухгалтеришко, осужденный за воровство, воспытал завистью к привилегированному положению Николая Александровича и решил его погубить. С этой целью, втершись в доверие к Н.А., он стал заводить с ним провокационные разговорчики. Изголодавшийся по интеллигентному слову астроном на провокацию клюнул: он ведь не представлял себе пределов человеческой низости. Как-то раз «бытовик» спросил у Н.А., как он относится к известному высказыванию Энгельса, что-де Ньютон — индуктивный осел (см. «Диалектику природы...»). Конечно, Козырев отнесся к этой оценке должным образом. Негодяй тут же написал на Козырева донос, которому незамедлительно был дан ход.

16 января 1942 года его судил в Дудинке суд Таймырского национального округа. «Значит, вы не согласны с высказыванием Энгельса о Ньюtone?» — спросил председатель этого судилища. «Я не читал Энгельса, но я знаю, что Ньютон — величайший из ученых, живший на земле», — ответил заключенный астроном Козырев.

Суд был скорый. Учитывая отягчающие вину обстоятельства военного времени, а также то, что раньше он был судим по 58-й статье и приговорен к 10 годам, ему «намотали» новый десятилетний срок. Верховный суд РСФСР отменил решение Таймырского суда «за мягкостью приговора». Козыреву, который не мог следить за перипетиями своего дела, так как продолжал работать на мерзлотной станции, вполне реально угрожал расстрел. <...>

Потянулись страшные дни. Расстрелять приговоренного на месте не было ни физической, ни юридической возможности. Расстрельная команда должна была на санях специально приехать для этого дела с верховьев реки. Представьте себе состояние Н.А., в окружающей белой пустыне в любой момент могла появиться вдали точка, которая по мере приближения превратилась бы в заряженные какой-то живностью (оленьями) сани, на которых сидят палачи. В эти невыносимые недели огромную моральную поддержку Николаю Александровичу оказал заключенный с ним вместе Лев Николаевич Гумилев — сын нашего трагически погибшего выдающегося поэта, ныне очень крупный историк, специалист по кочевым степным народам.

Через несколько недель Верховный суд СССР отменил решение Верховного суда РСФСР и оставил в силе решение Таймырского окружного суда».

Рассказав об этом эпизоде из жизни Н.А. Козырева, статья в журнале «Химия и жизнь» поставила перед читателем вопрос, за которым следует ответ:

«Почему же Солженицын ничего не рассказал об этой поразительной истории? Я думаю, что причиной

является его крайне враждебное отношение к интеллигенции. Как христианин, Н.А. Козырев понятен и приемлем для этого писателя, как ученый, до конца преданный своей идее, глубоко враждебен».

Эти воспоминания, весьма неряшливо «литературно» обработанные журналистом из журнала «Химия и жизнь», производили впечатление примитивности и нарочитой сенсационности. Уж я не говорю о совершенно недостойной попытке бросить тень на А.И. Солженицына.

Вот что написал мне в связи с этим Сергей Александрович Снегов:

«Дорогой Сергей Львович! В воспоминаниях И. Шкловского о Козыреве, конечно, масса путаницы. Причина, вероятно, в том, что Н.А. любил рисовать свою жизнь художественно, а Шкловский тяготел к фантастике и к науке.

Что помню — отвергающее измышление И. Шкловского?

Н.А., конечно, сидел во Владимире. И мне он говорил, что в тюрьме он прочел какую-то книгу, породившую в нем водопад идей. Но мне почему-то казалось, что это было не во Владимире, а позже в Бутырках (год 1944?). Помнится, что первоначально он получил не 10, а 5 лет. Он сначала работал в Дудинке, потом его перевели на БМЗ, где он организовал пункт теплоконтроля; я заменил его там и расширил пункт в лабораторию. Мы жили с ним в одном бараке. Он говорил мне, что его склоняли в стукачи, он отказался и за то получил довесок — 10 лет вместо 5. На мерзлотной станции он не работал, а после БМЗ ушел к геологам и в экспедициях по Таймыру устанавливал триангуляционные точки. Вызвали его в Москву на преследствие по ходатайству влиятельных академиков (помнится, он упоминал Комарова, еще кого-то). Что до голых рук, сжимающих зимой медные провода, то особого пренебрежения морозом я в нем не замечал: он кутался зимой, пожалуй, больше меня. И превышение норм на «каких-то» сотни процентов

тоже «ненаучная фантастика». Что он ожидал расстрела, он мне никогда не говорил.

Советую Вам обратиться к его последней подруге за точными справками, милейшей женщине, правнучке академика А. Карпинского. Можете сослаться на меня. Ее адрес: Ленинград, 199151, проспект Шевченко, 24-2, кв. 4, Ольга Александровна Толмачева. Передайте ей привет и поклон. Привет и поклон и Вам! Крепко жму руку! С.А. 18-IX-89».

Написал я этой женщине. И вот что она ответила: «22.X.89. Ленинград. Многоуважаемый Сергей Львович! Мучительно размышляю, чем же я лично могу быть полезна в Вашей работе — в воспоминаниях о Николае Александровиче. Вероятно, чем ближе, чем дороже человек, тем труднее сказать о нем журналисту. «Ибо сильна, как смерть, любовь». Тут или самой надо писать, или помалкивать.

Конечно, я заинтересованно отношусь ко всему, что пишется о Н.А., и Сергей Александрович прав, когда сталкивает людей, — вдруг да выйдет что конструктивное. Во всяком случае, могу сказать определенное, что на мне можно проверять «степень вранья» о Н.А., — о нем много искаженных и разноречивых мнений. Иногда где-нибудь в обществе я слышу такую разногласицу сведений о нем, что хочется застонать. Но я берегу свою тайну и никого не поправляю — в таких разговорах люди слышат только себя, а реагируют в лучшем случае на очередную легенду. И уже ничего не докажешь...

Архив Н.А. в академии в стадии разборки — так мне сказал Дмитрий Николаевич, его любимый сын. Вот к нему есть смысл обращаться, он наиболее доброжелателен. Со старшим, Александром, Н.А. был в очень трудных отношениях, и это сказывается даже сейчас. Не советую.

Простите, что задержалась с ответом. Посылаю Вам адрес Д.Н. с его согласия. Нужно было ему позвонить, а это мне трудно. Если будете в Л-де, звоните и заходите, я буду рада. Авось и расскажу что-то, что пригодится.

Будьте здоровы. О.Т. Дом. тел.: 217-32-77».

15 декабря 1989 года я ответил Ольге Александровне, поблагодарил за открытость и доброжелательность. «Из двух выстроенных Вами вариантов («или самой писать, или помалкивать»), — писал я, — я бы советовал Вам избрать первый. Прекрасно, когда человеческие воспоминания ложатся на бумагу. <...> По мере продолжения моей работы о Н.А. буду, если позволите, посылать Вам ее листочки — для ознакомления и корректировки».

Одновременно написал и Дмитрию Николаевичу. Но ответа почему-то не получил. На том и остановились мои попытки продолжить ознакомление с семьей и близкими Козырева на несколько лет. Отвлекали другие неотложные дела, штатная и очень напряженная работа в газете «Тульские известия».

Год спустя мне удалось познакомиться с младшим сыном Николая Александровича, тем самым Федей, который отвечал мне по телефону два десятилетия перед тем. Беседа была краткая, однако я узнал многое о жизни и облике Николая Александровича, особенно в последние его годы.

Они были нелегкими. Отношения с начальством и некоторыми коллегами складывались не в пользу ученого. Подводило и здоровье. «Еще с 1955 года, после тяжелой болезни, — рассказывал Федор Николаевич, — одна нога у отца оказалась на восемь сантиметров короче другой, но он ходил без палочки».

В 1978 году Николая Александровича отправили на пенсию. «Под давлением научной среды», — пояснил Федор Николаевич. Но Козырев добился восстановления и продолжал работать. Однако болезни усиливались, четыре года он преодолевал их, но в 1982 году вынужден был прекратить штатную работу.

Изводили страдания. «Пульс был пятьдесят ударов, как у Наполеона. Жил на силе воли. Метастазы пошли в позвоночник, но по религиозным убеждениям отец не принимал наркотиков».

Из рассказов Федора Николаевича я узнал, что его отец науку считал средством богопознания. Был склонен к мистике. Верил в колдовство, в заговоры. Пытался сам заговаривать болезни. «Однако не заигрывал с тьмой», — уточнил Федор Николаевич. В 1958 году сына Дмитрия ударила ножом в сердце женщина. Пока приехала «скорая», Николай Александрович заговорил кровь, и она остановилась. Положили на операционный стол, но, к удивлению врачей, молодой человек выжил без операции. Рассказывал Федор Николаевич о встрече отца с Солженицыным. Александр Исаевич приезжал к Козыреву, и они долго беседовали. Интерес писателя к ученому был двойной: как к коллеге, физику и математику, и как к верующему в Бога.

За год до встречи с Федором я прочитал то, что опубликовано Солженицыным о Козыреве в том варианте книги «Архипелаг ГУЛАГ», который напечатан в «Новом мире» (1989 г., № 9, с. 163–165). Живописуя условия в советских тюрьмах, Солженицын сообщал: «В Дмитровской тюрьме (Н.А. Козырев) в 1938 году свет вечерний и ночной был — коптилка на полочке под потолок, выжигающая последний воздух. <...> При прогулке даже запрещали поднимать голову к небу». «Смотреть только под ноги!» — вспоминают и Козырев, и Адамова (Казанская тюрьма). <...> В карцер можно было попасть за кашель («закройте одеялом голову, тогда кашляйте!»); за ходьбу по камере (Козырев: это считалось «буйный»). <...> Вот как было с Козыревым. <...> За хождение по камере ему объявлено пять суток карцера. Осень, помещение карцера — неотапливаемое, очень холодно. Раздевают до белья, разувают. Пол — земля, пыль (бывает мокрая грязь, в Казанке — вода). У Козырева была табуретка (у Гинзбург не было). Решил, что сразу погибнет, замерзнет. Но постепенно стало выступать какое-то внутреннее таинственное тепло, и оно спасло. Научился спать, сидя на табуретке. Три раза в день давали по кружке кипятку, от которого становился пьяным. В трехсот-

граммовую пайку хлеба как-то один из дежурных вдавил незаконный кусок сахара. По пайкам и различая свет из какого-то лабиринтного окошечка, Козырев вел счет времени. Вот кончились его пять суток, — но не выпускали. Обостренным ухом он услышал шепот в коридоре — насчет не то шестых суток, не то шести суток. В том и была провокация: ждали, чтоб он заявил, что пять суток кончились, пора освобождать, — и за недисциплинированность продлить ему карцер. Но он покорно и молча просидел еще сутки — и тогда его освободили. <...> После карцера камера показалась дворцом. Козырев на полгода оглох, и начались у него нарывы в горле. А однокашник Козырева от частых карцеров сошел с ума, и больше года Козырев сидел вдвоем с сумасшедшим. <...> Если каждое утро первое, что ты видишь, — глаза твоего обезумевшего однокамерника, — чем самому тебе спастись в наступающий день? Николай Александрович Козырев, чья блестящая астрономическая стезя была прервана арестом, спасался только мыслями о вечном и беспредельном: о мировом порядке — и Высшем духе его; о звездах; об их внутреннем состоянии и о том, что же такое есть Время и ход Времени.

И так стала ему открываться новая область физики. Только этим он и выжил в Дмитровской тюрьме. Но в своих рассуждениях он уперся в забытые цифры. Дальше он строить не мог — ему нужны были многие цифры. Откуда же взять их в этой одиночке с ночной коптилкой, куда даже птичка не может влететь? И ученый взмолился: Господи! Я сделал все, что мог. Но помоги мне! Помоги мне дальше.

В это время полагалась ему на десять дней всего одна книга (он был уже в камере один). В небогатой тюремной библиотеке было несколько изданий «Красного концерта» Демьяна Бедного, и они повторно приходили и приходили в камеру. Минуло полчаса после его молитвы — пришли сменить ему книгу и, как всегда, не спрашивая, швырнули — «Курс астрофизики»! Откуда она взялась? Представить было

нельзя, что такая есть в библиотеке! Предчувствуя недолгость этой встречи, Николай Александрович накинулся и стал напоминать, напоминать все, что надо было сегодня и что могло понадобится потом. Прошло всего два дня, еще восемь дней было на книгу, — вдруг обход начальника тюрьмы. Он зорко заметил сразу. — «Да ведь вы по специальности астроном?» — «Да». — «Отобрать эту книгу!» Но мистический приход ее освободил пути для работы, продолженной в норильском лагере».

Вот так запечатлел великий писатель один из эпизодов биографии и творчества Николая Козырева. Верующие люди прослезятся, прочитав этот рассказ о том, как Всевышний помог ученому. Другие сочтут это совпадением, счастливой случайностью.

Сейчас, в первом десятилетии XXI века, пошла мода использовать теорию времени — энергии создателями «сверхнаук» (универсология, критериология и др.), а также писателями, увлеченными мистикой (Э. Мулдашев и пр.). Гипотеза Николая Александровича, научно доказать которую он не смог или не успел, привлекает людей, стремящихся увековечить себя сенсационными «открытиями».

Отбросим сенсационность, позы личного славолюбия и попытаемся объективно оценить личность и открытия замечательного человека.

В конце 1989 года, когда начали приоткрываться шлюзы советской государственной секретности, увидел свет рассказ о том, какими колючими узами связана молодость Николая Козырева с землей Таймырской. Но лишь в середине и в конце 1990-х годов были напечатаны изыскания норильской журналистки Аллы Макаровой «Геологи на Крайнем Севере» и «Небесный интеллигент», где уточнились некоторые детали пребывания заключенного Козырева в Норильлаге с 1939 по 1945 год, участие его в Нижнетунгусской геологической экспедиции, второй арест в Дудинке. Пришел к читателям и рассказ Сергея Снегова «Хитрый домик над ручьем».

Пора уточнить биографическую канву нашего героя.

Он родился 2 сентября (по старому стилю — 20 августа) 1908 года в Санкт-Петербурге. Отец — горный инженер Александр Адрианович Козырев — работал в Министерстве земледелия, в департаменте улучшения землеустройства, гидрологом.

С отличием окончив среднюю школу в 1924 году, Николай поступил на физико-математический факультет Ленинградского университета, на астрономическое отделение. Завершил курс в 1928 году, после чего был зачислен аспирантом в Пулковскую обсерваторию.

Руководил аспирантурой известный астроном, академик Аристарх Белопольский, исследователь Солнца, Юпитера, Сатурна, переменных и двойных звезд. Под руководством выдающегося ученого Козырева и его одногодок и однокашник Виктор Амбарцумян проводили спектральные исследования нашего светила и ряд теоретических работ.

По окончании аспирантуры (1931 г.) Козырев был утвержден в должности научного сотрудника Пулковской обсерватории и через год за талантливые исследования получил без защиты диссертации ученую степень кандидата астрономии и геодезии и место старшего научного сотрудника. Одновременно преподавал астрономию в нескольких ленинградских вузах. За пять лет (1932–1936 гг.) опубликовал 20 научных трудов (пять — совместно с В. Амбарцумяном).

В 1934 году провел уникальное теоретическое исследование о лучевом равновесии протяженных звездных фотосфер. Результаты были опубликованы в Великобритании, в журнале Королевского астрономического общества. Позднее задачу, поставленную Козыревым, обобщил его американский коллега и ровесник — индеец Субрахманьян Чандрасекар, достигший впоследствии известности в среде астрономов. В астрофизической науке получила хождение теория Козырева — Чандрасекара.

В книге М. Ивановского «Рождение миров», изданной в СССР в 1951 году, на странице 300 читаем: «Ленинградский астрофизик Н.А. Козырев определил, что звезда теряет за год примерно одну стотысячную долю своей массы. <...> Через 100 тысяч лет звезда рассеется без остатка».

Напряженная и успешная творческая работа Козырева была прервана арестом 6 ноября 1936 года, обвинениями в чудовищных преступлениях — и на 10 лет молодой ученый был отторгнут от науки. Но не удалось энтузиаста-исследователя отлучить от математических и философских изысканий, он продолжал их и в тюремных камерах, и на сколке льда у бортов дудинских кораблей, и в дымных цехах металлургического Норильска, и в снежных просторах таймырской тундры.

Здесь ненадолго отступим от биографической канвы и поразмыслим о судьбах людских, их случайностях и закономерностях.

В то время как Николай Козырев пытался отстоять свою непричастность к тяжким злодеяниям, приписанным ему следователями, его ровесник, друг и однокашник по школе и альма-матер Виктор Амбарцумян продолжал научную работу и беспрепятственно восходил по ступеням академической лестницы, обогащая астрономию и астрофизику, вовлекая в нее молодые таланты. Нам еще предстоит ознакомиться с обстоятельствами, при которых лишили свободы Козырева, может быть, они прольют дополнительный свет на наши вопросы. Но сколько примеров того, как по-разному складывались судьбы людей в советской стране и в годы Гражданской войны, и при массовых репрессиях «большого террора». Братья Вавиловы: Николая расстреляли, Сергею дали возможность возглавить Академию наук. Братья Кагановичи: один оставался ближайшим соратником диктатора, двое других были уничтожены как «враги народа». Поэты Мандельштам, Клюев, Клычков, Павел Васильев, Борис Корнилов погибли в лагерях и тюрьмах,

а их коллеги Федин, Эренбург, Леонов и другие процветали на ниве социалистического реализма. Порой заходишь в тупик, сопоставляя факты биографий, казалось бы, одинаково дорогих истории лиц и деятелей. Что обуславливало их разнопутье: одних — на голгофу, других — к вершинам славы и жизненного благополучия? Бог весть...

Высшая целеустремленность, подвижническая приверженность избранному делу жизни позволили Николаю Козыреву сразу же по освобождении (в январе 1947 года) продолжить научную деятельность. 10 марта того же счастливого года он защищает в Ленинграде степень доктора физико-математических наук. Тема диссертации: «Теория внутреннего строения звезд как основа исследования природы звездной энергии». Только что снявший рваную лагерную телогрейку ученый поражает своих умудренных коллег смелостью и оригинальностью научного замысла. Отвергает установившиеся общепринятые взгляды и утверждает, что звезды живут не за счет непрерывно бурлящей в их недрах ядерной энергии, а по совсем другим законам — на основе неизведанных сил. Звезда — не атомный котел, доказывал Козырев, а скорее машина, перерабатывающая пока неизвестную людям энергию, превращая ее в радиацию.

Официальными оппонентами отважного воителя на защите диссертации были членкор Академии наук СССР В.А. Амбарцумян, профессора К.Ф. Огородников и А.И. Лебединский.

Защита проходит успешно, оппоненты не подвергают ни малейшему сомнению тот факт, что перед ними сложившийся крупный ученый. Козыреву предлагают должность научного сотрудника Крымской обсерватории Академии наук СССР. Николай Александрович согласился и проработал там более 10 лет — до 15 августа 1957 года, когда был переведен старшим научным сотрудником в Пулковскую обсерваторию. Здесь он и трудился свыше четверти века почти до своей кончины 27 февраля 1983 года.

(Умер Николай Александрович от рака пищевода, вызванного застарелой язвой желудка.)

Таков краткий обзор жизненного пути выдающегося ученого. Но научные достижения Козырева значительно превышают рамки этого обзора. Попытаемся хотя бы перечислить важнейшие из них.

Исследуя свечение ночного неба Венеры, он установил присутствие в ее атмосфере азота (1953–1954 гг.). Пятнадцать лет спустя это подтвердили спускаемые аппараты автоматических межпланетных станций «Венера-5» и «Венера-6». При наблюдениях атмосферы Марса (1954–1956 гг.) Козырев сделал важные выводы о ее оптических свойствах, объяснил знаменитые «полярные снега» как атмосферное образование.

Николай Александрович отверг сложившееся в конце XIX — начале XX столетия убеждение, будто Луна мертва. Тщательное обследование лунной поверхности возвратило его к утверждению астронома Гершеля о том, что на земном спутнике действуют вулканы. 3 ноября 1958 года Козырев получил спектрограмму, свидетельствующую о выбросе газа из центральной горки кратера Альфонс. После долгих споров с американскими исследователями (Д. Койпер, Г. Юри) справедливость выводов советского астрофизика подтвердил анализ лунных грунтов, доставленных в июле 1969 года экипажем корабля «Аполлон-11». (Характерно, что некоторые утверждения Козырева, вызывавшие неприятие астрономов и астрофизиков, подтверждались в ходе развития космонавтики, межпланетных приборов-роботов.)

В сентябре 1969 года Международная астронавтическая академия (МАА), собравшаяся в штате Нью-Мексико, наградила ученого именной золотой медалью с семью алмазами, вкрапленными в золото в виде ковша Большой Медведицы. Почти год спустя, вручая эту награду Николаю Александровичу, вице-президент Международной астронавтической федерации (МАФ) академик Л.И. Седов сказал: «Такая

медаль присуждена пока только двум советским гражданам: Ю.А. Гагарину и вам» (из статьи А.Н. Дадаева «Первооткрыватель лунного вулканизма» в сборнике научных трудов «Известия Главной астрономической обсерватории в Пулковке», 1985 г., с. 17).

Декабрь 1969 года. Комитет по делам открытий и изобретений при Совете Министров СССР присудил Н.А. Козыреву диплом об открытии тектонической активности Луны. Открытие подтвердили также исследования горьковского радиофизика В.С. Троицкого.

В августе 1958 года Николай Александрович публикует главное свое произведение — книгу «Причинная или несимметричная механика в линейном приближении». «В природе существуют постоянно действующие причины, препятствующие возрастанию энтропии», — утверждал Николай Александрович. В качестве повсеместно действующего фактора он выдвигал физическое время: «Оно в силу своей направленности может совершать работу и производить энергию».

Это было сногсшибательно! «Теория времени» Козырева вторглась в сложнейшие философские глубины. «Может быть, его теория противоречит закону сохранения (это еще не доказано, хотя и ставилось в упрек Козыреву), но она не выдвигает каких-либо условий об ограниченности Вселенной в пространстве, начала и конца всего существующего» (Дадаев А.Н. Там же, с. 18).

Реакция на книгу Козырева была бурной. Известный ленинградский физик и публицист Вл. Львов опубликовал в «Литературной газете» статью под названием «Революция в физике продолжается» (24 сентября 1959 г.). Его поддержала Мариэтта Шагинян (три «подвала» в той же газете от 3 ноября того же года) статьей «Время с большой буквы».

А 22 ноября «Правда» выстрелила статьей трех китов от физики — академиков Л.А. Арцимовича,

П.Л. Капицы и И.Е. Тамма. Само заглавие было уничижающее: «О легкомысленной погоне за научными сенсациями».

Критический выпад великих ученых был сильным ударом по идее Козырева. Николай Александрович соглашался с некоторыми элементами ее отрицания и углубился в совершенствование своих умозаключений, стремился подтвердить их экспериментально.

Однако процессы превращения времени в энергию оставались недоказанными. По настоянию самого автора его опыты дважды (в 1960 и 1967 гг.) проверялись комиссиями ученого совета обсерватории. Обе комиссии отмечали, что наблюдаемые Козыревым эффекты находятся на пределе возможностей регистрирующей аппаратуры, а потому выводы ученого неубедительны. (Об этом же пишет А.Н. Дадаев в статье «Первооткрыватель лунного вулканизма» на с. 23.)

Заканчивая свою статью, А.Н. Дадаев пишет: «Заслуги Н.А. Козырева перед наукой зачеркнуть невозможно. Проблему, которую он выдвинул, трудно решить в течение одной человеческой жизни. (...) Лет через пятьдесят, когда будут накоплены факты, к этой проблеме ученые еще вернуться и решат ее другими средствами и методами» (с. 24).

К такому же выводу приходит и академик М.М. Лаврентьев. Касаясь статьи Н.А. Козырева «О воздействии времени на вещество», вошедшей в книгу «Физические аспекты современной астрономии» (Л., 1985), он заключает: «Н.А. Козыреву в предыдущих работах не удалось ясно и последовательно изложить свои теоретические концепции. Имеющихся в настоящее время экспериментальных данных недостаточно для убедительного подтверждения теоретических положений Н.А. Козырева. Отметим, однако, что в отношении экспериментального подтверждения аналогичная ситуация имеется и с общей теорией относительности А. Эйнштейна».

Так обстоит сегодня дело с теорией Козырева о сущности времени и строении звезд. Возможно, гипотеза опередила эпоху, возможно, останется в истории науки как одна из неоправдавшихся попыток раскрыть одну из тайн мироздания.

Представим себе внешний облик Козырева по портрету, словесно нарисованному А.Н. Дадаевым:

«Высокого роста, хорошо сложенный, худощавый, всегда чисто одетый, подтянутый, гололобый, очень коротко подстриженный, с гордо поднятой головой, он походил на военного высокого ранга в отставке, хотя в армии никогда не служил. Ходил он быстро, при встрече со знакомыми любезно раскланивался, пожимал руку, если не спешил. Вежлив был всегда со всеми. У телескопа и в лаборатории отличался мягкими и ловкими движениями. Много курил. В лаборатории постоянно держал горячий чай и печенье, к этому вынуждала язвенная болезнь желудка, которая стала для него роковой» (с. 23).

Н.А. Козырев был любознательным и спортивным человеком. Вот как об этом вспоминает далее А.Н. Дадаев:

«Приезжая на наблюдения в Крымскую обсерваторию, он почти ежедневно совершал прогулки в горы и леса, окружающие пос. Научный. Уходил большей частью в одиночку: во время прогулок он размышлял. Поддерживая «спортивную форму», он каждое лето, оформив отпуск, совершал какое-нибудь путешествие: проходил на байдарке протяженный маршрут по заранее намеченной реке средней полосы России, колесил на велосипеде или мотоцикле по дорогам Ленинградской области, спускался теплоходом по Волге от Московского моря до Астрахани. Любил Киев и места русской старины, которой насыщены Ярославщина или Золотое кольцо. Однажды побывал в круизе по Европе пароходом (1967 г.), был в Болгарии, Чехословакии, Бельгии».

Таковы сведения о замечательном ученом, которые мне удалось собрать и свести воедино.

P.S. Издание «О времени, о Норильске, о себе...» не впервые рассказывает о Николае Александровиче Козыреве. В книге первой издания о нем опубликован материал Н.С. Дзюбенко, а в книге пятой можно прочитать воспоминания о Н.А. Козыреве и Л.Н. Гумилеве Е.Г. Херувимовой-Лапиной.

*Юлий Яхонтов, десятиклассник
первой норильской школы. 1944 г.*

Юлий Яхонтов:

«... место, куда прибыл наш поезд из Дудинки, носило название Аварийного поселка».

Юлий Яхонтов, курсант 1-го Московского Краснознаменного, ордена Ленина военно-авиационного училища связи ВВС. 1944 г.

Воистину, как говорят, все в руках Божьих. Разве мог я себе когда-нибудь представить, что, прожив три года неподалеку от Северного полярного круга, на Колыме, в Магадане, окажусь опять на Севере, но теперь уже за полярным кругом, на Таймыре, в Норильске?!

Этот ныне уже широко известный город в довоенные и военные годы скромно именовался поселком на территории Дудинского района Красноярского края. Зачем был нужен этот маскарад, станет ясно немного позднее.

Дудинка же, выглядевшая как заштатная, серая, типично северная деревня, раскинувшаяся на восточном берегу широченного Енисея, на самом деле была очень важным речным портом, особенно в годы Великой Отечественной войны. Она служила перевалочной базой для грузов, направляемых в Норильск на горно-металлургический комбинат, продукция которого, в свою очередь, шла через Дудинку по реке или по воздуху на Большую землю, где ее с нетерпением ждали военные заводы.

Была у этого порта и другая функция. Он выполнял роль транзитного пункта для десятков тысяч заключенных, которых в трюмах пароходов и барж доставляли сюда из центральных районов СССР в течение всего лета, пока лед не сковывал Енисей. Эти люди служили пополнением для многочисленных лагерных пунктов и «командировок», как их именовали в мрачном мире Главного управления лагерей НКВД СССР. Это была бесплатная рабочая сила для строительства Норильского комбината, его заводов, шахт, рудников. Плохое питание, жалкая одежда, никак не приспособленная для здешнего очень сурового климата, холодные дощатые бараки, жестокий режим гулаговских лагерей и изнуряющий многочасовой труд у

плавильных печей, электролизных ванн, в забоях и на открытых работах быстро выводили эзков из строя: кто-то попадал в больницу, а иные — на тот свет.

Значит, комбинату постоянно требовалось пополнение. Но это не было проблемой для власти. Правая и послушная рука вождя всех времен и народов — Лаврентий Берия, тогдашний нарком, а затем министр внутренних дел СССР, хорошо знал свое дело, а подчиненные ему органы были исполнительными, работали четко, не засоряя себе мозги мыслями о виновности или невиновности тех, кто попадал в их сети, и не мучаясь угрызениями совести. Но об этом уже столько написано, что я не вижу необходимости вновь углубляться в эту тему. Тот, кто видел «Московскую сагу», получил некоторое представление о тех временах. Так что я лучше вернусь к рассказу о Дудинке и Норильске.

Сообщение между этими двумя пунктами шло по узкоколейной железной дороге, проложенной заключенными по дикой болотистой тундре еще до войны, до того, как строительство комбината возглавил Авраамий Павлович Завенягин. Это был весьма незаурядный человек, который после отъезда из Норильска стал заместителем наркома внутренних дел и проявил себя не только как выдающийся организатор промышленности страны в годы войны, но и как высокогуманный и справедливый человек. Свой земной путь он завершил на посту заместителя Председателя Совета Министров СССР, много сделав для создания ядерного оружия и атомной энергетики.

По этой железной дороге, которая была в буквальном смысле слова «дорогой жизни» для Норильска, доставляли все необходимое для населения и, конечно, для работы и дальнейшего развития комбината. Ведь в то время стационарного аэродрома в Норильске не было, самолеты в основном прилетали в Дудинку, как правило, только зимой, ибо прочный лед Енисея мог служить надежной взлетно-посадочной полосой. А зима в Заполярье, как вы понимаете, длинная-предлинная.

Благодаря этому фактору комбинат практически круглый год мог бесперебойно поставлять оборонным заводам столь необходимые им никель, кобальт, медь и другие металлы. Летом же, когда открывалась навигация, по Енисею в Норильск поступали продукты, различное оборудование и стройматериалы, которые можно было доставить лишь водным путем, равно как и бесплатную рабочую силу.

Теперь кратко о том, почему мы оказались на Таймыре.

Дело в том, что с ноября 1941года по июнь 1942 года мы жили на Урале в небольшом по тем временам городке Березники. Он был уже тогда известен своим азотно-туковым комбинатом, построенным в годы одной из «сталинских» пятилеток. Комбинат был, конечно, нужен стране — он производил удобрения для сельского хозяйства, но его ядовитые выбросы в атмосферу, особенно в те дни, когда ветер дул в сторону города (предприятие стояло неподалеку от него), отравляли жизнь березниковцам, в том числе и нам,

Алексей Дмитриевич Яхонтов, отец Юлия

конечно. Люди, особенно если они в этот момент находились на улице, кашляли, задыхались от едкого желтого дыма, застилавшего дома и улицы.

Так вот, в этом городе мы оказались потому, что моему родителю, как специалисту по взрывчатым веществам, было поручено возглавить строительство завода по производству взрывчатки для горно-добывающей промышленности. Примерно в мае завод был построен: это было примитивное деревянное здание, напичканное техникой. Отца после пуска предприятия отозвали в Москву. Там, оказывается, его уже ждало назначение в Норильск. И пока он был в столице, завод почему-то сгорел. Видимо, тогда было не до выяснения причин — даже отец не узнал, в чем дело. Но ясно было одно: не дай бог, если бы это случилось в конце 30-х годов!

И вот мы отправились поездом из Березников в Красноярск, разумеется, с пересадкой в тогдашнем Молотове (теперь этому городу возвращено его старое название — Пермь). Из Красноярска же нам предстояло преодолеть примерно две тысячи километров по Енисею — этой крупнейшей водной артерии Сибири — на довольно древнем пароходике. На дорогу до Дудинки, конечного пункта нашего речного путешествия, ушло ровно десять дней. Судно тащилось медленно не только из-за своего технического состояния: оно тянуло за собой на буксире здоровенную баржу, до отказа набитую узниками ГУЛАГа. Этих бедолаг тоже «командировали» в Норильск, но в отличие от нас они были загнаны в трюмы, а по палубе этого судна, покуривая, слонялись бойцы ВОХРа — военизированной охраны, здоровенные парни, которых по неизвестным нам причинам не взяли в действующую армию.

В Дудинке мы погрузились в единственный пассажирский вагон — остальные, с десятков, были товарными, и наш поезд тронулся в Норильск. Каких-то сто с небольшим километров мы осилили за ночь в тряске и холодном вагоне по узкоколейке.

Я не помню, чтобы в Норильске в то время был какой-нибудь вокзал или хотя бы платформа. Но я хорошо помню, что нас встретили низкие, свинцовые тучи, пронизывающий ветер и ледяной дождь. Вот это сохранилось в памяти, наверное, потому, что спустя час мы оказались в теплой светлой комнате гостеприимной семьи Гусаковских, хороших знакомых моих родителей. Нас усадили за стол, полный всяких вкусностей, от которых мы успели отвыкнуть за год войны. Такой контраст: тучи, ветер, дождь, холод и неожиданно-негаданно уют, тепло и обалденные запахи накрытого стола!

*Алексей Дмитриевич Яхонтов,
начальник оксидоквипного
завода. 1943 г.*

*Раиса Семеновна Яхонтова,
мать Юлия*

Мы прожили несколько дней у Гусаковских. Вскоре нам дали вполне приличную квартиру на третьем этаже нового четырехэтажного дома. Это было кирпичное сооружение, причем даже с ванной комнатой и уборной. Правда, пользоваться этими удобствами, к сожалению, было нельзя, так как не было ни ванны, ни унитаза. Словом, квартира со всеми удобствами, но, как говорится, во дворе!

А теперь, думается, следовало бы рассказать

о том, что представлял собой этот отсутствовавший на географических картах Советского Союза поселок, где нам предстояло прожить несколько лет. Кстати, Дудинку можно было найти на этих картах, хотя населения там было намного меньше, чем в Норильске. Сейчас, когда открыты тайны прошлых десятилетий, этот факт уже не кажется чем-то необычным.

Итак, сердцем Норильска был горно-металлургический комбинат, который теперь называют градообразующим предприятием. А хозяином этого громадного комбината, который ныне известен как концерн «Норильский никель», тогда был НКВД СССР. Комбинат входил в крупное структурное подразделение ГУЛАГа — Главное управление лагерей горно-металлургических предприятий (ГУЛГМП).

Это в их ведении и полномочном владении были десятки предприятий, разбросанных по всей стране, сотни тысяч заключенных, из которых значительную долю составляли осужденные по так называемым политическим статьям. Для тех, кто не знаком с действовавшим тогда Уголовным кодексом РСФСР, могу сообщить, что политические статьи простирали свою карающую длань не только над теми, кто на самом деле изменил Родине, был виновен в шпионаже и в других подобных преступлениях, но по ним наказывали и тех, кто, будучи раненым, оказался не по своей воле в плену у противника. Такие люди считались «изменниками Родины».

Эти деяния подпадали под действия статьи 58, имевшей 14 подпунктов, в которых шла речь и о наказаниях за шпионаж, вредительство, диверсии, террор, доноительство. Но самой ходовой, если так можно сказать, среди политических статей была статья 58-10 — «контрреволюционная пропаганда и агитация». Именно по этой статье сидело в лагерях больше всего людей интеллектуального труда, но ею не были обделены и рабочие, колхозники, мелкие служащие и студенты. Короче говоря, все слои

общества «благодаря» ГУЛАГу были представлены на таймырской земле.

Однако это вовсе не значит, что в зонах не было уголовных преступников. Они, конечно, были, но среди них немалую часть составляли те, кого осудили по закону от 7–8 августа 1932 года за украденные с колхозного поля несколько килограммов картофеля или за другие подобные провинности. Этот закон, каравший за «хищение социалистической собственности», не случайно назвали в народе «законом о колосках».

Жили в Норильске и ссыльные, или, как их официально именовали, «спецпоселенцы». В основном это были граждане Прибалтийских республик — Эстонии, Латвии и Литвы, которых руководство СССР «от греха подальше» загнало за полярный круг. Встречались среди этой категории людей и граждане иностранных государств.

Как заключенные, так и ссыльные были контингентом подневольным. В зависимости от образования, квалификации и опыта работы их использовали на предприятиях, в лабораториях, проектных организациях. В том числе были те, кто носил клеймо 58-й статьи, то есть антисоветчика, но имел право свободного, бесконвойного перемещения. Ими командовали вольнонаемные сотрудники, то есть вольняшки, как их называли. А таких здесь было порядочно. Это инженеры различного профиля — металлурги, горняки, химики, проектировщики и т.д. Перечислить всех просто невозможно, но это были, как правило, высококвалифицированные люди, которых не случайно собрали здесь, освободив от призыва в армию, и делали они все вместе большое дело.

А теперь, я думаю, самое время пройти по Норильску.

В то время Норильск состоял из трех основных частей или районов, как угодно. То место, куда прибыл наш поезд из Дудинки, носило название Аварийного

поселка. На его окраинах располагалось несколько предприятий, в том числе два металлургических завода: большой (БМЗ) и малый (ММЗ), а также обогатительная фабрика. На окраине между двумя сопками, Шмидтиха и Рудная, находился рудник открытых работ.

В центре поселка, немного в стороне от улицы, которая, как мне вспоминается, называлась Заводская (название привожу без гарантии), находилось небольшое озеро. На его берегу стояло несколько одноэтажных деревянных коттеджей. В одном жил начальник комбината, в других — его заместители, руководители различных отделов и служб. Неподалеку на холме возвышалось здание единственной в Норильске средней школы, нашей *alma mater*.

Довольно близко от школы, на улице Заводской, было несколько жилых домов. Два из них были кирпичными, и в них обитали начальники со своими домоладцами. Остальные дома были сложены из бутового камня и не имели, конечно, тех удобств, что были в двух первых. И там и тут жили семьи, дети которых учились в нашей школе и с которыми мы дружили.

А на улице, носившей название Октябрьская (опять-таки без гарантии — ведь с тех пор прошло более шести десятков лет), стояло здание Дома инженерно-технических работников. Но его так никто не называл — для всех это был просто ДИТР, норильский культурный центр, а для нас, школяров, он значил гораздо больше: приходя туда, мы чувствовали себя вполне взрослыми. Но к разговору о ДИТРе мы еще вернемся.

Я, правда, не хочу устраивать из своих воспоминаний нечто вроде путевода по Норильску, но мне кажется, что тем, кто там жил прежде и живет сейчас, может быть, одним интересно вспомнить, а другим узнать, как выглядел этот тогдашний поселок, превратившийся ныне в современный город в российском Заполярье. Поэтому пусть меня простят те, кому покажутся ненужными эти строки.

Итак, давайте продолжим нашу экскурсию по Норильску. Мы остановились у ДИТРа, рядом с которым довольно жалко выглядело расположенное на той же, Октябрьской улице здание управления комбината. Это, пожалуй, были два самых примечательных дома на этой длинной, протянувшейся на три или четыре километра, улице. Она служила как бы осью, на которую были нанизаны Аварийный поселок, Соцгород и Горстрой. Последний был как раз тем местом, где жили мы и где уже в то время закладывался, я так думаю, нынешний Норильск.

Не исключаю, что ошибаюсь: ведь с 1944 года мне не пришлось бывать там. Но, судя по коротким телевизионным репортажам, которые изредка рассказывают о Норильске, именно на базе тогдашнего Горстроя и создавался сегодняшний город.

Дело в том, что жизнь требовала, поскольку комбинат быстро развивался, чтобы рос Аварийный поселок. Численность населения увеличивалась. А расти поселку было некуда. Он с двух сторон был ограничен сопками, о которых я упоминал, его зажимали промышленные предприятия, среди которых главными были металлургические заводы. Оставалась единственная возможность — строиться по той самой оси, в сторону Соцгорода и Горстроя.

Не знаю, как сейчас, но в те далекие годы Соцгород (в переводе на нормальный русский — Социалистический город) являл собой весьма невеселое зрелище. Справа, если идти от Аварийного поселка, вдоль дороги стояли двух- или трехэтажные серые, унылые дома, сложенные из местного камня — бута. А слева, после какого-то длинного забора с глухими воротами, начинался «Шанхай» — так называли десятки приткнувшихся друг к другу, сколоченных из подручных материалов и утепленных чем попало балконов. Так на Севере и в Сибири именуют это временное жилье, очень напоминающее латиноамериканские фавелы, дающие кров тысячам и тысячам бездомных бедняков.

В Норильске, в «Шанхае», обитали в основном отбывшие свой срок ээки, которые должны были где-то перезимовать и дожидаться открытия навигации на Енисее, чтобы отправиться по домам. Частыми гостями балков были и расконвоированные ээки.

Мне несколько раз приходилось бывать в этом экзотическом поселке. В балках стояли железные печки, топившиеся углем, нары, заменявшие отсутствовавшие койки, самая примитивная грубая мебель: столы, табуретки. Иногда роль табуреток выполняли деревянные ящики. Порой жили тут целыми семьями, но только детишек я здесь не встречал.

Но пора идти дальше. Позади остался густонаселенный «Шанхай», где текла своя, скрытая от посторонних глаз жизнь, чем-то похожая на жизнь сегодняшних бомжей на мусорных свалках, как мы можем ее представить себе по телевизионным фильмам и газетным репортажам.

С вершины невысокого холма, с которого спускалась дорога, открывался вид на озеро Долгое. Оно находилось слева, а справа, примерно в километре от нас, дымилась трубы гордости комбината — Норильской ТЭЦ. Она недавно вступила в строй, и теперь предприятиям, стройкам, а также населению стало намного легче жить.

Что же касается озера, то его главная особенность заключалась в том, что часть его не замерзала даже в самые лютые морозы: ТЭЦ спускала туда отработанную теплую воду. Но я не знаю, насколько это способствовало развитию рыболовного промысла. Во всяком случае, за два года, что мне довелось прожить в Норильске, ни одного рыбака я на Долгом не видел.

За озером проходила дорога, она, кстати, была неасфальтированной, обычная грунтовка, зимой скользкая или заснеженная, летом пыльная. По сторонам дороги — унылая бескрайняя тундра. В июне — июле она, правда, выглядела чуть веселее. И хотя вокруг не было ни единого деревца, все-таки радовали глаз зеленый мох, маленькие кустики го-

лубики и брусники в обрамлении пестреньких цветочков. Все это дополнялось щебетанием каких-то мелких птишек, неизвестно зачем прилетевших сюда, за полярный круг.

Примерно через километр показались будка автобусной остановки и фонарный столб, а затем и несколько домов, сложенных из крупного красного кирпича. Среди них был и тот, в котором жили мы.

Была еще одна деталь, характерная, может быть, только для нашего дома. В квартирах было центральное отопление, но оно бы ничего не стоило, если наряду с ним не были бы установлены печки-буржуйки. Дело в том, что, когда на город обрушивалась пурга — а это на Таймыре нередкое явление, — температура в комнатах снижалась чуть ли не до нулевой отметки. Окна, от которых немилосердно дуло, несмотря на то что они были законопачены и заклеены бумагой, приходилось занавешивать всем, что только было. В ход шли одеяла, одежда, половики — словом, все. Однако надо признать, что никто из живших в Горстрое не замерз до смерти, видимо, благодаря этим печкам-буржуйкам, которые топились углем. А с ним, слава богу, здесь проблем не было.

Я тут вскользь упомянул об автобусной остановке. Она действительно существовала, так же как существовал и автобус. У него не было номера, ибо конечный пункт его маршрута был известен: Аварийный поселок. Кондуктор, насколько я помню, отсутствовал. Никаких денег и билетов. Родители, надеясь на наше хорошее воспитание, без опасений давали нам порой или папиросы, или махорку, которыми мы вознаграждали шофера.

Автобус ходил очень нерегулярно, в основном зимой, да еще только в ясную, морозную погоду и лишь изредка в снегопад. Летом же мы топали в поселок пешком, иногда удавалось остановить попутную машину. Платили той же «валютой» — табаком.

В полярную ночь, а она продолжалась, если не ошибаюсь, с ноября до второй половины февраля,

порой даже было очень приятно пройти несколько километров от школы до дома. Ведь полярная ночь — это не обязательно сплошная темень. В ясную погоду дорогу освещали луна и нередко красивейшие сполохи северного сияния. А вот когда приходилось бороться со встречным ветром и колючим снегом, норовившим залепить глаза, нос и рот, то было довольно противно. Это Таймыр демонстрировал, кто здесь хозяин.

И еще несколько слов о полярной ночи. Тот, кто думает, что эта ночь означает сплошную темень круглые сутки, ошибается. Может быть, на полюсе это так. Но в Норильске ночь выглядела по-иному. Днем, часам к двенадцати, звездное небо бледнело.

Друзья-одноклассники.

*Стоят (слева направо) — Юлий Яхонтов, Юрий Трушин,
сидит — Семен Розинский. 1946 г.*

Появлялась какая-то сумеречная муть, как бывает на рассвете, перед восходом солнца, в нормальных широтах. Затем часа через три-четыре сумерки вновь уступали место ночному мраку. Вот так это было.

Но нас, старших школьников, нисколько не оставляли капризы Заполярья. Когда по радиотрансляции объявляли из-за приближающейся пурги или крепкого мороза активированный день (в этом случае даже эков не выгоняли на работу на открытом воздухе), а в школе отменялись занятия, мы, одноклассники, собирались небольшой компанией у кого-нибудь на квартире — неважно где: у нас в Горстрое, в Соцгороде у Юры Трушина или в Аварийном поселке у Саши Козловского. Девочек с нами не было. Мы занимались своими, «мужскими» делами, но не курили, а водку пили (по рюмке, не больше) лишь у Саши. У его отца — он был начальником политотдела комбината — она всегда стояла в графинчике в буфете. Но в основном мы говорили о далекой войне, о школьных делах, да и, что скрывать, о девочках тоже болтали. Короче говоря, непогода для нас была праздником.

Рассказывая о жизни в Норильске, я, естественно, не могу хотя бы кратко не познакомить с нашей семьей. Она была не маленькой — шесть душ: папа с мамой, мы с сестрой, бабушка (мамина мать) и домработница Луша, которая работала у нас еще в Москве и была, по существу, членом нашей семьи.

Квартира, в которой мы жили, была очень небольшой — типа нынешней «двушки». Тесновато было, конечно, но мы не обращали на это внимания. Жили дружно, без крупных ссор и скандалов. Правда, когда бабушка заболела — ей было довольно много лет, столько, сколько мне сейчас, — у нас случались, мягко выражаясь, недоразумения.

Ей, как я понимаю, вследствие старческого склероза приходили в голову безумные мысли. Иногда она припирала дверь комнаты, где жили и мы с сестрой, тяжелым чемоданом (как она ухитрялась вытащить его из-под своей кровати, убей бог, до сих пор не по-

нимаю!) и садилась на него, чтобы никто не мог войти. Таким образом она охраняла лежавшую в чемодане каракулевую шубу своей старшей дочери, которая в то время была где-то в эвакуации. Нас всех, кроме мамы, она считала «организованной преступной группировкой», как сказали бы сейчас. Папа в ее больном мозгу был главарем ОПГ, Луша — его любовницей, а мы с сестрой — рядовыми членами банды. Помимо того, в доме постоянно исчезали ножи, ножницы и иные предметы, которыми мы, видимо, могли бы изрезать другой каракуль.

И вот однажды на работе у отца раздался телефонный звонок начальника городской милиции:

— Алексей Дмитриевич, у тебя есть теща?

— Да, есть. А в чем дело?

— Вот она сейчас сидит у меня и рассказывает интересные вещи. Оказывается, ты на самом деле главарь шайки. Вы не то хотите украсть, не то порезать шубу ее старшей дочери. Нехорошо, ты же все-таки начальник завода! Пожалуйста, приезжай и заведи ее домой.

Вспоминая этот комичный эпизод, я до сих пор не могу понять, как старая, очень больная женщина сумела без посторонней помощи выйти из дому и добраться до Аварийного поселка, где находился отдел милиции, попасть к ее начальнику и разоблачить нашу банду!

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 41
заседания Технического совета Главного горно-обогатительного завода Норильского комбината при СЗК СССР
5 июля 1948 г.

СЛУШАЛИ: Промышленное применение окислителей на Норильском никелевом комбинате – доклад Нач. окислительного завода Норильского комбината А.Д. Яконтова.

РЕШИЛИ:

1. Доклад инж. А.Д. Яконтова о промышленном применении окислителей на Норильском никелевом комбинате принять и сведения.
2. Отметить инициативу работников Норильского никелевого комбината НКМД, успешно осуществивших в промышленном масштабе использование жидкого кислорода для производства горно-взрывных работ.
3. Считать желательным организацию экспериментального производства и применения окислителей еще на одном руднике /помимо Норильского комбината и Коурадского Рудника/, для проверки спорных моментов, возникших в результате опытов, проводимых в резко различных почвенно-климатических условиях.
4. Просить Горный институт Академии наук СССР /академика Сначинского/ детально обсудить в среде специалистов опыт промышленного применения окислителей на Норильском никелевом комбинате, выдвинуть желанные вопросы и наметить необходимые мероприятия по разрешению этой важной народнохозяйственной проблемы.

Председатель Технического Совета П.Д. Капица
Ученый секретарь А.С. Федоров

Выпущено в печать
23 июля 1948 г.

П Р И К А З

ПО НОРИЛЬСКОМУ КОМБИНАТУ НКВД СССР

пос. Норильск

№ 497

27 августа 1943 г.

СОДЕРЖАНИЕ: о наложении взыскания на нач. окисляющего завода т. Яхонтова А. Д.

Начальник окисляющего завода т. Яхонтов А. Д. 27-VIII-43 г. производил взрывания 12 неглубоких скважин на железнодорожной трассе РОР'а без согласования с руководством горного Управления и превысил данные ему полномочия: остановил автомашину на дороге к шахте № 11 и коксовый завод с 11 ч. 00 м. до 13 ч. 15 м., что привело к остановке шахты № 11 с 11 ч. 30 м. до 13 ч. 15 м.

П Р И К А З Ы В А Ю.

1. Начальнику окисляющего завода т. Яхонтову А. Д. объявить выговор
2. Производство массовых взрывов, затрагивающих работу других предприятий, производить с разрешения гл. инженера горного Управления.

И. о. начальника Норильского комбината Шевченко.

Зак. № 697.

Тип. Норильского комбината

Тир. 245

П Р И К А З

ПО НОРИЛЬСКОМУ КОМБИНАТУ НКВД СССР

пос. Норильск

№ 523

9 сентября 1943 г.

СОДЕРЖАНИЕ: об отмене приказа № 497 по Норильскому комбинату

На основании указаний Заместителя Народного Комиссара Внутренних Дел тов. Завенягина А. П. приказ по Норильскому комбинату № 497 от 27 августа 43 г. — отменить.

Заместитель начальника Норильского комбината,
главный инженер ШЕВЧЕНКО.

Зак. № 812.

Тип. Норильского комбината

Тираж 523.

К. П. Харченко
тов. ХОНТОВУ

Завенягину

11.УН-45г.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ИНСТИТУТ ГОРНОГО ДЕЛА

г. Москва,
Центр. Моск. Химический
пер., д. 78-4
Телефонный адрес: Москва 8221
Тел. К 4-50-51

7-ИЗДК 194.2 г.
2/УУ-63-10

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ВНУТРЕННИ ДЕЛ СОЮЗА ССР

тов. ЗАВЕНЯГИНУ А.П.

В Норильском никелевом комбинате в продолжение последних лет частично освоено применение оксидквизитов с поглотителем из прессованного торфа - сфагнома.

Институтом Горного дела Академии Наук Союза ССР ведется исследование оксидквизитов на протяжении четырех лет, вследствие чего успехи, достигнутые Норильским комбинатом, представляют интерес для И/Института, а также для специалистов-взрывников, работающих в области оксидквизитов.

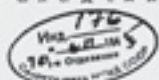
По известным сведениям в Москве в настоящее время находится начальник оксидквизитного завода Норильского комбината тов. ХОНТОВ. Прому Вашего согласия на постановку на одном из ^{станков} И/Института доклада тов. Хонтова на тему "Итоги применения оксидквизитов на Норильском комбинате".

По вопросу о времени и месте постановки доклада прому дать указание тов. Хонтову связаться с зав. лабораторией буровзрывных работ И/Института В.А. Ассомони.

ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА
ГОРНОГО ДЕЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
академик

А.П. Завенягин

Т.А. СКОЧНИКОВ/

3639

Письмо А.П. Завенягину и его подпись

Подобные визиты в милицию повторялись несколько раз. А закончилось все это очень печально — воспалением легких, отсутствием антибиотиков и неизбежной кончиной.

А теперь несколько слов о главных членах семьи. Папа был начальником оксиликвитного завода. Слово «оксиликвиты» мало кому знакомо — даже уж на что грамотный компьютер и тот отметил его красной чертой. Оксиликвиты — это взрывчатое вещество, которое готовится на основе жидкого кислорода.

Шла война, горной промышленности нужна была взрывчатка, но такая, которую можно было бы использовать без ущерба для нужд фронта. Именно таким взрывчатым веществом должны были стать оксиликвиты.

Отряд заключенных был заброшен в тундру с задачей собирать особый мох — сфагнум. Его сушили, измельчали, запрессовывали в картонные патроны и пропитывали жидким кислородом. Поскольку жидкий кислород быстро улетучивался, то патроны с поглотителем (торфом) приходилось пропитывать уже у места, где должны были производиться взрывные работы, кислород же туда доставляли в специальных термосах. Словом, морока была порядочная. И хотя неоднократные испытания дали положительные результаты, промышленного применения эта новая взрывчатка не получила. Отца, правда, наградили орденом, а летом 1945 года отозвали из Норильска и командировали в поверженную Германию.

Самое забавное, однако, заключалось в том, что ближайшие сотрудники отца по работе над оксиликвитами вскоре стали лауреатами Сталинской премии, а Яхонтова, имевшего даже авторское свидетельство за их разработку, в списке награжденных не оказалось. Объяснили так: тогда уже отец не числился работником комбината. Вот какие бывают казусы в нашей жизни...

Вообще-то у моего родителя сложились не очень теплые отношения с руководством комбината, и

прежде всего с его начальником А. Панюковым и главным инженером В. Шевченко. В чем причина, я точно не знаю, но у меня есть кое-какие соображения на этот счет.

Мой отец был очень общительным, открытым и добрым человеком, хорошим специалистом, поэтому я не думаю, что причина заключалась в его личных качествах. Скорее всего отца приняли, как говорится, в штыки потому, что его направил в Норильск тогдашний заместитель наркома внутренних дел СССР А.П. Завенягин, и видимо, без предварительного согласования с норильским руководством, а затея со строительством окисиликвитного завода принадлежала именно Завенягину. К тому же во время своих довольно частых приездов в Норильск Завенягин регулярно встречался с отцом. Эти встречи, вероятно, были не по душе начальнику комбината и главному инженеру (до Шевченко главным инженером был В. Зверев). Они, может быть, считали отца московским соглядатаем.

При первом же подходящем случае, когда Панюкова не было на месте, в приказе В. Шевченко по комбинату от 27 августа 1943 года объявил выговор начальнику окисиликвитного завода Яхонтову. Теперь бы назвали его «провинность» превышением служебных полномочий: он своей властью на два с небольшим часа закрыл движение автотранспорта по дороге, ведущей к руднику открытых работ, так как там поблизости проводились испытания новой взрывчатки. А в эти дни, на беду главного инженера, подписавшего приказ, в Норильск прилетел А.П. Завенягин. Отец встретился с ним, рассказал о необходимости принятых им мер при экспериментальном взрыве. И уже 9 сентября Шевченко издал новый приказ, где говорилось, что в соответствии с указанием заместителя наркома внутренних дел приказ от 27 августа о выговоре отменен. Ну, подумайте, как после этого можно было хорошо относиться к Яхонто-

ву?! О какой Сталинской премии могла идти речь, тем более что этот Яхонтов с 1 мая 1947 года не числился работником комбината?!

К премии за производство и внедрение окисилитов в горном деле представили не отца, который был руководителем этих работ, а высоких начальников, непосредственно этим делом не занимавшихся.

И еще один фактор: в то время, когда большинство руководящих работников в Норильске были членами ВКП (б), отец был беспартийным (он вступил в партию после откомандирования на другую работу в 1947 г.). Скорее всего норильское начальство с самого начала не считало его своим.

Теперь о маме. Она была начальником химической лаборатории на одном из металлургических заводов. Слово «начальник» удивляться не надо. В системе НКВД в те годы все руководители, большие и малые, именовались начальниками. Не случайно обращение «гражданин начальник» употребляется и сейчас теми, кто попадает в сферу действия органов МВД.

К примеру, мать моего одноклассника Игоря Фетисенко (ныне покойного) официально именовалась начальником родильного дома. Начальником норильского совхоза был Николай Иванович Иевский. И так далее. Только вот не знаю, была ли тогда должность начальника бани. Исключение составляла, по моему, только наша школа, которой командовала директор Наталья Ивановна Царева, хотя ей, как никому другому, больше подходило бы звание начальницы. Об этой женщине я еще расскажу.

Под началом моей матушки работало человек двадцать — химики, лаборанты, подсобные рабочие. В большинстве своем это были зэки, осужденные за «политику» по статье 58-10 УК РСФСР, то есть за «контрреволюционную пропаганду и агитацию». (Примерно такой же контингент работал и на заводе у отца.) Это — люди, оказавшиеся в лагере за какой-нибудь анекдот с политическим душком, за

какую-либо байку о правительственном чиновнике, за критическое замечание или недовольство порядками в учреждении, или на предприятии, или в целом в стране. Тогда говорили, что такой-то сидит за лень — вовремя не донес (не настучал) на своего приятеля, а тот его опередил. Шутка, конечно, хотя и горькая. А результатом доноса, как правило, были 10 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях.

Насколько я могу судить по рассказам родителей, да и по собственным наблюдениям, в их «епархиях» практически не чувствовалось разницы между вольнонаемными сотрудниками и заключенными. Только эски должны были после рабочего дня вернуться в зону. Кормили их, конечно, плохо, но, с другой стороны, кому было тогда хорошо — ведь шла война и никто не жаловался. Многие мужчины-заключенные писали заявления с просьбой отправить на фронт. Кое-кому удавалось этого добиться.

Помню, что, уходя на работу, мама брала с собой завтрак в таком объеме, что его наверняка хватило бы на несколько человек. Она, как могла, подкармливала своих сотрудников, снабжала их папиросами или махоркой. А они отвечали ей хорошей работой, которая давала надежду на условно-досрочное освобождение.

Мы же питались по военному времени неплохо. Продукты вольнонаемным работникам продавались по так называемым заборным книжкам, своего рода карточкам. И конечно, снабжение продуктами не шло ни в какое сравнение с продовольственными нормами, существовавшими на материке. О деликатесах речь не шла, да и купить что-либо было просто негде. В Норильске тогда не было магазинов в нашем сегодняшнем представлении. Все отоваривались, по-моему, на базах, куда прикрепляли согласно «табели о рангах», то есть занимаемому положению основного работника.

А теперь о нашей школе. На мой взгляд, она вполне заслуживает того, чтобы о ней рассказать, и

прежде всего потому, что в то время эта школа была одной из немногих, если не единственной, в советском Заполярье.

Кроме того, нашу школу в 1944 году окончил человек, имя которого стало широко известно в СССР. Это Герой Советского Союза Эдуард Елян, один из группы летчиков-испытателей сверхзвукового пассажирского самолета Ту-144. Конечно, ни он, ни его товарищи не виноваты в том, что судьба этой машины оказалась такой печальной. Ведь и «буржуйский» «Конкорд» тоже сейчас лишь музейный экспонат. Видимо, пока еще время для сверхзвуковых пассажирских перевозок не наступило. В СССР это осознали значительно раньше, чем на Западе. Но как бы там ни было, выпускник норильской средней школы Эдуард Елян стал и останется ее гордостью — ведь он, еще будучи учеником, мечтал о штурвале самолета и получил его.

Могу также сообщить любопытный факт для тех, кому это неизвестно: бабушка знаменитых хоккеистов братьев Буре — в девичестве Люда Попова — также окончила нашу школу. Она была всего на пару классов старше меня.

А вообще многие наши выпускники военных лет оставили каждый свой след в жизни страны, пусть не такой яркий, как след Эдуарда, но тем не менее по-своему заметный и полезный. Из норильских школьников выросли инженеры, врачи, журналисты, ученые, учителя. Я мог бы назвать имена, но перечислить всех

Одноклассница Юлия Яхонтова Злата Мансурова, дочь главного бухгалтера Норильского комбината А.Н. Мансурова. В дальнейшем вышла замуж за Юрия Трушина

просто невозможно, а обижать неупомянутых недопустимо. Многих уже нет, но те, кто еще остался на этой Земле, помнят своих друзей и товарищей.

И еще несколько слов об Эдуарде Еляне.

Однажды в нашей школе появился военный летчик, по-моему лейтенант. На нем мы впервые увидели настоящие полевые погоны, введенные в Красной Армии с начала 1943 года. Он, этот совсем молоденький парнишка, был ранен. Насколько помню, у него были перевязаны плечо и часть груди.

Ему освободили небольшую комнату на первом этаже, поставили кровать, стол, пару стульев. Словом, сделали комнату пригодной для жилья. Почему он оказался у нас в школе, а не в норильской больнице, я могу только гадать. Скорее всего тут не обошлось без помощи отца Эдуарда, который был заместителем начальника комбината, а значит, весьма влиятельным лицом в Норильске. И если Эдуард его попросил, то тот, конечно, не смог отказать сыну, который, как известно, только и мечтал стать летчиком.

А будущий авиатор со своими верными оруженосцами Леней Асламиным и Карпиком Пеньковым только что не ночевал у лейтенанта. Не говоря уж об Эдуарде, многие ребята носили ему самое вкусное, что только было дома. В маленькую комнатуньку часто набивалось полно парней: все хотели от непосредственного участника боевых действий услышать рассказы о войне, боях, воинской службе, учебе в училище. Наверняка близость к этому живому участнику войны — их тогда в Норильске можно было пересчитать по пальцам — еще больше укрепила Эдика в его намерении посвятить себя авиации. Результат известен.

Что стало в дальнейшем с лейтенантом, не знаю. Но из школы он вскоре исчез, как, впрочем, и я.

А теперь прошу меня извинить, что нарушил хронологию рассказа. Итак, продолжаю.

...По приезде в Норильск (это было в начале лета 1942 года) меня приняли в девятый класс, а мою сестру Ирину — в восьмой. А пока, до начала учебного

года, мы привыкали к жизни в Заполярье, к новым условиям, постепенно обретали знакомых среди сверстников. Это нам очень пригодилось впоследствии, когда мы 1 сентября переступили порог норильской десятилетки, сразу очутившись как бы среди своих.

Школа выглядела весьма солидно. Большой темный бревенчатый сруб, два этажа светлых окон классов. Позади здания пристроен спортивный зал со всеми атрибутами. Тут мы крутились на турнике, лазали по канату, играли в волейбол — наш физрук Анатолий старался сделать из нас здоровых и ловких ребят. Правда, не все оправдывали его надежды, чего греха таить.

Директором у нас была, как я уже говорил, Наталья Ивановна Царева. Очень редко встречается такое совпадение фамилии со внешностью, как это было в ее случае. Она выглядела воистину величественно: крупная, статная, с точеным лицом, сохранившим, несмотря на возраст, былую красоту. Наталья Ивановна походила на Екатерину Великую, сошедшую с полотна художника. А если вспомнить ее командный голос, железную, подавляющую всех волю, то сходство с императрицей будет почти полным.

Наряду с исполнением обязанностей директора школы Наталья — а между собой мы звали ее именно так — в старших классах преподавала немецкий язык. С чего она взяла, что знает его, неизвестно, но владела им наша «немка» в тех же пределах, что и мы, ее ученики. Забавная ситуация, не правда ли?

Не знаю, как обстояло дело в школах других городов, но у нас Наталья своим «царским указом» объявила «военное положение»: школа отныне стала именоваться «военизированной». Вот в чем это выразилось.

Всем мальчишкам, с восьмого по десятый класс, было предписано в кратчайший срок расстаться со своими вихрами и постричься наголо. Эта недуманная мера, касающаяся детей, живущих не в

казарме, а дома, в семьях, была встречена в штыки и нами, и нашими родителями. Они пытались урезонить Цареву и в личных беседах, и по телефону, но безуспешно. Директриса заявила, что тех, кто будет саботировать «военизацию», к урокам допускать не будут. Эта угроза была несколько раз осуществлена, а наш протест, как и протесты родителей, как говорят юристы, были «оставлены без последствий».

Но стрижкой дело не ограничилось. В школе были введены дежурства будущих солдат. Дежурный — это были ученики десятого класса — должен был по окончании уроков обойти все помещения и, убедившись, что все ушли, запереть входную дверь. Утром же, не ранее чем за полчаса до начала занятий, впустить учеников. Было очень жаль малышню. Они имели обыкновение даже зимой, боясь опоздать, приходиться за час до девяти, а то и больше, когда начинались уроки. Они молча, не ропща, хотя порой бывало очень холодно, толпились на крыльце. Многие дежурные брали на себя смелость нарушить глупый приказ директрисы и впускали ребятишек досрочно.

Но и на этом «военизация» школы не закончилась. К нам прислали военрука (так называли тогда преподавателей военного дела), кадрового военного с тремя кубиками в петлицах гимнастерки. Занятия проходили примерно так.

Стоя у учительского стола, он командовал:

— Я ухожу, вы остаетесь!

Мы должны были дружным хором отвечать:

— Счастливого пути, товарищ старший лейтенант!

Затем следовала другая команда:

— Я остаюсь, вы уходите!

В ответ должно было последовать:

— Счастливо оставаться, товарищ старший лейтенант!

Он был большим «остряком», наш военрук. После его порой бестактных, неумных, а иногда и просто неприличных высказываний половина класса покаты-

валась от хохота — это были мальчишки, — а другая половина — девочки — краснела и даже плакала.

Но администрация школы все прощала ему. Ведь он был какой-никакой, но военный, хотя и уже уволенный из армии по возрасту. Тем более что выглядел он отлично: прекрасная выправка, всегда отутюженная и хорошо пригнанная форма, сверкающие сапоги. А то, что ему явно не доставало культуры, так что, он был один такой в нашей стране?!

В летние каникулы учеников старших классов привлекали, как, наверное, и во всей стране, к общественно-полезному труду. Здесь была свобода выбора. Кто хотел, тот занимался ремонтом школы. Другие работали в совхозе. Кто-то устраивался на предприятия. Словом, выбор был большой. Меня же зачислили лаборантом на заводе, которым руководил отец. Но это была чистая формальность. На самом деле я был учеником водителя грузовика.

Мой учитель Петр Калашников был заключенным, но имел пропуск на право свободного хождения и езды по городу, поскольку работал шофером на оксидквитном заводе. На нем висел солидный срок — 10 лет лагерей. Но это никак не отразилось на его характере — веселом, добром и компанейском. Петр никогда не рассказывал, что он такого натворил. Однако я знаю, что тут был замешан пресловутый «закон о колосках».

Обучал он меня вождению машины охотно, умело. В итоге через три недели езды на трехтонке я смог сдать автоинспектору экзамен и получить шоферское удостоверение, правда со штампом: «Действительно только на территории Красноярского края». Думаю, что это было вполне разумное ограничение.

Он иногда доверял мне самостоятельную езду по Норильску, хотя первое время сидел рядом со мной. Мы ездили по предприятиям, базам, получали какие-то материалы, оборудование. Представляете, как я был горд, когда, сидя за рулем, встречал на улицах своих знакомых ребят, а те, разинув рты, провожали

меня изумленными взглядами. В такие дни Петр вешал свою подружку в «Шанхае», куда я должен был потом за ним заехать к назначенному времени.

Однако, как говорят, в один прекрасный день моя езда за рулем совершенно неожиданно закончилась. Черт дернул Петра приказать мне в тот раз остановиться именно около здания, где помещалось управление исправительно-трудовых лагерей комбината. Я сбавил скорость и свернул к обочине. Вдруг раздался громкий удар, треск, машина дернулась, остановилась и ее передняя часть резко накренилась. Мы выскочили из кабины и увидели, что правое переднее колесо по ступицу провалилось в траншею, которую кто-то начал копать поперек дороги. Рабочие, которые это делали, куда-то ушли, возможно на обед, и в лучших российских традициях не поставили никаких предупреждающих знаков. Петр по этому поводу высказался, вспомнив чью-то мать, господа бога и какую-то душу. Но это была только увертюра.

Дело ведь происходило в середине лета, и, как назло, был редкий для Норильска теплый день. Окна в здании управления были открыты. В одном из них показался подполковник Еремеев — заместитель начальника комбината, ведавший лагерями.

Я боюсь, что мой компьютер выйдет из строя, если я рискну процитировать краткую, но выразительную речь гражданина начальника. Словом, он потребовал нас к себе на ковер.

Я сообразил, что надо срочно спасти Калашникова: ведь ему, заключенному, грозило серьезное наказание. А Еремеев, как было известно, на кары не скупился. И тут я вспомнил, что у отца, как он рассказывал, были неплохие отношения с грозным шефом Норильлага. От вахтера у входа в управление я тотчас позвонил отцу, который, к счастью, оказался на месте. Волнуясь и сбивчиво изложив существо происшествия, попросил срочно заступиться за Петра. Мой родитель, человек очень мягкий и добрый, конечно, отругал меня за невнимательность (это,

естественно, было сделано не в пример Еремееву на вполне приличном языке) и сказал, что постарается все уладить. Уладить-то ему удалось, Петру ничего не было, а вот меня с машины отец снял и разжаловал в лаборанты, кем я формально числился. Так бесславно закончилась моя каникулярная трудовая деятельность в 1943 году.

ДИТР. Эта аббревиатура уже ранее встречалась в тексте. Но тем не менее еще раз для тех, кто мог забыть, что она означает, расшифрую: Дом инженерно-технических работников. Для вольняшек (так заключенные именовали вольнонаемных работников комбината), да и для нас, старших школьников, ДИТР был центром культурной жизни, настоящей отдушиной, особенно в мрачные и трудные месяцы полярной ночи.

Директором Дома была славная, веселая и энергичная женщина — жена одного из ответственных сотрудников комбината Татьяна Ивановна Арсеньева. Мы, школьники, ее просто боготворили. И она отвечала нам теплым, дружеским отношением. Всегда пропускала нас на вечерние киносеансы, танцы и концерты, и все это вопреки возражениям нашей Натальи.

Что касается кинофильмов, то они шли в ДИТРе регулярно. Это были в основном «Боевые киноальбомы» — по сути дела, хроника с фронтов Великой Отечественной войны. Их доставляли в Норильск самолетами. Иногда показывали новые картины, сделанные на студиях, эвакуированных в Среднюю Азию. Ну и совсем редко попадались американские комедийные ленты.

Концерты комбинатского коллектива художественной самодеятельности прекрасно дополнялись, а чаще всего затмевались выступлениями многих известных в стране актеров, в то время заключенных или сосланных. Их всегда встречали очень тепло. Большинство из присутствовавших в зале прекрасно понимали, что за страшные и подлые «враги народа»

выходят на сцену, и старались поддержать и отблагодарить их хотя бы своими аплодисментами. За давностью лет я уже не могу назвать их имена, гремевшие на всю страну еще за годы до войны, а затем неожиданно для большинства канувшие в безвестность. Многие из этих знаменитостей после реабилитации вновь вернулись на сцену или эстраду и еще долго радовали публику своим искусством.

Кстати, я уже упоминал нашу соученицу Людмилу Попову, которая вышла замуж за известного уже тогда спортсмена Павла Буре, потомка российского часовых дел мастера Павла Буре. Эта фамилия гремит до сих пор: внуки норильских Павла и Людмилы — одного из них снова зовут Павел, другого — Валерий (они хоккеисты, дети многократного олимпийского чемпиона по плаванию) — сейчас знамениты в мире. Причем Павла даже называют русской ракетой. К сожалению, живут братья не у себя на родине.

Так вот об их бабушке, Людмиле, я и хотел немного рассказать.

Она, по нашему общему мнению, обладала хорошим голосом и вначале выступала в концертах самодеятельности в ДИТРе. Потом, когда в Доме устраивались танцы, что было нередко, Люда стала петь в сопровождении джаза, которым руководил известный в эстрадных кругах Лаци Олах. Его многие любители джаза знали в стране как выдающегося музыканта-ударника, а в Норильске он, венгр по происхождению, оказался как «спецпоселенец».

Танцы под музыку оркестра Олаха и пение Люды пользовались огромной популярностью и собирали всегда массу народа. И мы, школьники, старались их не пропускать, несмотря на ожидавшую нас на другой день взбучку от Царевой. Но овчинка вполне стоила выделки!

Был даже эпизод, когда на сцене Дома была поставлена одноактная пьеса силами учеников старших классов. Этот спектакль на военную тему, где немцы выглядели полными крестинами, а наши — смелыми

и умными, был патриотическим, несмотря на свою примитивность, и вполне отвечал духу времени. Наградой нам были дружные аплодисменты зала. Даже Наталья, присутствовавшая на представлении, похвалила его участников и с тех пор заметно в лучшую сторону изменила свое отношение к нашим походам в Дом.

Во второй половине апреля 1944 года, когда у нас в Норильске еще была в разгаре зима, отец проводил меня до Дудинки, откуда я должен был отправиться в Москву с предписанием Таймырского окружного военного комиссариата явиться для прохождения службы в военно-авиационное училище. Располагалось оно тогда около стадиона «Динамо». Сейчас эти здания принадлежат Военно-воздушной инженерной академии имени Жуковского.

Провожали меня тогда из дому кроме родных многие друзья-одноклассники. Ведь я был в Норильске первым, кто в том году уходил в армию. Учтявая, что это происходило незадолго до окончания учебного года, педагогический совет школы освободил меня от сдачи выпускных экзаменов. Мне зачли итоговые оценки за три четверти и выдали аттестат. В нем были пятерки по всем предметам, кроме одного — немецкого языка. Тут стояла единственная четверка. Я тогда было подумал, что это мелкая месть со стороны Натальи: ведь это она преподавала немецкий, а я как-то имел неосторожность ей сказать, что терпеть не могу ее предмета.

Мое мальчишеское заявление было в то время вполне патриотичным, что и говорить, но для нее обидным. А спустя много лет я вижу его в ином свете. Директор школы, видимо, просто не хотела затевать бюрократическую волюнку: поставь она пятерку, пришлось бы давать мне золотую медаль (в то время они уже, по-моему, были учреждены). А это требовало согласования с Красноярском, где находился краевой отдел народного образования. На переписку же не было ни времени, ни, может быть, желания.

Но по иронии судьбы мне потом в течение пяти лет пришлось изучать ненавистный немецкий язык. Я полюбил его, и в итоге получилось так, что он стал ведущим фактором моей жизни. Вот как бывает!

Однако вернусь к своему отъезду из Норильска. Дело прошлое, ведь тогда у меня был выбор. Тогда, как я помню, существовало положение, согласно которому при ведущих вузах страны были созданы подготовительные отделения, куда принимали учеников, окончивших среднюю школу, освобождая их от призыва в армию. Эта мера была оправданной. Руководство страны смотрело далеко вперед. Оно понимало, что после окончания войны народному хозяйству понадобятся многие тысячи самых разных специалистов взамен тех, кто погиб, защищая Родину.

Вот и я по совету отца, еще учась в девятом классе, послал заявление в Московский горный институт, хотя не очень-то надеялся, что оно дойдет. Однако почта во время войны работала четче и оперативней, чем сейчас. Письмо дошло. Через некоторое время пришел ответ: меня зачислили на подготовительное отделение и к извещению прилагалась справка о том, что я освобождаюсь от призыва в армию.

К тому времени в Норильске, в том числе и в нашей школе, царил такой патриотический подъем, такое желание участвовать в борьбе с германским фашизмом, что я и подумать не мог о том, чтобы избежать армии. Не говоря ни дома, ни в школе об от-

Юлий Алексеевич Яхонтов. 1955 г.

вете из Москвы, я послал заявление в Дудинку, где располагался военкомат, с просьбой призвать меня в армию еще до окончания школы. А справку из горного института я просто порвал.

Моих одноклассников должны были мобилизовать, как только они окончат школу. В это время на Енисее открывалась навигация — примерно в июне. Я же, отправляясь в армию в апреле, рассчитывал, что вскоре надену военную форму и после короткого обучения попаду на фронт. Однако получилось не так, как я надеялся.

Родные устроили мне торжественные проводы. Было много не только друзей и товарищей по школе, но и коллег родителей по работе. Директор совхоза Николай Иванович Иевский, всегда по-доброму относившийся к нам, старшекласникам, разрешил даже купить несколько литров отличного ягодного вина, производство которого было налажено у него в хозяйстве. Многие гости принесли письма для родных и близких, живущих на Большой земле. А моя матушка, всегда сочувствовавшая заключенным, также положила на дно моего чемодана десятка полтора конвертов своих сотрудников. Понимая, что это будет нелегко, она тем не менее попросила меня не бросать письма в почтовые ящики, а по возможности на всякий случай развезти их по московским адресам. О том, что транспортировка писем заключенных могла иметь серьезные последствия, как-то ни она, ни я не подумали. Но ее просьбу я выполнил. Помню, что последнее письмо я отвозил в один из домов на Новослободской улице.

Ночь в тряском и холодном вагоне узкоколейки — и мы в Дудинке. Утром, когда мы с отцом вышли из вагона, на нас обрушился поток слепящего солнечного света. Ведь только вчера, когда мы садились в поезд в Норильске, там бушевала пурга. А здесь без темных очков на снег смотреть было невозможно: он сверкал, искрился всеми цветами радуги, словно чему-то радовался.

Перед нами открылись бескрайние просторы все еще скованного многометровым льдом Енисея. А если повернуться от реки в сторону Дудинки, то там тоже была сплошная белизна, под которой скрывались крыши приземистых изб и виднелись столбы дыма от беспрерывно топящихся печей. Кое-где виднелись уже ставшие привычными контуры сторожевых вышек вохровцев — это там, где были лагерные пункты. Чего другого, а их здесь тоже хватало. Знакомый пейзаж...

*Юлий Алексеевич Яхонтов.
1957 г.*

Мы с отцом сходили в военкомат, где мне вручили командировочное предписание и проездные документы. Теперь дело было за транспортом — самолетом. Когда он прилетит, никто толком не знал. Говорили, что на трассе плохая погода...

В общей сложности мы пробыли в этом «милом» поселке не то два, не то три дня. Но вот наконец самолет прилетел. Это был не то американский «Дуглас С-47», не то его наша копия Ли-2. Они ведь как близнецы, различить их может только профессионал. А в общем, какое это имело значение?!

Я простился с отцом и поднялся по маленькой лесенке в самолет. Меня сразу охватил могильный холод — ведь тогда отопления у самолетов не было, как, впрочем, и у автомашин, и поэтому наш летательный аппарат, проделавший путь от Красноярска часов за семь, основательно промерз.

Внутри фюзеляжа никаких пассажирских кресел не было. По его бокам виднелись длинные металлические лавки с углублениями для мягких мест летящих. Видимо, это был военно-транспортный вариант само-

лета, и никаких удобств в нем не предусматривалось. Рабочие погрузили какие-то тяжелые ящики в хвостовую часть. Желающих лететь собралось порядочно, но кое-кому даже пришлось остаться — свободных мест было немного.

Из кабины летчика вышел молодой человек с горой овчинных тулупов. Желающих утеплиться было значительно больше, чем меховых изделий, и те, кто сидели ближе к кабине, в том числе и я, оказались счастливее других.

Парень с грохотом втянул лесенку-трап, задраил дверь. Взревели бензиновые моторы (их было два, ведь реактивных двигателей тогда еще не было), и самолет сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее покатил, подпрыгивая на неровностях енисейского льда.

Так закончился норильский этап. Впереди ожидала новая, неизведанная жизнь.

А теперь несколько строк о том, как сложилась моя судьба после отъезда из Норильска (что-то вроде краткой автобиографии).

Юлий Яхонтов после окончания Военного института иностранных языков Красной Армии

Маршал Советского Союза С.М. Буденный вручает Ю.А. Яхонтову государственную награду в редакции газеты «Правда». 1968 г.

Встреча собственного корреспондента газеты «Правда» Ю.А. Яхонтова с президентом Финляндии Урхо Кекконеном. Хельсинки, 1967 г.

В соответствии с предписанием, полученным в Таймырском окружном военкомате, по приезде в Москву я был зачислен в 1-е Московское Краснознаменное, ордена Ленина военно-авиационное училище связи ВВС. Проучился я там немногим больше года и незадолго до выпуска был откомандирован в Военный институт иностранных языков Красной Армии, где проучился пять лет. В те годы это был, пожалуй, лучший языковой вуз страны. Мы изучали основательно языки. Я, в частности, изучал немецкий как основной и английский в качестве второстепенного. Подготовка была широкой. Помимо военных дисциплин нам преподавали историю, быт и нравы населения тех стран, языки которых мы изучали. Лекции нам читали профессора МГУ, лучшие преподаватели московских институтов.

После защиты диплома меня направили в Группу советских оккупационных войск в Германии, где я прослужил ровно три года. По возвращении в Москву

Телевизионный журналист (слева направо) Юрий Фокин и зам. редактора «Правды» Юлий Яхонтов выступают в Доме культуры «Правды»

я работал в центральном аппарате Министерства обороны. В сентябре 1958 года, когда шло массовое сокращение армии, я уволился в запас и два года проработал в Военном издательстве, в редакции периодической военной литературы, редактором.

В мае 1962 года меня пригласили работать в создававшийся тогда журнал «За рубежом». Проработал там два года, набрался журналистского опыта, знаний и со спокойной душой и удовольствием принял предложение перейти в редакцию «Правды». Для сравнительно молодого человека — мне тогда было 36 лет — в те годы это считалось большой честью.

В «Правде» я проработал до 1989 года. Прошел почти все редакционные ступени: был заместителем ответственного секретаря по международным отделам, обозревателем, заместителем редактора отдела и, наконец, редактором газеты по отделу капиталистических стран. Дважды — семь и шесть с лишним лет работал за рубежом: в Финляндии и странах Скандинавии и в Федеративной Республике Германия в качестве собственного корреспондента. В общей сложности «Правде» я отдал 25 лет.

С 1989 года я на пенсии. Член Союза журналистов России.

Вот и весь мой трудовой путь.

Люция Успенская. 1954 г.

Люция Успенская:

«До сих пор помню необыкновенное счастье жизни в театральной среде...»

Люция Успенская. 1935 г.

Люция Успенская (Недли́на). 1955 г.

ГЛАВНАЯ НЕВЗГОДА — ГОЛОД...

Как много могут рассказать фотографии... Я перебираю их по одной, и память уносит меня далеко в прошлое... Вот маленькая девочка с бантом... Это я в 1935 году. Я любимый ребенок в семье, еще жива моя мама, а папой я называла отчима Василия Федоровича Праведникова. Своего отца я не помню — сохранились только фотографии Петра Михайловича Успенского. Он был сыном священника, и это в первое же десятилетие советской власти осложнило его жизнь — ему не давали учиться, подозревали во всех смертных грехах. Но отец все-таки нашел свое место в жизни, много работал, женился на Евдокии Ивановне Коркиной, моей маме. Когда мне было восемь месяцев, отец, молодой и здоровый, совершенно неожиданно умер. Старшая сестра мамы в тот несчастный день, гуляя с ребенком, встретила отца утром в полном здравии — он шел проводить ревизию в один из ярославских ресторанов. Там он обнаружил крупную недостачу. Возвратился после обеда совершенно больным, к вечеру умер. Диагноз ему поставили более чем странный: тиф! Все решили, что в том ресторане, где он выпил стакан чаю, его просто отравили...

Петр Михайлович Успенский

*Ярославская Главрыба, возглавляемая В.Ф. Праведниковым
(третий слева). 30-е гг.*

В моем семейном архиве сохранились три фотографии отчима. Василий Федорович Праведников родился в 1891 году, в детстве жил в Петербурге, работал мальчиком в магазине, хозяин за добросовестную службу наградил его золотыми часами. Василий Федорович пел в хоре мальчиков в Мариинском театре, где общался с Федором Шаляпиным, который уговаривал мальчика учиться петь всерьез.

Евдокия Ивановна Успенская

Я помню, как мой отчим исполнял арии, которые пел Шаляпин.

Его брак с мамой — это был брак по расчету. После смерти отца мама пошла работать официанткой: время-то было голодное. Тут и увидел маму Праведников. Он (заместитель директора треста ресторанов, кафе, столовых) был на 20 лет старше ее, у него не было ни жены, ни детей. Он действительно спас нас от голода и другого лиха и хорошо ко мне относился, пока была жива моя мама. Она умерла рано после операции. И тогда Василий Федорович взял к себе сестру

*Василий Праведников —
справа. С.-Петербург*

Василий Федорович Праведников

из деревни из-под Ярославля. Марья меня невзлюбила, обижала, а я в ответ дерзила ей. Вечером она жаловалась отчиму, и он бил меня.

Мы жили тогда в закрытой зоне Арсенального речного флота — домой ходили по пропускам. Когда мы потеснили соседскую семью в двухкомнатной квартире, то это сразу испортило наши отношения. Тут и начались мои беды. У соседей пропало кольцо,

и они обвинили меня. Отчим не стал разбираться, а уж защищать меня ему и в голову не пришло — он поступил просто: сдал меня в детский дом, и 13 февраля 1943 года началась моя борьба за выживание. Чесотка, вши... Крысы бегали в столовой. Здесь все разворовали, и дети умирали один за другим от голода и болезней.

Забегая вперед, скажу, что перед смертью отчим просил у меня прощение: «Я очень виноват перед тобой...» Он даже подарил мне золотые часы, которые в тяжкую минуту пришлось продать. Я возила позже в село своего 18-летнего сына, рассказывала, как мы, дети, жили здесь до 1946 года (в настоящее время село Давыдково называется в честь маршала Ф.И. Толбухина — Толбухино). Сережа так, наверное, и не смог представить, как это учиться при лучине, как она вообще горит.

Помню, как от ужасов детского дома я сбежала в первый же месяц. Пешком по шпалам пришла без сил к отчиму в Ярославль. Он открыл дверь и сказал мне: «Иди туда, откуда пришла!» Я ушла на берег Волги, ком стоял в горле, а плакать не могла. Посидела-посидела да пошла к дяде. Сам он был на фронте, а жена его работала в детском садике. Тетя Зина накормила меня белым хлебом, оставила ночевать в саду, а утром сказала: «Возвращайся в детдом». Я поняла: пешком уже не дойду до села. Пробралась к грузовому поезду, еду с невеселыми мыслями и вдруг понимаю, что у моей станции Уткино поезд

*Константин Иванович Коркин,
дядя Люции Успенской,
отец Ольги*

не остановится. Прыгнула на ходу, как только ничего себе не переломала... Больше не бегала — куда и к кому?

Может, и я бы окончила в детдоме свою жизнь, как многие дети, если бы не Зоя Николаевна Белинская. Она учила нас шить, очень жалела нас, но помочь ничем не могла. И тогда тайно от всех она подучила нас, нескольких старших девочек, написать письмо Жданову в Ленинград. Все свои жалобы мы изложили как могли. Уж не знаю, дошло ли оно до Жданова, только из Ярославля к нам приехала комиссия во главе с начальником облоно Серебренниковым. Директора уволили, детдом расформировали.

Тут в детдом пришли муж с женой: удочерить девочку решили. Ну я и поехала с ними. Оказалось, им нянька для ребенка была нужна. Галя с Петей весь день катали валенки, а я с малышом сидела. Однажды гуляю с ребенком, а навстречу Серебренников с комиссией идет в дом ребенка. Он удивился, узнав меня: «Что ты тут делаешь?» Я заплакала, потом услышала: «Завтра же ко мне в облоно!» Серебренников, добрый человек, направил меня в великолепный образцово-показательный детский дом имени Ленинского комсомола. Здесь в столовой были скатерти, в зале стоял рояль, нас учили петь, танцевать, обнаружилась моя склонность к балету. Жаль, прожила я тут мало — только когда училась в 7-м классе. Знаний у меня не было, а тут требования были высокие, потому после семилетки меня могли отправить только в ремесленное училище Ярославля. Не в техникум же...

*Зинаида Евграфовна
Коркина, жена дяди*

В училище с удовольствием занималась художественной самодеятельностью, а потом стала токарем на заводе. Однажды опоздала на работу — на вахте не пропустили на завод. Так образовался прогул: меня тут же уволили. Я опять к отчиму — к кому еще? Он направил меня на работу, а жить где? Пошла к старшей сестре мамы. Но очень скоро сама ушла от нее. Когда тети не было дома, ее муж, лежа на кровати, пальчиком поманил меня. Я подошла, но, когда поняла зачем, быстро развернулась и ушла. Тете Кате ничего не сказала.

Приютила меня знакомая по училищу Лиля. У моей подружки Тани мама в детском саду поваром работала. Как-то мы, Аля, я и Таня, пришли к ней в детсад. Там так вкусно едой пахло, а мы голодные... Таня и говорит: «Я ключи взяла от кладовки». Украли мы масло и конфеты, разделили. Я свою долю принесла к Лиле и положила за окно. Как я Лилю подвела! И сегодня вспоминаю — плакать хочется... Конечно, тут же обнаружилась пропажа, к Тане к первой пришла милиция. Она от всего отреклась: не брала. Только милиционеры за дверь, она побежала ко мне. Они — за ней. А тут вот она, улика, масло за окном. Нам было по 17 лет, когда за групповую государственную кражу каждую приговорили по указу правительства от 7 августа 1947 года к 15 годам лагерей. Мы с Таней попали в Норильск, а Алю с тех пор так и потеряли... Как сложилась ее жизнь, жива ли она? Ничего не знаю.

Люция Успенская. 1953 г.

...Как-то в 1995 году мне понадобилась справка о моей детдомовской биографии. Я обратилась в архив Ярославской области и получила справку о том, что «в книге движения воспитанников детского дома значится Успенская Люция Петровна... поступила в детский дом 13 февраля 1943 года... 31 июля 1946 года выбыла в детский дом № 2 г. Ярославля...» Потом был детдом № 36 и наконец ремесленное училище... Сиротство и житейские невзгоды, из которых главное — голод, круто изменили мою жизнь. Сколько я потом встречала таких сестер по несчастью...

СУМЫ ИЗБЕЖАЛА, А ТЮРЬМЫ — НЕТ...

Вспоминаю Ярославль 1949 года. Иду мимо суда. Народ возле него столпился: банду судят! Из любопытства и я зашла в суд. Среди тех, кого судили, запомнила единственную молоденькую женщину. А через год я сама с подругами сидела в суде на скамье подсудимых, и дали нашей группе 15 лет лагерей за конфеты, которые в тот же день мы съели, и за кусочек масла, которое так и не довелось попробовать. Вкус сладостей и масла надолго так и остался для меня недоступным... Я встретила потом эту молодую женщину на пересылке. Зина Белентинова всего на пару лет была старше меня, мы с нею в Норильлаг попали. После нашего освобождения видела ее в кулинарии — трудилась добросовестно, никакая лагерная грязь не при-

*Зинаида Белентинова,
о которой остались самые добрые
воспоминания у Люции Успенской*

липла к этому очень порядочному человеку. Знаю, что она, как и я, тоже сиротой росла, а что с нею произошло — никогда не спрашивала. Мы все очень не любили на свое прошлое оглядываться...

Самые первые тюремные впечатления получила в Ярославле. Нас, малолеток, разместили в отдельном бараке. Помню, залезу на окно и кричу: «Привет, мальчишки!» А меня за это в карцер. Начальник тюрьмы, добрый человек, вызывал меня к себе, потцовски беседовал, жалел меня. И вот пришло время отправки этапа в Красноярск. Начальник тюрьмы выдернул меня из строя: «Тебе туда не надо, их — на Север!» Хотел оставить меня, а я с девочками перезнакомилась, побоялась отстать от них и заплакала: «Я только с ними пойду!» «Ну иди», — сказал начальник очень грустно. И я пошла со всеми.

В Красноярске в карантинный барак к нам пришли урки. Раздели нас, остались мы в одних теплогрешках. Посоветовали нам: жалуйтесь паханше Шурочке, так ее все называли. Пожаловались. Она собрала толковище (я тогда впервые услышала такие слова) и повелела: «Все вещи вернуть!» И нам всю одежду отдали. Я потом эту Шурочку в Норильске встречала, она была завхозом в музыкальной школе. Хороший, добрый человек. Жаль, фамилию ее забыла. Как вспомню ее, думаю, как же и к ней несправедлива оказалась судьба. Никакая она не паханша... Ведь все звали-то ее ласково и уважительно Шурочкой. А было ей тогда всего 35 лет.

Хочу сказать о себе вот что: не было у меня ни детства, ни юности. Начиная с детдома мучили голод, нищета. Смотрю на детдомовские фотографии — как будто все в порядке у нас, а платья, юбки единственные или позаимствованы у подруг. Мой сын восстановил снимок, где мы с подругой снялись в день приема в комсомол, — он так хотел, чтобы я была красивой. Ему удалось ретушь, но жизнь-то не разукрасишь, тем более задним числом. Что было — то было... Страдал

В ремесленном училище. Слева — Люция Успенская. 1948 г.

Их подружило ремесленное училище. Слева направо: Люция Успенская, Ирина Кузьмина, в дальнейшем теща сына Люции Петровны Сергея, фамилии остальных людей не помню. 1947 г.

весь народ, не только я, а воровать нельзя никому. Но в то же время, наказав меня столь жестоко, Господь начал спасать меня. Годом своего спасения считаю 1953 год, когда оказалась в среде политических. Это были высоконравственные люди. Я увидела, как в тяжелейшее для них время они сохранили в себе человеческое достоинство. Как губка, я впитывала в себя все, чему меня учили.

Таких, как я, было много в лагере — здесь мы не только пережили унижения и житейские трудности, но и прошли школу человеческой доброты,

Фотография по случаю вступления в комсомол по рекомендации Давыдовского детдома. Слева — Люция Успенская. Октябрь 1945 г.

Группа учащихся ремесленного училища. Пятая слева — Люция Успенская. 1947 г.

научились друг друга поддерживать. Вот когда мы освободились, встал вопрос: где жить? С жильем в Норильске было очень трудно. Помогла Надя Кулченкова, мы с ней дружили и после лагеря. Она сама ютилась в балке, в тесном углу, и все же приняла нас с мужем: постелила нам на полу — единственном незанятом местечке. Разве такое забудешь? Когда ей потребовалось трудоустройство, я замолвила за Надю словечко перед доктором В.Ю. Осиповым: он взял ее в психоневрологический диспансер в столовую. Я в то время после закрытия музыкального театра сестрой приемного покоя диспансера работала. Зарплата мизерная, мы недоедали: я так тогда бедствовала, когда осталась одна с ребенком... Надя подкармливала меня, а Владимир Юрьевич делал вид, что этого не замечает. Нам было запрещено есть на работе...

Очень многие мои лагерные подруги, просто хорошие знакомые после освобождения жизнью своей и работой доказали порядочность. Получив страшную прививку на честность, я воспитывала ее и в сыне. Однажды он принес домой электрическую лампочку. «Откуда она у тебя?» — с ужасом сразу спросила я. «Под домом несколько штук лежало». — «Пойди и верни туда, где взял, — велела я, — никогда не бери чужого». Я так это говорила, что сын побежал и положил на место лампочку, в свои пять лет он меня понял — я почувствовала это.

Хочу вспомнить здесь и своих родных, которые

Мирон Михайлович Недлин.

1955 г.

не взяли меня из детдома. Когда повзрослела, многое поняла, не только простила их, но и подружилась с ними, сегодня они — моя семья, заботливая, внимательная.

Константин Иванович Коркин, мамин брат, единственный человек, который в детдом писал мне письма с фронта. Его жена, тетя Зина, которая отправила меня в детдом, из которого я сбежала, позже, когда я училась на среднетехническом факультете Норильского индустриального института и работала, взяла к себе моего сына. Сережа с семи лет четыре года жил в Ярославле, а Ольга, дочь тети Зины, до сих пор самый близкий мне человек, дня нет, чтобы она не позвонила мне, ее семья живет в Москве, с ней дружна не

*Стоит в светлой шляпе Мирон Михайлович Недлин, справа стоит друг семьи Недлиных дядя Володя. Слева сидит Василий Федорович Праведников, рядом — Анна Марковна и Михаил Михайлович Недлины, родители Мирона. На переднем плане (слева) — Марина Плавник, сестра Мирона, Сережа и Люция Недлины-Успенские.
Саратов, 1957 г.*

только я, но и мой Сережа, его жена, их дочь и сын, мои внуки.

Не теряла я связи и с семьей Мирона Недлина, вечная ему память. Я и сейчас поддерживаю связь с его сестрой Мариной и всей ее родней. Сейчас она живет в Америке. Внучка моя Евгения вышла замуж и теперь живет в Израиле, я ездила к ней на свадьбу. Внук продолжает учебу — приезжал из Ярославля в Москву на соревнования по работе на компьютере, второе место занял. Душа моя давно оттаяла от доброты моих близких.

...Дорога в Заполярье была страшной, а жизнь подневольная еще ужаснее. Начинали в амональном лагере — это два барака на Надежде, рядом — каторжанский. Голое место, жуткие условия жизни. Воды не было. Топили углем. Суп принесут, а ложек нет — ешь как хочешь. Нас, новичков, раздели: забрали всю одежду. У меня остались зеленые кальсоны и ватные брюки, жесткая рубашка на ляпочках и телогрейка, бушлат и тонкое одеяло. Раз в месяц в баню водили, у меня были длинные волосы — с насекомыми боролась.

И каторжники, и мы строили аэродром кайлом, лопатой... У нас и самоохрана была из з/к, и надзиратели, почему-то в черной форме, как у Гитлера. Они самыми жестокими были к осужденным, а народ-то сидел за опоздание, колоски, буханку хлеба, за кусочек масла, как мы с Таней... Бывало, ведут нас на работу, и вдруг слышим: «Суки, ложись!» И мы ложимся в грязь, лужу, потом встаем, мокрые, холодные, и идем работать.

В 1952 году нас отправили в Дудинку, здесь я работала на деревообрабатывающем заводе мотористкой. Тоже трудно было, но страшней амонального лагеря уже не было ничего в моей жизни. В 1953 году, после смерти Сталина, к нам приехал театр КВО (культурно-воспитательного отдела), и это обстоятельство круто изменило мою жизнь. Я, конечно, осталась заключен-

ной Норильлага, но теперь жизнь свела меня с осужденными по 58-й статье, политические стали моими учителями, друзьями, они перевернули к лучшему всю мою жизнь. А у Тани судьба сложилась ужасно: она связалась с блатными, чифирила с ними, курила махорку. Заболела туберкулезом. После освобождения уехала к родителям, которые регулярно в лагерь посылали ей посылки. В первый свой отпуск я тоже приехала в Ярославль, разыскала ее в больнице, а на следующий год уже не застала ее: она умерла.

МОЕ СЧАСТЬЕ — ТЕАТР!

Выступление музыкально-драматического театра КВО всколыхнуло во мне целую бурю чувств. Балетмейстеру театра Маргарите Афанасьевне Кайдановой кто-то сказал, что здесь есть девочка, которая хорошо танцует. Меня привели к ней. «Пройдитесь, — сказала мне Рита Афанасьевна. — А теперь шагом мазурки, можете?» И тут вошел Мирон Михайлович Недлин (все его звали Мишей), администратор театра. Как Кайданова, как все артисты, он тоже был з/к. Он влюбился в меня с первого взгляда. «Возьмем девочку?» — спросил он Риту. Та с сомнением сказала, что я же в лагерь попала по бытовой статье, а у них все — по 58-й. Но Недлин приложил все силы и добился своего. Правда, не сразу. Сначала меня перевели в Центральную лагерную больницу, а уж оттуда в 7-е лаготделение.

Владимир Юрьевич Осипов — замечательный врач, друг и человек, на которого всю жизнь равнялась Люция Успенская

Я подружилась со многими людьми из театра Центральной лагерной больницы. Главным режиссером театра был Вознесенский, за что он попал в лагерь — не знаю. А вот Рита рассказывала, что пострадала от того, что она, прима-балерина театра оперы и балета Одессы, вышла замуж за румынского генерала. Это потянуло на 10 лет лагерей. Театр КВО был внутри территории лагерной больницы, где работал гинеколог-хирург, психиатр Владимир Юрьевич Осипов. Это было мое счастье — встреча с театром, с ним, Ритой, Недлиным, будущим мужем, и со всеми, кто был осужден по 58-й статье. Я почувствовала себя с ними человеком, они помогали мне во всем. Я с благодарностью вспоминаю достойного уважения лейтенанта Николая Ивановича Крысова, который был в КВО начальником от политотдела Норильлага.

Многие норильчане помнят, как долго главным врачом психоневрологического диспансера работал В.Ю. Осипов, но мало кто знал, как он попал в Норильск. Мы дружили семьями, он рассказывал о себе и всегда направлял меня словом и делом. Сам многое пережил, но главная травма его жизни, по-моему, так и не зажила. Владимир Юрьевич, одессит, как многие, ушел на фронт, работал в госпитале, который однажды бомбили, а раненого доктора Осипова подобрали местные жители. Осипов подлечился, но его правая рука так и осталась почти неработающей. Он вернулся в Одессу к семье, жене (тоже врач) и сыну. Тогда не жили, а выживали. И тут его уговорили поработать в Бухаресте, гарантировали работу также и жене. Они уехали туда с сыном, где Осипов познакомился с легендарным певцом Лещенко, подружился с ним, он показывал мне фотографию, где они вдвоем. После победы семья вернулась в Одессу, к родителям. Его и жену очень скоро арестовали, сын остался с бабушкой и дедом. Владимир Юрьевич умудрился передать жене записку, где дал ей совет для следствия:

М.М. Недлин с сыном Сережей

настаивай, что муж под угрозой оружия увез семью с собой. Это помогло — ее освободили.

Когда потом она отреклась от него, Осипов не осудил ее. Но когда вышла замуж, он очень страдал: как он любил жену и сына! Позже он встречался с ними (представляю, с какими чувствами!), помогал сыну... Владимир Юрьевич был моим идеалом, я равнялась на него и благодарна за его советы, бесценную помощь.

Норильский детский сад. Пятый слева во втором ряду — Сергей Недлин-Успенский. 1959 г.

В лагере его другом по жизни стала медсестра Валя Шумакова, тоже политическая, позже они поженились. Валю из Харькова немцы угнали в трудовой лагерь. Отсюда ее взяли, как и многих, в домработницы в семью русских эмигрантов. К ним приходили офицеры из армии Власова, за одного из них она вышла замуж. И когда наши войска освободили этот германский городок, ее арестовали. Итог — 10 лет лагерей по 58-й статье.

...Я пережила страшное разочарование. Мой муж, который умел так красиво ухаживать за женщиной, играть на рояле и аккордеоне, изменял мне на каждом шагу, оказывается, я была уже его третьей женой. Но я его очень любила и была благодарна ему за многое. Когда нашему сыну Сереже было три года, я заболела. В.Ю. Осипов дал мне командировку и направление к московским эндокринологом — меня прооперировали. В то время мы уже жили на Комсомольской улице, 12. Вернувшись, я узнала, что в первый же день моего отсутствия муж оставил сына ночевать на кухне детсада, а домой привел свое очередное увлечение. Этого я простить уже не смогла — мы расстались. Вот тогда я и взяла фамилию отца, мы с сыном стали Успенскими. Владимир Юрьевич Осипов сказал мне: «Я думал, ты выйдешь из лагеря и оставишь его, а ты все плачешь от него. Давай я возьму тебя на работу в поликлинику, а ты учишь и на себя надейся. Поможем!» Это был тяжелый момент в моей жизни: расформировали любимый театр, мы с сыном остались одни, а я — без работы.

Чтобы понять, что я потеряла, расскажу о нашем театре. В зоне Центральной лагерной больницы КВО занимал немаленький барак. Здесь в комнатах направо жили мужчины, куда нам запрещалось заходить, а налево располагался репетиционный зал, большой, на полбарака. Здесь были балетные станки, зеркала. С утра мы читали расписание и шли на ре-

петиции или в клуб — он был рядом, и это тоже был барак. Здесь была костюмерная, зал, где принимал спектакли, концертные программы главный режиссер Вознесенский.

Еду нам приносили в КВО, мы ели то, что давали больным, и находили еду очень приличной. Обедали тут же, или конвой вел нас в 7-е лаготделение, и мы ели у себя. Здесь я впервые за долгое время спала по-человечески — мы пользовались постельным бельем. Когда выдавалось свободное время, нам разрешали посмотреть с больными фильм. Но чаще мы выступали с концертами, в лагерь возвращались поздно. Однажды в 7-м лаготделении началась такая резня! Один вор начал приставать к очень милой девушке Кате, за нее вступились воры в законе. Слово за слово, и началась настоящая битва ножами! Мы закрылись в культурно-воспитательном отделе. Потом рассказывали, что многих порезали, убили, поджидали даже прооперированных. А раненых просто не успевали доставлять на хирургический стол к доктору В.А. Кузнецову.

В Центральной лагерной больнице начальником был уважаемый всеми заключенными Дмитрий Григорьевич Блох. Его друг Жаронкин был начальником 7-го лаготделения. Они жалели нас, никогда не унижали, а начальник КВО Николай Иванович Крысов даже сострадательно относился к нам. Эти люди никогда не уложили бы в грязь колонну заключенных. Мало того, они старались помочь слабым и обиженным и предотвращали конфликты. Помню, одна женщина из театра изменила своему другу, баянисту, и ее тут же перевели в другое лаготделение. Как же она пожалела об этом, ведь театр для з/к — это привилегии в работе, питании, условиях жизни.

В танцевальной группе театра все любили Веру Локтионову. Ей дважды не повезло. В войну Вера работала в Орловской филармонии, немцы угнали ее вместе с филармонией в Германию. Там она вы-

ступала со всеми по лагерям, давали они концерты и немцам. Когда коллектив филармонии освободили американцы, часть танцоров и артистов уехали в Америку, а Вера вернулась к маме. Кто-то донес на нее — арестовали, дали 25 лет лагерей. Володя Грузинов, ведущий солист, сначала танцевал с Ритой Кайдановой, потом с Верой. Позже Володя с Верой поженились, у них родилась дочь. Они долго после освобождения оставались в Норильске, руководили танцевальными детскими коллективами. Многие актеры театра стали заключенными по одной схеме: работали в театре, оркестре при немцах, за что их и осудили. Это приравнивали к сотрудничеству с фашистами, при этом никто этого не доказывал и не задумывался о том, что людям надо было хоть как-то выживать в голодное военное время. Володя Грузинов был ведущим солистом Ялтинской филармонии. Он, блестящий танцор, выступал и когда немцы вошли в Ялту, и с особым энтузиазмом, когда южный город освободили. Ему и в голову не приходило, что это крамола «весом» в 10 лет лагерей. Кларнетист Фоля Голынский руководил военным оркестром в Эстонии, он с коллегами слушал «Голос Америки», после чего оказался в Норильлаге.

Рядом с лаготделением был барак каторжанок. Нам запрещали с ними общаться. Мы свободно ходили по зоне, а их приводили в барак и закрывали в нем. Так получилось, что восстания в 1953 году мы не видели. Конечно, слышали о нем, какая-то очень скудная информация иногда доходила до нас, но в общем-то мы не знали ничего, кроме их требований, — нас просто изолировали от восставших.

Позже в театре уже не ставили оперетт, в основном готовили концертные программы и разъезжали с ними по лагерям.

...Как приятно подержать в руках пожелтевшие программки Заполярного музыкально-драматического театра... На всех дата: 1955 год. В каждой нахожу

свою фамилию — тут танец девушек в музыкальной комедии Е. Жарковского «Морской узел», испанские танцы сеньорит в «Дне чудесных обманов» Р. Шеридана. В списке действующих лиц в сатирической комедии В. Минко моя фамилия упоминается дважды (я и санитарка, и одна из танцующих девушек). Я, конечно, не главное действующее лицо...

Главным режиссером театра был заслуженный артист РСФСР Е.Л. Гельфанд. Ефим Львович очень хотел научить меня драматическому искусству, когда зашла речь о расформировании музыкальной группы. Но таланта актрисы у меня не было. Ефим Львович знал мою печальную биографию и говорил, что очень хотел бы поставить спектакль о похожей судьбе. Когда умерла жена Гельфанда, он женился на актрисе Екатерине Мокиенко. Она приехала в Норильск из Новосибирска, где тоже играла главные роли. Не только театр подружил нас, но и соседство в коммунальной квартире. Они уехали в Красноярск, но мы не потерялись: переписывались, я бывала у них в гостях. В письмах, на снимках, программах своих спектаклей они всегда писали мне: «Помни, что в тяжелую минуту мы всегда с тобой...», «Если будет худо — позови...», «...ты навсегда родной человек, знай это...». Какая это была мощная поддержка!

В числе исполнителей главных ролей можно прочитать фамилии Валентины Шпагиной и Николая Кузьмина, уже отсидевшего 10 лет. После войны репрессированных стали забирать повторно, и когда Николаю дали пожизненное поселение, Валентина поехала за любимым в ссылку. За разрешением направить их в Норильск Валентина поехала в Красноярск к начальнику МГБ. Он объяснил, что туда можно уехать только навсегда, оттуда переездов не разрешают. Так актеры оказались в Заполярном драмтеатре. Поначалу они жили в красном уголке за сценой и, если не были заняты в спектакле, сидели там тихо. Николай Васильевича устроили солистом балета, потому

что зарплата у него была больше, чем у драматического артиста. А партнерами у Валентины Шпагиной тогда были Георгий Жженов, Иннокентий Смоктуновский. После реабилитации (об этом ходатайствовала в письме Ворошилову Валентина) Николай Васильевич не захотел остаться в Норильске ни одного лишнего дня — они уехали в Ярославль к родителям, в родной драматический театр им. Ф.Г. Волкова. Об этом я узнала много позже из ярославской прессы, когда ездила в свои родные места, где и теперь живет мой сын. В газетах я прочитала и о том, что Валентина Сидорова Шпагина была первой женой всем известного режиссера Леонида Пчелкина. Правда, тогда у него была другая фамилия. После развода с Валентиной он женился на дочери ярославского прокурора Пчелкина и взял фамилию жены.

...Очень памятна для меня программа комедии «Красавец-мужчина» А.Н. Островского. Ее мне прислал в роддом Мирон Недлин, когда только родился Сережа: «Сегодня в театре премьера — посылаю тебе программку. Разговаривал с твоим врачом, гением медицины Влад. Юрьевичем, — сказал, чтоб ты ничего не пила (из лекарств)... Завтра или послезавтра тебя выпишут...»

Я еще кормила грудью сына, когда в Норильск прилетели летчики эскадрильи «Нормандия — Неман». Муж был администратором театра — могла ли я пропустить такое событие? Оставила Сережу на соседку и прибежала в театр. Видела летчиков и, как все в зале, поднялась с места и долго хлопала прославленным летчикам. Они тоже поднялись, улыбались, благодарили...

Хочу вспомнить и Владимира Ивановича Венгерова, он как з/к тоже работал в КВЧ лагеря «Западный», и потому мы были знакомы с ним. Я вышла из зоны 17 октября 1954 года, а 20-го уже была оформлена на работу в театре. Вскоре в театральном фойе (это было здание на Севастопольской) увидела

*Люция Успенская (сидит вторая справа) на практике
на никелевом заводе*

*Энергоотдел Норильскнаба. Слева направо: Н. Яцковская, Л. Саленко,
Н. Тюнина, М. Фаломеева, Л. Успенская. 1969 г.*

*Пионерский лагерь «Таежный».
Слева под лозунгом — массовик Люция Успенская. 1964 г.*

Владимира Ивановича в телогрейке. В первый же день его свободы он был зачислен заведующим постановочной частью — так он и значится во всех программках. Мы с удовольствием поздоровались с Владимиром Ивановичем и оба были рады хорошим переменам в нашей жизни. Правда, В.И. Венгеров долго в театре не задержался — его пригласили на работу в горсовет, где он дорос до должности заместителя председателя. Как только его освободили, к нему тут же приехала жена, доктор Лидия Сергеевна Золотовская.

До сих пор помню необыкновенное счастье жизни в театральной среде...

Как ни жаль, но с театром пришлось расстаться. Чтобы на что-то жить, благодаря Владимиру Юрьевичу Осипову стала работать в диспансере. Это он сказал мне: «Учиться надо». И я пошла в школу рабочей молодежи. Спустя три года поступила на среднетехнический факультет Норильского индустриального

института. С первого курса перешла работать в Норильскснаб сначала на базу, потом в энергоотдел.

Как меня учил Юрий Александрович Ерусалимский! Срочно понадобилась кабель, я звоню на базу, чтобы нашли его. Узнал Юрий Александрович:

— Позвонила? А ты тулупчик надень и сама на базу! Вот так надо работать!

А как я опозорилась, когда впервые полетела в Красноярск с Ерусалимским на защиту заявок комбината! С разных предприятий мне приносили заявки, я собрала их и сделала сводную. По такой системе и подготовилась. И вот мы идем защищать свои цифры в Красноярское управление материально-технического снабжения. Дошло дело до лампочек, говорю, сколько их надо. Ерусалимский первый сказал:

— Не может быть! — И потом, подумав, продолжил: — Пишите, сколько считаете нужным. А я приеду — проверю эту цифру. Если Успенская виновата, я из нее лампочку сделаю...

Мою плохую работу как будто перевели в шутку, а за дверью кабинета строгий Ерусалимский сказал мне:

— Ты кем работаешь: переписчиком или инженером? Сделаешь полный расчет по возвращении...

Я потом такую деятельность развернула, разобралась до мелочей, даже звонила на заводы, где лампочки делают, изучила ресурсы лампочек. Наконец свой труд принесла Юрию Александровичу, а он в ответ:

— Это не мне надо, а тебе.

Так я училась профессии, разбиралась во всем до мелочей. И потом, где бы я ни работала на материке, я чувствовала себя уверенно: за моими плечами был норильский опыт. Я уехала из Норильска в 1975 году и вернулась в 1979-м, когда сын, уже имея семью, решил учиться в институте: надо было помогать его семье. Четыре года проработала в СВЭМе, в 1982 году ушла на пенсию и вернулась в Москву. Работала, потом заболела...

Любовь и Сергей Успенские. 1980 г.

*Слева направо: внучка Женя, сын Сергей, Люция Петровна,
двоюродная сестра Ольга. 2004 г.*

А с Норильском я однажды встретила в Москве — это было очень необычно. Мой знакомый, Сергей Павлович Синицын (царство ему небесное), дал мне пригласительный билет в кинотеатр. Прихожу. Меня любезно приглашают в зал. Кроме меня здесь — никого! Тушат свет, и я одна смотрю фильм о Норильске, цветной: промышленные зоны, озеро Долгое, улицы такие красивые... Вот такой подарок я получила в 1978 году, а через год встретила с ним воочию. Норильск — это моя судьба, моя жизнь.

В центре — молодой доктор Альбина Брилева. 1964 г.

Альбина Брилева:

«...педиатры получили возможность выписывать пол-литра молока детям первого года жизни».

*Альбина Александровна Брилева (слева)
и Инна Александровна Бахарева — главные врачи детской больницы
разных лет. 1983 г.*

СНАЧАЛА НЕМНОГО ИСТОРИИ

Начало медицинскому обслуживанию детей в Норильске было положено врачом-педиатром Софьей Ремейко, высококвалифицированным специалистом с большими теоретическими и практическими знаниями. Прибыла она в Заполярье с этапом из Томского лагеря в 1938 году. Благодаря ей было начато строительство первой детской больницы. Славился как квалифицированный педиатр и преемник Ремейко Николай Кудрявцев, тоже репрессированный врач, доставленный в Норильск в 1942 году и работавший в городе до 1960 года. Вместе с Кудрявцевым сюда попал один из лучших норильских педиатров — Альфонс Бачулис, заведовавший детской поликлиникой в 60-х годах XX века.

Детская больница на 120 коек была построена в 1956 году, а через год было открыто детское больнично-поликлиническое объединение. В октябре 1958 года появился детский санаторий на 50 мест в непригодном помещении барачного типа в 17-м районе. Оно было холодное, крыша протекала, и санаторий закрыли на ремонт до осени 1959 года. 10 октября 1961 года санаторий выделили в самостоятельное учреждение на 100 коек и перевели в новое двухэтажное здание на ул. Мира, 1. В том же году появилась детская поликлиника № 1 на ул. Б. Хмельницкого и детская поликлиника № 2 на ул. Орджоникидзе, 9.

Таким образом, в 1960-х годах служба детства уже имела практически все необходимое, включая высококлассных специалистов, для реальной заботы о здоровье детей на Крайнем Севере.

ТОЛЬКО МУЖЧИНЫ?

Я прожила в Норильске 50 лет, с 1945 по 1995 год. Помню город в годы сталинских лагерей, в годы «хрущевской оттепели» и в период перестройки.

Север, как известно, край сильных. Долгое время считалось, что на Севере могут жить и работать только мужчины — покорители и первопроходцы. Однако оказалось, что без женщин и детей жизнь в таких суровых условиях невозможна. Сегодня мне хочется воздать должное врачам и медицинским сестрам, которые в невероятно тяжелых, экстремальных условиях делали все, чтобы сохранить здоровье и жизнь детей.

Коллеги, работающие со мной многие годы, профессию выбирали по призванию, иначе работать в педиатрии невозможно. Медики в нашей стране всегда были в тени. Здравоохранение финансировалось по остаточному принципу, заработная плата медицинских сестер не шла ни в какое сравнение с работниками комбината. Вспоминали о нас тогда, когда в семье заболел ребенок.

Врачи стационара детской больницы в 1970-х годах

Особенно трудно было первым детским врачам. Климатические условия Заполярья характеризовались высокой жесткостью: минимальная температура воздуха составляла 56,7 °С, скорость ветра 10–40 м/с была 150–180 дней в году; 203 дня были с метелями, 223 — с осадками, 267 — с морозами; 286 дней в году лежал снег. Как бы ни мела пурга, какой бы ни стоял мороз, врачам надо было посещать больных на дому. Транспорта не было до начала 1960-х годов, и врачам на лошадях, но в основном пешком в любую погоду приходилось идти к детям.

Были случаи, когда на врачей нападали собаки, и часто очень трудно было найти вход в балки и бараки из-за заносов. До 1960-х годов в городе не было цельного молока, свежих овощей и фруктов, никто не слышал о продуктах детского питания, смесях. Разве сейчас можно в это поверить? Позднее, с созданием на комбинате небольшой фермы и совхоза, педиатры получили возможность выписывать пол-литра молока детям первого года жизни. Прививки против тяжелейших инфекций — туберкулеза, дифтерии, полиомиелита — в СССР стали проводить с 1960 года, в Норильске — с того же времени.

НАГРУЗКА БЫЛА ЗАПРЕДЕЛЬНОЙ...

Я начала работать в Норильске после окончания института* в 1961 году и помню, как дифтерия, полиомиелит, кишечные инфекции уносили жизни детей. Почти все участковые педиатры сами болели дифтерией. Ежедневно приходилось диагностировать два-три заболевания дифтерией, несколько случаев кори. Кишечные инфекции были с тяжелейшими токсикозами и обезвоживанием.

Нагрузка у врачей была запредельной, они буквально падали с ног, работали шесть дней в неделю, а в воскресные дни дежурили в «скорой помощи», обслуживая вызовы к детям. Сейчас в Норильске

* Воспоминания А.А. Брилевой читайте в книге первой издания «О времени, о Норильске, о себе...». (Примеч. ред.)

многие инфекции, в том числе дифтерия, полиомиелит (не регистрируются с 1963 года), ликвидированы благодаря прививкам. Позже прививки помогли победить корь, паротит. А в 1961–1963 годах, когда проводилась массовая вакцинация от этих инфекций, приходилось их делать на дому. Не существовало никаких противопоказаний, медицинских отводов! Только благодаря поголовной вакцинации опасные, смертельные болезни удалось ликвидировать.

К сожалению, восстановить численность детского населения до 1956 года, когда образовалось детское больнично-поликлиническое объединение, не представлялось возможным. Известно, что в 1939 году в Норильске родилось 124 ребенка. В 1956 году в Норильске жил 26 191 ребенок, из них 3991 — до одного года. В 2002 году число детей увеличилось до 44 031 ребенка, в том числе в самом Норильске было зарегистрировано 27 055 детей.

Наибольшая рождаемость отмечалась в 1957–1959 годах, затем она стала постепенно снижаться, а в 2000–2002 годах несколько увеличилась за счет притока населения из Средней Азии и с Кавказа, в семьях которых бывает больше детей.

*Долгие годы они работали вместе.
В первом ряду (вторая слева) — А.А. Брилева. 1978 г.*

Младенческая смертность (основной социальный и медицинский показатель) в Норильске многие годы была низкой (ниже, чем в Красноярске и Москве): в 2000 году — 14,1 %, в 2001 году — 15,7 %, в 2002 году — 13,5 %, в 2003 году — 11,3 %.

Этот показатель рассчитывается на 1000 родившихся детей. За 30 последних лет младенческая смертность уменьшилась в 3 раза (Норильск, Талнах, Кайеркан).

Медицинское обслуживание детей в условиях Заполярья имеет особую специфику, обусловленную климатическими условиями, когда максимальное количество детей нуждается в медицинской помощи на дому. Одновременно в дошкольных учреждениях и школах проводятся профилактические осмотры ребят, им делаются прививки, проводится их возможное лечение.

ДЕТСКАЯ БОЛЬНИЦА

Сегодня детская больница — это две поликлиники, стационар на 170 коек, отделение восстановительного лечения на 60 коек дневного стационара, диагностический центр. Педиатры Талнаха и Кайеркана, входящие в подразделения МЧС № 2 и 3, работают в тесном контакте с детской больницей (раньше они были ее отделениями). В 1997 году это учреждение получило лицензию на право оказания медицинской помощи детям, а в 2000 году больница была аккредитована на I категорию по качеству оказания медицинской помощи.

В педиатрической службе Норильского промрайона в течение 30 лет сложилась стройная система систематического по-

*Альбина Александровна Брилева,
главный врач детской больницы
в 1983–1995 гг.*

*Мария Андреевна Маршалко,
зав. отделением*

зарплату. Профессиональный уровень педиатрической службы всегда был высок: 95 % врачей и 91 % средних медработников имеют сертификат специалиста, 22 % врачей имеют высшую категорию, 32,5 % — I квалификационную категорию.

Профессиональный уровень педиатров высоко оценивался профессорско-преподавательским составом кафедр, которые к нам приезжали, в практику немедленно внедрялось все передовое в обследовании, лечении, диагностике различных заболеваний. Медицинская помощь в

вышения квалификации медработников (педиатров и медицинских сестер). Наряду с учебой на курсах в Москве, Красноярске и других городах в Норильске постоянно проводились выездные циклы повышения квалификации для педиатров почти всеми кафедрами Института усовершенствования врачей (г. Москва) и медицинского института г. Красноярска. Все врачи имели возможность совершенствоваться каждые 3–5 лет, после чего аттестация позволяла им получать более высокую

*Майя Константиновна
Шадрина, зав. отделением*

*Анна Николаевна Судьбина,
зав. отделением*

стационаре оказывается по 47 видам медицинской деятельности. Это привело к стабилизации показателей общей заболеваемости детей, в 10 раз снизилась заболеваемость пневмонией и бронхитом и резко — кишечными инфекциями.

С введением в строй стационара на 300 коек в 1980 году наступил новый, качественный этап оказания медицинской помощи детям. Была проведена перепрофилизация отделений, было реконструировано приемно-диагностическое отделение с

боксами, что препятствует проникновению в отделения инфекций (в детской больнице практически нет карантинных). Вначале оборудовали палату интенсивной терапии, а затем детское реанимационное отделение. Первого апреля 1986 года в детской больнице заработало отделение патологии новорожденных и выхаживания недоношенных детей. Клинико-биохимическая и бактериологическая лаборатория детской больницы способна выполнять самые сложные анализы, так как оснащена новейшим оборудованием.

*Галина Федоровна Степанова,
зав. детской поликлиникой*

Детская больница славится диагностикой, клиническими исследованиями по 63 методикам, цитологическими, биохимическими, иммунологическими и бактериологическими исследованиями. Помогают медикам современное оборудование, аналитические высокоточные приборы для диагностики ряда инфекций, в том числе и внутриутробных. Хорошо оснащены кабинеты функциональной диагностики, эндоскопический кабинет, лазеротерапии и физиотерапии. В отделении восстановительного лечения дети начиная с первого месяца жизни обучаются плаванию и получают лечение в бассейне с патологией опорно-двигательного аппарата. Надо отдать должное руководителям Норильского комбината и «Норильского никеля», которые не пожалели денег для приобретения современной аппаратуры: ведь без нее невозможен прогресс в лечении детей.

Педиатры всегда уделяли особое внимание рациональному питанию детей, пропагандировали грудное вскармливание. С 1999 года все малыши до двухлетнего возраста обеспечены бесплатными молочными смесями. В Норильском промышленном районе успешно работают «Астма-школа», программа «Сахарный диабет», а дети, больные сахарным диабетом, обеспечены приборами контроля за состоянием сахара в крови.

Я с большой благодарностью вспоминаю нашу совместную работу с отделом детских дошкольных учреждений, руководители которого (Г.В. Сендек, В.А. Чунтонова, Э.И. Соловьева) создали стройную систему физического воспитания детей в Заполярье. Сюда приезжали учиться не только из Красноярского края, но и со всего Союза.

СЧАСТЛИВЫ В РАБОТЕ

У детских врачей счастливая судьба. Дети, которых они лечат, становятся взрослыми и часто помнят своего врача. Нередко я слышала от молодых родителей: «Вы лечили меня в детстве...» Знаю много случаев, когда эта память влияла и на выбор их профессии.

Хочу воздать должное руководителям детской больницы. Первым главным врачом детского больнично-поликлинического объединения (так раньше называлось наше учреждение) был Игорь Семенович Глушанок, память о котором всегда будет жить в сердцах тех, кто с ним работал. Игорь Семенович был очень добрым человеком и нас учил прежде всего человечности во взаимоотношениях с родителями и коллегами. Он заботливо растил кадры, очень доверял молодым. 13 лет он работал главным врачом в условиях невероятно слабой материально-технической базы, но ценой героических усилий коллектива добился снижения заболеваемости и смертности детей. Меньше стали болеть пневмонией в 4,5 раза, гепатитом — в 42 раза, дизентерией — в 3 раза. Детская смертность снизилась в 2,3 раза. Этот социальный показатель в Норильске был ниже, чем в целом по Союзу, по Красноярскому краю и по Москве.

*Игорь Сергеевич Глушанок,
главный врач детской
больницы в 1957–1972 гг.*

Научная работа педиатра высшей категории И.С. Глушанка была заслушана на выездной сессии АМН СССР в 1965 году и получила высокую оценку действительного члена АМН профессора А.Ф. Тура. Посвящена она была анализу заболеваемости детей Норильска за 15 лет и опубликована в сборнике трудов норильских врачей. Коллектив воспринял присвоение Игорю Семеновичу звания «Заслуженный врач РСФСР» как оценку их коллективного труда.

Вторым главным врачом больницы и главным педиатром была Инна Александровна Бахарева. Она обладала незаурядными организаторскими способностями, благодаря которым была построе-

*Инна Александровна Бахарева,
главный врач детской больницы
в 1972–1983 гг.*

на ныне существующая детская больница (стационар). Являясь педиатром высокой квалификации, Инна Александровна занималась научной работой, при ней поликлиническая помощь детям была признана школой передового опыта Красноярского края. В наших поликлиниках проводились семинары для работающих за пределами Норильска. В 1979 году главный комитет Выставки достижений народного хозяйства СССР наградил дипломом II степени детскую

городскую больницу Норильска «За достижения в лечебно-профилактической помощи детям, снижение детской смертности, проведение большой работы по закаливанию и физическому воспитанию детей в условиях Заполярья, улучшение показателей здоровья и физического развития детей». Помню, тогда мне вручили серебряную медаль ВДНХ и денежную премию. Бронзовой медалью ВДНХ наградили И.А. Бахареву, Е.П. Пеннер, М.А. Маршалко.

Инна Александровна Бахарева достойно представляла коллектив в Совете народных депутатов, именно она положила начало систематическому повышению квалификации врачей, проведению выездных циклов в Норильск. Семейные традиции успешно продолжила ее дочь Ирина Кузьминична Бахарева, которая в настоящее время работает заместителем главного врача по лечебной работе. Ирина Кузьминична защитила кандидатскую диссертацию.

Я проработала главным врачом 13 лет (1982–1995 гг.). В этот период материально-техническая база детской больницы хромала на обе ноги, при-

ходило обращаться с просьбами о покупке современного оборудования и аппаратуры к руководству комбината. Сергей Маратович Горячев, руководитель горздрави, лучше других понимал потребности службы, с ним мы решили несколько стратегических задач: открыли реабилитационное и реанимационное отделения. С большой благодарностью вспоминаю и Юрия Михайловича Смолова, работавшего председателем исполкома городского Совета, который никогда без ответа не оставлял никакие к нему обращения, активно приглашал опытные кадры в Норильск, обеспечивал врачей жильем. Работая главным врачом, я всегда чувствовала поддержку коллектива, за что низко кланяюсь своим коллегам-врачам, фельдшерам и медсестрам.

Четвертым главным врачом больницы (1995–2003 гг.) была Нина Федоровна Волохова, квалифицированный врач-педиатр высшей категории. На ее долю пришлось большие трудности в связи с переходом на финансирование из Фонда обязательного медицинского страхования, лицензированием медицинской деятельности и неимоверные трудности в перестроечный период. Нина Федоровна много сил положила на оснащение всех подразделений современным оборудованием, мебелью. Сколько она пережила ремонтов, после которых больница и поликлиника совершенно преобразились...

Когда оглядываешься в прошлое, вспоминаешь пережитое, особенно остро ощущаешь, что главное богатство детского здравоохранения — люди. Казалось

*Нина Федоровна Волохова,
главный врач детской больницы
в 1995–2003 гг.*

бы, в сугубо женском коллективе (на 95 %) проблем возникает больше. Но мы были единомышленниками, любили детей и ради них готовы были буквально горы свернуть. Вот почему нам удалось добиться многого. Я с радостью узнала, что в 2000 году было присвоено звание «Заслуженный врач РФ» Людмиле Яковлевне Архиповой, заведующей офтальмологическим отделением, а в 2003 году — Елене Васильевне Тереховой, врачу-статистику. Обе они — асы своего дела.

Первыми педиатрами Норильска были Х.Я. Кузнецова, С.М. Ремейко, Н.В. Кудрявцев, С.А. Гамазина, А.П. Бачулис, а затем В.В. Стукалова, А.В. Селянина, Н.А. Зенько, Т.А. Марченко, В.И. Казанцева, Н.Д. Вершинина, Л.А. Кулигина и др.

Большой вклад в охрану здоровья детей внесли А.В. Мормоль — зав. офтальмологическим отделением, Н.И. Матаева — зав. отделением стационара, Н.Ф. Котова — зав. физиотерапевтическим отделением, Л.А. Крупина — зав. физиотерапевтическим отделением, Е.Ю. Демкив и Н.М. Гордиенко — заведу-

*Людмила Алексеевна Крупина,
зав. отделением*

*Евгения Юлиановна Демкив,
зав. отделением*

*Савелий Борисович Запрудский,
зав. рентгенкабинетом*

*Елена Петровна Пеннер,
гортедиатр*

ющие отделением стационара, Л.А. Владыко — врач-инфекционист. Судьба разбросала нас по городам России, а педиатра Е.П. Пеннер забросила в Германию, С.Б. и В.В. Запрудских — в Австралию...

Прошло более 10 лет, как я уехала из Норильска, но все чаще с благодарностью и нежностью вспоминаю дорогих коллег, замечательных медсестер, которые провели много бессонных ночей у постели маленьких пациентов. Конечно, невозможно перечислить всех, на ком держалось детское здравоохранение в Норильске... Они были счастливы в работе, потому что выбрали ее по душе своей, потому что любили детей...

«ВДОХНОВЕНИЕ» ПОСЛЕ РАБОТЫ

Эпидемия гриппа в СССР в 1971 году началась с Норильска: заболели тысячи детей. Помню день, когда мы не смогли сразу зайти в детскую поликлинику № 1: столько родных и близких пришли сюда, чтобы вызвать врача на дом, потому что дозвониться было просто невозможно. Тогда мы посещали боль-

ных буквально до полуночи, но, придя домой, чтобы поспать хоть несколько часов, отзванивались, чтобы, если понадобится, посетить больного ребенка в своем или соседнем доме...

Никто за все это трудное время не сказал, что не может поработать, что устал... В эту эпидемию педиатры еще больше сплотились — мы не потеряли ни одного ребенка.

Мы были вместе не только в трудные времена (хотя иногда думаю: а были ли легкие?), но и в часы отдыха, в праздники. Самыми любимыми были весенний праздник (для нас, правда, исключительно по календарю) 8 Марта, Международный день защиты детей, который отмечали 1 июня, наш профессиональный праздник и Новый год.

С каким настроением мы собирались! Как нарядно все одевались, сколько сами пекли вкусных и красивых тортов! А когда выступал наш вокальный коллектив — душа пела вместе с ним! Р.Г. Ахромеева, Л.П. Варламенко, А.А. Межевалова были главными вдохновителями и участниками наших самых разных встреч, вот когда совершенно неуместно сказать

Конкурс на лучшее блюдо — выиграл «Колобок»

Поэтический вечер, посвященный Омару Хайяму

скучное слово «мероприятие». Нашей медичкой мы по праву считали и М. Петрову, преподавательницу музыкального училища, она всегда с удовольствием помогала вокальной группе на концертах.

В 1970-х годах на туристической базе медиков (совсем рядом с городом) у нас был маленький отапливаемый домик с символическим названием «Со-сунок», куда мы ездили покататься на лыжах, пообщаться, попить чайку.

Ежегодно с 1978 по 1992 год мы проводили конкурсы на лучшую медсестру, сначала в каждом медицинском учреждении, затем был городской. Делом чести было этот конкурс выиграть. Готовились к нему не только участницы, но и те, кто имел желание: врачи отработывали профессиональные вопросы, главная медсестра все, что касалось санитарно-противоэпидемического режима, сестринских навыков. Конкурсы помогали профессиональному росту молодых. Например, участницы конкурса 1978 года Н.П. Маланенкова — ныне старшая медсестра отделения новорожденных, Я.М. Моса стала председателем профкома медработников, Н.В. Горбачева заняла первое место не только в больнице, но

Клуб медиков детской больницы наградила грамотой Татьяна Ивановна Марчевская, ответственный секретарь общества книголюбов. Грамоту приняла А.А. Брилева

и в городском конкурсе медсестер и ныне после окончания медицинского факультета университета она работает врачом-лаборантом в городской больнице.

Десять лет в нашей больнице работал поэтический клуб «Вдохновение», я была его президентом. Мы дружили с городским обществом книголюбов и его председателем Борисом Яковлевичем Розиним, ответственным секретарем общества Татьяной Ивановной Марчевской. Известно, что книголюбство в Норильске в 1970–1985 годах развивалось очень бурно благодаря этим людям. В Заполярье приезжали известные поэты, писатели, проводилось много вечеров, литературных конкурсов — творческая жизнь в городе бурлила! Наш клуб «Вдохновение» даже проводил вечера для норильчан, не только для медиков. Бывало, готовились по два-четыре месяца. Это невероятно сближало нас, мы репетировали, готовили костюмы, обдумывали оформление вечера. Думаю, не только сам вечер, а подготовка к нему наполняла интересом нашу жизнь, позволяла узнавать друг друга ближе.

*Голосуют участницы пленума Комитета советских женщин.
Справа в первом ряду — А. Брилева. 1992 г.*

Вечера были посвящены Марине Цветаевой, Омару Хайяму, их поэзии, лирике Константина Симонова, поэтам, не вернувшимся с войны, творчеству Александра Грибоедова и др. Наиболее активными членами клуба были Людмила Яковлевна Архипова, Майя Константиновна Шадрина (моя самая близкая подруга по жизни), Лариса Васильевна Демина, Фаина Федоровна Гунина, Раиса Георгиевна Ахромеева... Да разве всех перечислишь!

Правильно говорят: большое видится на расстоянии. Сейчас я думаю, оглядываясь в норильское прошлое, что я была счастлива общаться с замечательными людьми, чей девиз в жизни был «Творчество и вдохновение».

Николай Попов. 1954 г.

Николай Попов:

«Не было ни одного случая, чтобы из-за низкой температуры отменили демонстрацию или проводили ее без духового оркестра» .

Николай Петрович Попов (второй справа) играет в муниципальном духовом оркестре, преподает в кадетском корпусе. Минусинск, 2003 г.

В книге четвертой издания «О времени, о Норильске, о себе...» бывший заключенный Виталий Николаевич Бабичев рассказывает о духовом оркестре заключенных и называет несколько фамилий известных музыкантов: Ивана Александровича Бачеева, Сергея Дягилева и др. Когда я первый раз приехал в Норильск, а это было в 1952 году, Иван Александрович Бачеев еще работал (наверное, был невозвратным) в драмтеатре, ДИТРе и вел класс фортепиано в клубе профсоюзов. Он прилично играл на всех ударных инструментах, был классным настройщиком. Я хочу как бы взять эстафету у Ивана Александровича и рассказать о норильском духовом оркестре моего времени. В любительском духовом оркестре клуба профсоюзов тогда было еще много бывших заключенных: руководитель оркестра Анатолий Порфирьевич Плотских, музыканты Александр Стаханов, Константин Томилов, Яков Беда, Артур Андреевич Пормалис и др. В этом оркестре я играл короткое время, где и познакомился с Иваном Александровичем Бачеевым. До сих пор помню, как на одном из концертов он аккомпанировал мне «Сентиментальный вальс» П.И. Чайковского, я играл соло на духовом инструменте — баритоне. В начале 1953 года я уехал по вызову в Красноярск. С оркестром клуба профсоюзов я второй раз встретился уже в 1956 году.

Мне хочется передать эстафету окончательно и навсегда из любительского духового оркестра клуба профсоюзов в штатный норильский городской духовой оркестр и рассказать о том, как создавался он и как работал, рассказать о людях, причастных к созданию этой штатной единицы, о музыкантах, которые отдали свои лучшие годы жизни городу и комбинату,

служению музыкальному искусству. Это не громкие слова, а жизнь. Каждый человек, даже самый маленький, несет в себе черты своей исторической эпохи. В этом смысле он имеет право, чтобы его помнили и уважали его профессию. Я, как человек, отдавший сорок лет жизни Норильску и духовому оркестру, как один из ветеранов этого коллектива, просто обязан обо всем этом рассказать...

Но чтобы понять, как судьба привела меня на Крайний Север, нужно рассказать о моей семье. Мои родители жили в Забайкалье, познакомились на курсах бухгалтеров. Жить стали в Нерчинске у родителей отца. Они имели огромное хозяйство, несколько домов. Когда началось раскулачивание, стало ясно, что надо бежать из этих мест, бросив все. Но как это сделать? Мама рассказывала, что они договорились с машинистом паровоза и до Красноярска ехали в тендере, отделении для угля. В то время мама была беременна мной, я родился в 1933 году в Красноярске.

*Семья Поповых: Петр Иванович, сын Коля, Прасковья Дмитриевна.
1938 г.*

Позже у мамы были еще дети, но все они умирали во младенчестве.

До войны отец работал в Крайзаготзерно главным бухгалтером, а мама — в центральной сберкассе на ул. Сталина, 102. Я часто бегал к ней на работу. Помню и контору отца на ул. Ломоносова, горы зерна, много голубей и жареную пшеницу. Каждое утро за отцом приезжал дядя Вася, и они на двухколесном экипаже ехали на работу. А вечером отец переодевался в робу грузчика и ехал выгружать баржи с зерном. Мы жили в двухэтажном деревянном доме, с балкона хорошо был виден железнодорожный мост. Во время войны пейзаж очень изменился: гору, на которой стоял дом, завалили металлической стружкой с соседнего завода, где делали снаряды для фронта. Отец ушел воевать в 1942 году. Мы получили от него одно-единственное письмо, и больше не было ни одной весточки, только бабушка получила похоронку много позже — в 1947 году.

В 1970-х годах я делал много запросов, мне хотелось знать, где и как погиб мой отец, но получал в основном отписки. Однажды в газете «Красная звезда» прочитал, как поисковая группа на месте боев под Сталинградом нашла останки пулеметного расчета, были названы фамилии погибших, в их числе Попов... Но положить цветы на могилу отца мне не пришлось, — видно, поисковая работа не дала результатов, мне обещали сообщать о них, но мои ожидания оказались напрасными.

Мама работала, я учился... Настал победный май 1945 года, а в августе совершенно неожиданно для всех маму арестовали. Я был маленьким и совершенно не понимал: какая недостача? Мы всю войну жили тяжело, как все, и после победы ничего особо не изменилось... Мне не было 12 лет, когда я остался один. Меня взяли на попечение соседи. Затем комиссия описала все наше имущество, а меня отправили в детдом. Навсегда запомнил то утро, когда нас выгружали в порту Енисейска. Туман, холод, все серо, ни кустика. Добирались

до детдома по пыльной каменистой дороге пешком. В памяти осталось, как с ребятами жарили картошку в горячей тундре, как возил на быках воду из Енисея. Каких усилий стоило заставить быков выйти из реки! Я же был мужичок с ноготок, я и плакал, и просил их, но в результате с огромной гордостью возвращался с полной бочкой в детдом. Иногда бабушки чем-нибудь вкусненьким угощали меня за ведро воды из Енисея...

А весной мы, трое друзей, решили из детдома бежать. Под видом помощи пассажирам попали на теплоход «Мария Ульянова» и спрятались на каком-то горячем и очень пыльном котле. Добрались до Красноярска, а из него кто куда... Соседи приняли меня очень тепло, устроили консилиум и решили, что надо ехать к бабушке, матери отца. Они дали мне 100 рублей, булку хлеба на дорогу и адрес. До Нерчинска я добирался в пустых углярках, вагонах из-под зерна, даже в собачьем ящике, и вот я на ул. Крестьянской, 10. На воротах прочитал: Попова Христина Петровна. Удивление, слезы, радость... Все было вроде бы хорошо, только бабушка все время причитала: «Как мы будем жить? Надо бы тебе в ремесленное училище пойти...» А меня в училище не взяли из-за маленького роста. И тут случайно от ребят я узнал, что в г. Сретенске, в воинских частях, принимают воспитанников.

Я приехал в незнакомый город, пришел в часть. Здесь у солдатской столовой стоял какой-то командир. Я обратился к нему, показал бумаги, какие были. Он вызвал дежурного, и я услышал: «Накормить воспитанника!» Меня приняли в мастерские по ремонту оружия и поставили на довольствие. Там меня встретил воспитанник на четыре года старше меня. Помню, как однажды мы делали уроки на парах, как опрокинули чернильницу мне на тетрадь... Казарма и для нас, и для оркестрантов была учебной комнатой, так что уроки мы учили под звуки военных маршей и песен. В 13 лет у меня уже была «Книжка

красноармейца», я очень гордился этим. Гордился и тем, что позже стал воспитанником оркестра при воинской части на Украине, которой командовал сын легендарного Чапаева.

Своих «отцов» вспоминаю с благодарностью — они были и строгими, и добрыми. В части я стал учиться музыке, начинал на малом барабане. Конечно, в детстве не досталось мне родительской ласки, но вниманием и заботой армейской семьи не был обделен. Я так сроднился с военным укладом жизни, что встал рядом со своими старшими товарищами, когда они принимали присягу. Замполит не смог воспротивиться моему душевному порыву — так на два года раньше срока я стал призванным на действительную службу.

Военная семья дала мне профессию музыканта на всю жизнь, здесь же родилось и мое увлечение: долгие годы я собираю коллекции открыток, конвертов, военную литературу, посвященную Героям Советского Союза, на многих из них — личные автографы Героев.

...Помню, как из оружейной мастерской меня перевели в полковой духовой оркестр. Дирижер старший лейтенант Владимир Наумкин долго не решался принять меня в оркестр опять-таки из-за маленького роста. Потом вручил мне барабанные

Николай Попов — сын полка. Сретенск, в/ч 18076, 64-й полк

палочки и мешочек с песком. Когда старшие воспитанники дурачились, порвали мой мешочек... Я тогда со слезами к дирижеру. И тут он вручил мне духовой инструмент — тенор. К весне 1947 года я уже играл в оркестре, исполняя партию второго тенора. На проводах демобилизованных фронтовиков я уже на память играл знаменитый марш В.И. Агапкина «Прощание славянки».

Шло время, я всегда вспоминал маму... По моим подсчетам, она должна была освободиться... В солдатском вагоне я поехал в Красноярск, где после долгой разлуки мы с ней встретились у бывших соседей. Оказалось, мама уже год как работала на лакокрасочном заводе и снимала комнатку. Я устроился учеником механика по ремонту швейных машин, но очень скоро влечение к духовому оркестру пересилило, и я вновь поступил в военный духовой оркестр. По окончании срочной службы мне предложили остаться в Красноярске на сверхсрочную, однако я в сентябре 1954 года поехал в Норильск, к маме.

В Норильске я познакомился с оркестрантами клуба профсоюзов, начал изучать телефонную технику, но меня настоятельно звали вернуться в Красноярск друзья из военного оркестра. Отслужив там некоторое время в военном оркестре, в октябре 1956 года я переехал в Норильск — и уже на долгие годы.

В этом городе я видел колонны заключенных на улицах. Всегда с удивлением смотрел на охрану: она шла с винтовками наперевес, с собаками, а сзади пулемет на санках и сейф. Особенно строго охраняли колонны заключенных женщин. Я слышал от мамы и ее друзей по несчастью о норильском восстании в Горлаге, черные флаги на строительных лесах видели все в Норильске, хотя подробной информации о восстании не было... Как мне жаль, что я не понимал тогда окружающего, не воспринимал лагерных примет, как это сделал бы сейчас с высоты своего возраста. Например, в ДИТРе играл оркестр

(эстрадного плана). Его возглавлял Яков Иванович Конт. В его коллективе в основном были прибалты: саксофонисты Кюс, Доугела, пианист Валентин Скуратов, ударник Альфонс Лопатинский. Я немного знал Альфонса, он мастерски играл на гавайской гитаре и виртуозно настраивал радиоприемники на «Голос Америки». В этом

однажды я убедился лично. Пока я ходил в магазин за спиртом, он из моей радиолы «Балтика» сделал чудо. И я без каких-либо помех слушал джазовую музыку, передаваемую запрещенной радиостанцией. С музыкантами из Прибалтики я общался близко, знаю, что они тоже отбывали срок в Норильске по политической статье, но расспрашивать о лагерной жизни тогда было не принято.

Анатолий Порфирьевич Плотских и оркестр, который выступал под его руководством в 1956 г.

В свой второй, последний приезд в Заполярье я устроился работать на БОФе в крановое хозяйство. Но машинистом 125-тонного мостового крана мне стать не пришлось. В июле 1957 года пришел приказ директора комбината Владимира Васильевича Дроздова о переводе меня во вновь организованную штатную единицу — городской духовой оркестр. Кстати, Владимир Васильевич в свои юные годы играл в духовом оркестре на баритоне. Очень любил старинные вальсы, особенно вальс И.А. Шатрова «На сопках Маньчжурии». Впоследствии на всех торжественных мероприятиях, если только присутствовал Владимир Васильевич, оркестр неизменно исполнял его любимый вальс. И бывало, что директор, улыбаясь, подходил к оркестру, интересовался его успехами и нуждами. Если что-то пообещал, обязательно выполнял. В те годы новогодние балы для норильчан проводились в большом спортивном зале. За пять — десять минут до боя курантов в зале появлялась свита во главе с Владимиром Васильевичем Дроздовым. Открывалась традиционная бутылка шампанского. Били куранты (ударник бил двенадцать раз по оркестровой тарелке), и Владимир Васильевич поздравлял всех с наступающим Новым годом, благодарил за ударный труд. Вскоре свита покидала зал — так продолжалось до 1962 года.

Идея создания городского духового оркестра давно уже витала в воздухе. Осуществить ее пытался Анатолий Порфирьевич Плотских, руководитель любительского духового оркестра, но безуспешно.

Взялся за осуществление этой идеи другой музыкант оркестра заключенных — Артур Андреевич Пормалис, очень незаурядный человек. Мы много рассуждали с ним на эту тему. Он интересовался штатным расписанием военных духовых оркестров, я ему подробно об этом рассказывал. Он встречался с заместителем директора комбината по быту Александром Савельевичем Котляром, и тот наконец дал добро на

Иван Данилович Осипенко дирижирует оркестром на Гвардейской площади. Май 1967 г.

создание новой штатной единицы. Городской духовой оркестр по сей день вспоминает его добрым словом.

Требовалось найти человека, который мог бы возглавить этот коллектив. Артур Андреевич не мог стать им, ведь он — бывший заключенный. На беседу с Александром Савельевичем пригласили бывшего военного дирижера Ивана Даниловича Осипенко. Он в то время работал на ТЭЦ в механическом цехе, по вечерам был занят в оркестре драматического театра, играл на кларнете. Иван Данилович долго не соглашался бросить производство. Все, кого приглашали в штат оркестра, сомневались, не временно ли все это? Но на Октябрьскую площадь на свою первую первомайскую демонстрацию 1957 года оркестр вышел в составе 20 человек. Так началась история маленького коллектива — городского духового оркестра. Но настоящим днем рождения стал день 1 июня 1957 года, когда была открыта городская танцевальная площадка. Располагалась она в городском парке имени комсомола — на месте, где сейчас находится Институт сельского хозяйства Крайнего Севера. Танцплощад-

ка работала ежедневно, правда с учетом погоды. Это подтверждает в своих воспоминаниях Б.А. Титов*: «Кстати, в то далекое время чуть пониже места, где расположен плавательный бассейн, ближе к озеру Долгому, находилась открытая танцевальная площадка, где в теплое время года на танцы собиралось очень много молодежи, танцевали и представители более зрелого возраста. Танцевальные вечера здесь проходили под музыку духового оркестра...» Эта танцплощадка действовала ровно десять лет. Когда началось строительство спортивного комплекса, танцплощадку убрали.

Из многих подразделений комбината и города в оркестр пришли бывшие музыканты: Иван Данилович Осипенко — с ТЭЦ, Артур Андреевич Пормалис — из УЖКХ, Дмитрий Андреевич Фурманов — из местной воинской части. Виктор Михайлович Ечин был электриком рудника «Медвежий ручей», Владимир Пилюжный — слесарем УЖКХ, Холминский — электриком медного завода, я до оркестра работал крановщиком мостового крана на БОФе, Рафат Шарифович Чавкин — слесарем УЖКХ, Юрий Петрович Лебедев ушел из Норильского вечернего индустриального института, Спартак Абдрахимович Галлиулин — из УЖКХ. Александр Иванович Коптев, Михаил Зусманович Рыклин и Леонид Кузьмич Ковалевский были военными музыкантами местной воинской части. Как и многие с предприятий комбината, пришли в оркестр Владимир Александрович Сорокин (из управления торговли), Александр Павлович Панкин (с медного завода), Николай Федосеевич Волощук (из УЖКХ), Александр Александров (с рудника 7/9), Федор Васильевич Хватков (из пожарной охраны). Только один Модест Петрович Сокольников был демобилизованным военным музыкантом.

* Издание «О времени, о Норильске, о себе...», книга четвертая, с. 490–492.

Ни одному из этих музыкантов не удалось закончить свое музыкальное образование, что не помешало талантливым людям заняться любимым делом. Состав оркестра насчитывал до тридцати человек и постоянно менялся. Впоследствии в оркестр стали приходить музыканты, окончившие музыкальные училища в Ленинграде, Майкопе, Благовещенске, Норильске. Были в оркестре музыканты и с консерваторским образованием.

В первые годы Ивану Даниловичу Осипенко пришлось очень нелегко: где достать духовые инструменты, найти помещение для репетиций, как обеспечить музыкантов жильем, летней и зимней униформой. И надо было утверждать свое предназначение, очень много заниматься с каждым индивидуально, много

Коллектив городского духового оркестра.

Первый ряд (слева направо): В. Кузьмин, труба; Р. Кубушев, тромбон; А. Сидорюк, валторна; Н. Волощук, валторна; П. Лычковский, кларнет. Второй ряд: В. Камальдинов, ударник; Н. Попов, руководитель оркестра в 1977–1995 годах; Б. Голиков, труба; А. Боголюбов, бас; Ю. Зуев, кларнет; А. Багликов, тромбон; А. Дмитриев, баритон. Третий ряд: Ю. Мелкозеров, тенор; А. Писев, корнет; Ю. Грибков, тенор; С. Постников, ударник; Е. Володченко, туба; М. Олейник, тенор; П. Кузьменко, корнет; В. Еремеев, труба

репетировать, добиваясь ансамбля, так как музыканты были разного возраста и профессиональной подготовки. Но, несмотря на все сложности, оркестр с возложенными обязанностями всегда справлялся успешно — они были такие же, как и у оркестра заключенных. Как ни прискорбно, мы тоже играли на похоронах, одно исключение — мы не выступали на увеселительных вечерах работников НКВД. Если перечислять все мероприятия, проводимые городом и комбинатом, где был задействован духовой оркестр, получится огромный список. Этот список есть — все записано в специальном журнале проводимых работ городского духового оркестра. Начат он 1 июня 1957 года. Первая запись: «Танцы в парке имени комсомола с 20 часов до 23.30» и приписка: «Эта игра является вступительным шагом в большую и творческую жизнь нашего коллектива».

Комбинату было не до торжеств, так как он находился в исключительно тяжелом положении. Планы производства цветных металлов не выполнялись. Было много неполадок на БОФе и других производствах. Только в сентябре 1957 года комбинату удалось выполнить план по всем видам продукции и по всем показателям. НГМК было вручено знамя Совета Министров РСФСР и присуждена первая премия. Торжественное собрание по этому случаю проходило в старом драмтеатре, на нем присутствовали руководители предприятий города и комбината, гости из Москвы. Знамя Совета Министров РСФСР директору комбината Владимиру Васильевичу Дроздову вручил заместитель Председателя Совета Министров РСФСР, председатель Госплана РСФСР Н.К. Байбаков. После торжественного вручения знамени состоялся большой праздничный концерт. В антрактах в фойе играл наш духовой оркестр. Это было его первое участие в крупном торжественном мероприятии...

Танцевальный сезон 1957 года на городской танцевальной площадке закончился 10 сентября.

Коллектив городского духового оркестра. Норильск, 1957 г.

Шествие в честь 30-летия Норильского горно-металлургического комбината им. А.П. Завенягина

За остаток сентября и октябрь оркестр провел 79 мероприятий. Это танцы в клубах 17-го района, ЖКУ и клубе «Заря». Не всегда нам выделяли машину, приходилось до рабочих площадок добираться пешком. Оркестр обслуживал даже такие заявки, как строевая подготовка Норильского гарнизона. Мы играли на торжественном собрании, посвященном 40-летию Великого Октября, в сорокаградусный мороз на демонстрации трудящихся на Октябрьской площади. Замечу: ни один музыкант не роптал по случаю сильного мороза, все стойко переносили это «неудобство». Не было ни одного случая, чтобы из-за низкой температуры отменили демонстрацию или проводили ее без духового оркестра. Следующее большое культурное мероприятие, где без оркестра никак не обойтись, — это городской костюмированный новогодний бал в большом спортивном зале.

Расскажу о концертной деятельности оркестра.

Открытие моста через реку Норильская не могло обойтись без торжественной музыки духового оркестра

Уже в феврале 1958 года оркестр на сцене драмтеатра показал концертную программу, посвященную Дню Советской Армии. В нее вошли такие произведения, как «Русская рапсодия» Иванова-Радкевича, фантазия на песни о море Молодцова, опера «Запорожец за Дунаем» Гулак-Артемовского, оперетта «Легкая кавалерия» Зуппе, сюита из оперы «Кармен» Бизе, «Марш танкистов» Чернецкого, «Танец с факелами» Мейербергера. С этой концертной программой духовой оркестр выступал на избирательных участках, в клубах.

По просьбе заместителя директора комбината по быту Александра Савельевича Котляра 15 марта 1958 года мы играли на открытии ресторана «Таймыр» и какое-то время выступали там для посетителей. В городе просто не было музыкантов. Конечно, ресторану более подходил эстрадный оркестр, поэтому и пришлось духовому оркестру перестраиваться.

Слева направо: Модест Петрович Сокольников (труба), Николай Петрович Попов (тромбон), Юрий Иванов (саксофон-альт), Анатолий Акимович Алешин (руководитель эстрадного оркестра)

Музыканты вместо баритонов брали тромбоны, вместо кларнетов — саксофоны и т.д. Играть пришлось до конца месяца, а потом и в 1961 году. В то время оркестр был во всеоружии, к нам пришли свежие силы. На базе духового оркестра был организован эстрадный, который был разбит на два состава, чтобы мы без ущерба могли выполнять все заявки комбината и города. Составы выглядели так:

1-й состав:

- А.А. Алешин — тромбон;
- В. Вартамян — ударные;
- Н.М. Денисов — гитара;
- Л.К. Ковалевский — тромбон;
- А. Коптев — труба;
- А.П. Панкин — контрабас;

В фойе драмтеатра несколько сезонов до начала спектакля, в антрактах и по его окончании играл духовой оркестр. На снимке (слева направо): руководитель оркестра И. Осипенко, кларнет; А. Панкин, бас; В. Коломоиц, альт; Н. Волощук, валторна; М. Рыклин, бас; Н. Попов, баритон; Н. Волчков, бас; Н. Качковский, валторна; Р. Чавкин, тенор; В. Сорокин, валторна; А. Савыкин, барабан; А. Коптев, труба; В. Бучаков, 2-й корнет; В. Пиллужный, 1-й корнет; старшина оркестра А. Пормалис, 1-й корнет

И.Д. Осипенко — саксофон-альт;
О.Л. Рассадин — аккордеон;
М.П. Сокольников — труба;
Ф.В. Хватков — саксофон-тенор.

2-й состав:

С. Авдеев — труба и солист-певец;
Н.Ф. Волощук — гитара;
В. Иванов — саксофон-альт;
Н.П. Попов — тромбон;
А.А. Пормалис — труба;
М.З. Рыклин — ударные.

Вот такими составами по очереди мы играли в ресторане «Таймыр» с 19 февраля по 14 мая 1961 года.

Вынужденная игра в ресторане «Таймыр» пошла оркестру на пользу: коллектив сумел овладеть эстрадным репертуаром. По сути, именно с этого времени большинство заявок выполнялось именно эстрадным коллективом, а духовой оркестр участвовал на демонстрациях, проводах детворы в пионерские лагеря, в факельных шествиях (таковые были по инициативе

*Норильский фестиваль. По Октябрьской площади скачут
былинные герои. 1957 г.*

горкома комсомола в 1967 году), митингах, возложении венков к могилам Героев.

В 1961 году в Норильск стали приезжать музыканты, и уже можно было пригласить в оркестр недостающий голос. Нам разрешили вызывать с материка профессионалов. Так, по вызову из Кисловодска приехал Анатолий Акимович Алешин — тромбонист, выпускник Краснодарского музыкального училища. Ему поручили возглавить эстрадную группу оркестра. Он подготовил интересный репертуар. Это «Карнавальный марш» Арского, «Серенада» Д. Гершвина, «Караван» Э. Эллингтона, «Интермеццо» А. Цфасмана, «Звездная пыль» — соло на тромбоне исполнял А.А. Алешин. К большому сожалению, Анатолий Акимович проработал в нашем коллективе недолго — он создал при ДИТРе свой эстрадный ансамбль. По его рекомендации вызвали еще нескольких музыкантов: А. Богославцева (саксофон-тенор), В. Дарфеева (труба), В. Вартадяна (ударные). Виктор Красавин, саксофонист, приехал

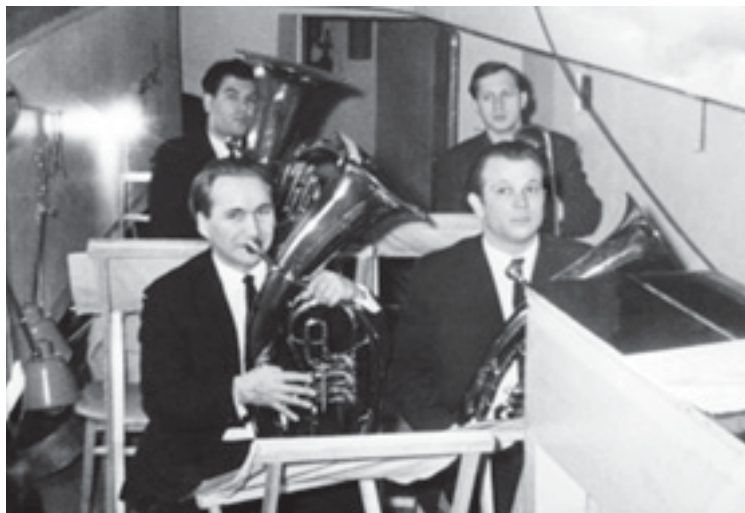

Подготовка к конкурсу духовых оркестров Сибири и Дальнего Востока. На нем норильчане завоевали первое место и получили в подарок комплект духовых инструментов. 1971 г.

из Ярославля, Владимир Бубис, саксофонист, — из Алма-Аты. Братья Бугаковы, Виктор и Александр, трубач и аккордеонист, стали профессионалами в Липецке. Трубач Александр Власьевский приехал из Улан-Удэ, Виктор Скляренко — из Москвы, Валерий Тюрин — из Иванова.

В 1970–1990-х годах в оркестр стали приходиться музыканты, окончившие уже наше Норильское музыкальное училище. Это Юрий Александрович Мелкозеров, Михаил Николаевич Олейник, Виктор Юрьевич Вихарев, И.В. Большаков. В то же время пришел в коллектив будущий дирижер эстрадно-симфонического оркестра Дворца культуры комбината и с 1995 года руководитель городского духового оркестра заслуженный работник культуры Асхат Васильевич Багликов. К большому сожалению, его больше с нами нет: умер в 2003 году в Норильске.

Николай Федосеевич Волощук, заслуженный работник культуры, проработал в духовом оркестре более 40 лет, играл на альте в эстрадном оркестре, на гитаре и контрабасе. Сейчас он на пенсии, живет на

Репетиция духового оркестра во Дворце культуры комбината. 1968 г.

Духовой оркестр приехал в профилакторий «Валек» на профессиональный праздник медицинских работников. Поздороваться с оркестрантами пришли бывшие председатель горисполкома Бурмакин и председатель окружкома профсоюзов Юрченко. Слева от них стоит руководитель оркестра Попов. 1980 г.

Биг-бэнд (на базе городского духового оркестра) играет в фойе Дворца культуры комбината. 1994 г.

материке. Воспитал двух прекрасных сыновей, один из них недолгое время работал у нас в оркестре, играл на валторне. Впоследствии он окончил музыкальное училище и Новосибирскую консерваторию, сейчас работает в Красноярском симфоническом оркестре солистом-валторнистом.

Виктор Николаевич Кузьмин был воспитанником военного духового оркестра при суворовском училище. В Норильске в духовом оркестре он проработал более 30 лет, в духовом и эстрадном оркестрах исполнял партию трубы. Прекрасный человек, надежный и честный товарищ, хороший музыкант, он погиб в 2001 году, разнимая поножовщину в квартире соседа. Похоронен в Норильске.

Воспитанник военного оркестра Юрий Николаевич Зуев в Норильск приехал из Казахстана. Более 30 лет он играл на кларнете и саксофоне-теноре. Многие годы совмещал работу в духовом оркестре с работой в ресторанах. Очень талантливый музыкант.

Совсем юным пришел в оркестр Сергей Сергеевич Постников — ему не было еще и шестнадцати лет, а он уже играл на ударных инструментах. Работал с нами до призыва в армию. Служил в Германии в образцовом военном духовом оркестре. Все это время мы его ждали, берегли для него вакансию, в общей сложности в духовом оркестре он проработал более 30 лет. В 2004 году умер, похоронен в Норильске.

Я, Николай Петрович Попов, в норильском духовом оркестре проработал тоже без малого 40 лет, играл на баритоне, а в эстрадном оркестре — на тромбоне. С 1995 года я живу в Минусинске. Мне очень повезло: я работаю в муниципальном духовом оркестре и с ребятами из кадетского корпуса. Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова любезно предоставляет мне залы для выставки дорогой для меня коллекции марок, конвертов, открыток. Здесь я выставлял автографы Героев Советского Союза, посвященные коллекции 200-летию А.С. Пушкина, 40-летию космической эры, улицам Минусинска и др.

Н. Н. Урванцев

ТАЙМЫР—
КРАЙ
МОЙ
СЕВЕРНЫЙ

Многоуважаемому Николаю Петро-
вичу Калыну не доброго и не от
автора

26/IV-80 Н. Урванцеву

Норильск

Автограф Николая Урванцева. Норильск, 26 апреля 1980 г.

В городе я встречаю много наших — здесь работает Минусинское землячество норильчан. Мы встречаемся, проводим праздники, помогаем друг другу и всегда вспоминаем Норильск — дорогой для нас город.

Тамара Иннокентьевна Журавлева. 1983 г.

Тамара Журавлева (Кузнецова):

«Воспоминания о норильской жизни и печальт, и радуют душу...»

*Тамара Журавлева (Кузнецова) в механической мастерской
завода строительных материалов. 1968 г.*

ПАПУ АРЕСТОВАЛИ...

Мой отец Иннокентий Семенович Кузнецов родился в 1909 году. В г. Черногорск Красноярского края его направил НКВД в 1930 году, где он стал работать начальником паспортного стола. В 1933 году на «Черногорской» шахте произошел взрыв, погибло много шахтеров. С кадрами тогда было очень плохо, а специалистов горного дела просто не было. И вот папа добровольцем пошел работать в шахту и одновременно учиться на рабфак по горному делу. Он окончил учебу в 1936 году, получив специальность горного инженера, после чего был назначен начальником участка.

В июле 1937 года папу арестовали. При допросах его били и заставляли в конце чистого листа ставить дату и свою подпись. Папа отказывался, ссылаясь на то, что лист чистый и нет никакой записи, точнее, обвинения, на что они ему отвечали, что найдут о чем написать после его подписи. Били обухом топора по пяткам, он терял сознание, обливали водой — так они приводили его в чувство... Папа так и не поставил свою подпись. Тем не менее она была сфальсифицирована, и он получил 10 лет по ст. 58. Позже он узнал, что его спасло от расстрела то, что он не поставил свою подпись.

Когда собрали этап, какое-то количество человек перебросили на остров Шпицберген для работы на угольной шахте. Но почему-то они там оказались не нужны, и их решили перебросить в пос. Норильск, который только начинал развиваться и которому нужна была рабочая сила.

Всех «лишних» заключенных этапом гнали со Шпицбергена на Землю Франца-Иосифа, затем была Новая Земля и только потом — Таймыр, район

пос. Норильска. Во время этапа на каждом привале оглашался список, вначале заключенных старше 65 лет отводили в сторону и расстреливали, затем — до 60 лет и т.д. После каждого ночлега, после каждого подъема каждый третий был замерзшим. До Норильска дошла только треть состава молодых. Папе в то время было 29 лет. Так осенью 1938 года папа начал отсчитывать свой срок на шахте № 11 пос. Норильска. Он был знаком с А.П. Завенягиным, так как работал начальником участка, часто присутствовал на летучках — так раньше назывались планерки. Об А.П. Завенягине папа отзывался очень хорошо, говорил, что он был очень требовательным, но и справедливым. Все заключенные жили «вольно» в районе промплощадки. Кормили их хорошо.

В 1947 году, в июле, папу освободили, и он приехал к семье в г. Черногорск. Его мама умерла в 1946 году, так и не дождавшись сына...

*Тамара Кузнецова (Журавлева) с отцом
Иннокентием Семеновичем. 1958 г.*

Мою маму спасло от репрессий то, что на момент ареста папы их брак не был зарегистрирован и она носила фамилию Пескоцкая Евгения Романовна. По национальности она была полька, но при выдаче ей паспорта (в 1930 году ей исполнилось 16 лет) в графе «национальность» ей ошибочно записали — украинка. Но это не помешало маму, бабушку, меня и брата сразу вышвырнуть из благоустроенной квартиры. Жить нам было

совершенно негде. Тогда мама, бабушка и мамин дядя вырыли яму и соорудили землянку. В ней мы жили до тех пор, пока мама не скопила денег и не купила во дворе у одной хозяйки избушку. Там мы и жили до возвращения папы.

Грамота... Норильлага МВД СССР. 1946 г.

Слово «жили» — это красиво сказано! Мы существовали, так как считались семьей «врага народа», нам не положен был земельный надел под посадку картофеля. А существовала наша семья на то, что мама ездила по деревням, меняла вещи на овощи и покупала еду на появившиеся деньги. Мы очень голодали, порой ходили попрошайничать, так как кроме этого ущемления нашей бабушке даже хлебную карточку не давали — ведь она была матерью «врага народа». Хлеба мы имели в сутки по 300 граммов на меня и брата и 500 граммов на маму, вот и все. До приезда папы я не знала вкуса конфет. Но это еще не вся беда. Играть с другими детьми нам не разрешали, потому что люди боялись иметь контакт с детьми «врага народа». Правда, все же находились добрые соседи, которые нас укрادкой подкармливали.

С приездом папы жизнь вошла в более или менее нормальное русло, потому что родители купили полдома и корову. Появился на свет еще один братишка — Саша в июне 1948 года, вот тогда родители и зарегистрировали свой брак. Работать папа пошел на ту же шахту начальником участка. Но 11 апреля 1949 года его арестовали прямо на шахте и привезли домой. Стали проводить обыск. Что искали? Одному Богу известно. Потом папу увели, и мы о нем ничего не знали до августа 1949 года. Однажды мы получили весточку, которую он закатал в хлебную жвачку и выкинул в окно через решетку с просьбой: если кто найдет записку, пусть сообщит семье по нашему адресу, где он находится. Нашлась добрая душа и прислала нам весточку и адрес нахождения папы.

Отца сослали в село Богучаны на Ангару и разрешили жить только в пределах данного села. Конечно же, мама, имея уже троих детей, папу не оставила, и, собрав необходимый скарб, мы приехали к нему. Но жить там было трудно, да и папе по специальности работы не было. Он попросил, чтобы его перевели в ссылку в пос. Норильск. Маму вызвали и сказали, чтобы она отказалась от папы, тогда она с детьми не

будет сослана, чего мама не сделала: она была уже беременна четвертым ребенком. Вскоре нас под конвоем повезли в Норильск. До Енисейска мы в трюме плыли на барже, а вот из Енисейска до Дудинки нас везли на корме морской баржи, так как трюмы были заполнены грузами для Севера. Помню, как сейчас, был конец августа, было очень холодно, иногда шел хлопьями снег. Младшему брату всего было 1 год 3 месяца, он сильно плакал. Обслуга баржи ругала нас матом, и только один мужчина пожалел нас. Со словами: «Пусть со мной делают что хотят, но я не могу смотреть на такое издевательство!» — он принес большой кусок брезента, укрепил его над нами и скомандовал, чтобы мы легли под него и как можно реже вылезали — не мозолили глаза. Так мы добрались до Дудинки.

В НОРИЛЬСКЕ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ

Нас зарегистрировали в ОВД, и папе выдали пропуск для дальнейшего следования в пос. Норильск. Уже без конвоя, самостоятельно, мы пришли в район

Иннокентий Семенович Кузнецов (слева) в диспетчерской шахты № 11. 1958 г.

железнодорожного вокзала, где нас разместили в товарном вагоне, который был загружен электролампочками для Норильского комбината. Тут к нам подошла девочка лет пятнадцати и со слезами на глазах попросила моих родителей, чтобы они ее взяли с собой в Норильск. Рая, так звали девочку, была сирота, паспорта еще не получила, и ее в Норильск не пускали, потому что поселок был закрытого типа.

Мои родители рискнули и взяли ее с собой в Норильск. Помогло то, что в нашем пропуске было указано пять человек, родители и трое детей.

Поезд из Дудинки до пос. Норильска добирался более двух суток, и на каждой остановке при проверке документов моему старшему брату приходилось прятаться между коробками, чтобы количество детей соответствовало записи в пропуске. Так Рая доехала до Норильска, устроилась няней в семью, тогда еще в Норильске не было достаточно яслей, детских садов и все работающие вольнонаемные, которые имели детей, пользовались услугами нянь. Рая несколько лет часто приходила к нам в гости, а потом исчезла из поля зрения. Видимо, вышла замуж и наша помощь ей уже была не нужна.

Норильская шахта № 11. И.С. Кузнецов — первый справа. 1959 г.

*Тамара Кузнецова (Журавлева).
1958 г.*

Из барака, где нас поселили сразу же после приезда, мы переехали по адресу: 17-й квартал, д. 31, кв. 4. Нам дали комнату площадью 14 квадратных метров на шесть человек, так как мама родила 19 октября 1950 года дочку, и нас, детей, стало четверо. Кроме нас в этой квартире жили еще две семьи. Кухня была без окна с кирпичной печкой, которую мы топили, если нужно было что-то испечь. Туалет был на улице,

который располагался между двухэтажными домами из расчета одна уборная на четыре дома, а за ним уже был лагерь для женщин. Вот так мои родители прожили до 1958 года.

Хочется вспомнить добрым словом соседку тетю Соню. Ее комната была больше нашей, то есть где-то около 20 квадратных метров, так вот она предложила моим родителям поменяться комнатами без оформления ордеров, ведь она жила одна. Была она инвалидом детства (горбатенькая), работала на почте. Вот такие добрые люди жили в то время в Норильске.

Помню первый комсомольско-молодежный десант 1956 года. Его встречали на вокзале с духовым оркестром, молодые люди

*Норильские школьницы.
Слева направо: Зина Крылова
и Тамара Кузнецова. 1952 г.*

вышли из вагонов одетые по-летнему, а в Норильске шел снег и стояла минусовая температура, где-то около минус 10 °С. Всех быстро посадили в автобус и отвезли в общежитие на ул. Комсомольскую.

Учебу я начала в школе № 2 на ул. Октябрьской, затем меня перевели в школу № 4, где я и окончила семь классов. Дальше учиться не было возможности, так как на руках было двое малышей. Родители решили, что я должна учиться в горно-металлургическом техникуме в пос. Норильске, тем более что по указу дети горняков зачислялись на учебу без экзаменов после семи классов. Но все же на учебу меня не приняли — я же дочь «врага народа»... В школу вернуться не было возможности, так как мама работала, детей оставлять было не с кем, а для ссыльных не было мест, чтобы устроить ребенка в ясли-сад. Так я осталась недочкой.

Евгения Романовна и Иннокентий Семенович Кузнецовы обслуживают отдыхающих норильчан в районе Купец. Когда буфет, где работала Евгения Романовна, в выходные погружал свою продукцию в грузовик и выезжал на праздничное место торговли, Иннокентий Семенович всегда помогал жене. На оборотной стороне фотографии надпись: «На Севере пьем пиво, 1956 г.»

Счастье в нашу семью пришло в августе 1954 года, когда папу реабилитировали. А до этого счастливого дня он писал письма с просьбой о помиловании на имя Сталина, Шверника, Кагановича, Ворошилова, но получал только уведомление: «Письмо получено», и тишина...

В августе 1954 года папа был на работе в забое. Вдруг его по телефону срочно вызвали на-гора. Когда он поднялся и увидел людей в серых плащах — ему стало плохо... Но его вежливо взяли под руки, усадили в легковую машину и доставили в Первый отдел НКВД. Папе помогли подняться на второй этаж, пригласили в кабинет, где сотрудник отдела зачитал ему текст реабилитации, после чего папа снова потерял сознание... Вызвали «скорую», папу привели в чувство и отвезли домой. Но после этого удара папа уже не мог работать в шахте, его комиссовали по состоянию здоровья, перевели на должность диспетчера шахты, и в этой должности он работал до выхода на пенсию в 1959 году.

Мама с папой и младшим братом Сашей уехали из Норильска в 1960 году. При выходе на пенсию папу наградили орденом Шахтерской славы. Жизнь он завершил в Кабардино-Балкарии, куда с семьей переехал в 1963 году из г. Омска. Он прожил 81 год, мама умерла в возрасте 83 лет...

Я же надолго осталась в Норильске, встретила там фронтовика Михаила Григорьевича Журавлева, который приехал в Норильск после войны в 1947 году. Пошла работать на кирпичный завод УПСМ — лаборантом. Хотела вступить в комсомол, но меня не приняли все по той же причине. На заводе работали в основном заключенные, вольнонаемных было всего где-то 34–36 человек, и возили нас на работу в «пикапе» от дома № 7 на ул. Севастопольской.

На кирпичном заводе я проработала всего семь месяцев, перевелась на цементный завод. Он уже был выведен из зоны, и весь коллектив завода состоял из вольнонаемных, хотя и бывших заключенных. На цементном заводе я вступила в комсомол,

*В лаборатории цементного завода.
Слева направо: Валентина Дрейблас, Александра Головки (Левчук)
и Тамара Кузнецова (Журавлева). 1956 г.*

занималась общественной работой. Пошла учиться в ШРМ в 1957 году, когда сыну был год, и окончила ее в 1960 году. В том же году поступила в институт и окончила Новочеркасский политехнический институт по специальности технология силикатов в 1966 году. Опять вернулась на кирпичный завод, тогда он уже стал называться заводом строительных материалов (ЗСМ) на должность и.о. начальника по производству легкого заполнителя. В 1969 году вступила в партию, тогда это было необходимо и обязательно для ИТР.

На кирпичном заводе работала под началом Н.Н. Рознатовского, затем В.П. Гумейко, а на цементном заводе директором был Т.А. Огибалов, главным инженером — Оскар Ильич Фишбейн, прекраснейший специалист и инженер, у которого я многому научилась. С огромным желанием вспоминаю начальника лаборатории цементного завода Марию Федоровну Алфименко, супругу председателя

Таймырского окружкома профсоюзов Федора Андреевича Алфименко. Вот уж человек с большой буквы! Она была для нас и мамой, и сестрой, и подругой. Я и сейчас с Марией Федоровной и Федором Андреевичем перезваниваюсь, хотя они живут в Санкт-Петербурге, а я в Нальчике.

Помню, как проходила забастовка заключенных. Мы жили в 17-м квартале, наш дом стоял напротив фермы, затем там, на ул. Пушкина, построили скверик, а уж затем стадион. За ним стояло здание бани, напротив которой строились дома (будущая ул. Ломоносова). На одном из домов был лозунг, написанный на красной материи с черной окантовкой: «Граждане Норильчане! Комиссия уехала, произвол возобновился. Сообщайте Советскому правительству». Мы поднимались на второй этаж бани и с лестничной клетки наблюдали за происходившим. Много дней продолжалась забастовка, и все эти дни заключенные

*Первомай 1969 г. В центре — Тамара Журавлева (с шарами)
и Александра Волошина (в белом платке)*

оставались на стройке, а из зоны никто не шел на работу. Женский лагерь был у нас под боком, поэтому я видела, как заключенных снимали с крыш барачных брандспойтами, а ведь было очень холодно. Женщины, сбитые струей воды, падали с коньков крыш, получали травмы, а некоторые погибали.

После восстания каторжан сортировали в тундре за 80-м кварталом. Нас туда не допускали, но мы явно слышали автоматные очереди. Потом рассказывали, что многих расстреливали, а уцелевших этапировали дальше — на Север. Помню первую газету, которая печаталась на одном листе и называлась «Сталинец». Внизу второй страницы мелким шрифтом под чертой было написано: «За вывоз газеты за пределы пос. Норильска срок 20 лет каторги». Затем в декабре 1953 года стала выходить газета «Заполярная правда» на четырех страничках и заработала широкая колея железной дороги Норильск—Дудинка. Поселок Норильск стал называться городом.

В 1971 году меня назначили на вновь строящийся бетонный завод в пос. Талнах, где я работала начальником лаборатории. В 1973 году я родила второго сына. При переводе бетонного завода в систему Управления строительства меня оставили в системе УПСМ и направили создавать лабораторию на ЗКПД-2. В процессе строительства завода уже начали выпускать сваи для Надеждинского металлургического завода, который тоже начали строить. Я набирала штат, обучала его и в полном смысле строила лабораторию, выполняя должность прораба, так как зимой температура в лаборатории не превышала 5 °С. Коллектив был женский, молодой, и нужно было беспокоиться о здоровье людей. Мы убрали стену из стеклоблоков, заменив на кирпичную стену, и поставили оконные блоки. Позже бетонный пол покрыли плиткой на растворной подушке, озеленили и благоустроили лабораторию и зажили нормальной жизнью и работой. Все говорили, что у нас оазис.

*Празднование 25-летия комбината.
Норильчане стоят даже на крыше по обеим сторонам транспаранта. 1960 г.*

В 1978 году я окончила Всесоюзный институт повышения квалификации руководящих и инженерно-технических работников в области стандартизации, качества продукции и метрологии (ВИСМ). В 1979 году ЗКПД-2 опять передали в систему Управления строительства, где я и проработала до декабря 1984 года.

В январе 1985 года я вновь вернулась в УПСМ на должность лаборанта химического анализа 5-го разряда, так как мне было уже все равно кем работать: у нас в семье был план обмена квартиры и отъезд из Норильска на материк. Но работать лаборантом долго не пришлось — на комбинате решили строить завод легких заполнителей, который должен был входить в систему УПСМ. Его начальник Чупретов предложил мне вновь возглавить лабораторию.

Так я в третий раз занялась строительством и благоустройством лаборатории, подбором и обучением кадров по контролю за качеством выпускаемого азерита. Было это весной 1986 года, а осенью наш завод объединили с заводом по производству минва-

Тамара Журавлева. 1957 г.

ты, и он стал называться ЗМОКТМ. Завод легких заполнителей стал цехом, а я получила должность зам. начальника лаборатории. Добилась хороших условий для работы лаборантов, занималась строительством и руководством лаборатории. В цехе была построена и оборудована экспресс-лаборатория. На втором этаже АБК заработали кабинет начальника лаборатории, дробильное, сушильное отделения, отделение физико-механических испытаний и химико-аналитическое отделение.

Применение азерита в качестве заполнителя для бетонов ограждающих конструкций позволило домостроителям Норильска перейти от трехслойных панелей и панелей с термовкладышами на выпуск однослойных азерито-бетонных панелей, которые полностью отвечали требованиям ГОСТа.

Все было бы хорошо, если бы не портило настроение одно обстоятельство. Когда речь заходила о премировании работников по случаю перевыполнения плана, нашу лабораторию постоянно обходили вниманием, как будто и не было ее вклада в общее дело. Наконец я решилась задать вопрос об этом директору завода Г.Б. Созаеву. Он с улыбкой, которую я бы назвала ухмылкой, сказал, что, значит, премию я не заслужила. В слезах и с болью в сердце я написала заявление об увольнении, и Созаев легко подписал его, без всяких слов и объяснений.

Я собиралась покинуть Норильск раньше, но не уехала, потому что была нужна комбинату: остаться и поработать меня попросил директор комбината Борис Иванович Колесников, а ведь я уже поменяла норильскую квартиру на материке... Я с полной отдачей сил занялась отработкой технологии по производству и контролю азерита, в общем успехе была и моя частица, вот почему премию я восприняла не просто как дополнительные деньги...

Главный инженер завода Приходько уговаривал меня остаться, но обида переполняла меня... С тяжелым сердцем я покинула Норильск в сентябре

*Коллектив лаборатории цементного завода.
М.Ф. Алфименко (первый ряд, 4-я слева) и Т.И. Журавлева
(второй ряд, 4-я слева). 1958 г.*

1988 года. С тех пор я пенсионерка, но до сих пор во сне нет-нет да и строю, набиваю кубики, в общем, продолжаю работать в лабораториях по контролю бетона, железобетона и легкого заполнителя, не говоря уж об азерите... И что ж тут удивительного? Наше поколение не умело отдыхать, а работать много, трудно, максимально выкладываясь, умело всегда. Так и прожили всю свою сознательную жизнь... Хорошо, что руководство комбината оценило мой труд, присвоив звания «Кадровый рабочий комбината», «Ветеран НГМК», «Ветеран труда союзного значения».

Мой муж Михаил Григорьевич Журавлев — фронтовик. Он трудился в системе общепита комбината с 1947 года. Какие трудные времена он пережил! Занимался оборудованием столовых на кирпичном заводе, позже был шеф-поваром в столовой № 10, ресторане «Таймыр». С 1968 года работал в Талнахе — в столовой поселка геологов, рудника «Комсомольский». Он вышел на пенсию, но продолжал работать... М.Г. Журавлев умер в марте 1998 года.

Тамара и Михаил Журавлевы. 1968 г.

*Заведующий производством столовой № 1 в поселке геологов
Михаил Григорьевич Журавлев. 1968 г.*

На стадионе Горстроя в честь 25-летия комбината состоялся праздничный парад спортсменов. 1960 г.

Мы вырастили хороших детей. Старший сын после ленинградской мореходки был направлен на работу в Одессу, где выросли его дети, внучка. Младший сын по окончании университета по специальности романо-германская филология нашел работу за границей. Я живу в Нальчике, на родине своего мужа.

ДРУЗЬЯ

Житейские трудности всегда проверяют людей на человечность. С Володей Гольдбрейхом я познакомилась в 1954 году, когда устраивалась работать на кирпичный завод. Володю приняли учеником электрика. Он, как настоящий и чуткий друг, всегда приходил мне на помощь в трудную минуту — и доброе слово поддержки найдет, и совет даст, и, если надо, делом поможет... Талантливый организатор и специалист, В. Гольдбрейх быстро поднимался по

В ноябре 1985 г. заместитель начальника центральной лаборатории УПСМ Эрик Оттович Штернберг отметил юбилей.

Всеми уважаемого руководителя поздравили многие, в том числе и Зинаида Николаевна Костюшко, технолог УПСМ

служебной лестнице, но оставался всегда простым и добрым человеком.

Много лет моей дружбе с семьей Волошиных. Всегда вспоминаю хорошим словом своего первого директора Н.Н. Рознатовского (кирпичный завод), второго директора (цементный завод) Т.А. Огибалова и главного инженера этого же завода А.И. Фишбейна и конечно же свою наставницу — М.Ф. Алфименко. Это под ее чутким руководством я пошла учиться в ШРМ, в 8-й класс, когда сыну было всего год, и окончила 10 классов в 1960 году и сразу же поступила в институт. Она всегда помогала мне во всем, только чтобы я не бросила учебу. Поставила меня в подменный график работы, это значит, что я работала по два дня с выходным днем в воскресенье. В график отпусков во время учебы ставила меня в летнее время. Да и тогда, когда я уже окончила Новочеркасский политехнический институт и доросла до начальника лаборатории, она при любой просьбе помогала мне в работе.

В сентябре 2004 года норильские друзья встречались в Ярославле у Волошиных по случаю юбилея. Здесь я увиделась с Верой Фатеевой и Тамарой Темниковой... Это был такой эликсир для души!..

Часто вспоминаю Тамару Лыткину, Сашу Левчук (Головко), с которой мы познакомились в 1955 году на цементном заводе. Она была крестной моего старшего сына и даже тайно крестила его в Москве в церкви на Соколе — по-другому тогда нельзя было. Теперь судьба разбросала нас, Саша живет в Красноярске, а пенсия северян сейчас такова, что поездки в другие города невозможны.

Расскажу о распространенном среди норильчан случае. 1956 год, осень. Мы с мужем и сыном возвращаемся из отпуска через Красноярск. Здесь походили по магазинам, присмотрели радиолу «Балтика» (в Норильске тогда такую нельзя было купить). Посчитали свою наличность — 800 рублей не хватает. Услышал об этом наш норильчанин Николай Корельков и тут

*Семья Журавлевых в гостях у родителей Тамары в Нальчике.
В первом ряду между бабушкой и дедушкой сидит их внук Саша;
во втором ряду (крайний справа) стоит брат Тамары Александр.
1966 г.*

Братья Александр (справа) и Виктор Журавлевы. 1974 г.

же предложил деньги... А в Норильске я однажды отправляла родителям посылку, и так оказалось, что у меня не хватает 12 рублей. Чтобы с посылкой не ходить лишний раз, на почте мне предложили оставить в залог паспорт, но незнакомый мужчина протянул мне деньги. Он не захотел мне назвать ни своего имени, ни своего адреса: «Расплатитесь, когда другому потребуется помощь...» Вот пример настоящего норильчанина. Мне кажется, что эта традиция безымянной помощи шла от з/к, от политических, которые были совестью нашей нации. После долгих сроков заключения, после тяжких испытаний в нашей системе УПСМ продолжали трудиться замечательные люди — Шерер, Коляда, Гумейко...

В Киришах я встретила Янину Гаеву, с которой в параллельных классах мы учились в норильской школе № 4, а в Москве я отдыхаю душой в семье Шатковых. Мне кажется, наша многолетняя дружба стала настоящим родством по теплоте чувств. У Елены столько талантов (одно кулинарное творчество чего только стоит!), но главный — умение быть другом! Переписываюсь я с семьей Кузнецовых — с Галиной Михайловной мы вместе работали в комиссии по распределению жилья: я — на общественной основе, она была представителем окружкома профсоюзов.

Говорят, что свет не без добрых людей. Так было и в лагерные времена. Мама рассказывала мне, что, когда она выезжала со своей торговой точкой на обслуживание торжественных дат в район Купец или на Валек, бывало, что оставались продукты, чаще всего пирожные. Тогда она шла в лаготделение № 4 и просила начальство передать остатки пиршества вольных заключенным. И что удивительно, ей всегда это разрешали, даже пропускали в зону. После освобождения некоторые лагерники приходили к нам, мама их кормила. Помню Виктора Кушнира, а у другого запомнила только имя и отчество: Кирилл Спиридонович. В нашей семье все помнят и такое: однажды мама узнала, что моя младшая сестра Галя (ей тогда было

В цветущей галерее лечебного корпуса профилактория «Валек» любили фотографироваться отдыхающие. Тамара Журавлева. 1973 г.

три года) повадилась ходить в обед в женскую бригаду эков, которая разбирала старую железную дорогу. Ее переносили в тундру с улицы Мончегорской. Галя ела с женщинами их обед! Тогда мама стала передавать с Галей шоколад, кусковой сахар, сгущенное молоко. Солдаты-охранники все это видели и разрешали

ребенку общаться с заключенными. И это в поселке-лагере, где выходила газета «Сталинец», где внизу второй страницы мелким шрифтом под чертой было написано, что за вывоз газеты за пределы поселка полагается 20 лет каторги...

Когда мне становится грустно, я достаю фотоальбомы, рассматриваю старые фотографии, и память уносит меня в прошлое... Воспоминания о норильской жизни и печалят, и радуют душу...

Ирина Журавлева. 1956 г.

Ирина Орлова (Журавлева):

«Какие это были интересные годы познания практической медицины, жизни!»

Ирина Григорьевна Орлова. 1960 г.

Я родилась в семье потомственных учителей на станции Соловьевск Читинской области — это на границе с Монголией. Мой дедушка Федор Васильевич Журавлев был учителем церковно-приходской школы. По его стопам пошел мой отец, его двоюродные сестры. Меня многому учили, и было неудивительно, что в школу я пришла в семь лет, хотя все дети начинали тогда учиться в девятилетнем возрасте.

Я успешно окончила четыре класса, а в 5-м классе мне пришлось ходить учиться за девять километров в соседнюю деревню. В мае к нам в класс пришел директор школы, радостный и возбужденный, и сказал: «Ребята! Поздравляю — Победа!» Это был 1945 год. Так он обошел все классы — все ликовали, а наша учительница математики, чей урок прервал директор, горько зарыдала. Ее муж воевал, война закончилась, а она не знала, где он, жив ли... Мы с удивлением смотрели на нее, но потом очень сочувствовали ей.

Дальше я училась уже вдали от дома — в 40–50 километрах, на 79-м разъезде. Пришлось жить на квартирах, так что я рано приучилась к самостоятельности. Однажды, когда я училась в 7-м классе, у меня случилась беда: из кладовки украли все мои продукты, рассчитанные на месяц жизни вдали от родителей. Было удивительно, что из той же кладовки у хозяйки ничего не украли. Что я могла тогда предпринять? Отправилась домой пешком...

В наших местах стояла воинская часть. Помню, что еще к деду, глубоко верующему человеку, частенько заходили офицеры, и они вели долгие интересные беседы. И вот когда я так бессловесно и вынужденно покинула школу, жены офицеров, учительница математики и словесник, вызвались учить

меня, чтобы я не отстала по главным предметам от сверстников. Когда я явилась в школу на экзамены, то продемонстрировала приличные знания и получила отличные оценки.

Где бы я ни училась, я всегда после уроков бегала в детский сад — любила возиться с детьми. И они, бывало, в выходные приходили ко мне чуть не всей группой в гости. Все знали, что я хочу учиться в педучилище, где директором был папа. Но к тому времени училище из Читы перевели в район, в городе остался только медтехникум, и я поступила туда. Но вскоре заболела мама, и мне пришлось вернуться домой: работала дояркой вместо мамы до ее выздоровления.

Вернулась к учебе, да скоро и сама серьезно заболела воспалением легких. Я была совсем плохая, и семья решила: меня надо крестить. Так в 14 лет я на шею повесила крестик. Об этом узнали в медучилище. На комсомольском собрании нашлись атеисты, которые осудили меня за это. Но наша завуч Антонова Антоновна прервала эти разговоры: «Не трогайте

*Ирина Журавлева-Орлова (вторая справа) среди студентов
Новосибирского мединститута*

Ирину, не надо...» Может, они не надеялись, что я выживу? Комиссия медучилища (который называли и техникумом) постановила, что я должна лечиться дома. Пришлось оставить учебу. На мое счастье, появился сульфидин, он мне помог...

Летом вернулась в училище: решила сдать экзамены. Я увидела своих подружек, мы обрадовались друг другу... От радости и волнения я так сильно закашлялась, что из меня вылилось много гноя... С этого момента я стала поправляться. Учебу я окончила на отлично и получила право без экзаменов поступить в медицинститут.

Выбрала Новосибирск. Тогда были такие простые нравы — я без препятствий зашла в кабинет директора института со своими документами. Он удивился тому, что я приехала издалека, но тут же меня зачислил в студенты. Учиться мне нравилось. В 1956 году я окончила институт и меня оставили в аспирантуре. При этом академик Гинецинский сказал мне:

— Поезжай в Норильск, поработай и готовь документы для аспирантуры. Там работает мой ленинградский друг Захар Ильич Розенблюм — рядом с ним и профессии, и жизни научишься.

И я поехала. Думала — на год. А потом выяснилось, что документы мои опоздали к назначенному сроку, и я осталась работать в Норильске и никогда не пожалела об этом.

И сегодня я вспоминаю август 1956 года. Мы плыли по Енисею, смотрели на красивейшие берега могучей реки. Населенных пунктов было мало, а баржи с заключенными как-то не особенно долго занимали нас — мы были молоды, с надеждами ехали на новое место постигать профессию медика, о лагерях не знали ничего: время было такое, когда разговоры об этом были не приняты и это негласное правило соблюдали все.

Со мной ехала к брату девушка из Литвы, он уже был освобожден и приехал встречать нас с другом. Поселились в мужском общежитии: тишина и чистота поразили меня. Норильск уже был городом, в

Врачи на демонстрации. 1959 г.

основном здесь жили освобожденные из заключения и их семьи. Очень красива была Севастопольская улица, она заканчивалась драмтеатром. В жилых домах были кинотеатры, на Комсомольской улице уже стояли два дома: № 1 и № 24, в последнем жили молодые специалисты в коммунальных квартирах, а в первом доме руководители комбината.

Первым делом я пошла в САНУ, тогда отдел возглавлял Борис Сулейманович Джумаев. Во время нашей беседы вошел красивый мужчина средних лет и стал просить Джумаева направить врача на очень ответственный участок. Это был главный инженер комбината Владимир Алексеевич Дарьяльский. «Вот вам врач», — показал на меня Борис Сулейманович. Я согласилась. Ответственным участком оказался поселок Западный. Его амбулатория находилась в одном помещении с клубом, нас разделяла стена.

Однажды в амбулаторию заглянул В.А. Дарьяльский, а я стираю — прием-то закончился. Он удивился: не знал, что я здесь же и живу, и рекомендовал прийти на прием к Александру Савельевичу Котляру.

Мне дали комнату в четырехкомнатной квартире, чему я была очень рада. Позже в ней жила вся моя семья.

Комсомольцы поселка Западный и шахты избрали меня секретарем комсомольской организации, тогда на комбинате ее возглавлял Юрий Дроздов. А вскоре я познакомилась с Захаром Ильичом Розенблюмом, о котором с глубоким уважением говорил академик Гиневский.

Из Красноярска в Норильск прислали новую заведующую САНУ — Наталью Леонтьевну Брумук. Мария Николаевна Баранова предложила сначала направить меня на работу не к ним в стационар, а в поликлинику. Но Захар Ильич настоял, чтобы меня направили к нему в больницу, за что я ему очень благодарна. З.И. Розенблюм был небольшого роста человек, совершенно седой, явно еврейской внешности, очень симпатичный. Все знали, что он сидел,

Ирина Григорьевна Орлова

Норильская горбольница, терапевтический корпус, холл 3-го этажа

*Медики праздновали свой профессиональный праздник в 1968 году в ресторане «Таймыр».
Фотография на память*

но сам никогда об этом не говорил. Мне кажется, ему противно было вспоминать о лагерях, унижениях, сам-то он был человеком необычайной доброты. А мы, молодые врачи, подражали ему, и он охотно и по-умному нас учил.

Обычно после утреннего обхода начиналось самое интересное: углубленный разбор состояния каждого больного. З.И. Розенблюм просил каждого из нас поставить диагноз и аргументированно его доказать. Так он учил нас вырабатывать свое мнение, учил профессионализму. И делал это всегда спокойно, с уважением к молодым коллегам.

Профилакторий «Валек».

*Сидят (слева направо): А.М. Меркулова и И.Г. Орлова.
Стоят: Г.Е. Измайлов и Н. Арутюнова*

Однажды мы с врачом-дерматологом рекомендовали шахтеру сменить работу — скрюченная поза и напряжение усугубляли его болезни. Об этом мы выдали ему справку. Тогда Н.Л. Брумук на пятиминутке сделала замечание нашему доктору Розенблюму: почему это его доктора подменяют врачебно-контрольную комиссию? Когда Захар Ильич вернулся из горздравотдела, он сказал нам с улыбкой: «Что это вы меня оставили в стороне? Я бы тоже подписал вашу справку...» На том дело и кончилось. При нем никогда ни у кого не было конфликтов, их просто не мог бы допустить Захар Ильич Розенблюм, добрейший и умнейший человек.

Я помню, как позже мы встретились с ним в Москве в метро. Увидели друг друга в вагоне, вскочили оба, бросились навстречу, обнялись, расспрашивали и рассказывали, как живем, кто где... Родной человек, мой Учитель...

Когда после Новосибирска я впервые попала в норильские лечебные учреждения, меня удивило, какие медицинские здания малюсенькие, как в них было, мягко говоря, прохладно, а люди удивили меня своей доброжелательностью, желанием помочь. Мы с Кирой Серафимовной Масленниковой были ученицами Захара Ильича Розенблюма. Кире он поручил изучать электрокардиограммы, а мне — венозное давление. К тому времени мама Киры после освобождения из лагеря и реабилитации уже покинула Норильск, мы были с ней холостыми, и потому все ночные дежурства были нашими. Мы много и охотно работали и трудностей не боялись.

Я вспоминала своего деда Федора Васильевича Журавлева. Когда в наши деревни пришло раскулачивание, дед взял девочку из несчастной семьи и тем самым спас ее. Потом обошел все дворы и оставшуюся у людей живность согнал в одно место и стал ее пасти. Я помогала деду и тогда научилась конной езде. Осенью он отдал овец и коз хозяевам. Зимой не было муки, и он стал сельским мукомолом: при

помощи лошадей он молот зерно жерновами. За доброту и служение людям сельчане улицу села Билектуй назвали улицей Журавлева. У деда я научилась ничего не бояться — ни трудностей, ни неизвестности. Я спускалась под землю, хотя знала, что шахта «Западная» метаноопасная. Ехала до подъемника на «воронке», а потом в любую погоду шла до нее четыре-пять километров.

Позже я вышла замуж за Станислава Григорьевича Орлова. Он работал энергетиком на Медвежке. До сих пор помню «черную» пургу 1957 года — тогда сильный холодный ветер меня буквально прибил к стене. Я возвращалась с вызова и боялась, что до здравпункта, где я тогда жила, не смогу дойти.

Варвара Леонидовна Хуцишвили

*Полина Павловна
Христенко, бессменный
главный санитарный врач
Норильска*

Спасибо незнакомому мужчине, он оторвал меня от стены и довел до места. Вот счастье-то было! Есть эпизоды, которые врезались в память на всю жизнь. Например, помню Ростислава Ростроповича в валенках на нашей сцене. Он боже-ственно начал играть, и мы про все забыли! А голос и руки Вертинского! Его руки грациозно танцевали, когда он пел «Маленькую балерину». Его пальцы были красивые и очень изящные...

Софья Федоровна Данилевская

С.Ф. Данилевская, Н.П. Руденко, В.Л. Хуцишвили и многие другие.

У норильских врачей всегда были тесные деловые связи с Сибирским филиалом Академии медицинских наук СССР. В память об этом у меня сохранилось письмо председателя филиала академика В.П. Казначеева. Я тогда заведовала горздравотделом и постоянно общалась с представителями института клинической и экспериментальной медицины Новосибирска. И мы наметили и претворили в жизнь большую программу исследований, имеющих существенное теоретическое и практическое значение для жителей Сибири и Заполярья.

В Норильске всегда очень любили молодежь. Когда горздрав возглавила Брумук, молодые врачи собирались на профессиональные совещания. Наталья Леонтьевна много внимания уделяла молодым специалистам. Чтобы лучше узнать

Норильским драмтеатром руководил Владимир Иванович Венгеров. Этого милого и образованного человека мы знали еще и как мужа нашей Лидии Сергеевны Золотовской, замечательного доктора, красивой и остроумной женщины. Она всех заражала своим юмором, энергетикой... Кроме них в историю норильской медицины вошли хирург от бога В.А. Кузнецов, врачи божьей милостью А.В. Миллер, Д.В. Бочкарева, А.В. Дуберг, А.М. Меркулова,

Ирина Григорьевна Орлова. 2001 г.

Прощальный вечер в ресторане: в 1972 году Ирина Григорьевна Орлова покинула Норильск. Слева направо: Т.И. Гусева, П.Т. Жмурко, И.Г. Орлова

внутренний мир каждого, она устраивала у себя чаепития, за которыми всегда вели разговор о медицине. Какие это были интересные годы познания практической медицины, жизни!

В 1972 году я покинула Норильск, но в мыслях, воспоминаниях о пережитом я не рассталась с дорогим для меня городом.

*Геннадий Каратаев, 8-й класс школы № 1.
Норильск, 1952 г.*

*Встреча в родной школе учителей
и выпускников, приехавших в Норильск. 1954 г.*

Геннадий Каратаев:

«Один бывший з/к после смерти Сталина... сказал: «Надеюсь, ты уже понял, что он был сволочь и бандаит». Во мне что-то дернулось и затихло... С тем сейчас и живу».

Геннадий Каратаев в пионерлагере «Таежный». 1953 г.

Мои родители были учителями в Красноярске. Работали они с утра до ночи, а я был на попечении бабушки. Мать уже имела высшее образование, а отец учился заочно в Томском университете. Война началась тогда, когда он учился на 3-м курсе. Отец отправился на фронт. Жить в Красноярске было тяжело: на руках у матери кроме меня были две старухи — ее мать и тетка 75 лет. Правдами и неправдами матери удалось получить вызов в Норильск через подругу, которая также была учительницей и работала по совместительству секретарем поселкового Совета. Норильск, несмотря на стотысячное население, был рабочим поселком.

В Заполярье мы отправились в сентябре 1943 года с матерью и теткой. Отец был ранен в феврале 1945 года, лечился в госпиталях и прибыл в Норильск в августе. Он стал работать в политотделе комбината, а потом и на других должностях. Мать преподавала физику — сначала в школе, потом в техникуме.

Первое время мы жили прямо в школе — в библиотеке. Мать не отдала меня учиться: мы опоздали на три недели к началу учебного года, и она боялась, что мне будет трудно догнать одноклассников. Я слонялся по школе, знал в ней каждый уголок, прочитывал все стенные газеты и потом пересказывал их содержание. Вся школа меня знала под кличкой Фюзис. О годах учения в школе ничего особенного рассказать не могу. Учился я хорошо, почти на одни пятерки, особенно не хулиганил, в школе был своим человеком. Поэтому мне запомнились эпизоды, не связанные напрямую со школой. Например, детям фронтовиков каждую четверть вручались продуктовые подарки — свертки весом три-четыре килограмма, состоящие исключительно из американских продуктов. Некоторые из них были очень вкусными.

Во мне родилось положительное отношение к Америке, которое не меняется до сих пор ни при какой пропаганде.

Когда я учился в 3-м классе, группу детей комбинатских работников отправили в «Артек». Это было в конце сентября 1946 года. Я был среди самых маленьких, таких было трое, а самому старшему было 14. С нами отправили воспитательницу. Звали ее Антонина (Тося) Соловьева. Больше ничего о ней не помню. Сейчас, конечно, можно представить, сколько и чего на ее долю пришлось. До Крыма ехали более

Школа № 1, 8 «А» класс. Первый ряд (слева направо): Феликс Митяев, Юра Гончаров, Миша Савельев, Борис Подольский (нет шести человек). Второй ряд: Тамара Фаюткина, Алла Савченко, Августа Александровна Федотова (учитель физики, классный руководитель), Борис Данилович Сухомлинов (директор школы, учитель химии), Лидия Васильевна Бузунова (учитель литературы), Алла Бузикова. Третий ряд: Лиля Высотина, Люба Близнякова, Магда Туманишвили, Эмма Каплонян, Зина Макарова, Мира Усевич, Люся Скалигерова, Гена Каратаев, Галя Зверева, Юра Левин, Володя Веревкин, Костя Касаткин, Тамара Рознатовская, Эля Першина, Неля Тимофеева, Лидия Сергеевна Васянович (учитель по основам дарвинизма), Володя Добряков. Пос. Норильск, 1952 г.

двух недель на разных поездах, обратно — не меньше. Была карточная система, кругом разруха.

Запомнились мне еще два не совсем обычных эпизода. В «Артеке» меня приняли в пионеры. Дело было 7 ноября, приезжали какие-то очень почетные гости, покупку галстука возложили на Тосю, которая проживала не на территории пионерлагеря, а где-то в Крыму. Сама церемония мне ничем не запомнилась. Важным моментом было то, что мне уже исполнилось 10 лет, а отец был фронтовиком и работал на комбинате. Позднее, в Норильске, уже к следующей знаменательной дате — 23 февраля меня снова стали готовить к приему в пионеры. Несмотря на протесты, меня заставили пройти эту процедуру повторно. Долго я не мог простить матери, что она не защитила меня от этого, как я думал, позора.

Теперь о другом происшествии. Мы возвращались в Красноярск накануне Нового года. Вещи мальчиков и девочек за три месяца перемешались и были связаны в общие узлы. По прибытии на станцию мне поручили нести один из таких узлов, но по пути к машине мой узел развязался. Я стал его завязывать, за этим занятием меня и застал вокзальный милиционер. Он отвел меня в кутузку при вокзале, там посадил с двумя беспризорниками. Оказывается, они промышляли мелкими кражами на вокзале и близлежащем базаре. Если хозяева вещей отлавливали воришек, милиционер возвращал пострадавшим вещи, а злодеев сажал в кутузку. В случае непоимки воришек добыча делилась по совести. Это мне рассказали сами ребята. Я беспризорникам совершенно честно рассказал все о себе, потому что мне-то скрывать было нечего, но видел, что они не больно-то мне поверили: ведь в узле была детская одежда разного размера, несколько шапок и шарфов для мальчиков и девочек. Парней же больше всего интересовало что-то съедобное, но, кроме нескольких грецких орехов, им ничего найти не удалось. Что касается встречающих и сопровождающих, они меня на вокзале не хвата-

лись, добрались до комбинатского дома приезжих и только там стали считать детей по головам. Вернулись на вокзал, нашли блюстителя порядка. Он и не пытался проверить мою версию, так как его сбила с толку моя шуба. Она была того же фасона, что выдавали в детских домах. Меня отвезли к бабушке, жившей в Красноярске. Она уложила меня на русскую печку под тулуп и накормила пирогами с молотой черемухой — это и есть самое яркое воспоминание о той поездке.

Немного расскажу о последних годах в школе. Руководство комбината в 1953 году сделало великолепную вещь: открыло лагерь отдыха для старшеклассников вблизи пионерлагеря «Таежный» в 90 километрах от Красноярска на Енисее. Это были два двухэтажных рубленых дома на берегу реки, с воспитателями не из школы, с полусвободным режимом, хорошим питанием. Мимо нас проплывали баржи с заключенными, которых везли на юг. Это были последствия восстания заключенных 1953 года в Норильске. Тогда же до людей дошли сведения

*Урок литературы в 7-м классе школы № 1. Ведет Л.В. Бузунова.
На первом плане — Тамара Фаюткина, на «камчатке» — Юра Левин,
с перевязанной головой — Галя Зверева, за второй партией —
Коля Пшеничников. 1950 г.*

о разоблачении Берии. Город заметно изменился. Это мы увидели сразу по возвращении с отдыха. Нам предстояло окончить школу, и родители не слишком нагружали нас общими заботами. А жизнь менялась. Лагерные отделения демонтировались. Чувствовались первые признаки «потепления»: наши знакомые и соседи начали писать заявления о реабилитации. Школу я окончил с серебряной медалью. Но дальнейшая моя жизнь не пошла гладко, и судьба пожелала, чтобы я еще некоторое время пробыл в этом северном городе. В январе 1956 года я начал работать на руднике «Медвежий ручей». О своих злключениях в предыдущие полтора года я умолчу, скажу лишь, что учиться не стал, а в армию меня не взяли совершенно без всяких махинаций с моей стороны. Период с 1956 по 1959 год я считаю одним их лучших и полезных в моей жизни. Я поучился на коротких курсах машинистов экскаватора и начал работать в карьере. Профессией овладевал по ходу работы.

Теперь немного расскажу о своей трудовой жизни. Норильский комбинат был передан в Министерство цветной металлургии. Дармовой рабочей силы не стало, но многие бывшие заключенные еще при ГУЛАГе начали работать по вольному найму. Среди них были и настоящие мастера, в том числе и виртуозные машинисты экскаваторов. В целом же рабочих не хватало. Пришлось прибегнуть к оргнабору. Мне кажется, комбинат получил разрешение посылать вербовщиков в армейские части и приглашать на работу заканчивающих службу. Поначалу условия были очень привлекательные. Приезжающим предоставляли хорошее общежитие и довольно быстро давали комнату в коммуналке тем,

*Классный руководитель
Лидия Васильевна
Бузунова. 1951 г.*

кто обзаводился семьей. Был огромный дефицит женщин. Дошли до Хрущева, и он распорядился приравнять Норильск к народной стройке. Демографическая обстановка несколько улучшилась.

Приезжающих обучали на курсах различным профессиям. Обучение велось на высоком уровне: учителей было предостаточно. Ученики были разные, например демобилизованные со средним образованием. А были, скажем, выходцы с Северного Кавказа — чеченцы и осетины, кстати сказать, вовсе не так плохо подготовленные. Среди дембелей преобладали украинцы. Со мной учились Жижченко, Чересюк, Довгопляс, Мусиевский, Бащук и еще человек пять с подобными фамилиями. Три четверти в среднем руководящем звене, а особенно среди людей, имеющих технические профессии, составляли бывшие зэки. Преобладала 58-я статья. Было немало и квалифицированных рабочих.

Мне довелось работать с выдающимися мастерами своего дела — машинистами экскаватора Н.Н. Аверченко и В.П. Кастусевым. Они показывали чудеса при работе на мастодонтах — карьерных экскаваторах. Их таланты проявлялись главным образом при ремонтах и монтажных работах. Говорят, были и еще большие виртуозы. Оставалось немало рабочих более низкой квалификации. О них я еще расскажу ниже. Сейчас о другом.

В эпоху ГУЛАГа вокруг жилых городских массивов располагались лагерные отделения: спальные бараки и служебные помещения. В то же время вольнонаемные уже работали на производстве, а чтобы добраться до рабочего места, приходилось покидать крытые «воронки» со ступеньками сзади несколько раз за получасовую дорогу: нужно было показывать пропуск непременно в развернутом виде при проезде по территории лагеря. После ликвидации Норильлага бараки не снесли, а разгородили их на комнаты. Большую часть барачной территории заняли вновь прибывшие по хрущевскому призыву, частично в

них поселились бывшие заключенные, которым по разным причинам не удалось уехать на материк. Приезд на стройки коммунизма считался патриотическим поступком. Ради справедливости нужно сказать, что создавались и более комфортабельные общежития. Построили несколько новых больших домов под общежития. Для этой цели переоборудовали и некоторые бывшие гулаговские административные здания.

Например, в управлении строительства, где работал мой отец, устроили женское общежитие. Среди прибывших в 1956 году преобладали женщины. Это была попытка выравнять население по половому признаку. Люди приезжали сюда самые разные: романтики (немного), авантюристы, карьеристы. Большинство все же руководствовались прагматическими мотивами: заработать хорошие деньги и постараться устроить свою жизнь. Обещались ведь ценные льготы, например право строить кооперативное жилье почти в любом городе СССР. Вскоре, правда, началось наступление на льготы, а устроить жизнь в Норильске толком было невозможно.

С комсомольцами прибыли какие-то свои администраторы, их поселили в привилегированные общежития, иногда по одному в комнате. В то же время семейных общежитий не создавали. Правда, недалеко от моего дома было общежитие ИТР явно улучшенного типа. Там была строгая вахта, хорошие санузлы. Я бывал там в гостях у Стаса Паршина, молодого специалиста, коренного москвича, приехавшего по распределению по окончании института. Он говорил, что такие условия оговаривались при распределении.

Вернусь к рассказу о своем ближайшем круге знакомых. Сначала о работе. Директором рудника «Медвежий ручей» был Э.А. Левин. Это был выдающийся специалист. Он, будучи ээком, занимался проектированием рудника, затем организацией производства на строящемся карьере, а после окончания срока фактически руководил предприятием, занимая какую-то второстепенную должность типа диспетчера.

После расформирования ГУЛАГа он стал официальным директором рудника. Мне довелось общаться с ним, потому что я дружил с его сыном: мы учились в одном классе, а потом и работали на руднике. Только через много лет я смог по-настоящему оценить, насколько умно был спроектирован карьер. Во время войны удалось при минимальном объеме вскрыши, то есть вывоза пустой породы, бесперебойно снабжать комбинат никелевой рудой. К сожалению, здоровье Э.А. Левина было сильно подорвано непосильным трудом. Он сам рассказывал, что приходилось работать по 16–20 часов в сутки, а то и больше. Понятно, что работал он не за блага и не за страх. Это к разговорам о патриотизме, евреях и т.п.

Теперь расскажу о своих коллегах. Такое слово, правда, не употреблялось. Несколько технических деталей. Гигантская ступенька в карьере называется горизонтом, здесь работали два экскаватора. Порода в Норильске очень твердая, скальная, и ее приходилось раздроблять мощными взрывами, а уже потом, взорванную, ее убирали экскаваторами и увозили в стальных вагонах — думпкарах. Для обеспечения этой технологии была создана комплексная бригада. В нее входили экипажи экскаваторов, путевые рабочие, которые укладывали рельсы, и бурильщики, которые проделывали дырки — шпурсы для взрывчатки в оставшихся невзорванными негабаритных камнях. Так вот, самой многочисленной группой в этой бригаде были путейцы — около 20 человек (все без исключения из Западной Украины). Они жили компактно в соседнем с рудником поселке, почти все семейные. При работе они помогали перетаскивать тяжелый электрокабель и при ремонтах их использовали в виде тягловой силы. Держались они все вместе, были немногословны, замкнуты и настороженны. Между собой они общались на украинском, с нами говорили только на русском и только по работе.

Позднее я понял, что они мне не доверяют, потому что мой отец был начальником и бывшим работни-

ком ГУЛАГОВСКОЙ СИСТЕМЫ. Вспоминаю такой случай. Для замены каната экскаватора я залез на верхний конец стрелы к блокам, спустил через блок веревку и попросил путейца внизу привязать ее к канату. Он отказался, ссылаясь на то, что требуется знать специальные узлы. Я без спора спустился на землю, привязал веревку и снова залез на стрелу. После ряда таких эпизодов наши отношения стали улучшаться, а года через два я уже смог обсуждать с ними любые темы. Я понял, что украинцы такие же, как мы, нормальные люди. Им и без СССР жилось неплохо, за что их наказали, кого они предали — это непонятно было и им самим. Они хотели жить по своим национальным традициям, собственно, как и мы. В работе они были добросовестны. Если их не строить под себя, то отношения с ними всегда будут хорошими. Вот такой национальный вопрос.

Как-то я работал в подмене с незнакомым мне машинистом Е. Коваленко. Очень спокойная была смена, мы беседовали на разные темы, ну, конечно, и о нашей работе. Женя мне говорит: «Родине нужен металл... Делать танки, пушки, снаряды, пули. А мы стоим в начале этого процесса». Главное в этом было, как он это сказал: без горечи, без насмешки, без гордости. Нейтрально. Получилась очевидная аксиома: величие нашей страны — в пулях, ракетах и т.п. А металл, который остался от этих изделий, нужно вложить в новые экскаваторы, с помощью которых произведут еще больше металла... И далее по кругу... Это был второй разговор в моей жизни, который я запомнил на всю жизнь. Первый был за несколько лет до этого. Один бывший з/к после смерти Сталина (но до доклада Хрущева) в разговоре о покойном вожде сказал: «Надеюсь, ты уже понял, что он был сволочь и бандит». Во мне что-то дернулось и затихло... С тем сейчас и живу.

Михаил Яковлевич Важнов

Михаил Важнов:

«...и сейчас избавиться от тревожных предположений трудно».

Водопад на озере Лама

В начале февраля 1979 года Норильск постигло бедствие: крупная авария на газопроводе несколько дней держала город за горло. От крайних мер по спасению жителей, прежде всего детей, спасла Усть-Хантайская ГЭС, выдавшая «на-гора» весь свой максимум.

Спустя десять лет, 14 ноября 1989 года, норильчане вновь оказались заложниками газовиков: из-за резких перепадов температур наружного воздуха (плюс усталость металлов) разрушилось около 40 километров труб, много запорной арматуры...

Но первый сигнал о неблагонадежности тогдашней системы газообеспечения Норильского промрайона прозвучал в 1977 году.

Эти события вспомнились мне потому, что июльским вечером того года в 80 километрах к востоку от Норильска — это район озера Лама — прогремел второй подземный ядерный взрыв, из тех, что у нас под боком, вследствие чего образовалась еще одна емкость, которую предполагалось — то была идея экспериментаторов — использовать как хранилище аварийного запаса газового топлива.

Для сведения. Успешная реализация советского атомного проекта породила у научной общественности и руководства ряда отраслей народного хозяйства надежду эффективно распорядиться новыми возможностями решения конкретных задач, в том числе производственных.

16 мая 1950 года И.В. Сталин подписал правительственное постановление «О научно-исследовательских, проектных и экспериментальных работах по использованию атомной энергии для мирных целей».

15 января 1965 года на Семипалатинском испытательном полигоне Минсредмаш произвел первый советский подземный (скважина) промышленный ядерный взрыв. С тех пор состоялось 115 экспериментов.

Места сейсмозрывов расположились вдоль четырнадцати географических профилей. На пересечении двух из них («Горизонт», пролежавший от Коми до Тикси, и «Метеорит», идущий от Диксона до Бурятии) оказался Норильск...

Поскольку норильские «Горизонт-3», «Метеорит-2» изрядно обросли домыслами несведущих и мало кому известно, почему дискуссия (начало 1980-х годов) о подземных газохранилищах не имела последствий, стоит, думаю, рассказать об этом подробнее. Тем более что мне довелось, в частности, общаться с непосредственным руководителем работ и одновременно председателем государственной комиссии, видным конструктором-ядерщиком, начальником отдела Минсредмаша по применению подземных ядерных взрывов в народном хозяйстве, трижды лауреатом Государственной премии СССР Виктором Ивановичем Жучихиным.

В.И. Жучихин

1

Познакомимся с «рассекреченными» воспоминаниями Виктора Ивановича:

«Третий подземный ядерный взрыв на трассе Инта — Тикси был произведен в сентябре 1975 года.

Выбор места обусловлен решением другой задачи: создать емкость для временного хранения аварийного запаса природного газа, потребляемого промышленным районом. А это не только предприятия, но и свет, тепло для большого города. Без резерва энергоносителя Норильск мог бы оказаться в катастрофической ситуации.

На побережье озера Лама на глубине 800 метров залегает мощный соляной пласт. Ядерный взрыв в этом пласте образует сферическую полость объемом порядка 20 тысяч кубометров, в которую можно закачивать затем под большим давлением значительное количество газообразного горючего. Идея создания подземного газохранилища, причем почти бесплатно, с энтузиазмом была поддержана норильскими властями (первым секретарем ГК КПСС Борисом Михайловичем Благих, председателем горисполкома Юрием Михайловичем Смоловым) и директором металлургического комбината Борисом Ивановичем Колесниковым.

Мы уже имели в Оренбургской области положительный опыт создания подземных емкостей в соляных отложениях с помощью ядерных взрывов, а также эксплуатации таких своеобразных хранилищ. Поэтому в положительности решения вопроса для Норильска не сомневались. Норильские власти в свою очередь заверили нас в скорейшей прокладке трубопровода.

<...>

При встрече с городскими властями, которую организовал нам начальник городского отдела КГБ Михаил Кириллович Вахменин, в конфиденциальной беседе мы рассказали о целях задуманного эксперимента (в общих чертах о предстоящей работе они были уведомлены через постановление ЦК КПСС и Совмина СССР) с подземным ядерным взрывом в районе озера Лама, о его последствиях и о том, что после взрыва в соляном пласте останется полость солидных размеров — по сути дела, бесплатная емкость для хранения резерва жидкого или газообразного топлива.

<...>

Встреча с городским руководством закончилась тем, что оно одобрило все наши начинания и обещало всячески оказывать помощь в решении проблем, которые могут возникнуть. Для этого к нашим работам были подключены второй секретарь ГК КПСС Юрий Павлович Селезнев и от КГБ Владимир Алексеевич Дрыгин.

Итак, после беглого знакомства с городом Норильском, его жителями и достопримечательностями окрестностей нам предстоял вертолетный перелет на место предстоящей работы.

Сначала по прекрасному асфальтированному шоссе бригада приехала на небольшой аэродром около поселка Валек, а оттуда Ми-8 доставил нас к озеру Лама. Сюда же, но водным путем по реке Норилке, озеру Мелкому катера перебрасывали все необходимое для буровиков и жизнеобеспечения экспедиции.

Озеро Лама с трех сторон окружено грядой красивейших высоких гор. Их крутые склоны подступают почти к самой кромке прозрачной, как стекло, воды озера. На предгорье, равнинных местах, в лощинах произрастает необычный лес — и лиственница, и кедр, и среднерусская береза, и рябина, и какие-то диковинные кустарники. Лес этот изобилует невообразимым количеством грибов и ягод.

Однажды мы побывали прямо-таки в сказочном уголке (это в восьми-десяти километрах от места расположения нашей экспедиции): в девственном лесу притаились несколько чудеснейших по архитектуре коттеджей, срубленных из лиственницы. А среди коттеджей возвышалось величественное двухэтажное здание, срубленное также из лиственницы, по форме напоминающее букву «Ш», с красивой террасой-ротондой посередине этого здания.

Восхищение своей красотой вызывали не только строения, но и внутреннее обустройство жилых помещений. С какой любовью и фантазией были сложены печи-камины из обычного камня, добытого здесь

же, на берегу озера и с горных осыпей, и связанного песчано-глинистым раствором изумительной прочности. Столь же искусно изготовлены столы, стулья, шкафы.

Все это — теперь база отдыха Норильского комбината — сделано руками заключенных.

В двух километрах от озера и было решено пробурить скважину до соляного пласта и в нем произвести ядерный взрыв, чтобы решить сразу две задачи — сейсмического зондирования земной коры на огромном протяжении заполярной тундры и создания емкости для временного хранения жидкого или газообразного топлива.

Небольшая посадочная площадка для вертолетов возвышалась над гладью озера метров на пять-шесть в двадцати метрах от его кромки.

От вертолетной площадки вдоль берега у самой кромки воды выстроились в ряд полтора десятка балков — жилой городок для экспедиции. Чуть подалее и повыше от воды выстроились также в ряд пять огромных армейских палаток, в которых разместились склады, столовая и импровизированный дом культуры.

Жилой городок для экспедиции

Строители

От той же вертолетной площадки в глубь леса прорубили просеку, по которой шла дорога на буровую. Рядом с ней вырубili огромную поляну размером примерно 50×200 метров.

— Зачем же погубили столько леса, который составляет здесь великую ценность? — спросили мы буровиков.

— Для посадки и взлета вертолетов, — ответили они.

— А разве мало одной, что на берегу озера, и зачем же для вертолетов такая большая площадка, как взлетная полоса для самолетов?

— Вертолетчики с Ми-6 требуют, чтобы можно было приземляться на скорости. У озера нужную им площадку сделать невозможно. А лес?.. Чего его жалеть? Новый вырастет...

Вот такое отношение к природе мы встречали повсюду, где велись буровые работы. А еще больше вреда наносят природе трубопроводчики. После них остаются на земле такие раны, будто после ожесточенной бомбежки. Посмотришь на эти стройки — грусть берет. Что же мы вытворяем с природой и ради чего? А где же у людей, творящих такие безобразия, совесть?

По соседству с жилым городком, вблизи вертолетной площадки, оборудована техническая позиция, на коей Спецгеофизикой согласно проекту построены временные деревянные домики, предназначенные для командного пункта, работы с технической документацией, для хранения и окончательной сборки спецзаряда и размещения аппаратуры управления подрывом.

Через два дня после нашего прибытия на берег Ламы и расселения по балкам прилетел Ми-8 с аппаратурой и технологическим оборудованием. Сразу появился фронт работ: одни специалисты приступили к монтажу и наладке системы управления подрывом, другие — к подготовке технологического оборудования для производства регламентных работ со спецзарядом, третьи — к монтажу аппаратного комплекса физических измерений (в таком же деревянном домике, что и другие, но в 300 метрах от скважины)».

<...>

На этом прервем рассказ В.И. Жучихина о технических подробностях подготовки взрыва и продолжим его описанием самого взрыва.

«Диктор оповещения отсчитывает секунды, оставшиеся до взрыва. Слышим: «Ноль!» Через секунду все ощутили резкий толчок под ногами, затем — продолжительное колебание почвы и спустя пару секунд — оглушительный грохот.

Что происходило там, на буровой, за лесом, не было видно. Но на озере каких-либо заметных возмущений глади воды не наблюдалось. При осмотре большой площади акватории озера оглушенной рыбы не обнаружено.

Прошло 15 минут. Радиационная разведка доложила, что радиоактивных выходов в эпицентре и вокруг не наблюдается.

Тщательное обследование всех агрегатов на буровой установке показало, что разрушений или поломок после сейсмологического воздействия не последовало. Зато во временном приборном сооружении, расположенном в 300 метрах от эпицентра, некоторые приборы аппаратуры физических измерений подверглись основательному воздействию: упали со стеллажей часть аккумуляторов и отдельные приборы (не закрепленные на стеллаже), с осциллографов сорваны тубусы с фотоаппаратами. К счастью, фотоаппараты не разрушились и информация сохранилась полностью.

Представители службы безопасности, наблюдавшие сейсмическое воздействие на базе отдыха, отметили слабые толчки и колебание почвы. Ни строения, ни отопительные печи не пострадали.

Расшифровка записей аппаратуры физических измерений показала, что спецзаряд (мощность 7,6 кт. — М.В.) сработал нормально. Энерговыведение взрыва соответствовало норме.

По поводу благополучного завершения третьего эксперимента в заполярной тундре на трассе Инта —

Тикси руководство экспедиции «Спецгеофизика» дало ужин.

А наутро — будни: демонтаж аппаратурных комплексов и технологического оборудования, упаковка их в контейнеры и подготовка к перевозке.

Через два дня прибыл вертолет, в который загрузили все, включая документацию, и со специальными сопровождающими отправили в аэропорт Алыкель, где уже ждал грузовой самолет Ан-12, чтобы доставить груз в Москву.

<...>

Второй взрыв (профиль «Метеорит») был произведен летом 1977 года.

Мы надеялись, что к этому времени вопрос о резервном газохранилище будет решен: разбуривание цементной пробки и вход в полость будут сделаны по технологии ПромНИИпроекта, а прокладка трубопровода — Норильским комбинатом. Однако ни того ни другого не сделали и уже не только перевезли буровую установку на другую площадку, отдаленную от первой на 500 метров, но и к нашему приезду заканчивали проходку скважины диаметром 300 миллиметров для второго подземного ядерного взрыва.

На сей раз будет использован спецзаряд большей мощности (15 кт. — *М.В.*).

На наш вопрос: «Почему не разбурили цементную пробку в первой скважине?» — руководство Нижнеенисейской экспедиции ответило, что дирекция Норильского металлургического комбината решила отказаться использовать подземные емкости для своих нужд. А отцы металлургического предприятия и Норильска сослались на своего начальника и благодетеля — министра цветной металлургии П.Ф. Ломако, который запретил реализацию идеи, мотивируя опасностью для города радиоактивным заражением. И в придачу ко всему он добавил, что нет денег строить газопровод. Так похоронили необходимое для Норильска начинание.

Озеро Лама

...Когда мы летели на Ламу, стояла тихая, солнечная погода. Зачарованные красотой необозримых далей, мы не заметили, как под нами распростерлась гладь озера, на берегу которого раскинулся наш жилой поселок. Все, включая техническую позицию, хозяйственные постройки, стояло без изменений, как и два года назад.

<...>

Наконец вертолеты доставили технологическое оборудование, аппаратуру, спецаряд и кабели.

<...>

...Мы побывали в Норильске, где доложили городским властям о подготовке и сроках проведения подземного ядерного взрыва. Вновь рассказали о целесообразности воспользоваться результатами наших работ и, пока буровая бригада не уехала, хотели договориться о разбурировании первой, а затем и второй скважин, чтобы иметь готовые вводы в созданные взрывами емкости. Использование этих емкостей для складирования жидкого или газообразного горючего абсолютно безопасно — есть уже многолетний опыт в Оренбургской области.

Вездеход экспедиции в районе озера Лама

Однако отцы города только пожимали плечами, ничего не обещая. Себе же во вред.

<...>

Доложив руководству министерства о результатах обследования скважины, мы в той же шифротелеграмме запросили разрешение на окончательную сборку и спуск спецзаряда. И уже на следующий день получили согласие.

Далее — штатно, как и в прошлый раз.

<...>

Проанализировав результаты генеральной репетиции, подтвердили ранее запланированный день и час производства взрыва. К этому сроку прочность цементного камня, герметизирующего скважину, составила величину более 100 кг/см².

В качестве гостей на эксперимент были приглашены второй секретарь Норильского ГК КПСС Юрий Павлович Селезнев и представитель отдела КГБ Виктор Николаевич Букарин.

26 июля — день взрыва. Все идет по уже отработанной, хорошо выверенной схеме. Главное — максимум безопасности для людей. Ну и, конечно, обеспечить сохранность техники...

За пять минут до эксперимента руководитель экспедиции геофизиков докладывает, что все четыре группы сейсморегистрирующих приборов на трассе от Диксона до Улан-Удэ готовы «к бою».

Оператор программного автомата докладывает о выдаче сигналов снятия ступеней предохранения, включения агрегатов бортовой аппаратуры спецзаряда и о том, что обратный контроль подтверждает правильность их работы.

Наконец пошли последние доклады службы оповещения.

Осталось две секунды, одна секунда... ноль.

Еще секунда, которая в ожидании кажется вечностью, — и все ощущают мощный толчок в ноги, затем — продолжительное колебание почвы, а спустя 3–4 секунды — оглушительный и раскатистый

гром, подобный близкому разряду молнии. По глади озера от берега вдаль побежала мелкая зыбь, которая оставалась на поверхности воды около минуты. Хотя взрыв на сей раз был гораздо мощнее предыдущего, наши наблюдатели не обнаружили оглушенной рыбы и каких-либо разрушений на базе отдыха.

Через 15 минут после взрыва дозиметрический контроль сообщил, что у скважины и вокруг нее в радиусе 300 метров радиоактивных выходов не наблюдается. Не было их и часом позже, и двумя, и на следующие сутки. И никаких повреждений оборудования, аппаратуры...

После расшифровки физизмерений установлено, что все элементы спецзаряда сработали нормально.

К концу дня пришло сообщение: абсолютное большинство сейсморегистрирующих приборов на всем протяжении трассы сработало нормально и необходимые записи получены».

2

Теперь — о некоторых последствиях ядерных взрывов на Ламе.

К сожалению, многими свидетельствами опровергается та часть отчета официальных наблюдателей, где они утверждают, что будто экологических последствий не было — оглушенная рыба отсутствовала.

Увы, все было с точностью до наоборот.

Для начала приведу обстоятельные (и особенно интересные благодаря тому, что касаются не только «рыбной» темы) воспоминания А.Е. Меченко, коренного норильчанина, страстного тундровика, почитателя заполярных красот, заядлого рыбака. В 1975-м ему, слесарю цеха КИП и автоматики, было 28 лет.

Вот что записал для меня Анатолий Евгеньевич:

«В году... (А.М. называет 1976 год, но, судя по дальнейшим ориентирам-событиям, которые связаны с первым подземным взрывом, это был 1975 год. — М.В.), видимо, осенью, в сентябре, — уже и белые

ночи закончились, — мы ходили на моторке почти в восточную оконечность Ламы.

Наша стоянка была напротив устья Бучарамы — там, где когда-то, как мне кажется, располагалась экспедиция Урванцева. Из остатков полузаброшенных строений мы соорудили жилье, и на этой «базе» обычно останавливались: прекрасная рыбалка, много ягод, грибов. А какой замечательный, скажу вам, вид на озеро, окрестные горы!..

Однажды часов в десять вечера в безлунном, звездном небе, с той стороны, где находится турбаза «Лама» — это километрах в 90, а то и более от нас, — вспыхнуло какое-то яркое свечение, как будто включили очень мощный прожектор. Оно виделось недолго и вскоре исчезло.

Никаких других «аномалий» мы не заметили и в шутку посудачили о визите НЛО — тогда это была модная тема, а район озера считался облюбованным пришельцами.

Утром я встал рано, наверное в пятом часу, подошел зачем-то к лодке, нагнулся и услышал журчание воды — она быстро уходила, обнажая берег, метра на четыре, с перепадом до полуметра. Потом стала быстро прибывать и достигла прежнего уровня. И так происходило два-три раза. Озеро при этом было спокойным, гладким.

Разинув рот от удивления, я покрутил головой: может, кто проснулся и тоже все видел? Но нет. А когда мои товарищи поднялись и услышали о чудных приливах-отливах, посыпались версии, догадки, предположения.

На следующий день, под вечер, к нам подрулили знакомые. Оказывается, и они видели кое-что необычное: часов в 10–11, когда зашли в озеро, то поразились мутной, кофейного цвета воде: ведь от района речки Батык до турбазы автотранспортников 15–20 километров. Такой воды, с палками, щепками, как в других местах, по весне в Ламе никогда не было!

Дней через десять я встретил своего давнишнего приятеля. По его рассказу, в тот вечер, когда мы наблюдали свечение, он с дружками возвращался после рыбалки у Микчангды, и уже они были в районе устья речки Батык, на выходе из Ламы, когда сзади тряхнуло, раздался подземный гул, словно заработал реактивный двигатель. Оглянувшись, они вдалеке увидели высоко поднявшийся и тут же опавший столб воды. Следом шла волна...

Еще позже, в конце октября, от одного из промысловиков я услышал, что примерно месяц назад они, вытянув сети, обнаружили в них много мертвой рыбы. Место там не очень глубокое, метра четыре, вода чистая, прозрачная... Глядят: все дно устлано погибшей живностью.

Многие из тех, с кем приходилось разговаривать о ламских «чудесах», свидетельствовали, что даже на озере Мелком чувствовалось нечто похожее на маленькое землетрясение. Правда, в нашем «углу» мы ничего такого не ощутили.

Прошло два года... Как-то в конце, по-моему, июля мы возвращались по Ламе и примерно на полпути до Мелкого в ясную, тихую, солнечную погоду — было часов 7–8 вечера — неожиданно врезались в стоячую волну высотой полтора-два метра. Если бы не разглядывали прибрежные красоты, не проморгали бы. А так... Окапало нас хорошенько, мотор заглох. Ничего не понимая, огляделись и увидели: волна уходит, а озеро при этом ровное, гладкое, зеркальное...

Ну, завели движок, похихикали — мол, на ровном месте в шторм попали. И как-то все это быстро забылось...

Однажды я побывал на мысе Тонкий, и, оказавшись там, где бурили скважины (теперь-то я знаю, для каких целей), увидел любопытный пейзаж. Растительность вплоть до берега иная, чем в 300–400 метрах поодаль. Трава — почти в человеческий рост, деревья — в хороший обхват. А дальше «зоны» — обыкновенная тундровая картинка...»

Среди свидетелей экологического стресса был и А.Ф. Федоров, заведующий (1975–1987 годы) организационно-инструкторским отделом Таймырского окружкома профсоюзов: «В то лето к нам приезжал председатель крайсовпрофа Павел Степанович Колин, и, выкроив свободный денек, мы организовали катер на озеро Лама, чтобы посмотреть, как функционирует дом отдыха для работников комбината, а заодно и самим развеяться, порыбачить.

Не получилось... Подруливая к берегу, услышали крики: «Уезжайте! Здесь находиться нельзя, опасно!» Толком ничего не поняв, мы все же повернули назад.

Через какое-то время сильно потрянуло, по воде пошла заметная рябь...

На следующий день мы снова вырулили к речушке, впадающей в Ламу примерно в километре-полтора от дома отдыха. И нам представилась необычная, чуть ли не фантастическая картина: все дно у берега словно выложено серебром. Оказывается, оно устлано глушеной рыбой. Сплошной «ковер»...

Павел Степанович не на шутку возмутился, сильно переживал, спрашивал, в чем дело, почему... Пригрозил, что потребует наказать виновных...

А позднее мы узнали, что причиной гибели рыбы был подземный взрыв...»

Еще в начале 1990-х годов раздавались предостережения: «Никто не сможет гарантировать, что в озеро (Лама. — М.В.) завтра не проникнет ручеек стронция или плутония».

Несколько лет спустя в Государственном докладе «О состоянии окружающей природной среды Российской Федерации в 1994 году» сделан серьезный вывод относительно перспектив: «Территории... регионов [где проводились подземные ядерные взрывы малой мощности] нуждаются в тщательном обследовании и в случае необходимости в реабилитации. Эта работа...

не проводится из-за отсутствия необходимого финансирования».

Тогда же, в 1994 году, можно было прочесть: «За 30-летний период радиационных исследований реальных зон и реальных продуктов подземных ядерных взрывов не было вскрыто существенных, принципиальных препятствий для реализации большинства ЯВТ (ядерных взрывных технологий. — *М.В.*)... Вместе с тем остались не до конца изученными некоторые явления и процессы, принципиально важные для промышленного внедрения ЯВТ. К ним могут быть отнесены: долговременный (сотни и тысячи лет) прогноз безопасности продуктов взрыва, оставляемых под землей на большой глубине, миграция продуктов взрывов в пористых коллекторах; технологические трудности локализации радиоактивных рассолов в подземных емкостях-хранилищах после окончания их эксплуатации и др.».

Правда, обнадживало то, что «подземные воды не перенесут значимые количества РАВ (радиоактивные вещества. — *М.В.*) к человеку. Можно представить себе любые аварийные ситуации, но тогда они будут относиться к локальным, ничтожным по размерам территориям. Это обуславливается путем выбора сред и точек проведения подземных испытаний: сама геологическая среда (горный массив) рассматривается как основной барьер, свойства которого исключают проникновение РАВ за время существования наиболее опасных радионуклидов в среду обитания человека».

А вот чем однажды (1998 год) «порадовал» Ю. Маркович, в прошлом — начальник Норильской инспекции Госатомнадзора России: «Может ли грозить опасность жителям Таймыра вообще и Норильского промышленного района в частности?»

Да, может. Известно, что озеро Лама соединяется с озером Мелким, а далее с рекой Норильская. На реке Норильская стоят водозаборы Норильска и Талнаха. В случае разгерметизации полостей взрыва может произойти радиоактивное загрязнение воды.

Возможна ли разгерметизация? Да, возможна. В результате вмешательства человека, например буровые работы, либо в результате горно-геологических процессов. Отметим также, что второй взрыв на Ламе был произведен недалеко от первого и мог нарушить целостность полости от первого взрыва.

Взрыв на Соленинском месторождении тоже может иметь негативные последствия в виде радиоактивного загрязнения газового конденсата, который в конечном итоге по газопроводам опять же попадает в Норильск.

Норильская инспекция Госатомнадзора России обращалась в администрацию Норильска и Таймырского автономного округа с предложением организовать контрольное обследование потенциально опасных территорий — ответа пока нет. По всей видимости, как всегда, нет денег, хотя губернатор обещал подумать. В прошлом году (в 1997-м. — *М.В.*) председатель Таймыргеолкома Иван Иванович Сидоров обещал профинансировать эти работы. К большому сожалению, Ивана Ивановича больше нет. Учитывая, что взрывы на Ламе проводились недалеко от турбазы Норильского комбината, может быть, АО «Норильский комбинат» найдет возможность выделить деньги на эти работы?

Нет причин у норильчан ударяться в панику, но и принять на веру, что радиоактивное загрязнение отсутствует (по замерам 10-летней давности), — неразумно».

А как видится проблема теперь?

Попробуем разобраться, опираясь на мнения специалистов.

Как установлено, наименьшая вероятность распространения «заразы» будет при условии, если взрыв проводится в массиве каменной соли, так как возникающие трещины быстро самозалечиваются, вследствие чего гарантирована герметичность полости.

Напомним, что взрывы на Ламе и Северо-Соленинском месторождении произошли в мощной толще каменной соли.

Далее. Наукой установлено: «...продукты взрыва, будучи тяжелыми металлами и их окислами, конденсируются, затвердевают и выпадают на дно. Пары соли по мере их остывания также конденсируются и стекают на дно полости, прикрывая и экранируя толстым слоем осевшие ранее радиоактивные продукты взрыва. Это обеспечивает в самой полости *благоприятную* (курсив мой. — М.В.) радиационную [«среду»]».

Наконец, первоочередное условие предотвращения радиационной угрозы — это должный радиус подземной емкости: глубину расположения заряда нужно рассчитать так, чтобы полость оказалась целиком внутри солевого пласта. И чем лучше она «упрятана», тем выше ее надежность.

По официальным данным, объем полостей, образовавшихся вследствие «Горизонта-3» и «Метеорита-2», примерно 30 и 50 тыс. кубометров, то есть их радиус — 19 и 23 метра. (Если пользоваться современной методикой, то радиус — порядка 22 и 27 метров, но тогда и объем полостей возрастает до 50 и 82 тыс. кубометров соответственно.)

Но в районе Ламы заряды опускались так, что соляная «крыша» составляла от 200 до 250 метров!

Да и диаметры зон дробления невелики — менее 100 метров.

Так что в систему водообеспечения Норильска ничего не должно было проникнуть.

Не существовало и угрозы переноса радионуклидов с газом: на сухом, обезвоженном сырье они «не селятся».

Для сведения. О взрыве на Соленинском месторождении. Действительно, 4 сентября 1982 года в 190 километрах западнее Дудинки на глубине 960 метров был взорван заряд мощностью 16 кт тротилового эквивалента. Так называемый «Рифт-1», расположенный

на одноименном профиле, пересек страну от Обской губы до Иркутской области.

Вот что рассказал мне главный инженер проекта В.И. Клишин (ВНИПИпромтехнологии): «Руководство комбината и города изо всех сил противилось эксперименту: «Вы нам погубите месторождение! Не дай бог, опять авария на газопроводе!» И я даже пригрозил санкциями за срыв правительственной программы».

В общем, как заключают атомщики: «Метод создания подземных емкостей в отложениях каменной соли с помощью подземных ядерных взрывов позволяет иметь на глубинах до 1000 метров устойчивые полости объемом более 60 тыс. кубометров с обеспечением сейсмической и экологической безопасности».

Но в середине 1970-х годов надежных расчетов и достоверных исследований еще, видимо, не было. Или их «скрывал» режим строжайшей секретности. А потому позиция П.Ф. Ломако относительно возможности радиационного заражения объяснима.

*Сотрудники ВНИПИпромтехнологии,
слева — главный инженер проекта В.И. Клишин*

Впрочем, и сейчас избавиться от тревожных предположений трудно. Нужны замеры — их не проводили уже полтора десятка лет. Надеемся, что не «утонет» предложение общества «Красноярское землячество» к В.П. Боброву, еще в бытность его директором Заполярного филиала «Норильского никеля», где предлагалось воспользоваться для этих целей услугами специализированной организации «ВНИИПромтехнологии». Расходы — небольшие, а морально-психологический, социальный эффект — заметный.

Остается последний вопрос — о резервном газохранилище. Ведь некоторые специалисты со стороны до сих пор считают отказ необоснованным, напрасным, опрометчивым.

Вот как об этом говорят норильские газовики.

В.П. Бурдин (директор ПО «Норильскгазпром», 1979–1986 гг.): «В феврале 1980-го, после восстановительных работ на магистральном газопроводе (крупная авария 2 февраля 1979 г. — *М.В.*), комиссия под председательством первого заместителя министра газовой промышленности Гранда Рживаншировича Маргулова рассмотрела несколько вариантов надежного обеспечения Норильского комбината природным газом.

Два из них были оценены как приоритетные: создание спецметодами объемного хранилища в месторождении соли вблизи Норильска и строительство четвертой нитки газопровода Мессояха—Норильск».

В.А. Боровков (в начале 1980-х годов — начальник производственного отдела ПО «Норильскгазпром»): «Да, расчеты по резервным подземным емкостям проводились. Исходя из того, что нам был бы нужен примерно десятидневный запас газа, предстояло загнать в хранилище не менее 100 млн кубометров активного газа (который можно взять, а закачать следует на 20–30 % больше. — *М.В.*)... под давлением.

Рассматривался район, близкий к Дудинке, где труба уже есть. Если создавать несколько емкостей взрывами небольшой мощности (в противном случае высока вероятность трагических последствий. — *М.В.*), то с учетом их проведения, обустройства инфраструктуры, строительства компрессорной станции, содержания обслуживающего персонала и т.д. стоимость проекта оценивалась примерно в 100 млн рублей — столько же, сколько еще одна нитка газопровода с Мессояхи».

В.П. Бурдин: «Поэтому и остановились на этом, Мессояхском проекте. Были запроектированы и реализованы самые современные (по тому времени) и испытанные на Крайнем Севере технические решения, материалы, оборудование. Строймонтажные работы выполнены с высоким качеством и при хорошем контроле.

Надежность газоснабжения обеспечивалась также благодаря организации эксплуатационного управления магистральных газопроводов с необходимой техникой и обученным персоналом, цеха научно-исследовательских и производственных работ, в задачи которого входил мониторинг за трубопроводами и оборудованием. Как показало будущее, эти меры были правильными и вполне достаточными».

А вариант «Лама» не котировался изначально.

В.А. Боровков: «Полости, которые образовались от тех взрывов, — их две — маленькие: судя по их размеру (я назвал Владимиру Александровичу оптимальные расчетные величины — порядка 50 и 80 тыс. кубометров. — *М.В.*), туда удалось бы загнать не более 10 млн кубиков газа. На сутки работы! (Не говоря о том, что надо проложить две «трубы» — туда и обратно, построить обслуживающий комплекс, держать персонал, ревизовать трубопроводы... — *М.В.*)

Еще одно соображение касается поведения газа в полости. Специалисты сомневались, что его давление удастся поддерживать без постоянной подкачки. Это усложнило бы эксплуатацию «склада».

Суммарно потребовалось бы значительно больше средств, чем на четвертую нитку.

В итоге от идеи отказались. А вскоре и очередную нитку ввели, что сразу подняло степень надежности газообеспечения Норильского промрайона».

Следом ввели еще одну, а потом еще одну нитку.

Так что тема, похоже, исчерпана. По крайней мере, со времени дебатов более чем 20-летней давности рецидива не было.

Впрочем, в конце разговора В.А. Боровков интригуяще заметил: «У меня есть вариант организации хранилища газа. Простой и недорогой. Будет нужда, готов поделиться соображениями...»

Можно ли расценивать этот пассаж как некое объективное, хотя и косвенное, свидетельство актуальности проблемы резервного «склада» жизненно необходимого нам топлива?.. Ведь сегодня у газовиков рабочих трубопроводов — два и один — в резерве. Время от времени отдельные участки «трубы» перекрываются для ремонта, обследования. А коли так, проблема, о которой говорилось, возможно, не снята с повестки дня...

В работе использованы документы «Атомного проекта СССР», материалы, предоставленные автору ВНИПИпромтехнологии, публикации В.Б. Адамского, В.И. Клишина, Ю.Н. Смирнова, Ю.В. Дубасова, Г.А. Цыркова, К.В. Мясникова и др., а также другие источники.

P.S. Материал Михаила Яковлевича Важнова оставляет непреходящее чувство серьезной опасности и незащищенности людей. Они жили и живут в Норильском промышленном районе, не подозревая о ядерных взрывах на озере Лама.

Те, кто владеет информацией о них (Норильская инспекция Госатомнадзора, ВНИПИпромтехнологии), не имеют соответствующих полномочий и фи-

нансов для принятия конкретных решений. А между тем проведение замеров и прочих исследований, которые бы прояснили экологическую обстановку в районе ядерных взрывов, крайне необходимо. Последними, кто бил тревогу по этому поводу, было Красноярское землячество, обращавшееся за помощью к директору Заполярного филиала «Норильского никеля». Конечно, можно сказать, что последствия ядерных взрывов именно «Норильскому никелю» достались в наследство вместе с комбинатом. Но! Это государство до сих пор сохраняет режим строгой секретности, и поэтому подобного рода проблемы профессионально может разрешить только оно! Ведь только оно, государство, знает истинную экологическую опасность Таймырского полуострова после ядерных взрывов на Новой Земле и хранит об этом молчание. Норильчане стали догадываться о неблагоприятии места своего обитания после очередных признаний экологов мира. В десятку самых неблагоприятных городов планеты они всегда включают Норильск — они назвали его городом ужасов.

Мне кажется, кроме отечественных ядерщиков, больше никому в мире не пришло в голову проводить ядерные эксперименты в санаторной зоне и уникальном природном заповеднике, подобно озеру Лама. Наше счастье, что дружно воспротивились дальнейшим взрывам министр цветной металлургии П.Ф. Ломако, все руководство Норильского комбината и горкома партии. Хотя, судя по случившемуся, чтобы окончательно победить, им все же пришлось уступить...

Этот «маленький» норильский пример в большой истории страны — еще одно доказательство отсутствия здравого смысла и безнравственности системы управления страной в эпоху социализма. Он изначально не настроен на сбережение собственных народов, окружающей природы, а по большому счету — всего живого, творческого, свободного. И по-

тому именно у нас случился ГУЛАГ, Чернобыль и только наша страна собиралась поворачивать реки вспять... А ведь человеческая природа ранимее заповлярной, только след вездехода в тундре «заживает» не один десяток лет.

Галина Касабова.

Татьяна Медведовская. Норильск, 1952 г.

**Татьяна Кузнецова (Мед-
ведовская):**

*«Весной 1946 года мы...
двинулись в дальний-предаль-
ний путь на Север, в мерзлые
снега» .*

Сестры Наташа и Татьяна Медведовские. 1952 г.

Моя родословная

«7 апреля 1935 г. Советское правительство опубликовало закон, небывалый в истории цивилизованного мира. Этим законом провозглашалась равная со взрослыми ответственность (вплоть до смертной казни) для детей от 12 лет и старше за различные преступления, начиная с воровства. Народ был поражен этим чудовищным актом. Хорошо зная, что в сталинских судах царят равнодушие и беззаконие, люди испытывали тревогу за детей...» (Александр Орлов «Тайная история сталинских преступлений». М.: изд-во «Автор», 1991).

В этот день, 7 апреля 1935 года, в Стране Советов родилась и я, Таня Медведовская, ныне Кузнецова Татьяна Борисовна. Родилась я не одна: через 2,5 часа после меня появилась на свет сестрица Наталия (Талочка), и уже целых девять лет до нас жила-была сестра Вероника. Наш папа, глядя на мамин живот, тешил себя надеждой, что будет мальчик, сын Валериан. Сына не дождался. Позже он говорил нам, подросткам: «Девчонки, выйдете замуж, постарайтесь родить сыновей!»

Первые дни нашего младенчества протекали среди лесов, полей, ручьев, трав и цветов — на природе Подмосковья, на реке Истре, в поселке Нахабино, близ полигона.

Вместе с нами жили родители мамы — бабушка и дедушка. Других бабушку и дедушку (папиных родителей) я почти не знаю. Дедушка «ростовский» (так звали его в семье, потому что он жил в Ростове-на-Дону) приезжал как-то посмотреть на Бориных дочурок. Привез нам кошечку и уточку на колесиках, целлулоидные игрушки. Мне запомнился опрятный суховатый старичок с белой головой. Он внимательно

на нас глядел и гладил по волосам. А его жену, нашу бабушку, я не видела никогда: она умерла до нашего рождения.

Что знаю я о своей родне, о прародителях? Прадед Палладий Васильевич Парманин — корочанский купец второй гильдии. Редкая фамилия Парманин была известна как в Короче, так и в губернском Курске. Есть версия о том, что их предки жили в Италии и носили фамилию Парманини.

Встречается имя П.В. Парманина в составе попечительского совета Корочанской женской гимназии. Впоследствии вместе с братом Иваном Васильевичем они входят в число членов уездного податского присутствия. За общественную деятельность награжден серебряной медалью «За усердие». Палладий Васильевич был главой большого семейства — четыре сына и четыре дочери. После Октябрьской революции Палладий Васильевич «добровольно» (чтобы сохранить себе жизнь) отдал свой дом Советам. В нем расположилось отделение милиции.

Семья Парманиных до революции была состоятельной. Все дети получили гимназическое образование, которое в Короче было поставлено весьма хорошо, но лучше, чем в губернском Курске. Иные получили высшее образование. Сохранилось письмо прадеда к своей внучке Елене в Белгород в 1927 году. С грустью он описывает свое бывшее хозяйство: «Сад мой отобрали, цветы мои добрые люди разобрали. Груши, яблони, малина, смородина — все-все уничтожено, заборы разобраны, проходы свободны, старые ворота увезли».

Его дочь Ольга (сестра нашей бабушки) преподавала в Корочанской женской гимназии, а сын Александр — в Белгородской. Сын Михаил после окончания Харьковского университета преподавал латынь в Богодухове, Курске, Короче, совмещал преподавание с заведованием музеем, работал в архивах, занимался исследовательской работой по истории Курского края и писал статьи в местные и центральные газеты

и журналы. Вышла в печать его работа «Путь Игоря Северского на половцев в 1185 г.».

Теперь о родственниках по отцовской линии. Вот выписка из анкеты арестованного Бориса Семеновича Медведовского, нашего отца, от 1 декабря 1938 года (в квадратные скобки взяты мои пояснения о дальнейших изменениях в биографиях родственников. — *Примеч. авт.*): «Отец Семен Иоаннович Медведовский, живет в Ростове-на-Дону [имел магазин кукол]. Мать Мария Ароновна Медведовская, умерла в 1932 году от заражения крови. Брат Ефроим Семенович Медведовский — профессор в медицинском институте в Ростове-на-Дону. Брат Иоанн Семенович Медведовский — представитель музыкальной фабрики. Живет в Ленинграде. Брат Моисей Семенович Медведовский — врач-отоларинголог [впоследствии доктор наук, профессор 1-го Ленинградского медицинского института]. Брат Теодор Семенович Медведовский — инженер-конструктор морского оружия, живет в Ленинграде. Брат Виктор Семенович Медведовский — экономист чугунолитейного завода «Центролит» [впоследствии главный инженер Станколита, жил в Ленинграде]. Сестра Лина Семеновна Медведовская, преподавала немецкий язык в военных лагерях, живет в Ростове-на-Дону. Сестра Тамара Семеновна Медведовская, работала в морском порту г. Измаила, служащая [жила в Ленинграде]. Сестра Елена Семеновна Медведовская — бухгалтер, живет в Ленинграде. [Анна Семеновна Медведовская вышла замуж за грека-ювелира Орандополо и уехала за границу в конце 20 — начале 30-х годов. Последнее письмо от нее имели перед войной]».

Моя русская бабушка Екатерина Палладиевна Парманина была из мещан, родилась в Короче в 1878 году. Семья жила в достатке. Бабушка была невелика ростом, с крупным носом и маленькими серо-голубыми глазами. Рыжеватые волосы собирала в пучок на затылке. Был в ней главный стержень, который делал ее нужной, важной, своеобразной и привлекательной.

Ее всегда любил дедушка, любили дети, были у нее и подружки. Бабушка столько значит в моей жизни, что по-настоящему я люблю ее теперь, когда понимаю, когда сама стала бабушкой. Знания об устройстве мира мы черпали из бабушкиных рассказов и интереснейших, прекрасно оформленных книг с тиснением на кожаных переплетах, с рисованными заглавными буквами; каждой иллюстрации предшествовала прокладка из папиросной бумаги.

Спать бабушка ложилась с курами и вставала с петухами. У нее было недюжинное здоровье и уверенность во всем (здоровый дух). Она много и усердно трудилась. Нрав у бабушки был крутой, но ведь это была только наша бабушка: наша старшая хозяйка, распорядительница, воспитательница, кормилица, радеющая о своих близких, наша укротительница и заступница. Она и мама (в долгие годы отсутствия отца) делали нашу семью семьей. Как порой ни приходилось туго, всегда был родной кров. Бабушка не любила нежностей, поцелуев, но всю себя положила на алтарь служения семье. Была она человеком верующим, часто ходила в церковь, сотворяла молитвы, блюла церковные праздники. Крестила нас с сестрой в шестилетнем возрасте в 6 часов утра в 1941 году в очень холодной церкви. Она не любила советскую власть, но нелюбовь свою выражала осторожно, неизменно хвалила старую жизнь: быт, порядки, уклад, а в заключение говорила: «А теперь...» — и выразительно махала рукой, дескать, можно хуже, да нельзя — уже некуда.

Умерла бабушка 89 лет от роду, пережив многих своих детей, в том числе единственную и любимую дочь Клавдию — нашу маму.

Дедушка Лев Алексеевич Зиборовский был старше бабушки лет на одиннадцать. Он был высокий мужчина, красивой наружности, купец, имевший свои кондитерские магазины в Сумах и Харькове. Лев Алексеевич боролся за самостоятельную Украину, хотя был и поляк, и русский, и украинец по крови.

Дедушка был человеком мягкого характера, порой попадал в какие-то неблагоприятные политические течения оттого лишь, что не мог кому-то отказать. Его постоянно бранила бабушка. Очень неплохо рисовал, писал маслом, однако из-за скромности считал себя любителем. Он попивал, имел грустное выражение лица. От брака Зиборовских было рождено 11 детей. Взрослыми стали четверо: наша мама Клавдия и три сына: Николай, Борис и Виктор — наши дяди.

Семьи мамы и папы были против их брака: у папы мать была еврейка, отец — поляк. В семье главенствовала мать. А наша будущая крутая бабушка Екатерина Палладиевна и слышать не желала о жидях. Обе семьи сказали твердое «нет». Несчастные влюбленные (отцу было 24 года, маме 26, она уже вдова журналиста Часнык) шли на последнее свидание сообщить друг другу о невозможности брака. Встретились и решили не разлучаться никогда. Папа крестился в православную веру. Я сама видела этот документ.

Клавдия и Борис Медведовские (мои родители)

Первой родилась Вероника (Люка), первенец, баловень отца и матери и нежеланная бабушкина внучка. Когда я отпевала их всех, своих близких, 6 марта 1992 года во Владимирском соборе, я просила Господа Бога помирать Люку с бабушкой.

ЛЮКА

...Прежде иудеев не называли евреями, а называли жидами не как оскорбление, а как обозначение национальности и в дореволюционной России, и на Украине, и в Польше.

Называя свою внучку жидовкой, бабушка как-то пыталась осудить ее своенравное поведение, непослушание. Но выходило все то же: «плохая» — значит жидовка, «хорошая» — значит русская.

Люка, подрастая, давала бабушке отпор. Рядом был любимый папочка, которого она обожала, и за ее короткую 17-летнюю жизнь любовь к отцу оказалась самым сильным чувством. Его арестовали, когда Веронике было 12 лет. Она уже исповедовала отцовские взгляды, смотрела на мир его глазами.

Как-то в Норильске, когда мы разбирали и упаковывали вещи к отъезду (1952 г.), мне попался на глаза клочок Люкиного письма к отцу: «Мой дорогой, горячо любимый папочка (13–14 лет!)! Где ты? Мне никто толком ничего не объяснил, все отнекиваются, шепчутся про арест... Разве ты в чем-то виноват? Напиши мне, где ты, я приеду к тебе. Бабка донимает меня, называет жидовкой, а Таньку и Талку любит...»

...И вот мы в Короче. Надо где-то жить, как-то устраиваться... На пороге стояла война, а мы все — дети «врага народа». Нам вслух ничего не велят говорить, кто папа, где он, кем работает. Губы так и дрожали от обиды: мы ведь знали, что он хороший, а получалось, что он плохой.

Люка носилась по корочанским косогорам и пыльным улицам, крепкая, красивая, высокая и никому не поддающаяся. 1942 год. Оккупация.

Люку увозили куда-то прятать — в деревни, в погреб, но она ломала все планы. Сказала: «Никого не боюсь!» — и вернулась в Корочу, мол, пусть расстреливают. Подружки подбили ее не ходить на рытье окопов для немцев, что было объявлено обязательной повинностью для людей определенных лет рождения. Немцы объявили, что не явившихся три раза подряд на трудовую повинность по составленным спискам ждет работа в качестве пленных в

*Люка (она же Вероника и Людмила)
за два года до смерти*

Германии. Люка пряталась то у одной, то у другой подруги. Где она спала? Что ела? Народ жил в голоде. Мама потеряла рассудок. В редкие минуты, когда Люка появлялась в доме, мама стояла перед ней на коленях, умоляя выйти на окопы: «Люкочка, ведь это дома, это не в чужой стороне». «Мне все страны чужие, — отвечала дочь. — Эта страна чужая. Она погубила моего папу...» В 16 лет Люка получила паспорт на русскую — по национальности матери. Она подлежала этапированию, несмотря на болезнь. Люка кашляла, уже стала появляться кровь на салфетках. Когда мама ее просила: «Завяжи горло, выпей молока», она махала рукой...

И вот множество грузовиков кабинами на Запад ждут погрузки. Народу много — кричат, плачут, обнимаются. Мама мечется, ищет Люку. Каким-то чудом достала ей в дорогу кусочек сала, обернула в тряпочку. Она держит в руках шерстяной платок, чтобы Люка могла им прикрыть горло, какие-то

вещи. Люки нет. Мама, не раз пройдя среди машин, договорилась с худеньким фрицем-шофером (мне запомнился его большой кадык), чтобы тот взял Люку в кабину, объяснила ему по-немецки и по-русски, что дочь больна и не может ехать на ветру в брезентовых фургонах. Он согласился. Люка нашлась в последний миг, когда уже защелкивали замки кузова... Мама пыталась сунуть ей поистине драгоценное сало и потащила Люку к нужной машине. Люка, как всегда, поломала все планы. Отпихнув мамину руку с салом, отказалась сесть в кабину. Со смехом, как ведьма, полезла в громадный фургон, едва устояв на ветру. Не могу сказать, поцеловала ли она маму и нас. Заработали моторы в ответ на последний приказ. Под новый всплеск рыданий народных колонна двинулась на Запад... Даже мы, семилетние, понимали, что случилось страшное горе, большая беда. Люке было 17 лет. Больше мы ее не видели.

«...Политически сомнительный человек»

Отца взяли в ночь на 7 ноября 1938 года. При обыске присутствовал Александр Андреевич Грачев. Изъято для представления в УНКВД Ярославля (опись вещей, ценностей, документы): 1) паспорт № 575551, 2) военный билет № 2062, 3) пропуск заводской, 4) блокнот с записями, 5) шашка в никелированных ножнах. Ордер № 17 на арест, выданный 5 ноября 1938 года, был действителен двое суток. Здесь же стоит подпись отца: «Читал 7.XI.38 г.».

Вот выдержка из дела № Р-18628:

«...На основании изложенного обвиняется Медведовский Борис Семенович, 1900 г. рождения, уроженец Херсона, еврей, гражданин СССР, служащий, образование высшее, до ареста нач-к энергетического отделения Инженерного управления РККА, военный инженер II ранга (из РККА уволен), в том, что является участником антисоветского военного заговора и проводил вредительство в области подрыва энергетического хозяйства РККА, то есть в преступлениях,

предусмотренных ст. 58-1Б" и 58-7 УК РСФСР. Дело Медведевского подлежит рассмотрению Особым Сочещанием при НКВД Союза ССР.

Составлено: март 1939 года. Лейтенант госбезопасности Васильев.

Медведевский виновным себя не признал, но полностью изобличен показаниями А.Л. Големба, а во вредительстве показаниями Ершова, Силаева, Попова.

Големба завербовал Медведевского в конце 1936 года у себя в кабинете. «Мне было известно, что он (Медведевский) в прошлом исключен из ВКП (б), что пьянствовал и проявлял недовольство своим служебным положением. После вербовки я сообщил Медведевскому о целях и задачах заговора и дал вредительское задание тормозить строительство электростанций АЭС-3 и АЭС-4 и подрывать энергетическое хозяйство РККА».

В Бутырской тюрьме под следствием находился в камере № 89.

С постановлением Особого Сочещания при УНКВД СССР ознакомлен 20 мая 1939 года: «8 лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовом лагере Норильска (Норильлаг)».

Еще один фрагмент: «28 февраля 1938 года парткомиссией при отделе Политуправления РККА Медведевский исключен из рядов ВКП (б) ...политически сомнительный человек ...любимчик врагов народа. В Киевской военной школе преподаватели из бывших белых офицеров ШРАМ и ОЛЬДЕРОГГЕ советовали ему поступать в высшую военную школу и обещали поддержку.

...Называл Ленина оппортунистом. С партией не работал. Политминуто проводить не хотел и рекомендовал другим.

...Плохая связь с массами, ведет свою линию и ни с кем не считается. Расхваливает заграничные образцы вооружения, восхищается немецкими и японскими образцами. Притупление большевистской

бдительности, выразившееся в получении премий от врагов народа Потапова (его начальник). Стоял в стороне от общества, имел барски пренебрежительный тон с сослуживцами, с которыми компанию не водил. Не согласен с политикой партии, так как не видел путей строительства социализма и сомневался в осуществлении плана индустриализации страны.

Допрос начат в 11.00, окончен в 17.00.

Допрос начат в 21.00, прерван в 1.40.

Допрос начат в 12.00, окончен в 16.00.

Допрос начат в 23.00, окончен в 1.30.

Допрос начат в 14.00, прерван в 15.20».

Второй том дела № 622011 (по Красноярскому краю): «Наказание отбыл, освобожден из Норильлага досрочно за хорошие показатели в труде 7 ноября 1944 года, но на основании директивы № 185 задержан при Норильском комбинате МВД СССР до окончания военных действий. Поданная жалоба о пересмотре дела осталась без удовлетворения».

Постановлением Особого Совещания при Министерстве безопасности СССР 29 ноября 1950 года по тем же статьям сослан на поселение в Красноярский край под надзор органов МГБ.

Умер отец в ссылке, лишенный прав гражданства, сломленный болезнями, вынужденный каждый месяц ходить на переключку в органы МГБ, в стужу по четыре часа стоять в очереди.

Ноябрь в жизни нашей семьи был злым месяцем. В ночь на 7 ноября 1938 года — арест, 8 ноября 1950 года умерла наша любимая мама, 24 ноября 1943 года умерла старшая наша сестра Вероника в Германии, в г. Киле. Похоронена на кладбище Эйххоф. 29 ноября 1950 года отец подвергся новой репрессии по тем же статьям 58-1 «б» (измена родине) и 58-7 (вредительство). Папа был умный, стойкий человек (он сидел с урками, ведь политическими репрессии не назывались, все были уголовные). Ноябрь 1950 года его сломил: смерть жены (нашей мамы), новое осуждение, очень скверное состояние собственного здоровья и

самые мрачные мысли о нашем будущем. Помню, как он пришел домой подавленный, угнетенный, убитый. Даже мы сразу забеспокоились, увидев неладное: «Папа, папочка, что случилось?! Что-то произошло?» Папа, растирая заочковенные руки, глядя в пол, произнес: «Дочери, я больше не гражданин своей страны, отобрали паспорт, отстранили от преподавательской деятельности, я поднадзорный». Он даже заплакал, затрясся. Нам стало очень жалко его, невыносимо жалко. Он был очень больным человеком. Мы начали его целовать, миловать и, как все женщины, несли чепуху, говоря: «Ну и наплевать тебе на паспорт, подумаешь, мы с тобой как жили, так и будем жить». Как я сейчас хорошо понимаю все его страдания...

Главное — пережить ночь. «Утро вечера мудренее». А потом... полегчало! Кого ни встретит — всем добавили. И вот потянулись наши отцы в МГБэшную управу. Раз в месяц они обязаны были уведомлять о своем существовании. По четыре часа в любую погоду, в страшную стужу и лютую пургу, стояли на перекличке. Вспоминая это, я захожусь от бешенства за мученические жизни моих родителей.

Вот имена разумных, мыслящих людей, хорошо воспитанных, хорошо образованных, добросовестно трудившихся на благо своей страны, скромных, достойных всяческого подражания, которые, промерзая до костей, ходили отмечаться в органы МГБ: Медведовский, Калистов, Бобров, Ройтер, Каманин, Федоровский, Яворский, Корал-оглы, Коган, Пировов, Ремейко, Пьянков, Грамп, Шписс и сотни других. Сегодня их никого нет в живых. Вечная им память!

Норильск

Весной 1946 года мы распрощались с Корочей и двинулись в дальний-предальний путь на Север, в мерзлые снега. Предстояло расставание с бабушкой: она не могла плыть по воде на теплоходе. Прощание с нами стало большим горем. Бабушка поехала навсегда в Харьков к сыну Виктору и нелюбимой невестке.

А мы двигались 18 суток в теплушках вдоль полей сражений. Много солдат возвращалось домой. Они помогали нам в дороге, угощали своим провиантом. Повсюду на дорогах были следы побоищ: развороченные орудия, подбитые танки и многое другое.

Потом плыли по Енисею, ехали в машинах и наконец поезд тащится по узкоколейке от Дудинки до Норильска. Вот уж правда: «Снег да снег кругом...» Прибыли к зданию, чуть напоминающему вокзал. Всех как-то быстро встретили, разобрали. А нашего батьки все нет да нет. И вдруг откуда-то вынырнул «виллис». Из кузова легко спрыгнул плотный мужчина в коричневом кожаном пальто до пят и длинноручной северной шапке. Быстро к нам подлетел, надолго обнял маму, мы с сестрой дружно спросили: «А вы и есть наш папа?!»

Мы сперва жили в гостинице для ИТР в 8,5-метровой комнатке, позже получили квартиру. Весь городок был как лагерь. Ведут, бывало, по дороге эсков отрядами, конвой впереди, конвой сзади. Холод, стужа. Тогда было и 43, и 47, и 51 градус мороза. Зэки строили дома, зэки работали везде. Колючая проволока и вышки. И еще балки, самодельные лачуги для народа, который каким-то образом здесь живет.

Мы обустроились, подсушили новую квартиру воздуходувкой (был у папы на работе такой агрегат, нагнетавший горячий воздух). Утеплили одеялом окно. Жили мы только при электрическом свете. Перед окном проходила какая-то железнодорожная ветка и уходила в тупичок. В 16 часов гудели большая обогатительная фабрика (БОФ) и малая обогатительная фабрика (МОФ). Они ревели минут пять, а то и десять.

Самое приятное воспоминание — это друзья и знакомые отца, которые ходили к нам в дом. То была интеллигенция высокой пробы: инженеры, художники, архитекторы, ученые, артисты, писатели. Разговоры за чаем, споры, какие-то милые развлечения, и никто не выдворял детей. Это был интересный мир. Мы ходили в гости, общались, очень любили Норильский драматический театр, где в ту пору ра-

ботали молодой Иннокентий Смоктуновский (ему было 24 года) и Георгий Жженов, игравший роли первых любовников. Рядом с нами жил директор театра Дучман с семьей. Мы с сестрой были завсегдатаями директорской ложи с его дочкой Ирой.

Мы, дети сосланной интеллигенции, жили с родителями в крохотных номерах гостиницы. Наши родители умели интересно занять наш досуг. Артист Иван Николаевич Русинов устраивал детские балы. Мы носились в холле гостиницы под елкой чуть ли не до утра... Взрослые ставили нам пластинку «Засыпает Москва, стали синими дали...»

Несколько слов об Иване Николаевиче Русинове (1909–1994). Он учился в студии МХАТ, но окончить ее не сумел — в 1930 году был арестован. Осужден на 5 лет лагерей. Отбывал срок на строительстве Беломорканала и на Соловках (год). Иван Николаевич был освобожден в 1935 году, снова арестован в 1944-м, когда работал в театре им. Моссовета. В этот раз Русинов получил ссылку в Красноярский край, он отбывал ее в Норильске, Красноярске, Туруханске. После реабилитации, в 1956 году, до постоянной работы в Московской филармонии трудился в Тбилиси в Русском драмтеатре. Иван Николаевич стал народным артистом РСФСР. А тогда в Норильске мы, дети, его очень любили — с И.Н. Русиновым всегда было интересно и весело.

Мы ставили домашние спектакли у кого-нибудь в номере. Разыгрывали «Ночь перед Рождеством» Гоголя. Моя сестра выключала люстру-шар, когда черт крал месяц, и все были в восторге, оставшись в темноте. Наташа (тогда девушка 24 лет, а потом жена Никиты Богословского, художница) таких делала кукол, что мы от нее не отлипали. Есть снимок, где всей ватагой сидим с ней на качелях. В долгие зимние вечера папа пересказывал нам романы «Багдадский вор», «20 000 лье под водой» и «Граф Монте-Кристо».

В Норильске было очень холодно на улице и очень тепло дома и на сердце. В школе учились все вме-

сте — и дети бывших заключенных, и дети производственных начальников. Никто не указывал пальцем. Наш папа ушел на преподавательскую работу в горно-металлургический техникум (на правах вуза), писал учебник по электроэнергетике. Родителям было по 46 лет, но они оба были уже больные люди, постоянно хворали: придешь из школы — сдвинутые подушки, разбитые ампулы, никого нет. Значит, одному стало плохо, его увезли в больницу, а другой поехал с ним. Все думали-гадали: что с нами делать? Ведь мы еще школьницы, 14 лет, профессии нет... Так раздумывая, они ушли навсегда один за другим, и мы осиротели. В Норильске, под Шмидтихой (гора и кладбище), под деревянными красными звездами в 50 сантиметрах друг от друга лежат мои дорогие, ни с кем не сравнимые родители: папа Борис Семенович Медведовский и мама Клавдия Львовна Медведовская.

Одно время нашей соседкой по квартире была писательница Елизавета Яковлевна Драбкина. Ее «Черные сухари» не читала, а попалась как-то книжица «Кастальский ключ» о ссылках Пушкина, написанная превосходным русским языком. К ним (к ней и ее мужу) захаживал в гости иранец Али Юсуф Задежин, высокий горбоносый восточный человек, и приглашал фотографироваться. Когда он приходил, мы все спрашивали: «Али, а когда будут готовы фото?» Фотографий мы не дождались. Зато однажды явились к нам в квартиру сотрудники МГБ и нас обещали (нам было по 15 лет) увезли в «воронке» на допрос. Отцу ничего не объяснили. У него сердце, наверное, наполовину разорвалось. Вот когда он нахлебался страха. Эта организация была ему хорошо знакома. Нас долго допрашивали и сообщили, что Али Юсуф Задежин иранский шпион, что он фотографировал эков и для вида снимал нас. Нам показали снимки, где мы с сестрой стояли в сторонке, а кругом работают заключенные. Али расстреляли.

Мне запомнился прежний Норильск — 1946–1952 годов. Внешне он был созвучен внутреннему

устройству тогдашней жизни. Строился он солидно, прямыми улицами напоминая Ленинград. Дома кирпичные, просторные, теплые, поставленные по плану, а не как попало. Одновременно с жилыми возникали общественные здания: больница, школы (при нас их было уже четыре), горно-металлургический техникум и его общежития, кинотеатр, театр, стадион, магазины, аптека. Стояли и скульптуры: Сталин с рукой, засунутой за борт шинели, и девушка.

Стройка и пустырь тундры, стройка и пустырь тундры... Требовалось толково и скоро выучиться противодействию суровейшим условиям климата и всем грозным причудам Крайнего Севера, его «черной» пурге и поземке, его сотням тонн снега, вечной мерзлоте, гибельным ледяным ветрам, полярной ночи и пр. Сами эти условия торопили людей. Город рос как на дрожжах в атмосфере творческого созидания. Каждая производственная удача воспринималась как своя кровная. То был подлинный энтузиазм.

Равно причастны к трудовым победам были и бывшие заключенные, освобожденные из лагерей досрочно за высокие показатели в труде, но по директиве № 185 не имевшие права покидать означенные пределы до особого распоряжения. К ним относились наши отцы.

Норильск, несмотря на статус поселка и небольшое число жителей, был, безусловно, столичным городом Заполярья. Он был велик энергией разума, концентрацией работы человеческого мозга, высокого интеллекта, который неукротимо пробивался к тайнам холодной земли. Норильская земля являлась лабораторией грядущих открытий. Дух познания объединял всех, в том числе многочисленные когорты рабочих. Они учились и в короткие сроки становились думающими классными специалистами. Таким был трудовой Норильск.

Городская жизнь

Норильск бывал и праздным, отдыхающим. Здесь процветали свои красавицы и чайльд гарольды, витали слухи о любовных романах и героических похождениях — климат не давал надежды на легкие победы и прогулки при луне. Внедрились в быт литеры — буквы «А» и «Б». Литер «А» имели самые-самые, литер «Б» — рангом ниже. Ну а множество народа обходились без них. С промтоварами, мебелью дело обстояло плохо: «Не достать!..» Но, бывало, вдруг появятся в магазине детские мутоновые шубки или какой-нибудь другой редкий товар, который имел право купить лишь литер «А». Народ толкался весь день в надежде, что кто-то из литеры «А» не придет, и тогда вещь может купить кто-то из литеры «Б», а может быть, она достанется и случайному, безмянному покупателю. Всякое бывало...

Деньги у людей были большие: не хочешь, а копи. Подобно литерам, делились на классы и люксы каюты двух небольших пароходов «Серго Орджоникидзе» и «Иосиф Сталин», курсировавших туда-сюда по Енисею.

А там, где кончались классы, начиналась преисподняя: на уровне машинного отделения находились трюмы с адской температурой, в которых везли заключенных. Не раз нас, пионеров, отправляли на отдых в пионерлагерь «Таежный», и мы, как все неумные дети, бегали, всюду совали нос и увидели ЭТО. Был поднят люк в полу второй палубы, а сразу от него почти отвесно шла лестница (видимо, из веревок, так как она после использования убиралась). Наверху стоял алюминиевый бак с баландой. Баланду в металлических мисках быстро подавали вниз одну за другой, одну за другой — конвейером. Это занимало всего минут 10–15. Я спряталась за выступ, переждала и заглянула вниз. Там находились люди с голыми торсами, оттуда шел тяжелый дух. Они все смотрели вверх, в дыру, освобожденную снятым лю-

ком. Больше смотреть было им некуда. Двое мужчин были подняты на дыбу: руки выкручены за спиной и подтянуты к стене.

На какой-то из стоянок засуетились наши воспитатели и пионервожатые: «Всем успокоиться, никуда не бегать, находиться на своих местах!» Мой любознательный глаз нашел щель в окошке, чтобы увидеть, как быстро-быстро выбегают под команду заключенные, сопровождаемые надзирателями с оружием и овчарками, и плотно-плотно один к другому, выкрикивая слово «Здесь», садятся на мокрые камни на берегу. Руки сзади связаны цепью друг с другом.

...Станок Рыбацкий — знаменитое место ссылки Сталина. В Курейке мы были на экскурсии «По сталинским местам». Пионеры окружили бедно одетого старика, который якобы видел Сталина. От него ничего нельзя было добиться, нас повели дальше...

...Пионерлагерь «Таежный» располагался на берегах Енисея. Мы выбежали на крутой берег, усаживались там теплым солнечным днем на травку у коряг деревьев и глядели на реку...

...Вернусь в Норильск. Какое-то время вошло в моду отвозить чад начальников в школу в колясках, запреженных лошадьми, или в автомобилях. Зверевых, Черных, Шаройко, Иньковых шоферы и возницы доносили до школьного гардероба, как барских детей, и укрывали пледями, а то и звериной шкурой. Более воспитанные люди, даже занимавшие более высокие должности, не позволяли ни себе, ни детям такое цирковое представление. Эта уродливая мода вскоре ушла. Думаю, благодаря самим детям. Так как почти все школьники добирались на занятия самостоятельно, то в классе этих барчуков дразнили, и дразники сработали.

Явила себя мода и на прислугу (в подражание Москве и Ленинграду). Во многих семьях появились домработницы. В доме нашей подружки Лели работала латышка Бирута. Она держала дом как хорошая хозяйка. Ей были присущи аккуратность, четкость

выполнения всех возложенных на нее обязанностей, честность, порядочность во всем без попыток пригласиться хозяину (он в ту пору жил без жены с дочерью). Бирута понимала, что попала в хорошую семью, обеспеченную и серьезную, и старалась все делать так, чтобы ей не искали замену.

В Норильске уже в конце 1940-х годов звонили телефоны в квартирах. Номера были трехзначные. Соединение осуществлялось вручную — телефонисткой. Люди получили возможность общаться, находясь друг от друга на расстоянии. Многие выписывали журналы «Огонек», «Физкультура и спорт», «Мурзилка».

Мы приехали в Норильск в 1946 году. Он только разворачивался. Огромная масса семей рабочих, вольнонаемных, отсидевших и тех, кто приехал за длинным рублем, жила в балках — это северное название самодельных домов. Они, наподобие китайских фанз, лепились друг к другу, обогревая друг друга общими стенами и крышами. Жили в тесноте, без удобств. Там процветало пьянство, драки, а то и убийства. В школе училось немало ребят из этих самых балков. Они и учились хуже, и были молчаливее... Иной раз спрашивает учитель домашнее задание у какой-нибудь Маруси. Она встает и говорит, опустив глаза: «Я не сделала... У нас вчера гуляли». Я никак не могла понять: какая связь между «гуляли» и приготовлением уроков? Думала, что гуляют только на улице, но потом разобралась...

А еще случались побеги заключенных (уголовников). Бежать им было бессмысленно, так как далеко не уйдешь. Убегали по три-четыре человека, а то и по десять. Наверное, внутренний протест был так велик, что будущее они не просчитывали. По местному радио сообщалось, что такого-то числа группой заключенных совершен побег и т.д. Предупреждали об опасности. В самом деле, было страшно. Иногда незваные гости проникали через крышу и потолок прямо в комнаты. Были и грабежи, ловили и ели собак. Однажды освободившиеся из мести вырезали всю семью из семи или восьми человек, не пощадив грудного младенца.

Порой приезжали в Норильск коренные жители этих мест: эвенки, долганы, нганасаны на небольших красивых животных — оленях, запряженных в низенькие сани. В основном они загружались водкой, по-русски говорили плохо и поэтому долго не задерживались. Надо ли задерживаться, где кругом колючая проволока, вышки? Еще наживешь приключение.

Первым нашим упоительным развлечением по приезду в Норильск были, например, «гигантские шаги» и качели на стадионе. Мы проводили там все летнее время. На первом небольшом стадионе много чему отводилось места, например футболу. Мы с сестрой всегда болели за электриков (папина специальность), а подружка Неля за строителей, иные болели за металлургов, за горняков, за механиков и т.д. Страсти были нешуточные. Однажды строители забили гол энергетикам, и за это моя подружка Неля полетела со своего места на футбольное поле — так свирепо я ее толкнула за победу строителей (специальность ее отца). Был на стадионе и теннисный корт. Попаст туда играть было непросто: на игру записывались. Все участники были одеты в костюмы по международным правилам: женщины надевали короткие белые юбочки, тапочки и кепи, а мужчины — короткие штаны, бриджи, белые рубашки. Эти игры собирали немало зрителей.

Соцгород постройки 1940-х годов — это теперь старый город. Такое же название имела автобусная остановка, на которой мы садились, чтобы ехать в школу. Норильчане мучились с автобусами. У нас был парк небольших автобусов, двери которых не отворялись и не закрывались на морозе, а иногда у них глохли моторы. Приходилось подолгу стоять на остановке в стужу. Подойдут один-два малолитражных автобуса, заберут горсточку промерзших пассажиров, и все! И вот сюрприз: появился громадный американский голубой автобус нестандартной внешности — «МАК». Он забирал всю очередь без остатка.

Школа

Несмотря на суровый климат, мы, школьники, часто ходили на каток, брали напрокат коньки и катались до самозабвения. Домой приходили в полной тьме, в двенадцатом часу ночи, встречаемые встревоженными родителями. Летом катались на велосипедах и просто собирались компаниями...

1951 год. В норильской средней школе №1 наступила эра Тарзана. Серия за серией шел фильм с этим героем. Знаменитым криком Тарзана я владела в совершенстве, правда, демонстрировала его на улице. Боже правый! Однажды сорван был учком (ученический комитет), потом комсомольское собрание. Учащиеся стекались в актовый зал на собрание как обреченные. Вдруг раздался чей-то радостный вопль: «Ребята! Вы что?! В 16.30 седьмая серия!» Толкаясь портфелями, школьная публика ринулась вон из актового зала. Успеть бы в гардеробе схватить одежду, пока нет погони. И отличники, и двоечники — все были в едином потоке... Слух о массовом бегстве в кино («Где ваша честь, советские школьники?») дошел до властного директора. Борис Данилович Сухомлинов ворвался в актовый зал и в запальчивости потребовал переписать всех, кто покинул зал. Не имело смысла! Проще было отразить в протоколе присутствовавших... Эти «страсти» по Тарзану бушевали долго, даже после того, как закончился сериал.

Последние годы жизни в Норильске мы сдружились с ребятами из двух наших классов, которые воспринимались как один. Нашими подругами были: Неля Пода, Леля Мансурова, Галя Сапрыкина, Вероника Пьянкова, Люба Каманина и Неля Леринман, Инна Юрченко. На сегодняшний день нет Нели Леринман, она погибла в Америке: была сбита машиной на остановке. Неля Пода живет в Подмосковье в Переславле-Залесском, у нее муж, взрослые дети и большое приусадебное хозяйство — выпала из нашей обоймы.

Моя родная сестра Наташа живет в Северодвинске, я живу в Петербурге, но с остальными «девчонка-

*Встреча одноклассников школы № 1 г. Норильска. Выпуск 1953 г.
Стоят (слева направо): Владимир Ройтер, Людмила Замятина, Инна
Юрченко, Олег Ремейко, Джинар Корал-оглы, Юрий Стебленко;
сидят: Любовь Каманина (Ройтер), Елена Мансурова, Татьяна
Медведовская (Кузнецова), Наталья Медведовская (Бабайлова),
Галина Сапрыкина (Волкова). Москва, 26 октября 2003 г.*

ми» мы держим крепкую связь. Мы часто вспоминаем наших «мальчишек». Это Альчик Ремейко, Вовка Ройтер, Герка Дмитриев, «Карлуша» Джинар Корал-оглы, абхазец, начальник Сухумского морского порта, но после этих страшных событий между абхазами и грузинами, происшедших в 1989–1991 годах, мы с трудом его разыскали. Надеемся, что на грядущей встрече будет Ленька Коган, наш врач-психиатр из Сысерти Свердловской области. Хочется увидеть всех старых надежных друзей, встреча с которыми всегда дает столько радости!

Сергей Рихардович Раудсепп. 1946 г.

ВETERАН ВОЙНЫ, ВETERАН ТРУДА

Мать, не дожидаясь до тех пор, пока ее сын выйдет из армии, сама вышла в 45 лет. Она ждала сына в течение 10 лет. В 1945 году она получила известие о том, что ее сын вернулся из армии. Она была рада, но ее радость была омрачена тем, что ее сын вернулся из армии с ранениями и инвалидностью. Она была вынуждена заботиться о нем, как о ребенке. Она работала в текстильной промышленности, чтобы заработать на его содержание. Она была очень доброй и заботливой женщиной. Она всегда была готова помочь своему сыну. Она была очень горда своим сыном. Она была очень счастлива, что ее сын вернулся из армии живым. Она была очень рада, что ее сын вернулся из армии с ранениями и инвалидностью. Она была вынуждена заботиться о нем, как о ребенке. Она работала в текстильной промышленности, чтобы заработать на его содержание. Она была очень доброй и заботливой женщиной. Она всегда была готова помочь своему сыну. Она была очень горда своим сыном. Она была очень счастлива, что ее сын вернулся из армии живым.

В апреле 1945 года был выдан приказ о демобилизации военнослужащих, принимавших участие в освобождении Европы. Сергей Раудсепп был демобилизован в звании капитана. Он вернулся в Ленинград. Он был очень рад вернуться домой. Он был очень горд своим опытом. Он был очень доволен своей службой. Он был очень благодарен своим командирам и товарищам. Он был очень счастлив, что он выжил. Он был очень рад, что он вернулся домой. Он был очень горд своим опытом. Он был очень доволен своей службой. Он был очень благодарен своим командирам и товарищам. Он был очень счастлив, что он выжил. Он был очень рад, что он вернулся домой.

В 1946 году он поступил в Ленинградский университет. Он учился на факультете журналистики. Он был очень талантливым студентом. Он был очень активным участником студенческих мероприятий. Он был очень популярным среди своих товарищей. Он был очень горд своим образованием. Он был очень доволен своим будущим. Он был очень благодарен своим родителям. Он был очень счастлив, что он получил образование. Он был очень рад, что он поступил в университет.

В 1948 году он поступил в аспирантуру. Он учился на кафедре журналистики. Он был очень талантливым аспирантом. Он был очень активным участником научных мероприятий. Он был очень популярным среди своих товарищей. Он был очень горд своим образованием. Он был очень доволен своим будущим. Он был очень благодарен своим родителям. Он был очень счастлив, что он получил образование. Он был очень рад, что он поступил в аспирантуру.

Сергей Раудсепп, ветеран войны и труда. На фото: Сергей Раудсепп в военной форме с орденами и медалями. Он участвовал в боях на территории Германии. Он был ранен и получил инвалидность. Он был демобилизован в звании капитана. Он работал в текстильной промышленности. Он был очень доброй и заботливой женщиной. Она всегда была готова помочь своему сыну. Она была очень горда своим сыном. Она была очень счастлива, что ее сын вернулся из армии живым.

Сергей Раудсепп:

«Мне не могли сказать, куда я летел, что там буду делать...»

Сергей Рихардович Раудсепп в своем кабинете демонстрирует сослуживцам вымпел победителя соцсоревнования к 100-летию В.И. Ленина, которым был награжден возглавляемый им коллектив

ПЕРВЫЕ ГОДЫ В ЗАПОЛЯРЬЕ

Всемнадцать лет я окончил среднюю школу в Александровске, на Сахалине, с золотой медалью и поехал в Ленинград, где без экзаменов поступил в политехнический институт. Учился хорошо, занимался спортом, а когда учился на третьем курсе, в ноябре 1939 года, началась война с Финляндией, где я сражался добровольцем в лыжном батальоне. В марте 1940 года война закончилась, мы вернулись, и я сдал зимнюю сессию без хвостов.

За зиму 1940/41 года я успешно окончил четвертый курс и уже собирался с другом ехать отдыхать на юг, как началась Великая Отечественная война. Весь наш курс забрали в Москву в бронетанковую академию, где мы освоили новые реактивные минометы «катюша». Я всю войну прошел службу в 34-м гвардейском минометном полку. Мы участвовали во многих сражениях, несли большие потери, но я остался жив. В 1945 году нас перебросили на восток, в Маньчжурию, и мы закончили Вторую мировую войну в городе русской славы Порт-Артуре. В 1946-м меня демобилизовали, и я поехал в Ленинград. Из ста человек нашего курса вернулось только четверо! Я почти два года сдавал экзамены за пятый курс и писал диплом, а в мае 1948 года защитился, и меня распределили на ленинградский номерной завод к генеральному конструктору Климову, который разрабатывал новые реактивные двигатели. Кстати, первый реактивный истребитель полетел на нашем двигателе. На заводе я проработал почти три года и за все это время так и не смог заработать денег, чтобы хоть как-то одеться, и поэтому продолжал ходить в гимнастерке, кителе и шинели. Вот тогда-то я и решил поехать на Север.

В Главном управлении внутренних дел в декабре 1950 года я подписал договор, а в январе следующего года вылетел в Норильск. Мне не могли сказать, куда я летел, что там буду делать... Тогда мне было уже 30 лет.

Норильск в ту пору был не городом, а поселком городского типа. В поселковом Совете было три человека: председатель, секретарь и инспектор. Вся власть была у директора комбината — тогда им был Владимир Степанович Зверев. Поселок состоял из трех улиц: Октябрьской, уходившей от заводской площадки на северо-восток, где построили первые многоэтажные дома города; Заводской, которая от заводов шла к первым строениям и заканчивалась зданием драмтеатра; Заводскую улицу пересекала Горная, которая с горы Рудной уходила в низину, где были разбросаны бараки и стояла первая электростанция. На этой улице тогда еще стоял первый домик Норильска, который в 1920 году построил Н.Н. Урванцев.

За его домом в ложбине, через которую был перекинут мост, начиналась узкоколейная железная дорога в Дудинку. Это был Нулевой пикет, а рядом с ним стояло двухэтажное здание управления железной дороги. Поблизости располагалось здание первого управления комбината, а напротив работала первая столовая (ресторан по вечерам). В 1951 году управление комбината размещалось на Октябрьской улице рядом с ДИТРОм. Вот сюда, в управление комбината, я и отправился из гостиницы, которая располагалась за стадионом на Октябрьской улице. Было темно, только на столбах светили тусклые фонари, и, что запомнилось мне на всю жизнь, стояли жестокие морозы, а по громкоговорителю, который висел на столбе, передавали «Дунайские волны».

В отделе кадров комбината я узнал, что меня командировали в геологическую экспедицию, а/я 21. Тогда подобные экспедиции подчинялись непосредственно Главному управлению при МВД СССР и занимались поисками радиоактивных руд, главным образом урана.

Государство еще во время войны начало программу создания атомной бомбы, и для этого нужно было сырье. Воздушная разведка засекала на севере Таймырского полуострова несколько точек радиоактивности, и в конце 40-х годов была создана геологическая экспедиция с базой в Норильске. Начальником был выдающийся организатор производства К.В. Васин. Он работал на Норильском комбинате заместителем директора по горным работам и организовал на комбинате добычу руды открытым способом вопреки всем прогнозам, что якобы зимой из-за снежных заносов рудники работать не будут. На комбинате все руководители производства были прекрасными организаторами и талантливыми инженерами.

Я приступил к работе в экспедиции в качестве начальника транспорта и снабжения трех поисковых партий, которые были открыты по показаниям авиаразведки. В текущих делах незаметно бежало время, и летом в Норильск прилетел начальник одной из геологических партий Федор Аркадьевич Старшинов. Его партия работала на притоке реки Котуй — южнее Хатанги. Мы с ним занялись комплектованием необходимого оборудования и материалов.

Ф.А. Старшинов — квалифицированный геолог с очень трудной и трагической судьбой, но со счастливым концом. Он родился 5 декабря 1905 года в семье аристократов. Его отец работал в министерстве. У них была большая семья, и жили они в Замоскворечье в собственном пятиэтажном доме (третий дом от площади, где начинается Ленинский проспект). Семья занимала весь второй этаж дома, а остальные квартиры сдавались внаем. Отец Федора Аркадьевича принял Октябрьскую революцию и работал в Наркомате внешней торговли. Он умер в 1927 году, и репрессии его не успели задеть. Его сын уже начал работать, но в 1930 году его арестовали по делу Промпартии и отправили на Соловки, а в 1933-м неожиданно освободили. Он вернулся и успел получить образование геолога, а в 1937 году его опять арестовали и отправили на Солов-

ки, где он сидел до 1942 года. Отсюда его этапировали морским путем в Дудинку. В Норильске он работал в геологическом управлении, был расконвоирован и мог свободно перемещаться по Таймырскому полуострову. Причем он получил такое доверие, что его взяли начальником партии в экспедицию по поиску урана. В 1943 году он с группой геологов работал далеко от Норильска, они вернулись в Норильск только в конце 1944 года.

В октябре 1943 года произошло чудо: пришло постановление из Москвы об его освобождении и полной реабилитации. Тогда же Ф.А. Старшинова зачислили старшим геологом геологического управления. После возвращения его ждала зарплата за несколько месяцев и, что удивительно, ему дали отпуск, и Старшинов впервые смог поехать в Москву. Мы подружались с ним летом 1951 года и до самой его смерти в 1987 году поддерживали теплые отношения. Геолого-разведочная партия южнее Хатанги не нашла радиоактивных руд, но обнаружила большие запасы слюды. Это месторождение даже назвали слюдяной провинцией им. Ф.А. Старшинова. Когда экспедицию закрыли, Федор Аркадьевич перешел в геологическое управление, а когда ему стало трудно выезжать в тундру, его назначили заведующим музея управления, где он трудился все свои последние годы.

Вторая геологическая партия на севере Таймырского полуострова нашла радиоактивную урановую руду. Условия работы и жизни были на этом объекте экстремальными. И поэтому все работники получали особые льготы: вольнонаемный персонал получал по сравнению с Норильском тройной оклад, а рабочие-заключенные за выполнение плана на 120 процентов получали день за два своего срока заключения, а если на 150 процентов, то день шел за три. Они работали на проходке шурфов. И вот один такой шурф наткнулся на урановую руду. Стало ясно, что объект нуждается в изучении с разведочными бурениями,

и в ноябре я вылетел на объект для согласования на месте необходимой заявки оборудования. В то время Норильский комбинат входил в систему МВД. Он имел собственный речной и воздушный флот. Нужды комбината обеспечивали семь «илов». На одном из таких самолетов я полетел на объект.

Начальником поселка был Федор Вячеславович Нагорнов. В середине 30-х годов он окончил институт, был направлен на рудник Северного Урала, потом на Колыму на золотые прииски, где быстро продвигался по службе, затем возглавил крупный рудник и успешно проработал здесь много лет. Постоянное общение с заключенными, почти полное отсутствие свободных людей, за исключением охранных воинских частей и оперативников, которые следили за каждым его шагом, сделали Федора Вячеславовича крутым и суровым человеком. Он замкнулся в себе. Когда потребовались надежные специалисты для работ по поиску урана в экстремальных условиях, в 1948 году Нагорного перевели на Крайний Север. Федор Вячеславович быстро организовал строительство поселка из завезенного летом 1948 года необходимого материала и оборудования. И заключенные под руководством геологов приступили к проходке шурфов и штолен.

Наступило время разведочного бурения, и я прилетел, чтобы согласовать доставку летом 1952 года всего необходимого. В поселке, где жили геологи и бригада заключенных, я посмотрел два шурфа, которые дали руду. За нами пришел трактор, и мы уехали в основной поселок. На следующий день мы еще поработали над заявками, а утром четвертого дня за мной прилетел самолет. В Норильске заявки оформили и отправили в Москву. Прошло четыре месяца. В апреле главный инженер экспедиции Паукер повез в Москву образцы руды для отчета. Там его принял Берия и, похвалив за работу, дал указание удовлетворить все заявки для нашей дальнейшей работы. Мы все были окрылены успехами, но совершенно неожиданно в начале июня 1952 года пришло указание

закрыть экспедицию, все объекты законсервировать, а специалистов отправить на другие урановые месторождения. К.В. Васин уехал на рудники под Красноярск, геологов распределили по другим рудникам, а Федор Вячеславович Нагорнов перешел работать начальником управления геологии Норильского комбината. Я в конце июня полетел на консервацию поселка. Позже мы узнали, что предпочтение отдали другим, более удобным расположенным месторождениям радиоактивных руд. Когда я вернулся в Норильск, меня уже ждало назначение из Москвы на новый объект. Но Зверев, директор комбината, предложил мне остаться в Норильске. Согласие из столицы на это пришло, и он назначил меня главным инженером Норильскснаба. С августа 1952 года я уже работал в Норильскснабе. В это время строилась широкая колея железной дороги до Дудинки. Мне поручили организовать снабжение этой стройки всем необходимым.

Владимир Николаевич Всесвятский был выдающимся организатором строительства. В начале войны он возглавил строительное управление «Спецстрой», которое занималось возведением знаковых объектов. Была построена плотина севернее поселка — она была изо льда. Образовалось озеро, которое использовалось для охлаждения турбин ТЭЦ. Под руководством В.Н. Всесвятского запустили деревянный водовод из специальных досок-клепки, которые изготовил Игарский лесокомбинат. Клепка была так точно подогнана, что из нее проложили водовод, имеющий один метр в диаметре, от реки Норилки к ТЭЦ и опробовали его в самую жестокую стужу. Об этом сам В.Н. Всесвятский рассказал в книге четвертой издания «О времени, о Норильске, о себе...». Все, работавшие с Владимиром Николаевичем, отмечали его умение беречь людей и помогать им. Когда в Дудинке организовали погрузку круглого леса для Норильска, он распорядился снять с этой работы женщин — она была для них непосильна. Он занимал тогда должность начальника Дудинского порта.

Осенью 1952 года заканчивалось строительство железной дороги, когда в октябре 1952 года неожиданно ударили сильные морозы — Енисей ниже Туруханска стал быстро замерзать. Обычно это происходило не раньше 1–2 ноября, и с учетом этих погодных условий рассчитывалась вся навигация. 17 октября образовался ледяной покров от Курейки до Дудинки и ниже. Последний караван — 15 судов-барж, ведомых буксирами, — вмерзли в лед у Игарки. На них было оборудование для очередного котла к турбине ТЭЦ, картофель и промтовары.

Южнее Игарки, в поселке Ермаково, в то время была конечная станция железной дороги от Салехарда до Игарки. Строилась она уже несколько лет и была почти готова. Ее должны были строить до самого Тихого океана, но в марте 1953 года умер Сталин, и новое руководство закрыло эту стройку. На Енисее в районе Игарки уже работал речной ледокольный паром. Им и воспользовались работники Дудинского порта во главе с начальником Норильскснаба Стифеевым, чтобы, проложив полынью во льду Енисея, завести баржи в Игарскую протоку. При этом лед порезал борта деревянных барж, из них приходилось откачивать воду. Почти все грузы были подтоплены, и их надо было сортировать: что можно сушить, а что отбраковывать. В.С. Зверев направил меня в Игарку на эту работу. Я прилетел туда 7 ноября. Прежде всего надо было разгрузить оборудование для ТЭЦ и отправить его самолетом — иначе пуск очередного агрегата задержался бы на год. Для отбраковки грузов мы создали группу

*Лариса Ивановна Паудсен.
1962 г.*

товароведов, причем нескольких приняли из местных торговых работников.

Среди них была Лариса Ивановна Лизенко. Она стала моей судьбой. Мы жили вместе до 2000 года, пока тяжелая болезнь не свела ее в могилу...

Когда началась война, ей было 11 лет. Она жила в зернограде под Ростовом. Ее отца мобилизовали еще в мае 1941 года. До октября от него приходили письма, а потом пришло сообщение, что он пропал без вести под Киевом. Мать осталась с тремя детьми, из которых Лариса была самая старшая. Они пережили оккупацию с июля 1942 года, когда немцы шли на Сталинград, до марта 1943 года, когда город освободили.

В 1945 году Лора окончила школу и поступила в Ростовский техникум торговли. В 1948 году ее, как отличницу, распределили в Крым, в Евпаторию, товароведом с окладом 80 рублей. За год до этого умерла ее мать, и на иждивении Ларисы остались два младших брата, которые тогда жили в зернограде с престарелой бабушкой. Два с половиной года Лариса боролась с беспросветной нищетой. Вскоре выход был найден, и в 1950 году она по комсомольской путевке поехала на Север, в Игарку, где требовались молодые кадры. Два года она работала в Игарском торге, а когда приехала наша экспедиция, перешла к нам товароведом для разбора и дефектации подмоченных товаров. Группа товароведов трудилась всю зиму 1952/53 года, составляя акты на испорченные товары.

Когда закончились эти работы, мы вместе уехали в Норильск. Здесь ее назначили товароведом на промтоварную базу. Очень скоро ее способности были замечены, ее стали назначать директором магазинов, сначала в старом поселке, а по мере строительства города — во вновь открываемых. Магазин на Ленинском проспекте, где продавались телевизоры и музыкальные товары, она оборудовала по самым современным образцам — недаром он был признан лучшим в Норильске. Позже Ларису назначили директором спортивного магазина. Она участвовала в

отделке магазина, он оказался лучшим на то время: здесь торговали всем спортивным инвентарем — от коньков и лыж до сетей для ловли рыбы, резиновых лодок и охотничьих ружей. Первое время и здесь работа шла хорошо, пока группа завистников из аппарата управления торговли не стала наущничать новому молодому руководителю Норильскторга, который сменил ушедшего на пенсию опытного руководителя Сабсяя. Под предлогом, что Лариса Ивановна не член партии, ее сняли с руководящей работы и направили преподавателем на курсы при управлении торговли. Мы не смогли перенести такую несправедливость, и жена перешла в новую организацию «Таймырэнергострой», которая была создана для строительства нового завода для переработки талнахских руд. Добыча руды началась на северо-востоке от Норильска — за речкой Норилкой.

Ларису назначили начальником отдела в управлении снабжения новой стройки. Она наладила тесное сотрудничество с Норильскснабом, который обеспечивал стройку всем необходимым, а потом и сама ездила в Москву, в Госплан СССР, с заявками на спецодежду. На стройке работало 25 000 человек, и спецодежда для них имела огромное значение. Здесь она проработала одиннадцать лет, после чего в 1981 году мы с ней уехали в Ленинград, стали пенсионерами.

...Но вернусь в 1952 год. Мы работали в Игарке, разбирая грузы и отправляя по воздуху в Норильск необходимое оборудование. Это были агрегаты для ТЭЦ. На санках по льду Енисея мы везли их на аэродром и часто подвешивали под фюзеляж самолета. Все, что было нужно, мы сумели отправить, и 9-й котел на ТЭЦ смонтировали вовремя. В июне 1953 года, когда прошел ледоход на Енисее, мы отправили все баржи в Норильск. Южнее Игарки проходила строящаяся северная магистраль, от Салехарда до Игарки и дальше на восток до океана. До Игарки ее почти построили, но умер Сталин, и стройку закрыли. Норильскому комбинату разрешили снять рельсы и

вывести подвижной состав. Мы отправили один паровоз и рельсы — сколько успели. Работа шла до самого ледостава. На следующий год эту работу из Дудинки продолжили уже другие люди.

ПОСЛЕЛАГЕРНАЯ ПЕРЕСТРОЙКА

В 1953 году Норильск производил впечатление развороченного улья. После смерти Сталина было принято много опрометчивых решений. Массовая амнистия уголовников привела к тому, что стало страшно выходить на улицу. И тогда руководство комбината летом 1954 года организовало их доставку на баржах под конвоем в Красноярск, и только здесь при выходе на берег им выдавали документы. Что потом было в Красноярске!.. Понемногу стали выпускать на волю и политических. В это время предприятия комбината стали испытывать острую нужду в рабочей силе. Комбинат лихорадило, план из месяца в месяц не выполнялся. Сменилось и руководство: В.С. Зверева взял к себе в атомный главк А.П. Завенягин.

Директором комбината назначили А.Б. Логинова, на долю которого пришлось расформирование лагерей и полная перестройка производства. Комбинат из системы НКВД был передан в подчинение Наркомату металлургической промышленности, что тоже нарушило сложившиеся связи. Новые начальники созданного наркомата начали сокращать руководящий состав, менять методы руководства. Например, аппарат Норильскснаба и Дудинского порта было предложено сильно сократить. В это время начальник Норильскснаба Стифеев был в отпуске. Заместитель министра по кадрам дал мне указание сократить половину аппарата. Он состоял из специалистов — бывших заключенных, которые не уехали по амнистии, и женщин — родственников ИТР. Конечно, я не стал сокращать Мареева, бывшего до ареста начальником главка Наркомата нефтяной промышленности, и таких профессионалов, как Розентул, Лидерман, Вейсманис, и им подобных.

В основном сокращение коснулось родственников ИТР как малоквалифицированных работников. Поначалу это вызвало напряжение в коллективе, но потом постепенно все восстановилось. Но это были еще не все перестроечные трудности.

Когда в Норильске упразднили политотдел, руководивший всей общественной жизнью города и предприятий, был создан горком партии. Его первым секретарем стал Антонов, приглашенный из крайкома. 1954 год уже проходил при новой системе общественных отношений, хотя в горком партии в основном вошли бывшие политические работники политотдела НКВД, которые старались всячески угождать новому начальству. Они проводили рейды по предприятиям, обсуждали на бюро невыполнение плана, а план-то выполнять было не с кем! Заместители руководителей предприятий часто бывали в Норильскснабе и обычно делились со мной напряженной обстановкой в коллективах. Кончилось все это тем, что на отчетной партконференции первого секретаря горкома партии Антонова забаллотировали: он получил меньше 50 процентов голосов. Это был скандал краевого масштаба. Крайком страшно разозлился на норильчан. Первым секретарем выбрали тогда работника медного завода (кажется, начальника цеха) Знаменского. Он не тянул производственную должность, и его толкнули на повышение. Знаменский, конечно, ничего не понимал в партийной работе и поэтому сразу оказался под влиянием аппаратчиков из НКВД.

В этой обстановке круто изменилась моя жизнь, и в следующие семь лет мне пришлось сменить шесть мест работы. Все началось с перевыборного партийного собрания Норильскснаба в январе 1955 года, где я покритиковал секретаря парткома. У меня не было при этом никакой задней мысли, просто раньше в парторганизациях, в которых я работал, к выступлениям на партсобраниях все отнеслись спокойно: мы обязаны были выступить, что-то сказать, кого-то покритиковать, но все это проходило без последствий.

А на фронте партработа была и вовсе понятной: все для победы! На авиационном заводе, где я работал после института, все было засекречено, и Выборгский райком никаких обследований и проверок не проводил, на собраниях говорили о профсоюзной работе, дисциплине, и все проходило привычно. В Норильске первые четыре года я работал сначала на секретном предприятии, а потом больше года находился в командировке в Игарке. В общем, опыта участия в партийных дискуссиях у меня не было, а тут получилось, к моему удивлению, что секретарь парторганизации мою критику воспринял как угрозу своему благополучию, как признак его сокращения... Он срочно принял меры: в Горкоме согласовал мое исключение из партии. Как я потом понял, он был в Норильскснабе стукачом и имел тесную связь с особым отделом НКВД, который занимался расследованиями саботажа и диверсий. Это они готовили материал для осуждения по политическим статьям. Была подготовлена статья в «Заполярную правду» под названием «Когда зажимают критику». Меня обвинили в отрыве от парторганизации и других смертных грехах. И хотя я вел в Норильскснабе школу молодого коммуниста и преподавал историю партии, на партсобрании 19 марта 1955 года (в мой день рождения!) меня исключили из партии. Горком решение утвердил, а Красноярский крайком ВКП (б) с этим согласился. На комиссии мне сказали: «Вы, норильские руководители, много воли себе взяли». В апреле я уже работал в геологическом управлении начальником транспортной базы, куда меня взял Федор Вячеславович Нагорнов. Наступал полевой сезон, и наша транспортная база должна была обеспечивать доставку геологических отрядов на объекты. Одновременно я обратился с жалобой в комиссию партийного контроля при ЦК ВКП (б), и весь 1956 год положение в Норильской партийной организации изучали инспекторы комиссии партийного контроля. Один из них имел фамилию Горбачев (не тот, конечно).

Норильский горком партии решил устроить мне осенью 1955 года очередную подлость. Мы с Ларисой Ивановной жили в двухкомнатной квартире по адресу: Комсомольская, 12. Так работники горкома решили отобрать у нас одну комнату. Жаловаться нам было некому и судиться бесполезно. И тогда я решил оставить их с носом. У нас на транспортной базе работал слесарем очень хороший человек, бывший заключенный, которого расконвоировали и к которому приехала жена с двумя детьми. Жили они в ту пору в землянке, и дети у них были маленькие. Я взял машину, поехал к ним, забрал их со всеми пожитками и перевез к себе. Когда работник ЖКХ привел для поселения какую-то женщину, комната уже была занята. Потом слесаря вызвал к себе секретарь горкома Знаменский и все выспрашивал, что он мне дал за комнату. Кончилось это дело тем, что нас все-таки оставили в покое.

Комбинат же продолжало лихорадить, план не выполнялся. Усилиями А.Б. Логинова через Наркомат металлургической промышленности удалось добиться в Совмине разрешения пригласить на работу в Норильск комсомольцев-добровольцев из Москвы и Ленинграда. На работу в Заполярье удалось завербовать шесть тысяч человек, которые приехали летом 1956 года. Перед их приездом директор комбината А.Б. Логинов назначил меня заместителем начальника управления строительства по организации приема добровольцев: их размещения, обучения и устройства на работу.

Первый отряд добровольцев приехал в Норильск из Дудинки, куда они прибыли на теплоходе по Енисею. Мы встречали их на вокзале. Накануне ночью выпал снег, как будто специально для экзотики, а многие из приехавших были в легкой обуви. Но паники не было — молодежи было весело. Мы посадили всех в автобусы и повезли во вновь построенный дом № 7 на Советской улице. Первым добровольцам очень повезло, а следующие отряды мы селили уже в бараки

бывших лагерей, из которых заключенных недавно вывезли в Красноярск. Особенно не повезло тем, кого поселили в бывший лагерь за медным заводом, — там еще были видны сетки проволоки и вышки. Первое время нам удавалось не давать им унывать...

Осенью 1956 года мне удалось получить отдельную квартиру (мой статус заместителя начальника управления давал такую льготу). Ройтер, главный инженер управления «Промстрой», бывший заключенный, подсказал мне, что во вновь строящемся доме на улице Ленина, 11, есть очень хорошая однокомнатная квартира. Я посмотрел чертежи, и она мне очень понравилась: ее общая площадь составляла 68 квадратных метров. Комната была большой, холл и кухня просторные, в квартире было пять кладовок. Я обратился к заместителю директора комбината (тоже бывшему заключенному) Василию Александровичу Егорову, и он подписал мне заявление на эту квартиру. Нашей радости не было предела! В этой квартире мы счастливо прожили 25 лет до самого отъезда из Норильска в 1981 году.

...Между тем работа инспекторов из комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) продолжалась. В конце 1956 года были сделаны выводы и о моем исключении, и о стиле партийной работы, и о причинах проигрыша на выборах первого секретаря в 1954 году. Секретаря горкома Знаменского освободили от должности, секретаря парткома Норильскснаба, который организовал мое исключение, тоже сняли с работы (он уехал из Норильска), а меня в 1957 году вызвали в Москву на комиссию партийного контроля и восстановили в партии. Так закончилась эта эпопея, которая, по сути, не имела никакого серьезного содержания, но зато красноречиво продемонстрировала стиль партийной работы.

Дела у добровольцев первого комсомольского призыва шли не очень благополучно. Бытовые условия в бараках, где жили более пяти с половиной тысяч человек, были далеки от нормальных, климат и усло-

вия работы в Заполярье были суровыми, и поэтому немало молодых людей не выдержали трудностей и уехали. Приезжал заместитель начальника главка, посмотрел, как живет и работает молодежь, но сразу изменить положение к лучшему было нельзя: другого жилья не было... Однако чтобы отчитаться о принятых мерах, наркомат освободил меня от работы и упряднил должность зама. Я стал работать диспетчером в управлении строительства. Мы с Ларисой Ивановной наконец-то поехали в отпуск... В октябре 1958 года в геологическом управлении у Нагорного освободилась должность начальника полевой геолого-разведочной партии, и я согласился перейти на эту должность. Там работали все мои друзья по первой работе в Норильске.

Шло время... Бурно строились комбинат и город, по-прежнему предприятия испытывали нехватку рабочих рук. Совет Министров дал комбинату разрешение на вербовку в Заполярье демобилизованных солдат. В 1971 году, весной, с одним машинистом бульдозера я тоже ездил в Забайкальский военный округ с заданием привлечь бывших воинов для работы в Заполярье. Тогда записалось человек 500, приехало почти 300. Их закрепили за строительными управлениями — это было время строительства второй очереди комбината. Мы возводили жилье в Норильске, Талнахе, Кайеркане, на бывшем аэродроме Надежда, строили ТЭЦ на Талнахе, обогатительную фабрику, рудники... Тогда ударный труд большого коллектива был высоко оценен правительством, многих наградили орденами и медалями. Я был горд, что и я удостоился ордена Трудового Красного Знамени.

О ЛЮДЯХ ХОРОШИХ...

Директор комбината Владимир Иванович Долгих назначил меня начальником строительного управления «Строймеханизация» в октябре 1962 года. Тогда это было маленькое подразделение в 300 человек, а к 1970 году коллектив увеличился до 3000 человек,

и управление располагало башенными кранами: от 5-тонных — для строительства жилья до 75-тонных — для монтажа оборудования заводов. В Горстрое тогда главным инженером работал Абрам Ионович Зайдель — выдающийся специалист, человек с очень трудной судьбой, впрочем, как и многие в Норильске. В начале 30-х годов он на Дальнем Востоке работал главным строителем в Особой Дальневосточной армии, которой командовал Блюхер. А.И. Зайдель руководил возведением укреплений вдоль границы с Маньчжурией. На берегу Амура вместе с Блюхером они обсуждали вопросы строительства, а по вечерам коротали время у костра. В 1938 году арестовали Блюхера и вместе с ним все его окружение — так Зайдель перед войной оказался в Норильске, где сначала работал в бригаде строителей жилья мастером. В конце 1940-х годов он был расконвоирован... В это время уже начали строить город. Выросли первые многоэтажные дома с башнями при въезде в город, потом на улице Севастопольской. Когда я приехал сюда в январе 1952 года, за ней далеко простиралась тундра. Интенсивное строительство жилья развернулось в конце 50-х годов, когда было открыто Талнахское месторождение. В проектно-институте Михаил Васильевич Ким организовал группу проектировщиков, разработавших теорию строительства на вечной мерзлоте. Сооружения, построенные на обычных фундаментах, разрушались из-за таяния мерзлоты. Проектировщики предложили свайные фундаменты, чтобы приподнять здание на полтора-два метра от земли. На зиму подполья оставались открытыми, а на лето они закрывались. Подполья были огорожены, и специальная служба на комбинате следила, чтобы теплый воздух не попадал летом в них. Вот Абрам Ионович и возглавил разработку свайного фондирования при строительстве жилья. Была создана технология строительства свайного поля. Сваи были такой длины, чтобы, углубляясь в

вечную мерзлоту, вмерзали в нее и создавали прочную основу фундамента. Кстати, когда в 1990-х годах комбинат приватизировали, служба наблюдения за мерзлотой была ликвидирована, и дома стали рушиться. Наиболее заметным был вынужденный снос дома на главной улице, где было очень популярное кафе «69-я параллель». Под руководством А.И. Зайделя строительство жилья в начале 1960-х годов пустили на поток. В 1961 году начали строить и панельные дома. За эти достижения вся группа проектировщиков и строителей, занимавшихся разработкой и внедрением свайного фундаментирования, получила в 1966 году Ленинскую премию.

Абрам Ионович Зайдель стал главным инженером управления строительства, возглавив не только строительство жилья, но и всю работу по строительству второй очереди комбината.

В 1962 году полным ходом начались работы по строительству рудников на Талнахе, необходимых сооружений инфраструктуры, и в первую очередь жилья. Прокладывали шоссе и железную дорогу, строили мост через Норилку. Вся эту работу возглавил Михаил Степанович Кравец, а чтобы все службы комбината оперативно принимали необходимые меры по ускорению строительства, директор комбината Владимир Иванович Долгих проводил еженедельные планерки. Активное участие в строительстве Талнаха принимало наше управление «Строймеханизация». В первую зиму 1963/64 года мы по льду переправили на правый бе-

Михаил Степанович Кравец

рег экскаваторы и бульдозеры. Они намечали трассу железной и шоссеиной дорог, а экскаваторы работали на осыпях Талнахских гор.

К весне 1965 года были построены дороги, а по мосту через Норилку прошел первый тепловоз с рудой. За первым рудником последовали «Комсомольский», затем «Талнахский», одновременно строили Талнахскую ТЭЦ и обогатительную фабрику, а на площадке бывшего аэродрома Надежда появились второй металлургический завод, ТЭЦ-3 и все необходимые объекты. Это результат труда новой строительной организации «Таймырэнергострой». Для доставки руды на новый завод ее на обогатительной фабрике перерабатывали в жидкий концентрат и перегоняли на Надежду по трубопроводу, проложенному от обогатительной фабрики Талнаха через Норилку и дальше до Надежды. В начале 1970 года М.С. Кравец был назначен начальником управления строительства. К большому сожалению, он недолго проработал — серьезно заболел и очень рано ушел из жизни. В это время Строймеханизация превратилась в мощное многоотраслевое предприятие. С помощью 75-тонного башенного крана на никелевом заводе построили две новые рудотермические печи. Другие краны работали на строительстве ТЭЦ-2 на Талнахе и обогатительной фабрике. Строили Дворец спорта, город и Талнах. В 1970 году комбинат закупил американские бульдозеры «кэтерпиллеры», которые были в 300 раз сильнее наших и могли рыхлить мерзлоту. Это совершило переворот в строительстве земляных объектов. С их помощью были построены два больших котлована на Талнахе под концентрат с обогатительной фабрики, отстойник в Дудинке на время ледохода. «Кэтерпиллер» послали в Игарку по льду Енисея, и там тоже был выкопан котлован в береговом откосе протоки для отстоя судов во время ледохода. На улицах городов зимой стали прокладывать траншеи для городских коммуникаций. Этими работами успешно руководил начальник участка тяжелой техники Энсоо

Раймонд Хансович. Он отлично наладил и обслуживание новой техники.

Я всегда с величайшим уважением относился к труду монтажников и крановщиц. Например, Варгезова и ее товарищи забирались на кран 70-метровой высоты и строили копер на руднике. Слесари-монтажники быстро и умело монтировали краны на жилых и промышленных объектах. В Норильске и Талнахе началось возведение девяти- и двенадцатиэтажных домов. Руководил участком монтажников очень квалифицированный механик Эдуард Давидович Розенвайн.

Я тепло вспоминаю опытного механика Степана Михайловича Швеца. Он приехал в Норильск с целины, где был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Евгений Федорович Прохорчук после конфликта в Днепропетровске не побоялся все бросить и уехать в Заполярье. Он, имеющий высшее образование, начал трудиться слесарем, но как только освободилась должность начальника участка, был на нее назначен, а это очень нервная и кропотливая работа. Через пару лет Прохорчук был назначен на Талнах заместителем начальника управления. Здесь он проработал до моего отъезда из Норильска и сменил меня, став начальником управления «Строймеханизация» до своего пенсионного возраста. Но в 1998 году у него сгорели все вклады (дефолт!), и он опять вынужден был работать. Его жизнь закончилась трагично: в 2004 году он поехал на машине в Днепропетровск, остановился перед светофором и внезапно скончался...

Вспоминая прошлые годы, сегодня особенно понимаю, какими же они были трудными. Экстремальными были сами климатические условия жизни и работы на Крайнем Севере, когда лютые морозы и пурги мог выдержать человек, но техника порой пасовала перед ними... Многое было впервые в строительстве, в эксплуатации техники и промышленном производстве, что требовало порой нестандартных решений,

неимоверных усилий людей... Мы принимали трудности как должное и работали, не жалея себя. Сколько надежных людей я помню до сих пор... Бригадир слесарей-монтажников Николай Григорьевич Косяк, его жена Маша (трудилась в его бригаде сварщицей), Василий Григорьевич Гришин, опытный механик и руководитель коллектива (сейчас живет в Брянске), специалисты техотдела управления «Строймеханизация» Рахвамский, Ольга Анатольевна Алфименко и ее муж начальник электроцеха Валерий Петрович и многие-многие другие заслуживают благодарных слов за преданность своей работе, профессионализм и просто человечность. У нас не было текучести кадров, часто в подразделениях рядом работали родители и дети и руководителями разного звена становились не пришедшие со стороны люди.

Многие приезжали в Норильск по окончании института. Таким был Александр Федотович Мороз. Первое время он работал механиком на участке передвижных кранов, очень скоро стал прорабом и начальником участка, а потом заместителем начальника управления по Талнаху, когда работавший до него Николай Иванович Торгашов по состоянию здоровья выехал на материк. В обязанности Александра Федотовича входило и разрешение конфликтов между строителями и нашими структурами, что было не очень-то просто. От нас он ушел на должность начальника транспортного отдела комбината, а через год стал начальником управления железной дороги, где успешно работал много лет, а затем переехал в Москву.

Вячеслав Васильевич Кольцов приехал к нам с целины. Он работал слесарем на участке дорожных машин и учился в вечернем институте, который успешно окончил. Вячеслава Васильевича назначили начальником участка дорожных машин, потом начальником техотдела и главным инженером управления. Потом директор комбината назначил его на очень ответственную работу — он возглавил цех снегоборьбы и строительства дорог. Зимой его цех очищал Норильск,

Слева направо: С.Р. Раудсепт, Г.Г. Демидов, Д.П. Буханцов

Талнах, Кайеркан и все подъезды предприятия от снега. Эта работа требовала от него недюжинного организаторского таланта. Летом цех строил дороги. Его коллектив построил дорогу на новый аэропорт, все дороги в его поселке, а также к предприятиям Талнаха и дорогу на Дудинку. Сейчас В.В. Кольцов с женой живет в Туле. Помню, как в первый свой отпуск он пришел ко мне посоветоваться, куда поехать отдохнуть. Я ему сказал, что сейчас в профкоме есть турпутевки на Кавказ — это очень интересно. Он поехал. В их группе оказалась девушка из Подмоскovie — Тамара Федоровна. Они познакомились, и уже осенью она приехала к нему в Норильск.

Геннадий Григорьевич Демидов в первый раз приехал в Заполярье на практику с пятого курса Красноярского института. А когда он уезжал, мы ему дали бумагу в институт с просьбой направить его к нам на работу, что институтская комиссия и сделала. Вернувшись в Норильск, он быстро стал продвигаться по службе, дорос до начальника техотдела, а затем Г.Г. Демидова выдвинули на должность председателя профкома строительства, где он проработал несколько лет. Потом Геннадий Григорьевич уехал в Минусинск. Там как раз разворачивалось строительство комбинатского подсобного хозяйства. К сожалению,

проект заглох. Г.Г. Демидов несколько лет проработал в Белоруссии, а затем вернулся в Красноярск и сейчас работает начальником техотдела управления строящейся дороги Чита—Хабаровск.

Я уже упомянул Валерия Петровича Алфименко. С женой Ольгой Анатольевной он приехал из Новосибирска после окончания института. Оба работали у нас, потом Ольга Анатольевна перешла в техотдел комбината, где до отъезда из Норильска работала по связям с заграничными поставками. А Валерий Петрович, начав работать прорабом электрослужбы, вскоре стал начальником электроцеха. Мы выбрали его секретарем парткома управления, потом его перевели в партком управления строительства, а затем он стал заведующим отделом горкома партии. После его ликвидации он работал в отделе кадров комбината. Сейчас семья Алфименко живет в Новосибирске.

Хочу вспомнить удивительные страницы из жизни стройуправления. В конце 1960-х годов Алексей Николаевич Косыгин хотел по-новому выстроить хозяйственную деятельность в стране: он ввел хозрасчет, и мы получили свободу введения экономических стимулов. Наш главный бухгалтер Бабенко очень умело организовал новую систему учета. Он очень много лет жил в Норильске, куда попал не по своей воле в конце 1940-х годов, а когда освободился, то остался в Заполярье. Бабенко очень дорожил семьей, особенно любил своих детей и внуков. На все механизмы управления он распорядился составить расчетные карты, куда бухгалтерия заносила все расходы на этот механизм и доходы от работы. Итоги подводились ежемесячно. Прибыль от работы механизмов распределялась так: одна половина шла машинистам, а другая — в общий котел, из которого получали премию механики, прорабы, начальники участков, работники бухгалтерии и планового отдела. Учет был очень трудоемкой работой.

Изменили также систему оплаты труда — ввели прогрессивку на тех механизмах, где объемы работ

поддавались учету. Особенно успешно это происходило на участке «катерпиллеров». Люди, работавшие здесь, получали задание на весь объект и знали, сколько стоит эта работа и время ее исполнения. Были введены нормативы и на другие механизмы. Уже первый год работы по новым правилам дал управлению ощутимые результаты. Мы получали два с половиной миллиона рублей прибыли, которые имели право израсходовать на нужды управления — премии и другие расходы на социальные нужды. К величайшему сожалению, такая система работы через два года была отменена.

ТАЛНАХ

Весной 1959 года, когда сошел снег, один из геологов Норильской геологической экспедиции Г.Д. Маслов обнаружил на Талнахской низменности и скальных породах признаки оруденения. Он обосновал необходимость более тщательных разведочных работ. Руководители экспедиции в это время не имели перспективных мест поиска руды и решили перевезти на Талнах три буровых станка, и на одном из них буровой мастер Григорий Лимонов наткнулся на жильную руду в конце 1959 года. Лимонова наградили орденом Ленина, а геолог Г.Д. Маслов и буровой мастер Западно-Хараелахской партии Н.П. Бурнашев стали Героями Социалистического Труда. На Талнах было завезено несколько буровых станков, и весь 1960 год проводились интенсивные буровые работы вокруг обнаруженной рудной толщи. К концу года стало ясно, что найдено богатейшее месторождение медно-никелевых руд. Подсчет запасов показал промышленное значение этого месторождения.

Директор Норильского комбината Владимир Иванович Долгих сумел в течение 1961 года решить в Москве все вопросы развертывания строительства рудника. Чего это ему стоило, знает только он. К весне 1962 года вышло соответствующее постановление правительства, и началось строительство рудника. Когда В.И. Долгих назначил меня начальником

Строймеханизации, с аэродрома Надежда я полетел на Талнах. Норильск с высоты смотрелся очень эффектно. Город был отстроен только в начальной стадии — Ленинский проспект заканчивался у дома № 15, но уже просматривались контуры будущего красивого города. Наш самолетик сел на лужайку около леса, где позже построили первые кирпичные дома и школу. Я пошел к трем вагончикам, которые стояли на месте сегодняшнего памятника «Первым!». Там я нашел Михаила Степановича Кравца, тогда уже назначенного начальником Талнахстроя. Мы обговорили вопросы строительства дороги. В ноябре, когда окреп лед на Норилке, мы перетащили на правый берег два кубовых экскаватора и перевезли их на салазках под Талнахские горы, где были обнаружены залежи отшлифованных камней, — видимо, в далеком прошлом здесь было море, и оно обкатало камни. Они не смерзались зимой, и мы их черпали экскаваторами и сыпали в полотно дороги.

В 1963 году мы использовали эти камни при строительстве автомобильной дороги до Норилки и продолжали использовать их при строительстве полотна железной дороги. Одновременно из Норильска к берегу реки вели широкую колею железной дороги по полотну старой узкоколейки, которая была здесь построена в годы начала строительства комбината. В.И. Долгих проявил необыкновенную энергию в организации строительства. Он решил вопрос о приезде в Норильск строительной организации, умеющей проходить шахтные стволы, — началась проходка ствола первого рудника «Маяк». Одновременно приехала организация мостостроителей. Летом 1963 года они построили опоры, а зимой 1963/64 года пролеты моста. При этом они использовали наш передвижной кран, который подавал со льда все конструкции. Если двести добровольцев первую зиму жили в палатках и строили два двухэтажных деревянных общежития и столовую, то к новому, 1963 году была построена столовая, а к весне закончили строительство общежи-

тий. 7 ноября 1965 года была открыта для движения и автодорожная часть моста через р. Норильская. Так обратился в дела клич: «Добровольцы, на Талнах!»

Норильское управление торговли сумело очень оперативно организовать доставку продуктов, и столовая сытно кормила всех работающих на Талнахе. Я сам с удовольствием в ней обедал. Потом строили кирпичные дома, школу, клуб... После сдачи жилья работники вселились в новые квартиры.

В 1968 году, когда всю шла добыча руды, в Норильск приехал А.Н. Косыгин. Он ознакомился с комбинатом, побывал на Талнахе, спустился в штольни рудника «Маяк». За автомобилем Косыгина ехала машина с охраной. На подъезде к «Маяку» дорога раздваивалась: прямая вела в поселок геологов, а налево — к руднику. Стоял густой туман, и охрана приехала в поселок... Косыгин уже успел спуститься в рудник, где в числе прочего ему показали и стены штольни, сверкающие блеском жильной руды. Потом Косыгин выступил во Дворце культуры. У меня сохранилась запись его выступления. Он дал очень высокую оценку людям, которые создали славу Норильску. За два с половиной десятилетия был создан комбинат и город, удививший весь мир. Талнах — это его второе рождение...

Пуск талнахских рудников предъявил новые требования к Строймеханизации: из Норильска стало трудно руководить расстановкой и эксплуатацией механизмов. Было решено создать на Талнахе отделение Строймеханизации по видам техники: экскаваторы, бульдозеры, краны передвижные и башенные и передвижные электростанции. Руководить этим отделением пригласили главного механика сернокислотного цеха медного завода Николая Ивановича Торгашова.

После очевидных успехов на талнахском трудовом фронте В.И. Долгих направили в Красноярск на повышение: он стал первым секретарем крайкома партии. Директором комбината назначили Николая

Порфирьевича Машьянова. Это было время, когда разворачивалось строительство рудника «Комсомольский» и ТЭЦ-2. Машьянов ввел еженедельные планерки, проводившиеся в бытовках рудника, на которые приглашали всех руководителей подразделений, участвующих в строительстве. Все текущие вопросы решались на этих планерках, и работа шла успешно.

Большие трудности возникли при закладке фундаментов корпуса ТЭЦ-2: летом тундра раскисла и наши экскаваторы не смогли вырыть котлованы. Растаявший грунт просто вытекал из ковша. Было решено копать зимой. Для этого был завезен на Талнах двухкубовый экскаватор, который наши машинисты собирали в ноябре–декабре в трудных условиях — стояли лютые морозы. И после Нового года работы начались. У нас еще не было мощных бульдозеров «катерпиллеров», которые могли рыхлить мерзлый грунт, и работы велись с проходкой шурфов и подрывом грунта. К весне котлованы были выкопаны и фундаменты до распутицы были забетонированы.

Слева направо: Б.Н. Дергунов — зав. отделом горкома партии, Н.Я. Трижичинский — норильский военком, С.Р. Раудсеп

...Строительство всех объектов на Талнахе — ТЭЦ-2, обогатительной фабрики, рудников «Комсомольский» и «Таймырский» — шло с опережением графика и очень организованно. Только однажды на ТЭЦ-2 случилась крупная авария — обрушилась крыша машинного зала, не выдержав зимой наметенного пургой снега. Крыша эта была ниже крыши котельной и примыкала металлическими балками на болтах к колоннам крыши котельной. Образовался уступ в три метра высотой, где скопился снег, и болты крыши просто как бы срезало. Мы за сутки смонтировали около цеха большой кран и быстро разобрали все завалы. К счастью, никто не пострадал.

Так и шло строительство, в делах и заботах время летело быстро... В 1981 году мы с женой уехали из Норильска. К этому времени Надеждинский завод уже давал металл. Выпуск металла в Норильске увеличился в четыре раза!

Геннадий Попов. 1970 г.

Геннадий Попов:

*«...экстремальные события
мне пришлось пережить вместе
с моей родной ТЭЦ-1».*

Геннадий Попов с дочерью Яной. 1969 г.

Я родился в Барнауле Алтайского края в январе 1941 года. В семье был третьим ребенком. Родители были безграмотными. С первых дней войны отец ушел на фронт, и мать всю войну одна заботилась о нас. Ей приходилось много работать, чтобы нас прокормить. За мной присматривали старший брат шести лет и сестра трех. Когда отец вернулся с войны, мы переехали жить в деревню. Через некоторое время у меня появилась младшая сестра.

В деревне я пошел в первый класс. Школа располагалась в доме с одной комнатой. В ней стояли в два ряда по четыре парты. В одном ряду в первую смену сидели первоклассники, а во втором — третьеклассники. Во вторую смену в одном ряду сидели второклассники, а во втором — четвероклассники. Учительница первая моя была единственная на всю школу и вела уроки одновременно в двух классах. Ей помогал муж, он преподавал нам физкультуру, пение и рисование. В то время об электричестве даже и не мечтали. Уроки мы старались делать в дневное время, чтобы «не жечь зря керосин». Старший брат ходил за несколько километров в семилетнюю школу в ближайшее от нас село. Когда сестра окончила 4-й класс, родители переехали в рабочий поселок, чтобы мы могли продолжать учиться. Восьмилетку я окончил ударником и хотел поступить на работу. Но отец настоял на продолжении учебы, чтобы потом я смог поступить в институт.

В 1959 году я успешно сдал экзамены и был зачислен студентом в Томский политехнический институт. Учеба мне давалась легко. Я получал стипендию 45 рублей, но ее не хватало даже на питание. Приходилось «дикой бригадой» колымить на разгрузке барж с пиломатериалами. Моя бригада назы-

валась «дикая», потому что «закон» там был дикий: кто не выдерживал до окончания разгрузки, тот за свой труд ничего не получал. Однажды я трое суток работал на разгрузке большой баржи — стер до костей плечи досками. Получил 90 рублей, на которые купил себе красивый польский костюм. Когда я приехал в нем домой, родители испугались: «Где ты взял такие деньги?» А когда увидели мои плечи, успокоились: «Заработал!..»

На пятом курсе товарищ передал мне свое рабочее место кочегара в детском саду. Однажды со мной произошел забавный случай. Холодной зимней ночью я не смог поднять температуру воды до заданной из-за плохого качества угля. Я кочегарил изо всех сил, но «огни моих топок» не хотели гореть. Утром я, весь в угольной пыли, вынужден был идти в баню вместо экзамена по автоматике. По дороге встретил декана, а он посмотрел на мою грязную рожу и спросил: «Куда ты идешь в таком виде?» Я как ни в чем не бывало ответил: «В баню». Экзамен после бани я все-таки успешно сдал, но в стенгазете на меня появилась карикатура: «Попов с веником идет в баню вместо экзамена». Так я учился в институте и параллельно в житейских университетах.

За всю жизнь я не выкурил ни одной сигареты. Мой старший брат уже в седьмом классе курил дешевые папиросы «Байкал», «Ракета». Я попробовал однажды подражать отцу, который курил самосад. Мы с пацанами насобирали березовых листьев и закурили козьи ножки, отпугивая комаров. Старший брат увидел это и набил мне сопатку. Все. Я завязал... Когда приезжаю на Алтай, со старшей сестрой вспоминаем свое «счастливое» детство: как пасли коров и коз, таскали воду из озера для полива огорода, работали на пашне, косили и убирали сено... Старший брат после семилетки поступил в спецшколу ВВС, впоследствии окончил военную академию, но так и курил до конца своей жизни.

При распределении после института я выбрал Норильск. Я уже кое-что слышал о Крайнем Севере и очень любил зиму, снег, лыжи, охоту, поэтому мой выбор был обоснованным и закономерным. Правда, я поверил слухам, что там якобы нет женщин, и женился на студентке пединститута, которая согласилась ехать со мной на Север. Прилетел в Норильск из Красноярска в аэропорт Надежда в марте 1965 года.

Первого апреля я уже вышел на работу в цех КИПиА ТЭЦ-1. Меня приняли электрослесарем 4-го разряда. Работал я тогда на монтаже схем электропроводов. Через месяц, то есть в начале мая, меня вызвал директор ТЭЦ-1 Станислав Петрович Корсак и сказал, что завтра я уже буду заместителем начальника цеха. Я испугался, так как не знал ни производства, ни людей... Но директор был тверд в своем решении, и мне пришлось подчиниться. Так началась моя ответственная работа на ТЭЦ-1. В то время ТЭЦ-1 была единственной в Норильском районе. Это было сердце всего комбината и города. Даже небольшие изменения в режиме станции сразу и серьезно отражались на работе комбината и жизни всего Норильского района. Остановка ТЭЦ-1 неминуемо грозила гибелью сотен тысяч людей, учитывая суровые климатические условия, и огромными затратами для производства. Вот почему в любое время суток, даже при самой незначительной неисправности в работе КИПиА, мы немедленно должны были прибыть на ТЭЦ и устранить неполадки в сердце ТЭЦ-1. Я выдержал все нагрузки и перегрузки. Было очень трудно, но по моей вине ни разу не было ограничений нагрузки. В 1973 году меня назначили начальником цеха. До конца своих рабочих дней я с честью и достоинством выполнял порученную мне работу. Очень ответственный этап был по переводу ТЭЦ-1 на газ и аварийное дизельное топливо. В то время я вместе со своими основными работниками цеха днем и ночью неделями не покидал ТЭЦ-1. По нашей вине не было допущено срыва графика перевода котлов на газ и не было ни одной аварии. Но однажды при переводе на газ 9-го котла при опробовании авто-

матического перевода на дизельное топливо произошел такой хлопок в топке, что со всего котла слетела многолетняя угольная пыль. В котельном цехе стало темно. Я в то время находился в опасной зоне, то есть у горелок. Был сильный выброс пламени, но, к счастью, пожара не возникло, никто не пострадал, а котел выдержал такую перегрузку. Я на всю жизнь запомнил этот случай. А потом в турбинном цехе произошло разрушение английской турбины мощностью 25 МВт. Я тогда только открыл дверь машинного зала и хотел пойти в обход по турбинам. Хорошо, что это была 5-я по ходу турбина. После взрыва сразу возник пожар, а потом клубы дыма загасили пламя. Я успел подбежать к турбине и открыть задвижку аварийного слива масла, так как машинист был далеко от сборки задвижек. Потом побежал и вызвал директора и главного инженера, а по пути прихватил противогазы, так как я был еще и командиром разведгруппы по ГО. Взрыв был такой силы, что ротор генератора через оконный проем, к счастью, улетел на открытую часть распределителя. И опять никто не пострадал.

Соревнования по конькобежному спорту на стадионе «Заполярник». Норильск, апрель 1970 г.

В начале 1970-х годов приступили к строительству водогрейной котельной, так как комбинату и городу не хватало тепла, а электроэнергию уже получали с Хантайской ГЭС. Мы уже делали наладку КИПиА на 6-м котле. Опять, к счастью, все работники ушли на выходные домой, так как аврала не было из-за погодных условий (была весна). А в субботу из-за ошибочных действий персонала произошел взрыв на работающем 5-м котле. Если бы это произошло в будни, то было бы очень много жертв. А в данном случае даже виновник, машинист котла, не пострадал, так как взрыв произошел в верхней части топки, почти в газоходе. Вот несколько серьезных случаев со счастливым для меня и всего персонала исходом. По всем случаям очень серьезно занимался КГБ. И еще был один момент, когда произошла серьезная авария на газопроводе, температура воздуха была минус 50 °С и ветер. Монтажники в тундре неделю восстанавливали газопровод, а я со своим персоналом да и весь инженерно-технический персонал круглосуточно дежурили на ТЭЦ. Жены нам приносили сменную одежду и пищу. Было очень жутко. Тогда разморозили очень много трубопроводов из-за ограничения нагрузок. Была очень опасная работа на аварийном дизельном топливе. На ТЭЦ круглосуточно дежурили и пожарные, и милиция, и КГБ. Вот такие экстремальные события мне пришлось пережить вместе с моей родной ТЭЦ-1. А потом пустили ТЭЦ-2 на Талнахе, ТЭЦ-3 на Надежде. На ТЭЦ-2 и на ТЭЦ-3 начальниками цехов ТАИ стали Игорь Павлович Соломин, ныне покойный, и Николай Сергеевич Крейдун...

В отделе кадров комбината молодых специалистов взяла под свое крыло Евдокия Ильинична Попова. К ней мы обращались по всем вопросам и всегда находили помощь и поддержку. Председателем Совета молодых специалистов (СМС) комбината был Юрий Котляр. Меня избрали председателем СМС управления энергосистемы. Я хорошо помню всех молодых специалистов. Это были Лев Зайцев, Георг

*Г.В. Попов на 55-летию друга Н.С. Крейдунa (слева).
Орловская обл., г. Ливны, 2004 г.*

гий Смирнов, Игорь Соломин, Вадим Земляничкин, Валерий Плохов, Виктор Амбарцумов. Мы дружили семьями, вместе отмечали праздники, семейные события, совершали лыжные вылазки на Красные камни с пятницы по воскресенье. Обрато мы никогда не возвращались на целых лыжах, поэтому брали с собой материал и инструмент для их ремонта. Мы катались с гор в одних плавках (это было в конце мая) и были черными от северного солнца и ветра, с ободранной о наст кожей при падениях.

Впоследствии мы перешли на горные лыжи «Карпаты». Однажды у меня при падении не сработал замок

крепления, и я умудрился сломать и эти лыжи сразу в двух местах, но ноги уцелели. Когда после таких походов мы всей компанией заваливались в баню, мужики смотрели на нас, как на папуасов. С детства я любил коньки, участвовал в соревнованиях по бегу, ходил с друзьями на каток. Мне хорошо запомнился один зимний вечер. Мы с Б.Н. Козловским захотели покататься на коньках. Погода была морозная, минус 30 °С, но тихая, туманная. Подходим к катку, а привычной музыки не слышно, прожекторы не горят, нет оживления у входа в раздевалку. Подходим, на двери читаем объявление: «Ввиду активированной погоды прокат закрыт». Но это нас не остановило. Мы переобулись на улице и вышли на лед. От мороза он был покрыт инеем, воздух был наполнен влагой, фонари огромными тусклыми шарами, казалось, висели в этом сказочном пространстве и смотрелись, «как ежики в тумане». При встречах мы всегда вспоминаем этот вечер.

Но вернусь к первым годам работы на ТЭЦ-1. Тогда только начиналась автоматизация и был пущен в работу трехимпульсный регулятор уровня воды в барабане котла «Автомат питания». Технологические защиты и блокировки отсутствовали, аварийная сигнализация работала лишь при отклонении основных параметров от нормы. Приборы измерения расхода и уровня были с ртутным заполнением. Они отличались большой погрешностью и были очень вредны для здоровья персонала. В период растопки котла они не работали, и персоналу котельного цеха приходилось следить за уровнем воды в барабане по водомерным стеклам. Была такая профессия — водосмотр.

Когда меня назначили заместителем начальника цеха автоматики, всюю шла автоматизация процессов, были заменены ртутные приборы на электронные, постепенно вводились в работу технологические защиты и блокировки, заменялись ручные задвижки на электрифицированные. Все это позволило повысить культуру производства и надежность работы оборудования. Но оставалось слабое звено — топли-

воподача. ТЭЦ-1 работала на каменном угле, и когда уголь шел с открытого угольного разреза Кайеркана, то он был вперемешку со снегом, примерзал к стенкам вагонов и не высыпался.

Наш директор Станислав Петрович Корсак, заслуженный изобретатель и рационализатор, сконструировал, а наш ремонтно-механический цех изготовил мощный электровибратор, который устанавливался краном на вагон при разгрузке.

Одно узкое место было ликвидировано. Но осталось еще одно. В период сильных морозов уголь примерзал к стенкам бункеров котлов. Питатели сырого угля и шаровые мельницы работали вхолостую, а котел из-за ограничения подачи топлива сбрасывал нагрузку. Промышленные вибраторы, установленные на бункерах, не справлялись с работой, и тогда работники котельного цеха вооружались кувалдами и поочередно стучали по стенкам бункера. Помню напряженное время для котельщиков и для всей станции. Я в то время по совместительству был секретарем

Молодые специалисты энергосистемы встретились через 40 лет.

Слева направо: Л.В. Зайцев, Г.В. Попов, В.Б. Земляничкин.

Новосибирск, 2004 г.

комсомола ТЭЦ-1 и организовал круглосуточное дежурство комсомольцев в котельном цехе. По первой заявке начальника смены они принимались за кувалды и проталкивали уголь через узкое место.

Вскоре это слабое звено было полностью заменено природным газом. В то время, когда газовики прокладывали газопровод по тундре, Востокэнергомонтаж (ВЭМ) монтировал газовое и дизельное оборудование на станции. Эксплуатационному персоналу котельного цеха пришлось осваивать новые виды топлива. Большое внимание уделялось бесперебойной и надежной работе. Саратовский проектный институт «ГипроиниГаз» спроектировал схему аварийного перевода котлов на дизельное топливо в случае внезапного прекращения подачи газа. Большая ответственность за внедрение этой схемы ложилась на цех автоматики. Главное внимание уделялось надежной работе запально-защитных устройств (ЗЗУ). Мастер цеха В.М. Пастушенко усовершенствовал заводскую конструкцию запальника, что обеспечило надежный розжиг котлов на природном газе.

Серьезные испытания для ТЭЦ-1 выпали при аварии на газопроводе. Медленное снижение давления газа позволило успешно перевести паровые котлы на сжигание аварийного дизельного топлива. Но водогрейная котельная в то время еще не была готова для работы на дизтопливе. Поэтому городу и комбинату не хватало тепловой энергии для покрытия нагрузок при очень низкой температуре наружного воздуха — минус 50 °С. Монтажники ВЭМа при температуре минус 50 °С срочно вели трубопровод дизельного топлива на водогрейную котельную, а эксплуатационный персонал котельного цеха вместе с цехом автоматики готовились к розжигу котлов на дизельном топливе без природного газа.

Я предложил двухступенчатый запальник, работающий на двух видах топлива. Его приняли на Совете при главном энергетике комбината кандидате технических наук Владимире Валентиновиче Лукья-

нове. Позже мое предложение получило первый приз им. С.П. Корсака. Запальник был срочно изготовлен. Он отличался от промышленного тем, что в нем использовался на первой ступени пропан из индивидуального баллона, а на второй ступени была смонтирована форсунка дизельного топлива, которая обогревалась пламенем пропана. Пламя второй ступени обладало достаточной энергией, чтобы разжечь основную горелку. Вопрос был решен. Руководство оценило вклад цеха автоматики при освоении газового и дизельного топлива, и в 1973 году меня назначили начальником цеха.

Впоследствии была разработана и внедрена согласно «Правилам безопасности в газовом хозяйстве» схема автоматического розжига котлов с защитой от невоспламенения горелки. Все технические мероприятия были направлены на повышение надежности и безаварийности работы оборудования.

После освоения газа и дизельного топлива начался процесс объединения рабочих мест и сокращения численности эксплуатационного персонала за счет автоматизации. Были смонтированы центральные щиты управления среднего давления в котельном и турбинном цехах. Новая техника предъявляла повышенные требования к персоналу. Цех ТАИ значительно помолодел, повысился общеобразовательный уровень коллектива.

В 1989 году я перенес инсульт, но продолжал работать. В 1993 году врачи настойчиво рекомендовали мне прекратить работу и выехать с Севера. Молодые работники цеха Петр Николаевич Гоголь и Александр Сергеевич Немтин успешно приняли эстафету. В настоящее время П.Н. Гоголь работает заместителем главного инженера ТЭЦ-1, а А.С. Немтин — начальником цеха ТАИ. Я с удовольствием вспоминаю своих учителей — Дмитрия Михайловича Истомина, Юрия Григорьевича Саленко, Бориса Николаевича Козловского... Моим коллегам В.М. Пастушенко, Г.М. Браверману большое спасибо за поддержку и помощь

в освоении сложного оборудования. Приятно было работать с образованным, интеллигентным главным инженером УЭС Владимиром Борисовичем Погодиным и технически грамотным, тактичным главным инженером ТЭЦ-1 Виктором Ивановичем Катасоновым.

В настоящее время Виктор Иванович работает директором Норильскэнерго. Несмотря на занятость, он находит время, чтобы ответить на мои письма. Катасонов помог мне в оформлении бесплатной путевки в 2004 году в санаторий «Заполярье». При его содействии я был приглашен на празднование 60-летия ТЭЦ-1 в декабре 2002 года. Мне было очень приятно увидеть не старуху-развалюху, а обновленную, красивую ТЭЦ-1: реконструировали главный корпус, установили современное импортное оборудование вместо морально устаревших котлов и турбин, завершили комплексную автоматизацию и компьютеризацию. Я оценил культуру производства как высокую. Мне понравилось, что персонал ТЭЦ-1 в основе молодой и очень грамотный.

В молодые и зрелые годы производственная работа приносила мне огромное моральное удовлетворение, но и отдыхать мы любили и умели.

У нас в тундре был разработан свой маршрут выходного дня. В пятницу вечером мы уезжали поездом до Дудинки. Потом на велосипедах по старой узкоколейке доезжали до речки Дуромой, собирали байдарку и дальше плыли по реке до озера Северного. Там мы ловили рыбу, летом собирали ягоды и грибы, а осенью стреляли уток и гусей.

Однажды летом в хорошую погоду мы втроем, В.В. Плохов, В.Б. Земляничкин и я, решили переплыть на другой берег, чтобы попасть в гости к рыбаку Мише-китайцу. Когда мы миновали половину пути, налетел сильный ветер и поднялись большие волны. Отступать было поздно, и мы устремились к ближайшему берегу. Байдарку то поднимало на гребень волны, то бросало вниз. Дух захватывало, но паники и страха не было. Миша все видел, но помочь

*Геннадий Васильевич в санаторном лесу.
В декабре 2005 года на улице было 20 градусов мороза*

нам на своей лодчонке ничем не мог, а только бегал по берегу и размахивал руками. Когда мы добрались до берега и стали сушить одежду у костра, он с характерным акцентом и эмоциональной жестикующей рассказывал нам о своих переживаниях за нас: «Смотрю — есть лодка, потом смотрю — нет лодки. Ах, ах, ах, утонули! Потом смотрю — есть лодка, холосо!» Этими причитаниями он нас здорово рассмешил, мы долго хохотали, а Миша обиделся на нас. Тогда мы угостили его спиртом, а он нас наваристой ухой из белой рыбы и деликатесным малосолом. Потом мы все стали обниматься и радоваться благополучному прибытию.

Занятие спортом всегда доставляло мне удовольствие. Любимыми видами спорта были стрельба, лыжи, коньки. Я выступал за молодежную команду «Энергетик», а позже — за ветеранов. Однажды в молодости на соревнованиях по биатлону я бежал по

пояс обнаженный. Температура была минус 10 °С. Прибежал на огневой рубеж, лег и стал готовиться к стрельбе. В это время ко мне подошел судья, потрогал меня и сказал: «Да ты же голый! А я думал, что это у тебя такая красная болоньевая куртка...»

Как-то в Сочи я купил водные лыжи, покатался на море и привез их в Норильск. Много катался на лыжах по реке Норилке, по озерам Мелкому и Ламе. Позже у меня возникла мысль прокатиться по реке Талой. Меня долго отговаривали друзья — ведь там три больших переката. Наконец Николай Андреевич Медведев, начальник турбинного цеха, согласился меня буксировать на своей «казанке» с булями с мотором «Вихрь-25». Мы успешно стартовали в затоне реки Норилки, прошли без остановок всю реку Талую и остановились на озере Мелком. Я был в плавках и носках, чтобы не замерзли ноги. Но, к моему удивлению, замерзли руки, которые я поочередно отогревал под мышками. Мне говорили, что таких чудачков на реке Талой больше не встречали.

Встреча закадычных друзей. Г.В. Попов (слева) и заслуженный художник России А.А. Слесарев. Новосибирск, 2004 г.

В одном из походов я познакомился с Александром Алексеевичем Слесаревым — большим любителем природы Севера. Тогда он был просто Сашко — преподаватель художественной школы. Он постоянно носил в рюкзаке кисти, краски и прочие атрибуты художника. На каждом привале он успевал сделать набросок, эскиз или этюд для будущих картин. Сейчас Александр Алексеевич — директор художественной школы, заслуженный деятель искусств России. Наша дружба продолжается, и я рад, что в декабре 2002 года в Норильске мне посчастливилось посетить его юбилейную выставку — в честь его 55-летия. Она произвела на меня огромное впечатление. Я как будто вновь побывал в заветных местах, жадно втягивал носом аромат тундры, мысленно купался в реках и озерах, выслеживал за кустами куропаток, бегал на лыжах по первом снегу... Сердце учащенно билось от приятных воспоминаний. Мою квартиру в Новосибирске украшают картины моего друга. Они несут заряд положительной энергии, бодрости духа, навевают приятные воспоминания о Севере. А еще с Александром Алексеевичем нас навсегда связала страсть к охоте. Мы несколько раз участвовали с ним в промысловом отстреле дикого северного оленя на водных переправах. Работа была там не для слабых мужчин. За полтора месяца работы мы сбрасывали по 7–8 килограммов лишнего веса и возвращались с отстрела сильные, стройные и поджарые. Вокруг нашей базы всегда водилось много песцов, которые кормились отходами от разделки туш оленей. Они нас не беспокоили, и мы их не трогали.

Но однажды рядом с нашим жильем мы обнаружили огромные следы медведя. В тот год в тайге были сильные пожары, и они выгнали «хозяев тайги» в тундру. Мы слышали об этом от вертолетчиков, которые с воздуха часто видели косолапых в тундре. Мы постановили: в одиночку и без ружья дальше избы ни

*Бригада по добыче дикого северного оленя.
С биноклем на шее Г.В. Попов. Озеро Пясино, 1980 г.*

шагу. А вечером медведь появился из-за бугра. Мы его своевременно обнаружили и устроили засаду. У нас было всего два патрона с жаканами, мы вложили их по одному в ствол, а в другой ствол вложили патрон с дробью, предварительно надрезав гильзу. В таком приеме я слышал от опытных охотников. В этом случае дробь вылетает вместе с остатком гильзы, как жакан. Медведь, проворно лавируя между кустами, быстро приближался к нам. Мы договорились подпустить его вплотную и стрелять по моей команде. Когда оставалось до него 7–8 метров, мы выстрелили одновременно. Медведь рухнул как подкошенный. Мы держали некоторое время его на мушке, но он не подавал признаков жизни, уши у него повисли, как подмороженные листья. А это признак, что медведь не затаился, а мертв. Нас обуял настоящий страх, когда мы увидели его оскаленную челюсть и огромные когти на передних лапах. Эта встреча мне до сих пор снится по ночам...

Во время отстрела однажды мы только по счастливой случайности не сгорели в избушке от «капельницы» (соляровой печки), а другой раз нашу лодку вместе с нами выбросило на берег из-за резкого поворота мотора оттого, что ослаб один из крепежных винтов. Если бы ослаб винт с другой стороны, мы оказались бы на дне реки. В общем, мы с Сашей прошли огни, воды и медные трубы.

Немного о семье, о личной жизни. В 1967 году у нас родилась дочь Яна. Когда она окончила школу и поступила учиться в Новосибирский институт народного хозяйства, то я развелся с первой женой и женился во второй раз. Вот вторая жена и выходила меня после инсульта, и мы по обоюдному согласию уехали жить в Шушенское. Прожили там 6 лет в мире и согласии, а в мае 2000 года Майя Гавриловна умерла от инсульта. Север дал знать о себе теперь уже ей — организм не выдержал. Я решил похоронить ее

В гостях у папы. Г.В. Попов с дочерью Яной. После института она вернулась в Норильск. Через 15 лет ее из налоговой инспекции комбината пригласили работать в Москву. Новосибирск, 2005 г.

в Новосибирске, так и сделал. А потом все продал в Шушенском и купил квартиру в этом городе.

После смерти Майи Гавриловны я познакомился с Любой. Сейчас мы живем вдвоем. К нам приезжали и моя дочь, и дочь Любы. Все очень довольны, что наша жизнь приобрела новое, спокойное русло. Вот так и живем. «Главное, ребята, сердцем не стареть» — эти слова всегда были и остаются моим девизом.

Июнь 2004 г.

Эдуард Тараканов. 1964 г.

Приглашение

Норильчанин с 1955 года
директор НСТ
ЭДУАРД ТАРАКАНОВ
приглашает Вас
на свой концерт

10 февраля 1990 г. в 18 часов
в концертном зале
музыкального училища
клублар исполнит избранные арии,
песни, романсы, куплеты, баллады...

Концертмейстер — Наталья ЦЮНИК

50

ТНХ-315-330 190

Эдуард Тараканов:

*«Где ты — благословенное,
трепетное, романтическое,
ЖИВОЕ телевидение?»*

*Эдуард Петрович Тараканов в радиостудии
перед отъездом из Норильска*

МЕНЯ ВОСПИТЫВАЛИ КНИГИ

Мы не прощаемся с тобой,
Далекий город — город близкий.
Сажусь за стол кузбасский* свой,
Беру перо — и я в Норильске.

Зорий Яхнин

...Норильск и боготворят, и проклинают. Всенародно любимый артист Георгий Жженов заметил, что «Норильск — негодный Богу город». При всем пиетете не могу с ним согласиться, ибо, согласившись, следует признать Богонегодными и Воркуту, и Магадан, и Темниково, и Соловки, — собственно, все вряд ли подсчитанные города и веси ГУЛАГа. Мне искренне жаль, что в силу сложившихся обстоятельств не смог отдать легендарному Норильску ВСЮ свою жизнь.

Ныне, разменяв седьмой десяток, все чаще ловишь себя на докучливой мысли: «Как быстро, черт возьми, летит время!» А в иные часы безграничного теперь досуга неизбежно анализируешь прожитое и дивишься тому, как же это умудрился так и не сделать окончательного выбора между стезями вокальной и дикторской?

Как-то, будучи командированным в Москву на стажировку дикторов, услышал из уст одного из патриархов дикторского племени Юрия Борисовича Левитана вещую фразу: «Диктор НЕ может быть певцом. И наоборот».

И он прав! Координация частей голосового аппарата в пении совершенно отлична от речевой, но в специфику физиологии голоса вдаваться не буду — не диссертацию пишу. Замечу лишь, что разговаривать могут ВСЕ, а вот ПЕТЬ — профессионально петь! —

* У поэта — волшебный.

избранные единицы. И наоборот — ПЕТЬ практически тоже могут ВСЕ. Неважно как — душевно или формально, чистенько или фальшиво, мурлыча под нос или сотрясая стены, но все-таки вроде как ПЕТЬ. Однако логически верно, интонационно безупречно, внятно прочитать любой сложности текст опять-таки могут лишь избранные единицы.

Выходит, что в течение шестидесяти лет я совершал трагическую ошибку, пытаюсь служить двум господам? Быть может, надлежало с удвоенной энергией бить по одной мишени?! А и попробовал бы, да вот, как говорится, поезд ушел...

Помню себя лет с трех — с того возраста, когда дяди и тети, ласково потрепав по затылку, норовят достать дежурным вопросом: «А кем ты будешь, малыш, когда вырастешь?»

Я хотел быть Сталиным, потом трактористом. Но когда в нашем медвежьем углу появилась черная тарелка репродуктора: «...от Советского Информбюро... наши войска на северо-западном направлении... двадцатью артиллерийскими залпами...», то амплитуда выбора грядущей профессии бесповоротно сократилась, и на праздное любопытство взрослых я отвечал уже твердо и непоколебимо: ЛЕВИТАНОМ!

Было ли это чудесным предвидением, мистикой, озарением, Божьим промыслом? Только таким вот несмышленишем беззаветно влюбился еще в один ГОЛОС — голос Максима Дормидонтовича Михайлова. Заезженную пластинку с песней старого бурша из оперы М.М. Ипполитова-Иванова «Ася» в его исполнении я готов был слушать бесконечно. Утомленные домочадцы прятали от меня эту пластинку в солидном развале других, но я упорно находил ее по характерной царاپине на этикетке и снова, и снова водворял на патефонный диск:

Сижу в прохладном погребке
у бочки полной, винной.
Не может выше счастья быть

Забавы, милой и невинной.
И утешительно лишь то,
Что если здесь умру я,
То зла не вспомнит мне никто!
И пью, и пью, и пью я...

Разумеется, меня нисколько не трогало отнюдь не детское содержание песни. Да я в него и не вникал — меня попросту завораживал могучий бас. Кто мог предвидеть тогда, что через каких-то 14–15 лет, по существу зеленым юнцом еще, я встречу со своим кумиром... в Кайеркане! Что именно он направит на ту единственную дорогу из великого множества дорог, которую мы не всегда верно выбираем.

Да простится мне такая вот претенциозная образность! Эта дорога оказалась проспектом с четко обозначенной разделительной линией, по одну сторону которой было пение, по другую — профессия диктора. Презрев правила движения, безоглядно их нарушая, лихо помчался я то по левой, то по правой его стороне, отдавая дань то дикторскому мастерству, то вокальному искусству...

Есть на живописном, дивном Южном Урале и вовсе прелестный уголок, именуемый Ильменским заповедником. Административный центр — архипроvincialный тогда городишко Миасс. Однако не в городском родильном отделении, а в деревенской пятитстенке, освещаемой керосиновой лампой, девятнадцатилетняя мама предъявила меня свету. Роды принимал ее отец — мой дед, стало быть, Поликарп Матвеевич Железнов.

Дедами можно и погордиться: Георгиевский кавалер Василий Львович Тараканов служил в свое время в Преображенском полку, Поликарп Матвеевич Железнов — в Семеновском. Гвардейцы! Богатыри!

Взвесив на безмене и не без гордости объявив домочадцам: «Пять кило!» — дед воздел меня к потолку, поближе к керосиновой лампе, и тут родившийся в рубашке малец, открыв рот, исторгнул звук весьма

басовитый. «Певец будет!» — уверенно констатировал Поликарп Матвеевич.

Отец не дождался своего первенца буквально нескольких часов. Чем не мелодрама? Преодолевая февральские сугробы, помчался было на станцию с радостным известием дядя Коля, да успел лишь проводить глазами огоньки эшелона, увозившего моего родителя на военные сборы в Свердловск...

А у юной мамочки довольно скоро пропало молоко, и кормление крупногабаритного дитяти продолжила светлой памяти бабусенька моя родная Анна Федоровна, регулярно пополнявшая семейство Железновых из года в год, преуспевшая на этом поприще аж 18 раз и потому всегда бывшая при молоке. Молочной диетой ненасытного карапуза находила время кормить еще и бабукина сестра Варвара Федоровна, так что грешно было не расти крепким, сильным и здоровым!

Замечательными рассказчицами были Анна и Варвара Федоровны. Абсолютно неграмотные, вместо подписи ставившие крестик, а во время грозы неизменно прятавшиеся в чулане, укрываясь там подушками и одеялами, одну и ту же сказку они всякий раз преподносили по-иному. В лицах. В движении. Ей-богу, артистично! У меня сомнений нет — это они, две «Арины Родионовны», научили читать сказки, привили любовь к фольклору. Они да впоследствии еще Николай Николаевич Литвинов — многие, наверное, помнят его блистательную интерпретацию на радио «Золотого ключика» Алексея Толстого.

Осенью 43-го вернулся с фронта после тяжелого, но неопасного для жизни ранения отец. Отлежавшегося в госпитале кавалера нескольких орденов и медалей направили политруком в резервный танковый батальон, дислоцировавшийся в местечке Каштак, близ Челябинска. Здесь, на учебном полигоне, вволю покатали меня бойцы на тридцатьчетверках и самоходах — удовольствие, скажем так, ниже среднего. Зато батальонный портной сшил для меня ладненский кителек, привинтив к нему значок «РККА».

Жили в землянке, поверх которой густо росла конопля. Вокруг шумел-гудел сосновый бор. Частенько погожими вечерами бойцы привычно натягивали между деревьями огромное полотнище, сшитое из нескольких простыней и вскоре с борта студебекера начинал стрекотать чудотворный аппарат. В ослепительном луче его мельтешили комары и ночные бабочки, оживали на казенных простынях человеческие фигуры, странно выгибавшиеся при порывах ветра. По окончании каждой 8–10-минутной части, когда киномеханик вынимал из аппарата волшебный пленочный рулон и доставал из жестяной коробки следующий, раздавались в чернильной темноте приглушенные голоса и смех танкистов, обсуждавших увиденное, вспыхивали тут и там светляки цигарок, начиненных знаменитой моршанской махоркой...

Весной 1945 года, еще до 9 мая (помню, что праздничный салют в честь Дня Победы наблюдал уже в Челябинске), отца демобилизовали, и Советский райком комсомола Челябинска обрел нового первого секретаря. У нас появилась первая в жизни настоящая городская квартира, вернее, большая комната в коммунальной квартире на улице Спартака (теперь это проспект им. Ленина), с ванной, туалетом и высоченными потолками. В комнате, на подоконнике, долгое время лежали невесть откуда взявшиеся два снаряда к сорокапятке. Настоящие. А в книжном шкафу, дотошно исследованном в отсутствие папы с мамой, притаились завернутые каждый в свою тряпицу ТТ и револьвер! Тщательные поиски патронов, к счастью, успехом не увенчались — не то и зарядить бы попытался, и бабахнуть тоже. Пистолет меня ничуть не заинтересовал — любопытство на сей предмет было удовлетворено еще в Каштаке, а вот револьвер! Ах, какое же это наслаждение крутить восхитительно шелкавший барабан! Наблюдать, как он сам поворачивается после нажатия на спусковой крючок. Силенок взвести курок не хватало, и эту манипуляцию я проделывал, наискосок ударяя им по паркету. В полу

образовывалась солидная вмятина, и только когда пол стал напоминать бракованное решето, поздно вато напугавшийся последствий сорванец вернул наган на место. Энтузиазма по поводу моей чеканки по дереву родителями проявлено не было — на следующий день весь арсенал исчез.

И тут Провидение ниспослало мне любовь. Неистребимую, фанатичную, необузданную любовь к чтению, к РУССКОМУ ЯЗЫКУ.

По слогам вначале, а потом в бешеном темпе глотал я книгу за книгой дома и в школе, на чердаке и в лесу, в туалете и с фонариком ночами под одеялом. Но чудо заключалось в другом (не я ведь один имел счастливую возможность львиную долю досуга уделять чтению в те славные, бестелевизионные времена) — чудо заключалось в том, что, интуитивно накрепко фиксируя в памяти правописание, я еще беспощадно терроризировал всех и вся, требуя разъяснения слов и понятий, на которых спотыкался при чтении. О таком фантастическом пай-мальчике любой педагог-словесник может только мечтать! Думаю, что и поэтому на книжной полке появилась вскоре Большая Советская Энциклопедия. Что и поэтому так относительно легко впоследствии была освоена профессия диктора. Меня не воспитывали по Корчаку—Песталоцци—Макаренко. Меня воспитывали КНИГИ.

Что же пение? Еще как пел! Много и самозабвенно. В изобилии выпускавшиеся в 40–50-х годах прошлого столетия песенники я штудировал от корки до корки. На слуху было решительно все — от «Интернационала» до популярных песен из последних кинофильмов. Все и голосил. Барабанные перепонки никакого терминатора не выдержали бы этой пытки. Выручала добротная звукоизоляция кирпичного дома «сталинской» постройки. Но, даже не ведая об этом, вокальные экзерсисы я позволял себе, лишь убедившись, что в квартире никого нет. Упросить спеть меня, скажем, для гостей усилий стоило невероятных. Да и пел я тогда не

иначе как из-под стола или из-за двери: конфузился ужасно. Я очень стеснялся, дичился и робел вплоть до норильского периода, то есть до 1955 года.

Однако знаменательному этому году предшествовали события, ставшие прелюдией норильской биографии. И поначалу, естественно, не только и не столько моей. Ведь в начале 1950-х годов в Норильск просто так не приезжали и не попадали. Да и знали о нем куда меньше, чем о Магадане или Диксоне, Игарке или Якутске...

Весной 1950 года Челябинский обком партии оказал отцу Петру Васильевичу Тараканову высокое доверие, назначив его (кандидатура согласовывалась и утверждалась в ЦК) партторгом на знаменитых Бакальских рудниках. В те времена «мнение» общих собраний первичных партийных и комсомольских организаций однозначно и нерушимо совпадало с директивным указанием сверху.

Бакальское железорудное месторождение уникально: древние башкиры, по преданию, минуя процесс обогащения и прочие предварительные стадии, якобы непосредственно из руды ковали орудия труда и воинские доспехи. Чистое железо!

Дела в Бакале, надо полагать, пошли отменно, коль скоро в доме нередко стало упоминаться имя Ивана Федоровича Тевосяна — заместителя Председателя Совета Министров СССР, министра черной металлургии, а отца частенько стали вызывать в Москву. Столичными подарками для меня конечно же были книги.

В памятном марте 1953 года отца вызвали в Челябинский обком и предложили немедленно исключить из партии главного маркшейдера рудника некую Нину Гринштейн, родную сестру доктора медицинских наук, профессора, академика и пр., заподозренного гэбистами в принадлежности к группе врачей — врагов народа.

— Помилуйте! Гринштейн — старая большевичка, член парткома рудника, человек, безоговорочно

преданный делу партии, к тому же инвалид детства. И в силу инвалидности и преклонного возраста вся жизнь для нее — это работа, работа и только работа. Она постоянно на виду у всех, и в первую очередь у коммунистов.

Пылкие доводы молодого парторга на секретаря обкома действия не возымели:

— Ваша Гринштейн ежегодно посещает Москву для утверждения планов разработки рудных запасов. Постоянно останавливается там не в гостинице, а у своего брата — врага народа. Может статься, что не только слышит антисоветские речи, но и сама распространяет порочащие партию слухи. Вам не хуже меня известно, что мы свято должны хранить чистоту своих рядов. Не церемоньтесь. И действуйте, парторг, действуйте!..

На том судилище в Бакале, естественно, присутствовал инструктор обкома. Инструктором же оказался довольно близкий приятель отца и, больше того, вполне разделявший его взгляды на разбираемое «дело». Однако положение и партийная дисциплина обязывали. И он произнес гневную обличительную речь, потребовав безусловного исключения из партии «тихой сапой прокрадывающейся в нее» Гринштейн.

В свою очередь вчерашний фронтовик, презрев субординацию, столь ревностно защищал члена своего парткома, что коммунисты подавляющим большинством голосов проголосовали ПРОТИВ директивы обкома. Санкции последовали незамедлительно...

Семья вернулась в Челябинск, и отцу крепко помог тогда директор ЧМЗ (Челябинский металлургический завод) Герой Социалистического Труда Тулин, имевший немалый вес и в обкоме, и в правительстве. В Металлургическом районе Челябинска мы получили двухкомнатную квартиру, в которой, кстати, 85-летний Петр Васильевич здравствует и поныне. Но вот предоставленная работа хозяйственника его крайне не устраивала, хотя выполнял он ее исключительно добросовестно, и то, что сегодня Металлургический

район буквально утопает в зелени, а по весне еще и в нежной бело-розовой кипени яблонь и вишен, — его заслуга. Я помню эти субботники во все дни недели, когда стар и млад орудовали кирками и лопатами, когда многие сотни саженцев поднялись на пустыре, единственной достопримечательностью которого были до того унылые коробки трехэтажных зданий. Есть там и моя толика...

Тогда, в 1954–1955 годах, по стране прокатилась волна вербовщиков рабочей силы на Крайний Север и Дальний Восток. Посулы и обещания были сказочными. И начались нешуточные семейные дебаты с многократным обзором географической карты, с кропотливым исследованием справочной литературы. Имея горно-техническое образование, отец в конце концов постановил: либо Магадан, либо Норильск. Третьего не дано.

Диву даешься, как изменяют, как решают судьбу иной раз незначительная мелочь, случайное событие или одномоментная бесшабашная вера в удачу в надежде на извечное русское авось. Дилемму выбора между Норильском и Магаданом решила... монета, одна из судьбоносных сторон которой разрешила бесконечные словопрения в пользу города за 69-й параллелью.

«ЭКЗАМЕНЫ... В НОРИЛЬСКЕ СДАШЬ!»

Отец вызвал нас к себе в середине мая. Я оканчивал тогда 8-й класс средней школы № 91 Челябинска. Было мне уже 15. Брату Женьке втрое меньше. Наши сборы оказались такими поспешными, такими лихорадочно-стремительными, будто отправлялись мы по меньшей мере в эвакуацию. Даже вот-вот начинавшиеся у меня переводные экзамены (а тогда они проводились ежегодно, начиная с 4-го класса!) не убавили маминого пыла и рвения: «В Норильске сдашь!..»

С немислимим количеством сумок, чемоданов, баулов и узлов суток трое, кажется, тряслись мы в общем вагоне до Красноярска. Потом был первый

в жизни самолет Ли-2! Фан-тас-ти-ка! Оставшиеся на Урале шпанистые дружки самолета, поди, и вблизи не видели, а я лечу. Лечу!

Эйфории поубавилось после промежуточных посадок в Енисейске, Подкаменной Тунгуске, Туруханске, Игарке...

Наконец аэропорт. Нужно было обладать незаурядным воображением, чтобы назвать аэропортом взлетно-посадочную полосу да несколько при ней барачков. Норильск встретил колючей поземкой, без малого тридцатиградусным морозом и... ослепительным солнцем! А время-то было ночное!!! «Вот она, экзотика-то, начинается!» — возликовал я в ночь на 20 мая 1955 года.

Нас, озябших и оглохших в самолете, отец втиснул в один из крохотных узкоколейных вагончиков, схожих по параметрам с теми коробочками, что снуют по детской железной дороге в Челябинском парке культуры и отдыха. И если кому-нибудь когда-либо доводилось наблюдать, что происходит с углем на решетках сортировочного грохота, тот получит представление о том, что испытываешь, находясь в таком вагончике: нас лихо подбрасывало кверху и безжалостно швыряло вниз, бросало из стороны в сторону, кидало и метало, прижимало и шваркало. Когда злобный карлик замер наконец у подножия Шмидтихи, я впервые услышал: «Нулевой пикет».

Ах, Норильск, Норильск! Норильск середины 50-х.

Великолепные ансамбли Октябрьской и Гвардейской площадей, творение главного архитектора города В.С. Непокойчицкого, не затмило до сих пор ни одно из последующих сооружений сменившего Витольда Станиславовича поколения градостроителей. И не сможет затмить! Ибо эти ансамбли — лицо Норильска, его визитная карточка, его дух, его памятник самому себе, памятник десяткам тысяч жертв советского ГУЛАГа.

Сталинский проспект (ныне Ленинский) заканчивался слева кинотеатром «Родина», справа — сто-

ловой № 32, теперь ресторан «Лама». Улица Комсомольская размахнулась гораздо дальше и вершилась достраивавшимся тогда домом № 22, а в двадцатом мы нашли временное пристанище в коммуналке.

Ближайшей школой оказалась школа № 6, куда я поспел точнехонько ко времени сдачи экзаменов за 8-й класс. Не ведаю, каким образом новоявленные друзья-товарищи мигом раскусили уральского визитера как изрядного доку по части гуманитарных предметов и полнейшую бездарь в лабиринтах точных наук. Когда б не соседка по парте (да-да, были еще и парты, и чернильницы-непроливашки, и безоговорочно аннексировались учителями только-только входившие в обиход шариковые и прочие авторучки), физику с химией мне довелось бы осенью пересдавать. Благодарю тебя, неизвестная норильчаночка! Без твоей шпаргалки не видать бы мне того беззаботного лета 1955 года.

А выдалось оно на редкость погожим и жарким. Такие экстремальные плюсовые температуры устанавливаются за 69-й параллелью не чаще одного, много двух раз в десятилетие. Но мне-то думалось тогда, что этакая благодать будет снисходить на Таймыр каждое лето. Да какой, к черту, Крайний Север! Да тут теплее, чем на Южном Урале! Да солнышко лупит еще круглые сутки!

Город изнывал от жары. Всяк стремился, улучив свободное время, на Долгое, но главным образом на Щучье, превращенное ныне в жалкую, захламленную лужу, стиснутую домами Солнечного проезда, улицы Комсомольской, зданием АБК «Норильск» и типографией. А какой был дивный уголок! Вода манила чистотой и свежестью. Со всех сторон озерцо обрамляла зелень столь буйная, что, выбирая место для купания, можно было вообразить себя находящимся в настоящем «материковом» лесу. Загорать выбирались на горку, ту самую горку, на которой через три года взметнется вышка телевидения. Самая северная в мире. Долгое время, почитая себя

патриотом Челябинска, я был безмерно горд, что вышка эта — изделие Челябинского завода металлоконструкций. А уж когда попался на глаза грузовик с маркировкой «УралЗИС», «УралАЗ», потом просто «Урал», внутри все ликовало и пело, и я не упустил случая восторженно заметить попутчикам: «Смотрите! Этот красавец из Миасса! Из Миасса, где я родился! Эту машину мои дядья делали!..»

В то лето познакомился я со своим тезкой Сафроновым, ныне доктором технических наук, профессором, заведующим кафедрой Омской автомобильно-дорожной академии. До сих пор, 46 лет уже, мы поддерживаем с ним связь, родившуюся на норильской земле.

Вместе с ним фланировали по норильскому «Бродвею», каковым почиталась улица Севастопольская. Вместе с ним отсматривали скудный кинорепертуар в «Родине», ДИТРе (Дом инженерно-технических работников), в ДК шахтеров и кинотеатре «Луч». Два последних заведения находились на пересечении улиц Заводской и Горной. От обоих очагов культуры теперь не осталось и кирпичика. Крутили кино и в старом помещении драмтеатра на Севастопольской, и у пожарников на Мончегорской. Все это были фильмы, смотренные-пересмотренные еще на Урале: «Жди меня», «Первая перчатка», «Стрекоза», «Подвиг разведчика», «Фанфан-тюльпан», «Сказание о земле сибирской»...

Вместе с Сафроновым набирались норильских впечатлений. Из самых приятных была огромная, роскошная танцплощадка на возвышенности, огибаемой улицей Комсомольской, почти напротив школы № 1. Вокруг деревянного помоста находились несколько внушительных размеров классических беседок и, как водится, аллея Трудовой славы с портретами передовиков, стендами и транспарантами. Этот кусок территории между Комсомольской и озерами Долгим и Щучьим был тогда поистине зеленым оазисом Норильска, своеобразным, естественного

происхождения лесопарком. На площадке, сменяя друг друга, правили бал духовой оркестр и радиоло — танго и фокстрот, вальс и румба, бессмертные «Рио-Рита» и «Брызги шампанского».

С первых дней меня поразили элементы строгой дисциплины. Если в Челябинске общественный транспорт брали приступом, то здесь выстраивалась на остановках аккуратная цепочка. Она втягивалась в автобус без суеты, давки и оскорбительных реплик. Надо полагать, что хотя форпостом Норильлага оставался еще какое-то время Каларгон, однако «клиенты» других лагерей были либо реабилитированы, либо амнистированы без права выезда из Норильска. Вот, по-видимому, откуда этот позитивный нюанс в дисциплинированном поведении пассажиров.

Удивило и отношение «старых» норильчан к спиртному. На полках магазинов могли находиться всякие напитки, но особенным спросом неизменно пользовался минусинский спирт. До денежной реформы 1961 года поллитровая бутылка его стоила 56 рублей, что в сравнении с нынешним курсом суцше копейки. Тем не менее в гастрономах постоянно можно было наблюдать процедуру дележа этой емкости на двоих. Каждый знал, что у выхода непременно кучкуются два-три мужика с пустой тарой: «Пополам?» — «Пополам!» Конечно же, не от бедности производилась эта манипуляция, потому что с «бабками», насколько мне помнится, у норильчан проблем не возникало, а просто... хватало! Хватало этой дозы — долитой из-под водопроводного крана «чебурашки». Тоже реминисценции былых строгостей и лагерной дисциплины? Может быть! Только очень уж скоро благой ритуал сменился другим обычаем — вместо одной брать несколько бутылок. Без дележа...

В конце лета дом № 22 на Комсомольской сдали под заселение, и мы получили в нем большую комнату в двухкомнатной квартире, то есть с соседями. И Сафроновы тоже получили жилье в этом же подъезде. Больше того, 1 сентября выяснилось, что мы с

тезкой переведены из школы № 6 в школу № 4 и оба попали в один и тот же класс — 9 «Б».

Школа № 4 оставила у меня самые добрые, самые светлые, самые благодарные воспоминания. Какие педагоги! Октябрина Алексеевна Аркельянц, Эдуард Иванович Штефан, Светлана Михайловна Блохина, Анатолий Тимофеевич Коловский, Галина Семеновна Рютель, Юрий Давидович Губерман. А Марк Моисеевич Эфрос и Александр Михайлович Зарх?! Наставники от Бога. Вполне допускаю, что не все они пребывали в Норильске по своей воле.

Старшеклассники, безусловно, чувствуют, может быть интуитивно, насколько глубоко знает и любит свой предмет преподаватель, невольно заражаясь энтузиазмом, любовью и подвижничеством. Профессиональный уровень большинства воспитателей был настолько высок и непререкаем, что выпускники норильских школ без труда поступали в самые престижные вузы страны, — такими полными и всеобъемлющими оказывались полученные знания. Кстати, несколько забегая вперед, замечу, что при поступлении в Московскую консерваторию я оказался **ЕДИНСТВЕННЫМ** из сотен абитуриентов, написавшим сочинение на отлично.

Первых своих воспитанников школа № 4 приняла в ноябре 1950 года. Расположена была (до чего же грустно употреблять это словосочетание сегодня) на улице Пушкина, прямо напротив стадиона, чью территорию ранее, между прочим, занимали... коровники. Наш ежедневный с Сафроновым маршрут дом—школа—дом пролегал через пустырь между «Родиной» и зданием, в котором вскоре откроются детский клуб и кинотеатр «Пионер». Ходить через пустырь было небезопасно — там готовился котлован под фундамент будущего Дворца культуры комбината. Внушительную строительную площадку сплошь покрывали глубочайшие рвы, ямы, канавы и траншеи с переброшенными через них досками. Поскользнуться на них, потерять равновесие ничего

не стоило. Что-то не припомню, было ли огорожено место строительства, но при любом раскладе не обходить же его стороной! К счастью, и того, и другого оболтуса Бог миловал.

По сравнению с челябинскими сорвиголовами норильские ребята показались мне какими-то скованными, робкими, зажатыми, и как-то в одночасье я вдруг ощутил себя... лидером (?!), ничего как будто не предпринимая для достижения столь почетного признания сверстниками. Впрочем, нагловатая самоуверенность, «остроумные» реплики во время уроков, пародирование учителей на переменах, сочинение «гениальных» памфлетов, мгновенно распространявшихся по школе, снисходительное отношение к нелюбимым учителям (были и такие) — составляющие моего и Сафронова образа школьного бытия. Родителей наших то и дело вызывали в школу, грозили исключением. А фраза «Тараканов, Сафронов — к директору!» стала сакраментальной.

Учеба между тем давалась легко, за исключением точных наук. Не то чтобы я уж вовсе ничего не соображал, но к чему морщить лобик, когда имелась управа на эти предметы в лице дружка закадычного, которому я в свою очередь писал сочинения — идейно выдержанные, стилистически безупречные, без единой орфографической ошибки.

Я заметил, что наш математик Эдуард Иванович Штефан — исключительный педант и аккуратист. Отлично решенная задача, снабженная, однако, небрежно выполненным чертежом, вызывала у него яростную антипатию. Мои же чертежи — однокашники не дадут соврать — являли собой эталон тщательного, ювелирного обращения с рейсфедером. Эдуард Иванович буквально любовался ими и, прекрасно сознавая, что их создатель в общем-то болван болваном и что задачка, по-видимому, решена вовсе не им, выводил в журнале наивысшую оценку, вытягивавшую общий балл в конце четверти на положительный.

Необязательно было быть тонким психологом, чтобы не заметить, что Галина Семеновна любит препоручать наведение порядка в своем кабинете, особенно после лабораторных работ, ученикам. Не без умысла взяв на себя эту миссию, я превращал закуток с реактивами в подобие немецкой аптеки, попутно заимствуя кусочек-другой металлического натрия. Этот кусочек аккуратно распределялся потом между несколькими, а то и всеми чернильницами родного класса. Очень эффектно через несколько минут после начала урока раздавались вдруг мини-взрывы внутри чернильниц, а обесцвеченное их содержимое разбрызгивалось в радиусе полуметра. «Тараканов, Сафронов — к директору!»

Помню, глубокой ночью дописывал однажды домашнее сочинение на тему «Любимый поэт В.В. Маяковский». Глаза уже слипались, как у Ваньки Жукова, но, закончив несколько строчек фразой: «...встретить смерть свою хочу так, как встретил смерть товарищ Нетте», и отступив, нагло резюмировал в постскрипуме: «Маяковский встретил смерть НЕ ТАК, как Нетте». Через пару дней: «Тараканов — к директору!»

Урок преподавательницы, нудный и скучный, состоялся однажды не в классе, а в одном из кабинетов, где вместо парт стояли в два ряда во всю ширину помещения столы и в два ряда же длинные скамейки, так что в каждом ряду разместилось человек по пятнадцать. Урок, как обычно, проходил вяло и тягостно. Легкий поначалу шумок постепенно нарастал, обретая свойства нестерпимого гвалта, и раздалась наконец нервная команда: «Класс, встать!» Кто ж упустит такую возможность?! За спинами ребят мы с тезкой осторожно отодвинули скамейки первого ряда, и когда в наступившей тишине последовало разрешение: «Садитесь!» — ну хоть бы один из ребят обернулся! Все пятнадцать одноклассников дружно рухнули на пол. Жизнерадостную реакцию класса на забавный, с нашей точки зрения, эпизод представить

нетрудно, а мы с тезкой, давясь от смеха, привычно поплелись на выход, не дожидаясь окончания фразы «к директору!».

Первую зиму мы оттопали в валенках, выданных по осени каждому учащемуся. Бесплатно, кажется. Естественно, что эта деталь экипировки никак не способствовала созданию образа бравого, крутого парня, и зиму 1956/57 года я уже проскакал в «скороходовской» обуви — «форс мороза не боится». Между прочим, эти туфли на рыбьем меху спасли меня в начале января, когда впервые довелось по-настоящему узнать, что же есть такое «черная» пурга. Буран свирепствовал трое суток подряд с непрекращающимся ветром около сорока метров в секунду. Под углом 45 градусов можно было возлежать, как на воздушной подушке. На расстоянии вытянутой руки ничего не разобрать. То с одного, то с другого дома срывало крыши. Кровельный лист просвистел у меня над головой как раз тогда, когда, поскользнувшись, я нырнул в сугроб, — повезло!

Припоминаю еще одну совсем не легенду. Это абсолютнейшая истина, когда норильчане, возвращаясь из отпусков или командировок, приглашали друзей на свежую картошку, как на светский раут.

Вообще снабжение города продуктами питания в ту пору представлялось довольно странным: с одной стороны, изобилие таких деликатесов, как икра, крабы, великолепная аргентинская тушенка в изящных баночках с индивидуальными ключами-открывалками, с другой — полное отсутствие свежих овощей, молока и яиц. К сушеным картофелю, луку, свекле, моркови пришлось привыкать, а яичный порошок даже понравился — разведешь четыре-пять столовых ложек водичкой из-под крана, посолишь — и на сковородку. Преотличный получался экспресс-омлет!

С промтоварами казусы были покрусче: не завезли швейные иглы или пуговицы, зеркала или кастрюли — и сиди кукуй до следующей навигации.

Летом 1956 года природа полностью отыгралась за предыдущий «курортный» сезон. Собственно, лета,

по существу, и не было. Пасмурно, холодно, ветрено и сыро. Из низко стелившихся облаков то и дело сыпались снежные хлопья. Таким климатическим капризом и встретил Норильск во второй половине июня комсомольско-молодежный десант из Москвы и Ленинграда — предвестников целинной эпопеи, студенческих строительных отрядов (ССО), БАМа и Самотлора.

Прикинем: А.П. Завенягин — первый директор комбината*, А.А. Панюков — второй, В.С. Зверев — третий, А.Б. Логинов — четвертый, В.В. Дроздов... Да-да, пожалуй, как раз в его «эпоху» был принят этот десант — около шести тысяч добровольцев. Всех надо было трудоустроить, всех где-то разместить. С работой без проблем — выше крыши. С жильем — невероятные сложности. Углового здания на пересечении Советской и Комсомольской улиц, целиком предоставленного новоселам, конечно же было недостаточно. Молодежь расселили по общежитиям, балкам, баракам и клубам — кому как повезло. В целом не позавидуешь. И выдержали далеко не все. Но кто устоял, кто сумел преодолеть ожидаемые — не в санаторий ехали — и неожиданные сложности и передраги, были сторицей вознаграждены со временем и достойным заработком, и благоустроенным жильем. Сами для себя строили! Названия улиц Ленинградской и Московской не с потолка взяты — соревновались москвичи и ленинградцы, у кого лучше и быстрее.

Не с нуля начинал Владимир Васильевич Дроздов, и все же достигнутые при нем за пять лет успехи впечатляют чрезвычайно. Телецентр и плавательный бассейн, концертный зал и широкоэкранный кинотеатр, хлебо- и молокозавод, целая сеть магазинов и столовых. А темпы и объемы строительства жилья! И ведь это при нем сумела развернуть кипучую де-

* Первым директором Норильского комбината был В.З. Матвеев. С полным послужным списком руководителей можно ознакомиться в книге пятой (с. 6–7 и далее в материалах о каждом директоре) издания «О времени, о Норильске, о себе...».

тельность директор совхоза Елена Викторовна Колянинская — овощи, мясо, молоко. Цветы! Право, биография этой фантастически энергичной женщины достойна книги.

При В.В. Дроздове открыты медицинское и торгово-кулинарное училища. Не только сдан в эксплуатацию городской стадион, но и организован со своей геральдикой спортивный клуб «Заполярьник» (Михаил Тимофеевич Петренко). При нем наконец занялись пансионатом в Сочи. Да все ли тут еще!

Впрочем, меня в то время эти достижения и проблемы, победы и неудачи на стройплощадках и горно-металлургических переделах волновали лишь постольку-поскольку — впереди маячил аттестат зрелости, а что дальше?! От родителей никаких подсказок не поступало и душевных бесед на эту тему не велось. Ясно было только, что никакие технические вузы мне не светят, да и не привлекают. Откровенно говоря, видимо, со свойственным тому возрасту легкомыслием я над этой проблемой голову себе и не ломал. Просиживал часами у радиолы, благо и своих пластинок хватало, и соседи Гапеевы оказались меломанами со стажем — весь их арсенал сыграл в моей жизни определяющую роль. А пока вокальное трио старшеклассников (тенор — Двуреченский, баритон — Бакин, бас — Тараканов) уверенно заняло первое место на смотре школьной самодеятельности с песней Вано Мурадели «Парень хороший». Мы ее, помнится, даже бисировали.

Нашего музыкального руководителя и аккомпаниатора Анатолия Тимофеевича Коловского знала вся норильская детвора, а уж ребята из школы № 4 во всяком случае. «Человек с аккордеоном». Нам казалось, что и отдыхать-то он укладывался вместе с инструментом. Отливавший перламутром «Вельтмейстер» оглашал летом берега Енисея от Дудинки до Атаманова. Туда — в пионерский лагерь «Таежный», обратно — к родным школьным порогам. Милый, дорогой Анатолий Тимофеевич! В школьных хорах

вечно недостает мужских голосов. Взрослеющий, взрывоопасный контингент юнцов-волюнтаристов загоняли в актёрский зал на ваши занятия всякими правдами и неправдами. Сколько же нервов мы вам попортили!..

В Доме пионеров я занимался какое-то время художественным чтением с актером драмтеатра Павлом Карповичем Бойцовым. Осиленная вершина — монолог Бориса Годунова из одноименной исторической хроники А.С. Пушкина. Послушать бы сегодня — верно, лопнул бы со смеху!

В Дом пионеров бегал даже и не столько ради этих занятий, сколько поглазеть на Виктора Владимировича Эллерберга. Плотный, небольшого роста, очень подвижный, на пороге седьмого десятка не утративший взрывного темперамента, он создавал вокруг себя созидательную атмосферу, рядом с ним невозможно было оставаться безучастным. Я не задавался тогда вопросом: как с его блестящей пианистической техникой оказался он в Норильске? Я просто немножко боготворил его. По легенде, витавшей в стенах Дома, он, пусть мальчишкой, пусть совсем немного, будто бы видел, слушал, дышал одним воздухом, ощущал пожатие руки самого Петра Ильича Чайковского! Увы, теперь-то я знаю, что корифей русской музыки скончался в 1893 году, так что Виктор Владимирович никак не мог застать автора «Пиковой дамы» и «Евгения Онегина». Разве что разговоры велись о брате Петра Ильича — Модесте? Но тогда легенду я принимал за чистую монету.

Вместе с Сафроновым несколько месяцев ездили на тренировки в Дом физкультуры (рядом со старым стадионом) к заслуженному мастеру спорта СССР Николаю Ивановичу Баскакову. Мы, пацаны, благоговели перед ним. Еще бы! В 30-х годах Баскаков, выступая на борцовских коврах Европы, укладывал на лопатки и чемпионов. Качались бы мы с тезкой, верно, и далее, но подоспели экзамены на аттестат. Никто из нашего класса их не завалил, так что тради-

ционный выпускной бал, более чем скромный в сравнении с нынешними помпезно-показными проводами абитуриентов, ничем не был омрачен. И разошлись пути-дорожки адептов 10 «Б». Разъехались дорогие моему сердцу друзья-товарищи: кто-то поступать в учебные заведения, кто-то решил позволить себе тайм-аут, не определившись с выбором профессии.

Компанию вторым составил и автор этих заметок, получивший в конце лета трудовую книжку, в которой появилась первая запись: «27 августа 1957 года зачислен эл. слесарем на участок углесортировки». Это при шахте 16/18, а шахта — в Кайеркане, где к тому времени отец, работавший ранее горным мастером на руднике 7/9, был секретарем партийной организации, назначенный на эту должность Норильским горкомом партии. Именно назначен, поскольку, напоминая, в те времена мнением коллектива наверху не очень интересовались.

Моим наставником стал бывший фронтовик И.В. Рогов, приехавший по оргнабору из Горького. Сильно прихрамывая (ранен под Будапештом), Иван Васильевич показал мне нехитрое в общем-то хозяйство углесортировки и довольно быстро препоручил меня заботам Витьки Филина, почти одногодку моему, который, собственно, и обучил всем премудростям работы слесаря на сортировке. Ни одна из них особой сложности не представляла, но, если проследить всю технологическую цепочку от «опрокида» с «питателем» в устье шахты до погрузки угля в железнодорожные думпкары, объем полученных практических навыков окажется довольно солидным. Во всяком случае, орудовать зубилом, не глядя на молоток, я научился.

Живописать то, что произошло по весне 1958-го, право, неудобно — мою бестолковую мальчишескую выходку можно было квалифицировать и как мелкое хулиганство. А пожурили меня не только посредством наложения штрафа, но и переводом на участок ТВС поселка: меньше возможностей для полета неумемной «творческой» фантазии.

До насосной станции, расположенной на берегу безымянного озера, было километра полтора. Пустячное расстояние, но зимой пешком по безлесной тундре — занятие не из отрадных. Делать там практически было нечего: сиди глазами на манометр, читай прихваченную с собой беллетристику да выслушивай проповеди пожилой мотористки. Лишь однажды полетели «пальцы» на соединительной муфте электромотора с редуктором. Я заменил их за считанные минуты. Но как же было и там не найти приключений на свою голову?! Нашел.

Вода из озера поступала в насосную по одной трубе, а, совершив круг по системе водоснабжения поселка, возвращалась обратно по другой. Они и назывались в соответствии с характером выполняемой работы всасом и обраткой. Уложенные в одну траншею, опускались трубы в озеро на разную глубину. Всас, разумеется, гораздо глубже, так что обратка рано или поздно оказывалась над водой и начинала забрызгивать своего соседа, на котором постепенно нарастал этакий айсберг, грозивший просто-напросто оборвать всас. В мои обязанности входило время от времени скалывать этот лед. Шуровать с берега длинным багром было и неудобно, и малоэффективно. Проявив рационализаторские способности и вооружившись пешней, пополз по всасу туда, где он под углом 90 градусов опускался в воду почти с трехметровой высоты. Дополз благополучно, однако радоваться достигнутому успеху не довелось — во всем обмундировании (валенки, теплое белье, стеганые ватные брюки, полушубок) рухнул вниз. В чистой воде я с детства привык открывать глаза и потому отчетливо видел пронзавшие толщу воды столбы солнечного света, и воздушные пузыри от падающего потока из обратки, и всплывавшие перед лицом концы моего шарфа. Вынырнув, уцепился за всас.

Ждать неминуемого конца от переохлаждения, пытаюсь докричаться? До кого?! До поселка километр с гаком. Мотористка — в закрытом помещении, вну-

три которого шумит-гудит оборудование: шмальни рядом из гаубицы — не услышит. Да и чем она могла бы мне помочь? Плыть к берегу рискованно: пропитавшись водой, сто одежек непременно утянут на дно. Долго размышлять ни времени, ни смысла не было. И никаких других вариантов не приходило на ум. Оттолкнувшись от всаса, я поплыл. До края полыньи всего-то метров десять. Сложнее было добраться до той кромки подламывавшегося подо мною льда, которая выдержала бы массу, перевалившую за центнер. Выкарабкался! На 30-градусном морозе амуниция моя мгновенно превратилась в подобие глубоководного скафандра. Громохая ледовыми доспехами, ввалился в насосную, как в финскую сауну. Как ни странно, никаких последствий добровольного крещения в ледяной купели не было. Разве что какое-то время распирала гордость за то, что не оказался размазней, не растерялся, достойно боролся за свою жизнь.

Через несколько дней, в самом конце апреля, меня приняли в ряды Ленинского комсомола. Без сучка и задоринки. Благодушное отношение ко мне членов комсомольской организации шахты, не укоровших, не забывших обо всех моих «подвигах», могу объяснить отчасти проснувшейся во мне журналистской жилкой. С юношеским максимализмом, пылко, безоглядно критиковал я администрацию шахты и поселка за всевозможные недостатки, недочеты, недоделки и упущения. «Заполярная правда» опубликовала к тому времени мой фельетон «Душ шахтерский», злободневный материал «На почве бездеятельности» и еще что-то... И молодежь рассуждала, по-видимому: «Смотри-ка! Папаньку своего несет по кочкам!» А папанька, знакомясь с каждым из моих обличительных опусов, говорил только: «Ну, спасибо, сынок! Удружили!»

Приехав на бюро Норильского ГК ВЛКСМ, я опасался только одного вопроса, и его все-таки задал первый секретарь Павел Федирко (да-да, Павел

Стефанович Федирко, возглавивший со временем краевую партийную организацию): «А что ж так поздно, Эдуард? Ведь тебе уже восемнадцать?» М-да. Ну не мог я ответить тогда, что подавать заявление в школе было бы просто бесполезно — слишком много числилось за мною непотребных фортелей. И я промямлил бездарно-традиционное — не считал-де себя достойным...

Не скрою, значок с профилем Ленина прикалывал к лацкану пиджака с чувством гордости и глубокого удовлетворения. Кстати, когда ВЛКСМ был награжден пятым орденом, то билет нового образца подписывал уже Игорь Аристов. Бережно храню этот документ, будучи по сию пору твердо убежден, что комсомол, как, между прочим, и пионерская организация, был явлением необходимым, авангардным и прогрессивным. Это был действительно СОЮЗ молодежи, в котором нынешнее поколение, на мой взгляд, крайне нуждается.

Тут же последовало и первое комсомольское поручение — на два летних месяца стать пионервожатым. По окончании учебного года немало норильских педагогов изъявляли желание поехать в «Таежный» в качестве воспитателей, а вот роду-племени вожатых явно не доставало. Комитеты комсомола ведущих предприятий комбината взяли на себя миссию формирования контингента пионервожатых. Какие-то сбои при этом случались крайне редко.

Пионерская республика НГМК близ Атаманова, что в полусотне километров от Красноярска, явление, пожалуй, беспрецедентное. До шести тысяч норильчат отправлялись каждым летом в «Таежный» на все лето. Мне кажется, не было в стране лагеря крупнее.

Были пионерские лагеря для детей никельщиков, медеплавильщиков, горняков, строителей... Был и шахтерский. Мне досталась октябрятская мелюзга — девчонок тридцать предельно малого возраста, допустимого для столь долгой разлуки с родителями.

Вымуштровал я их за четверо суток пребывания на борту «Александра Матросова» так, что уже во время конкурса на лучшее построение и маршруровку эти соплошки, что называется, показали класс.

Конечно, после долгой полярной ночи, после загазованного Норильска «Таежный» почитался за райский уголок. Собственно, таковым он и являлся — красавец Енисей, сосновые боры, чудесный климат, густая зелень, море цветов, грибов и ягод. Предприятия-шефы не скупились. Постоянно модернизировались или строились новые, более благоустроенные спальные корпуса, столовые, игровые площадки. Пополнялся культурный, медицинский и спортивный инвентарь, появлялись бассейны. Выпускать детей в Енисей, течение которого сбивает с ног и спортсменов, было бы безумием. Для лагерей, не имеющих пока бассейнов, доставлялись из Норильска элементы ограждения для устройства купален на реке. Прочно соединить их между собой можно было только с помощью сварки.

Среди воспитателей, их помощников, пионервожатых и обслуживающего персонала шахтерского лагеря № 4 сварщиков, увы, не оказалось. И тогда на утренней летучке, которую вела директор лагеря Елена Герасимовна Добровольская, я и «вышелкнутлся», беспечно вообразив, что шутя справлюсь с этой задачей. Не раз же наблюдал за работой сварщиков — делов-то! Непринужденно соврав, что нет, мол, для меня существенной разницы — орехи щелкать или металлоконструкции сваривать, отправился на берег Енисея, где поджидали уже генератор постоянного тока, электроды, рукавицы, щиток и решетки ограждения, кои следовало воссоединить моей мастеровитой рукой.

Добровольные наблюдатели сначала жизнерадостно ржали, видя, как у меня всю дорогу электрод прилипает к свариваемым деталям, потом забеспокоились, увидев, что я отбросил в сторону щиток (ни черта же через него не видно!) и продолжил бес-

смысленную затею с успехом, нисколько не превосходящим предыдущие поползновения.

Когда предупрежденная, встревоженная Елена Герасимовна примчалась к месту моего позора, я уже, нахватавшись «зайчиков», полагал, что в глаза мне сыпанули по стакану крупнозернистого песка. Препровожденный в изолятор, я провел там жуткую ночь, только что не бегая по потолку. С вечера отсутствовавший в лагере врач поутру закапал в глаза несколько капель новокаина. Дикая боль исчезла мгновенно. Но каково было пережить мой афронт Елене Герасимовне?! Женщина выдающихся организаторских способностей, мудрости, такта и доброты до последних дней бескорыстной жизни своей находилась в постоянных заботах о подрастающем поколении. Она руководила Норильским домом пионеров, и я неоднократно впоследствии предлагал присвоить Дому пионеров имя Елены Герасимовны Добровольской.

Происшествие со сваркой из колеи меня не выбило. Отнюдь нет. Тем летом я встретил свою первую любовь — помощницу пионервожатой одного из отрядов — Машу Будко. Писаную красавицу-хохлушку. Та дивчина, что снялась в роли Оксаны в фильме «Ночь перед Рождеством», не слишком удачная копия «моей» Машеньки. Но хотя страстное влечение и оказалось обоюдным, хотя и нацеловались мы с нею вдосталь и на пару лет вперед, отношения наши остались платоническими. А вот конец оказался нелепым и непредсказуемым.

Когда в конце августа дети шахтеров благополучно были предъявлены родителям, не припомню теперь, то ли через день, то ли уже на завтра был назначен традиционный вечер-встреча в Доме пионеров для подведения итогов минувшего оздоровительного сезона, поздравлений, награждений и, понятное дело, скромного фуршета.

Мне, жителю Кайеркана, воленс-ноленс надлежало выехать в Норильск рано утром. Вечерней элект-

ричкой вряд ли поспевал и к шапочному разбору. И на этот самый утренний поезд я умудрился самым бессовестным, самым безалаберным образом проспять! Это был всем стрессам стресс! Днем из Кайеркана в Норильск ничего не ехало, не катилось, не летело, не плыло и не ползло. Единственный выход — идти пешком. И пошел... «Маша, Машенька, Маша!..»

Восемнадцатилетнему парню налегке покрыть расстояние 20 километров проще простого, особенно по дороге, по тропинке. А по железнодорожному полотну, по шпалам?..

Не на четвереньках, но запредельно уставшим, на ватных ногах заявился я в Дом пионеров за считанные минуты до начала торжества. И тут меня «добили», сообщив, что буквально несколько часов назад родной брат Маши Будко попал в дорожно-транспортное происшествие с трагическим для него исходом...

Каюсь, в Кайеркане, в сутолоке рабочих и творческих буден, я чересчур быстро забыл свою любовь, оказавшуюся, очевидно, лишь вспышкой юношеской влюбчивости.

ВСЬ ДОСУГ Я ПОСВЯЩАЛ КЛУБУ

Надо бы отметить, что Норильский ГК КПСС назначил моего отца Петра Васильевича Тараканова секретарем партийной организации шахты 16/18, так сказать, по следам разбора причин и последствий мощного взрыва метана на шахте в конце апреля 1955 года. Своих постов лишился тогда целый ряд руководящих работников Кайеркана. Последствия-то были ужасны — погибли люди.

Отец оказался в своей стихии и вкупе с парткомом, шахткомом и комитетом комсомола деятельно приступил к реорганизации социальных условий жизни поселка. Надлежало укротить волну пьянства на шахте, когда и женщины на этом поприще не отставали от мужчин, побороть дремучую инертность и наплевательское отношение к работе. Надлежало организовать действенное соревнование на участках и

неприменно чем-то занять, увлечь молодежь. И вскоре помимо застенелo-традиционной демонстрации фильмов (всего-то было развлечений!) в шахтерском клубе заработала масса кружков под руководством достаточно опытных наставников. Так, с вокалистами и хором занялись приглашенные из Челябинска Павел Иванович и Роза Николаевна Васильевы — отличные специалисты, певцы, беззаветные энтузиасты вокала и хорового исполнительства. Музыкальную часть обеспечивали Эдуард Клевков, самородок, виртуозно владевший аккордеоном, и бывший джазмен, ударник из оркестра самого А.Н. Цфасмана (!), Иван Александрович Бачеев. Драматический коллектив возглавлял художественный руководитель клуба Борис Москаленко, к сожалению несколько злоупотреблявший тонизирующими напитками и потому уступивший в дальнейшем этот пост актеру драмтеатра Константину Петрову. Кроме того, из Норильска приглашались время от времени для разовых постановок актеры и режиссеры А.В. Колесников, П.К. Бойцов, балетмейстер Г.И. Лукьянов.

Что до меня, то практически весь досуг я посвящал клубу. Участвовал буквально во всех его мероприятиях. Когда — в который раз! — смотрю теперь свой любимый фильм Ю. Райзмана «Девчата», улыбаясь, отмечаю про себя — да-да-да, так было и у нас, очень похоже. И шашечные баталии, и танцы под радиолу, и беззлoбное подтрунивание, и споры, и подначивание, и скоморошьи перепалки. Случались кое-когда и разборки, которые не в пример нынешним заканчивались в худшем случае лишь синяками да царапинами.

Энергии было хоть отбавляй, и, поступив в Норильскую вечернюю музыкальную школу, я напросился в класс Анны Ивановны Иващенко, воспитавшей к тому времени известных всему Норильску исполнителей — Ивана Веселовского, Геннадия Мусихина, Евгению Краинскую, Рейнгольда Онгемаха, Тамару Поляничко, Изосима Чалкина, Евгения Купрюнина,

Нину Фролову. Потому ли, что я был иногородним, то ли по каким другим причинам, но я нахально норовил посещать лишь занятия у Анны Ивановны, напроочь игнорируя дисциплины теоретические. Сквозь пальцы на мой волюнтаризм смотрели, видимо, потому, что вечерники были едва ли не единственной доходной статьей бюджета школы. Плата за обучение, впрочем, была либо символической, либо вовсе нулевой — за-памятовал.

Нас, кайерканцев, в школе было трое — я, Леша Мартынов, работник пожарного депо, и Саша Чугунов, баянист. Дотошный, занудный Алексей Мартынов, будучи вдвое старше нас, пацанов, представлялся мне чуть ли не дедушкой, и контактировать с ним резона не было. А Чугунов, этакий живчик-коротышка, мелькавший повсюду, подобно капельке ртути, уже прилично владел инструментом, а главное — он знал ноты! Составив ему однажды компанию при посещении нотного отдела в магазине Книготорга и заметив, что Сашка внимательно разглядывает различные сборники, будто бы читая их как обыкновенную книгу, я спросил:

— Ты что, Сань, разбираешься в этой абракадабре?

— Разбираюсь.

— Хо! Ну, вот это — какая нота?

— Фа-диез.

— А эта?

— Си-бемоль.

— Обалдеть!

Сашка называл ноты не задумываясь, мгновенно! Я был потрясен! Досадным и несправедливым показалось, что этот шпингалет, едва достававший мне до плеча, так лихо разбирается в нотах, а я... как этот... Митрофанушка.

Репертуар драматического коллектива Кайерканского клуба постоянно обновлялся. Едва успевали отыграть премьеру, как начиналась работа над следующей постановкой. В пьесе А. Салынского «Опасный спутник» досталась мне роль профессора

Бельшева. Изображать на репетициях умудренного жизненным опытом, отягощенного знаниями ученого труда вроде бы не составляло. А на представлении, на публике? В день премьеры сделали мне старческий грим, приклеили для верности седые усы, смотревшиеся на мне в полном соответствии со словами «как на корове седло», и в положенное время вытолкнули на сцену. Текст я напрочь забыл, еще находясь за кулисами. Затянувшееся на сцене молчание грозило во много раз превзойти знаменитые мхатовские паузы. Наконец в голове у меня что-то щелкнуло, заработало, и, по-прежнему не помня текста, я начал нести какую-то отсебятину, к счастью, не слишком вразрез со сценарием. Высказавшись, задумался: что дальше? А дальше потянулась новая тягостная сцена молчания. Партнеры свирепо показывали глазами: мол, уходи, да уходи же! Вспомнил, по сюжету у них следовал разговор, не предназначенный для ушей моего персонажа. И тогда, сгорбившись, начав вдруг еще и прихрамывать, я очень медленно удалился со сцены.

С вокалом дела пошли гораздо благополучнее. Решительно все произведения, предлагаемые Анной Ивановой Иващенко, были у меня на слуху: песня Варяжского гостя и ария Сусанина, «Из-за острова на стрежень» и «Вдоль по Питерской», арии Кончака и князя Игоря, песня попа-расстриги Варлаама и др. Конечно, давился на верхах, конечно, много лучшего оставляло желать чувство ритма, и мой успех или осечка на концертной эстраде напрямую зависели от концертмейстера. По-прежнему раздражали, а потому еще более сказывались зажатость, стеснительность, скованность. Оправданный жест, естественные мимика и пластика пришли много позже. А пока приходилось лишь восхищаться той непринужденностью, с которой вели себя перед публикой приезжавшие тогда в Кайеркан солисты Большого театра Владимир Кильчевский, Павел Чекин, Ирина Масленникова, Мария Максакова, прекрасный тенор Левон Геохланян...

И наконец настал мой звездный час! В Норильск приехал кумир моего детства Максим Дормидонтович Михайлов! Солист ГАБТа, дважды лауреат Сталинской премии, народный артист СССР.

Шестидесятилетний певец, уже не очень здоровый человек, совершал в зимнем сезоне 1958/59 года последние гастроли по стране. Вытянуть весь концерт он уже не мог. В этом турне ему помогала довольно известная в то время меццо-сопрано Нина Исакова. Чудесно исполнили они вдвоем «Моряков» К. Вильбоа и юмористическую зарисовку А. Даргомыжского «Ванька-Танька», дуэт А. Рубинштейна «Горные вершины» и «Не пробуждай воспоминаний» П. Булахова. В вокальном отношении эти произведения довольно просты. Да и сольную программу Михайлова составили несложные вокальные миниатюры Глинки, Даргомыжского, Гурилева, Дюбука и Шереметьева.

Какое же это для меня имело значение! Как наэлектризованный метался я из зала за кулисы и обратно. Хотелось посмотреть на своего героя во всех реалиях сценического бытия. Ничего особенного между тем не происходило. Исполнив произведение, Максим Дормидонтович тотчас уступал сцену Н. Исаковой, сам же усаживался на стул за занавесом. На журнальном столике перед ним стоял цветной бокал, из которого он время от времени отхлебывал небольшой глоток. «Певческий эликсир!» — восторженно и в то же время завистливо решил я и, мучимый любопытством, улучив момент, подкрался к волшебному сосуду. Певческий эликсир оказался... коньяком! Таким вот эликсиром стареющие певцы стимулируют голосовые связки, теряющие с годами необходимую эластичность.

А судьба в этот вечер приготовила для меня роскошный сюрприз — разыгралась дивная метель с таким обильным снегопадом, что выехать машиной из Кайеркана представлялось совершенно невозможным. Оба певца и концертмейстер вынуждены были остаться ночевать в клубе. Тут-то мои коллеги по сце-

ническим действиям и надоумили меня постучаться к артистам, дабы упрямить потратить на мою персону несколько минут, упрямить их послушать меня — стоит ли овчинка выделки? Максим Дормидонтович, видимо давно привыкший в поездках по стране к роли экзаменатора, устало махнул рукой:

— Давай, паря. Что там у тебя?

Я спел арию Кончака, пытаюсь поразить воображение слушателей прилично звучащим нижним фа. Затем — песню Варяжского гостя, отчаянно при этом подражая Марку Осиповичу Рейзену... Помолчали. Открыв глаза, — маэстро слушал меня, смежив веки, — знаменитый певец резюмировал:

— Ну что, паря. Учиться тебе надо, паря. Таких голосов один на миллион!..

Смешно вспомнить, но я был откровенно разочарован таким вердиктом. Это что же?! В СССР было двести миллионов жителей. Двести, стало быть, таких голосов?! Всех же в Большой театр не возьмут!..

Я не подозревал тогда, что пение, оперное пение, — это колоссальный, титанический, каторжный труд. Как не подозревал еще и о тех трудностях, что поджидают меня.

Кайеркан тех лет представлял собой поселочек, не насчитывавший тех пяти тысяч жителей, что по статуту позволяют быть помещенным в географический атлас страны. Его там и не было. Впервые наименование «Кайеркан» появилось в Атласе 1977 года. Напоминаю об этом потому, что, как в деревне, всякое событие или происшествие становилось известным всем и каждому практически моментально. Стали известными и все подробности моего рандеву. Облетела поселок и, безусловно, лестная для меня фраза про «один на миллион». Понятно, что своего разочарования таким вердиктом я не афишировал. Зато по многим признакам определил — отношение ко мне в поселке изменилось, и не в худшую сторону. Так, мне удалось наконец сдать экзамен по правилам тех-

ники безопасности для допуска к работе под землей. Я спустился в шахту.

Увы. Не сказать, чтобы струсил, — этого не было, но первые же впечатления показали неопровержимо очевидное — это не для меня, это мне неинтересно, это не мое. Пришел также и к выводу, в котором твердо убежден и поныне, — за свой архиопасный труд шахтеры должны получать уж никак не меньше металлургов или газовиков.

Бог ведает, чего я ожидал, опускаясь в шахту. Но, впрочем, любопытную эмоциональную встряску я получил в вентиляционном штреке шахты — вот где в полной мере, прямо-таки физически, можно услышать стопроцентную тишину и увидеть стопроцентную темень. Фантастическое, незабываемое ощущение!

Как-то, в конце мая, после ночной смены, встретился в коридоре шахтоуправления с главным инженером Д.С. Мирошниченко.

— Здравствуйте, Дмитрий Степанович!

— А, Эдуард! И ты тоже будь здоров. Пстой-ка! А как дела с консерваторией?

— Ну, думаю вот.

— Э, милый! Швыдче надо думать, швыдче! Не заметишь, как состаришься, помани мое слово. Что тебе сказал Михайлов — учиться тебе надо? Вот и учись. Возьми отпуск и поступай. За сколько там у тебя получается?

— Да за два года накапливается...

— Он еще думает! Вот что, парень. Сам не напишешь заявление, так мы обязаны тебя силком в отпуск отправить. У нас эта комиссия по охране труда во где сидит! За профессиональные кадры, понимаешь, сквозь пальцы смотрят, а за молодняк... Марш сейчас же в отдел кадров, певец!..

Уже не со взлетно-посадочной полосы «Нежданной», а из аэропорта Надежда авиарейсы Норильск—Москва выполнялись самолетами Ил-14 и Ан-10 с промежуточной посадкой в Сыктывкаре.

Москва принимала норильчан в аэропорту Быково. Там по договоренности меня должен был встретить тогда директор нашего клуба, уже находившийся в отпуске. Встречать будто тупого провинциала, впервые отважившегося на поездку в крупный город. Не встретил! Поглазев по сторонам (да разве ж это Москва?!), провинциал достаточно уверенно погрузился в электричку и покатил до Вешняков — материковое пристанище нашего директора. «А еще называет себя москвичом», — злорадно подумал я, обнаружив, что и в Вешняках столицей не пахло. Адрес у меня был, и отыскать неказистое здание барачного типа труда не составило. Холостяка Трофимова и дома не оказалось, а на мою суету возле двери его квартиры выглянула из соседней симпатичная молоденькая толстушка:

— Вы к Андриану Николаевичу, да? Это к норильчанину, да? А он встречать поехал. Своего товарища встречать. В Быково поехал. Еще утром поехал. А это вас, наверное, да? Наверное, вас, да? Вы с ним, наверное, разминулись, да?

Девица стрекотала, не давая мне и рта раскрыть. При этом все время похохатывала, то прыскавая в кулак, то запрокинув голову, то вся подаваясь вперед, будто старалась рассмотреть, кто там находится у меня за спиной. Теперь-то мне понятна причина ее веселья. Теперь-то я бы и сам не удержался от смеха. Сверху вниз мою экипировку составляли: огромная зеленая шляпа ковбойского покроя 40-х годов, до пят светлый макинтош с отцовского плеча (и потому на пару размеров превосходящий мой собственный), широченные брюки-клевш, коим позавидовали бы до-революционные матросы.

А с Трофимовым, оказывается, мы вовсе не разминулись. Просто он встречал меня... в ресторане аэропорта, полагая, очевидно, что уж в ресторан-то я не премину заглянуть, где, мол, и встречаться, как не в питейном заведении.

МОСКОВСКАЯ ЖИЗНЬ

Электричка от Вешняков до Казанского вокзала шла ровно 20 минут. Мне, только вчера покинувшему еще не освободившийся от снежных покровов Норильск, Москва показалась сущим раем. Центр столицы, виденый-перевиденый в кино, таким именно и оказался. Он был узнаваем настолько, словно я вырос на Неглинной или Маросейке. И заветную улицу искать не пришлось: вышел из метро «Библиотека имени Ленина» — и вот она, улица Герцена.

Раньше, чем увидеть дом № 13, я услышал и оробел... По случаю дивной погоды многие окна были растворены, и доносились оттуда звуки не только никогда не слышанные, но и не предполагаемые мною. Рояльные пассажи, нежные виолончельные легато, победные клики медных духовых и голоса. Какие голоса! Поставленные, чистые, облагороженные. Был момент, когда неудержимо захотелось развернуться и попросту удрать восвояси: куда ты лезешь, деревня, на что посягаешь! Постой-ка! А Михайлов? Он, что же, пошутил? Нет уж, пусть будет что будет! На первой же массивной двери левого крыла консерватории я обнаружил табличку: «Приемная комиссия».

Тут меня и понесло. Как будто снизошла этакая победительная самоуверенность. У секретаря приемной комиссии мне необыкновенно повезло застать никого иного, как самого декана вокального факультета Гуго Ионатановича Тица, крупного, импозантного мужчину, с высоченной копной густых, но совершенно белых волос. Моей персоной он заинтересовался лишь постольку, поскольку до вступительных экзаменов оставался еще целый месяц:

— Рановато пожаловали, сударь, рановато. Откуда?

Последовавшая затем беседа достойна пера Ярослава Гашека.

Коль скоро меня понесло, то и красноречив я оказался без меры, чем явно заинтриговал профессора, привыкшего, очевидно, к односложному, пиететно-

му стилю речей студентов. Еще бы не удивиться! Не дворянского воспитания парень, в подозрительном наряде, из какого-то Кайеркана, краснобайничает, словно юрист. Гуго Ионатанович, посетовав, что до конкурсных экзаменов далековато, выразил вдруг желание тут же меня и послушать — стоит ли заводиться северянину на грядущие испытания в три тура?

Концертмейстера не случилось, и а капелла (без сопровождения) я спел народную песню «Летал по-над Волгой орел молодой». Голос звучал так себе, средненько, но на маэстро, надо полагать, произвели впечатление два фактора. Во-первых, явно неожиданный для него выбор произведения — не апробированные басами, заезженные «Вдоль по Питерской» или «Ах, Настасья!», а во-вторых, безупречно выдержанная тональность — абсолютный слух среди вокалистов величайшая редкость.

— Ну что ж, Эдуард. Шанс у тебя есть. Сдавай документы. И до встречи в июле...

Месяц, проведенный на Черном море, оказался примечательным в том отношении, что мне довелось увидеть санаторий «Заполярье» в Сочи почти в первоизданном виде, всего на третьем году существования. Когда без малого 30 лет спустя мы вместе с режиссером Н.Х. Геталло снимали сюжет для телевизионного журнала «Человек и Север» об этой здравнице, она была уже поистине «фабрикой здоровья», не имевшей аналогов на всем Черноморском побережье. Восемь спальных корпусов, несколько лечебных — самых разных профилей, плавательный бассейн, другие спортивные сооружения, три киноконцертных зала, кегельбан, бильярдная, почтовое отделение, два магазина, авиа- и железнодорожные кассы — город в городе с автономной инфраструктурой!

А тогда, в 1959 году, и сам-то Сочи являл собою совершенно провинциальный городишко. Что до норильского пансионата, то он состоял из единственного приличного здания с куполом, якобы принадлежавшего до революции графу Воронцову, да трех десятков

домиков, хаотично разбросанных по косогору. Часть прибрежной территории, приобретенная комбинатом для строительства санатория, ныне либо вовсе не имеет цены, либо она выражается цифрой с девятью нулями.

...Конкурс на вокальный факультет оказался более чем внушительным — около 40 абитуриентов на одно место. Вот уж что помню совершенно точно, так это число «17». Именно семнадцать человек были приняты в том году на вокальный факультет.

Прослушивание происходило в Большом зале, где каждый квадратный метр дышит историей, каждая деталь вызывает священный трепет, где выступать за великую честь почитается мировыми знаменитостями.

Дождаясь своей очереди, сижу съезжившись в предбаннике и потихоньку пробую голос (с закрытым ртом). Ничегошеньки! Кажется, что даже и шипеть не в состоянии.

Вызывают. Сомнамбулой выхожу к роялю на негнущихся ногах. «Зачем?! Голоса-то нет!..» Слышу: «Эдуард Тараканов. 19 лет. Музыкального образования не имеет. Шахтер из города Норильска Красноярского края. Композитор Столыпин, слова Лермонтова. «Два великана».

Передо мной огромный пустой зал. Лишь человек десять приемной комиссии в первых рядах партера. У столыпинской баллады довольно внушительное вступление, но вот и мне пора начинать:

В шапке золота литого
Старый русский великан
Подждал к себе другого
Из далеких чуждых стран.

Откуда взялся и пошел голос! Гулким эхом возвращались на сцену окончания музыкальных фраз. Обретя уверенность, рискнул даже на вставную ноту «соль» первой октавы — ноту для баса запредельную, нечасто используемую и в баритоновой тесситуре.

Видимо, прозвучала она диковато, так как заметил улыбки на лицах членов комиссии. Впрочем, деваться некуда, заканчиваю:

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

Единственный знакомый мне человек в зале Г.И. Тиц что-то негромко сказал своему соседу, благообразному седовласому старцу в очках с толстенными стеклами. Тот утвердительно кивнул, и Гуго Ионатанович предложил исполнить ту народную песню, что пел я у него на предварительном прослушивании без сопровождения. Догадался: слух проверяют — вернусь ли в ту тональность, с которой начну. Вернулся. Александр Васильевич Свешников (а это был он), ректор консерватории, профессор, народный артист СССР, организатор, художественный руководитель и дирижер Государственного академического русского народного хора, вновь улыбнулся. Очень по-доброму.

И помчались стремглав счастливые годы студенчества. Перефразируя великого пролетарского писателя, могу твердо заявить: «Всемирным лучшим во мне я обязан Московской консерватории».

Сколько прекрасных встреч, концертов, спектаклей! Сколько незабываемых контактов: И.С. Козловский и С.Я. Лемешев, А.И. Хачатурян и Г.В. Свиридов, Марио дель Монако и Тотти даль Монте, Г.С. Нейгауз и Д.Ф. Ойстрах, Эмиль Гилельс и Владимир Софроницкий, гениальный китайский пианист Лю-Шикунь, которому впоследствии озверевшие хунвэйбины раздробили кисти рук...

Забыть ли шефские концерты на пару с Мстиславом Леопольдовичем Ростроповичем?! Как запанибрата давились мы с ним от смеха за кулисами Дворца культуры имени Лихачева: ему (Ростроповичу!) за фуги Баха — жиденькие хлопки из вежливости,

мне за песню Э. Колмановского «Хотят ли русские войны» — бурные аплодисменты. Для компанейского, демократичнейшего Ростроповича при общении с любой аудиторией не существует разницы ни в национальном или образовательном, ни в социальном или возрастном плане — удивительный, не от мира сего человек. Космополит в наилучшем смысле этого слова.

До последнего вдоха буду с чувством глубокой признательности вспоминать Александра Васильевича Свешникова — быть может, самого гуманного, справедливого, самого доброго человека, встреченного мною на жизненном пути. Год занятий в классе доцента Александра Мироновича Железнова оказался, увы, потраченным впустую. Не сумел он подобрать ко мне ключик. Теперь-то я знаю, в чем была причина, а тогда... Трагедия! Голос не звучал. Его как будто и не было. А.В. Свешников не только не вытурил меня, как профнепригодного (а такие прецеденты — явление самое что ни на есть обычное), но и разрешил переход в класс Александра Иосифовича Батурина, у которого «звучали» ВСЕ и у которого мой голос стал мало-помалу выправляться. Не настолько, впрочем, чтобы после двух лет подготовительного отделения автоматически стать студентом основного курса консерватории.

Оставив в батуриновском классе, Свешников перевел меня на третий курс музыкального училища при консерватории, где я штудировал лишь теоретические дисциплины да посещал занятия хора. Оставили меня и в консерваторском общежитии на Дмитровке, поскольку к тому времени я сочетался браком с Риммой Тараскиной, — разбивать молодую супружескую пару в деканате не решились. Больше того, когда осенью 1961 года у нас с Риммой появился сын Андрей, именно А.В. Свешников хлопотал об устройстве его в дом ребенка, чтобы Римма не брала академического отпуска. Без участия Свешникова моя беготня по патронажным комиссиям, безусловно, успеха бы не имела.

В течение целого года жена ездила по несколько раз в день на станцию метро «Динамо» кормить ребенка, но зато год не потеряла. Был и еще один досадный фрагмент биографии, после которого меня вполне можно было не только вышвырнуть из общежития, но и вообще исключить из училища: я ввязался в жуткую драку с весьма печальным для моего противника исходом. И в этом случае А.В. Свешников ограничился отеческим внушением.

Дипломную программу в июне 1963 года я спел очень прилично, однако о Большом театре и задумываться не приходилось. Кстати, вместе со мной окончила училище Тамара Синявская. Одновременно диплом об окончании консерватории защитила Римма. Ее приглашали в Ленинградский Кировский театр на партии Марфы («Царская невеста»), Татьяны («Евгений Онегин»), Мими («Богема»), однако она пожелала остаться при муже, которого брали в Краснознаменный им. А.В. Александрова ансамбль песни и пляски Советской Армии. Посчитав пение в ансамбле для себя унижительным, я уговорил Римму поехать в Норильск. Просто так, просто разложить по полочкам объем полученных знаний.

И СНОВА — НОРИЛЬСК!

В первых числах сентября 1963 года Норильск встретил снежком и легким морозцем. На первых порах, естественно, обосновались у моих родителей. Первые же дни ничегонеделания привели к обоюдной хандре и вполне очевидной мысли о совершенной, быть может, непоправимой ошибке — что НАМ Норильск, что МЫ Норильску?

Тут-то и вмешался Его Величество Случай. Если в Москве смотреть телевизор было недосуг, то сейчас я получил возможность отсматривать программу Норильского телевидения от и до. Один из первых дикторов НСТ Евгений Дудник читал тогда сказку Джанни Родари «Джельсомино в стране лжецов». Вроде бы хорошо читал, но... Короче говоря, исполненный

апломба и самонадеянности, я отправился на студию телевидения. Обязанности находившегося в отпуске директора Дмитрия Кузьмича Карпова исполнял главный редактор Виталий Жуков, сообщивший, что вакансий на студии нет, но мне не возбраняется походить, посмотреть, поспрашивать, поинтересоваться.

В просмотровом зале познакомился с режиссером Рахилью Марковной Лариной — самым первым диктором НСТ, о чем я узнал позже. А тогда эта миловидная женщина, уже послебальзаковского возраста, была явно чем-то расстроена, то и дело вытирала глаза кружевным платочком. Она отсматривала присланную из Москвы киноплёнку о спортивных событиях в стране и за рубежом. Надо заметить, что в то время и на Центральном телевидении видеозаписи еще не было. Несколько раз в неделю самолетом доставлялись в Норильск киноматериалы с прилагаемыми к ним текстами. Озвучание киноплёнки производилось вживую силами местных дикторов, комментаторов или журналистов. В этот раз на Шаболовке поднапутали — не совпадали тексты и кинокадры. По тексту должен выйти на ринг Теофило Стивенсон, а на плёнке прыжок Валерия Брумеля. Бедная Рахиль Марковна, рафинированная интеллигентка, затыкавшая уши, чуть только разговор начинал вестись в повышенных тонах, и густо красневшая, если ненароком доводилось услышать околоречное словечко, была вне себя. Стучала сухоньким кулачком по монтажному столу и горестно бормотала: «Что делать? Господи, что делать?!»

Какой-то бесенок вселился в меня в эту минуту и мне шепнул: «Валяй! Твой шанс!» Зная решительно всех спортсменов, мелькавших на экране, своими словами я откомментировал всю плёнку. Надо было видеть широко открытые глаза Рахили Марковны! С таким неподдельным уважением на меня, пожалуй, еще не смотрели!

Какими-то словами убедила она В. Жукова допустить меня к живому эфиру. Крещение состоялось в

тот же вечер. Этот закадровый комментарий и решил мою норильскую судьбу. Боюсь, что любой другой вариант выявления моих способностей был бы обречен на неудачу, поскольку отлично помню первые свои выступления в кадре — язык прилипал к гортани, в голове звенела торричеллиева пустота и даже элементарное «Добрый вечер, товарищи» норовил прочесть по бумажке. Правда, освоился я очень быстро, тем более что Женя Дудник принял во мне самое дружеское участие и немало помог практическими советами. У вернувшегося из отпуска Д.К. Карпова я вскоре вообще оказался в любимчиках и пребывал в этом качестве во все время его директорства.

«5 лет нам!» — такой клич бросил в народ журналист Юрий Борисович Геталло, собиравший праздничные материалы и отвечавший за информационную часть первого юбилея Норильского телевидения.

«5 лет нам!» — под этим лозунгом пропадали на работе, не наблюдая часов, режиссеры и редакторы, операторы и художники, инженеры и техники. Надо заметить, что в то время и творческие, и технические стороны вещания осуществлял единый коллектив.

Диктор Галина Георге и кукла Северок

С одной администрацией, одной бухгалтерией и одним директором.

Свое пятилетие студия встретила вполне сложившимся, дееспособным коллективом: редакторы Светлана Светана и Всеволод Вильчек, Анатолий Львов и Екатерина Лопато, Тамара Александрова и Виктор Москалев, Зинаида Зорькина-Деева и Маргарита Кривошеева, Елена Поддубная — автор ПЕРВОЙ передачи на НСТ! Режиссеры Дмитрий Зенюк, Евгения Кемарская, Анна Шмаенок и Нина Всесвятская, Антонина Ногинская и Ганс Мюнценмайер, Леонид Моисеев и Марина Светличная*.

Эта творческая «надстройка» зиждилась на прочном техническом базисе, обустроенном поистине легендарными в масштабах Таймыра личностями — Николаем Ивановичем Галкиным и Владимиром Николаевичем Червоненко. К этим именам инженеров по справедливости следует добавить имена их самоотверженных помощников — В.С. Леликова, В.В. Синцорова, В.В. Плевина, И.А. Калачева, А.К. Рохлова, Ю.А. Гинько.

На первых порах все происходившее в стенах двухэтажного здания на сопке между озерами Долгим и Щучьим представлялось мне как нечто само собой разумеющееся, элементарное и простое. Для выходящих в эфир передач существовало лишь два критерия оценки: передача хорошая, если мне было интересно, и плохая, если мне было скучно. Кажется, Ремарку принадлежит высказывание, суть которого в том, что препятствия, перед которыми пасует самый высокоорганизованный интеллект, посредственность просто не замечает. Что ж! Не в бровь, а в глаз. Меня, по сути еще недоросля, неискушенного во многих вопросах житейских и общественно-производственных отношений, выручали поначалу поистине детская непосредственность, победительная самоуверенность, граничившая с легкомыслием, счастливое ощущение причастности к телевизионному действу.

* Треть названных к пятилетию студии ее уже покинули. (Примеч. ред.)

В течение девяти лет (девяти лет!) наша студия находилась в полной изоляции от материка. Норильчане не могли видеть никого и ничего, кроме передач самой северной в мире студии.

Популярными становились журналисты и ведущие, более или менее часто появлявшиеся в кадре. Дикторы же и вовсе вызывали всеобщее любопытство. Постоянно сопровождаемый восторженной детворой, кричащей: «Дядя Тараканов, дядя Тараканов!», и устремленными взорами всех и вся, стоило лишь появиться в каком-либо общественном месте, я испытывал двойное чувство самоуважительной приятности и скоро появившейся усталости от назойливого внимания. Не спасали ни темные очки, ни до бровей надвинутый головной убор, ни даже, смешно вспомнить, наклеиваемые иной раз театральные усы. Однако выдавал голос. Зато и реакция людей, не узнавших тебя в лицо, но заинтригованных таракановским голосом, бывала столь неподдельной и непредсказуемой, что вполне могла претендовать на сюжет в американском сериале «Скрытой камерой».

По семейным обстоятельствам сразу после встречи Нового (1964) года уехал в Усть-Каменогорск Жёна Дудник. И остались мы с Галиной Степановной вдвоем. И на телевидении, и на радио. Последнее, впрочем, нас не слишком обременяло, поскольку вещание велось тогда из комнатухи буквально в нескольких шагах от телевизионного павильона. Тридцатиминутная программа радио выходила в эфир в 18 часов, телевидение — в 19 часов. Так что удавалось благополучно сочетать обе ипостаси. Скромная до застенчивости, Галочка Львова была лишена какой-либо амбициозности и уж тем более честолюбия. Она безропотно уступила мне бразды правления дикторским цехом. Ну, положим, управлять пока было некем. Это в ближайшем будущем в связи с увеличением объемов вещания нас окажется четверо и должность старшего диктора станет объективной необходимостью. А началось с того, что редакции радио предоставили

просторное помещение на третьем этаже того здания, где расположено агентство Аэрофлота. Заодно по результатам общегородского референдума перенесли время вещания с 18 часов на 7.30 и плюс прогноз погоды передавали в 6.55. Так что сплошь и рядом, за полночь попрощавшись с телезрителями, приходилось вскоре освобождаться из объятий Морфея и поспешать на радио. Благо, что чета Львовых (Анатолия Львовича, не единственного, но, пожалуй, основного летописца Норильска, горожане конечно же отлично помнят) жила на Советской, 1, да и от моего дома № 3 на Московской улице до нового местопребывания радио было рукой подать. Однако такой беспорядочный режим с дробленным, постоянно меняющимся графиком никак не мог нас устраивать до бесконечности, и вскоре мы с коллегой возроптали. Собственно, Галина Степановна роптала втихомолку, а горластым петушком наскакивать на администрацию довелось мне. И небезуспешно! Изыскал-таки Дмитрий Кузьмич возможность пригласить на полставки Эдуарда Александровича Чекишева, который и выручал нас на радио в течение многих лет. К сожалению, ветеран Великой Отечественной частенько прихварывал.

По личной ли просьбе или в экспериментально-приказном порядке была переведена из редакторов в дикторскую группу Жанетта Валентиновна Дунаева. Низкий грудной голос, незаурядная эрудиция, импозантная внешность позволили ей со временем стать диктором высокой квалификации. К нашему разочарованию, журналистская жилка взяла у нее верх, и Дунаева немало лет затем работала в «Заполярной правде».

На ее место, утвержденное теперь штатным расписанием, испытали режиссера Н.М. Никитину. И вновь не прогадали. Из Норильска Наталья Михайловна уехала специалистом, свободно ориентирующимся во всех телевизионных жанрах. Ее отличали звучный голос приятного тембра, благородная

внешность, раскованная манера общения и недюжинные организаторские способности. Правда, вот уж кому честолюбия было не занимать! И строптивного характера тоже. В общении с нею приходилось ухаживать остро, а иные замечания в ее адрес, пусть и совершенно объективные, оставлять при себе, дабы не стать жертвой ее острого язычка.

На полях чудом сохранившегося сценария прочитал: «12 февраля 1965 года зачислен в штат НСТ сочинский диктор Аскольд Паскевич». С ним нас связала многолетняя дружба. Аскольд был исключительно жизнелюбивым человеком, веселым, незлопамятным, душой и заводилой в любой компании. В Норильске снискал репутацию «правительственного» диктора — в его хорошо поставленном голосе преобладали тембровые краски этакой монументальности, высокого штиля, патетики, что не всегда соответствовало содержанию и характеру попадавших ему в работу материалов. Но в своем амплу Паскевич, безусловно, был первоклассным диктором. В Норильск он прибыл с актрисой Мариной Кутиловой, типичной представительницей артистической богемы, поразительным образом оправдывавшей свою фамилию. Так что впоследствии никто не удивился и не выразил сожаления, в первую очередь сам Аскольд, когда в один прекрасный день эта особа испарилась из города с каким-то заезжим гастролером. Несколько дней потом выполнял я работу «за себя и за того парня», проникнувшись абсолютно искренним желанием коллеги насладиться свободой и достойно отметить «праздник души».

Трудно сказать, как бы сложилась моя дикторская карьера (и сложилась ли бы?!), когда б не сказки, к которым я получил доступ сразу после отъезда Е. Дудника. Не раз обыгранная в КВНах знаменитая фраза Н.Н. Литвинова с удивительной его интонацией «Здравствуй... дружок!» как бы напутствовала меня всякий раз, лишь только загорался огонек телекамеры. И уроки, преподанные в детстве бабками Анной и

Варварой Федоровнами, не пропали втуне — каждый персонаж наделялся ими индивидуальными чертами характера. И своих сказочных героев я пытался оживлять образами конкретных людей, когда-либо встреченных, когда-либо общавшихся со мною при тех или иных обстоятельствах. То приходила на память бойкая цыганка с привокзальной площади в Златоусте (как я ни отбрыкивался, а все-таки ухитрилась она нагреть меня на червонец), то распевный волжский говорок продавщицы безымянного гастронома, то интонации того же, светлой памяти Николая Николаевича Литвинова.

Убежден, что если чтение сказки не доставляет определенного эстетического наслаждения рассказчику, то и детскую, и взрослую аудиторию оставит она равнодушной. Упомянуть, даже фрагментарно, исполненное за 28 лет на НСТ бессмысленно — это сотни и сотни народных сказок, басен, оригинальных произведений русских и зарубежных классиков, а сочинения Павла Ершова, Бориса Шергина, Николая Носова, Виктора Драгунского, Алексея Толстого и Корнея Чуковского повторялись неоднократно по многочисленным просьбам не только детвора.

Подлинной и наилучшей школой для рассказчика оказалось не только и не столько частое «общение» с телекамерой, сколько встречи в детских садах и школах. Приходилось не без удивления обнаруживать, что выигрышные места исполняемого произведения оставляют детей безучастными, тогда как проходные (с моей колокольни проходные!) моменты вызывали жизнерадостную реакцию. Своего апогея такие встречи достигали к моменту, когда я предлагал детям задавать вопросы: «А вот когда вы были маленьким?..» И надо было видеть изумленные глазенки, когда я сообщал, что в нашей деревне на Урале долгое время не было электричества и мы, стало быть, сидели без света. Спать укладывались с солнышком и вставали с ним же. Что даже керосиновую лампу зажигали нечасто — дорого. Что по ночам нередко бабушка

стаскивала меня с теплой русской печки (взрослых будить не полагалось — им следовало хорошенько отдохнуть перед трудовым днем) и заставляла держать горящую лучину, при тусклом свете которой она месила тесто, лепила караваи, а когда и пироги «с дровами» — так дед величал начинку из высушенной, дробленой черемухи. Заранее наструганные смолистые щепки прогорали быстро, и стоило зазеваться, не поджечь вовремя от догорающей лучины следующую, как изба погружалась в непроглядный мрак. И тогда баушка (это по-уральски) награждала меня подзатыльником. Не то чтобы со зла, а потому что приходилось теперь разжигать новую лучину спичкой, а спички — это тоже было дорого. Свою козью ножку — такой длинный узкий кулечек из газетного обрывка, начиненный махоркой, — дед никогда от спички не раскуривал. Для этой цели у него (помните сказку Г.Х. Андерсена «Огниво»?) были трут, кресало и кусочек кварца.

От души веселились ребята, когда я рассказывал о своем детском чувстве зависти к одному из приятелей деда, носившему редкую фамилию Синябрюхов. Совершенно искренне я полагал, что живот у него и впрямь синего цвета. Жутко я ему завидовал. Но коль дедушка Синябрюхов и зимой и летом ходил заправленным в сто одежек, то и злорадствовал я втихомолку: ладно-ладно, брюхо-то у тебя хоть и синее, да зато никто этого не видит!..

Грешен, долгое время свой репертуар я разнообразил лишь произведениями юмористического толка, заранее «обреченными» на успех, рассчитанными на позитивное восприятие, на веселое настроение. И эпизоды из собственного детства припоминал лишь так или иначе связанные с моментами развлекательного характера. Хотя чего уж там смешного, коли бабусенька моя родная грохнулась в обморок у корыта со стиркой: любимый внучек, в два кольца обвитый громадным ужом (удивительно, как вообще далась в руки трехлетнему малышу такая рептилия), ухватив

змеюку за «горло», щедро протянул ее бабушке — на, баба!

Вспоминаю и трогательный случай. Это произошло в Челябинске, в первом послевоенном году, в день выборов в Верховный Совет СССР. Люди старшего поколения помнят, КАК обставлялись такие дни в те времена. Актовый зал средней школы № 1 был заполнен до отказа. Шестилетнему мальцу удалось прошмыгнуть туда. Плотная масса стоявших зрителей напрочь закрывала происходившее в другом конце зала. И вдруг над толпой выросла потрясающая фигура мужчины во фраке. Он оказался выше всех на целый метр! Мне было невдомек, что это дирижер поднялся на возвышение, чтобы оказаться на виду у всех. Он поклонился публике, повернулся к залу спиной и приподнял руки. В правой руке его я заметил палочку, сразу же безотчетно приковавшую к себе мое внимание. Вот она взметнулась — лавина, каскад, фейерверк ослепительно-волшебных звуков взорвали стены зала! Сердечко мое подпрыгнуло, затрепетало в невообразимом ощущении сказочного восторга. Гремел симфонический оркестр, но оркестрантов-то я не видел! Ни одного! Я абсолютно был убежден, что чарующий поток звуков рождается, повинуюсь воле ПАЛОЧКИ дирижера. Наивный мальчик! Во дворе нашел я подходящей длины дощечку. Быстрого палочку. Взобрался с нею на табуретку, взмахнул палочкой... И если бы тогда вдруг ЗАЗВУЧАЛ оркестр, я ничуть бы этому не удивился... Увы...

...Из вечера в вечер читать сказку только и только мне практически было невозможно, и потому в роли сказочников подвизались актеры драмтеатра Игорь Касюра и Борис Балякин да еще не рассказывавшая, а буквально нашептывавшая текст воспитательница детского сада Кривошеева (имя-отчество шептуньи запаматовал). Актеров театра, по сию пору пробавляющихся мизерным окладом, надо полагать, прельщал пусть крохотный, аж 4 рубля 50 копеек, гонорар за каждое выступление. Но и для дикторов, если сказка

читалась ими не в рабочее время, эта сумма также являлась определенным стимулом. Кстати, тарифный расклад в то время был таким: месячная ставка диктора третьей категории составляла 110 рублей, второй категории — 130, первой — 150, диктор высшей категории получал 190 рублей. Негусто. И дополнительный заработок в 40–50 «карбованцев» оказывался отнюдь не лишним.

Когда изредка ублажали малышей на сон грядущий Галя Львова, Наташа Никитина или Жанна Дунаева — куда ни шло. Но когда такая возможность предоставлялась Паскевичу, я не смеялся, я рыдал, катаясь по полу в приступах гомерического хохота, когда Аскольд воспроизводил прямую речь Колобка или сестрицы Аленушки так, словно сообщал о производственных достижениях медеплавильщиков. Впрочем, убедить его категорически отказаться от совершенно несвойственного ему амплуа, большого труда не составило.

Аскольд Алексеевич (или просто Асик, или Пасик, так не только заглазно могли называть его решительно все на студии), почти сразу по приезде в Норильск ставший секретарем партийной организации и перевыборочно занимавший эту должность до последних дней своей жизни, был любимцем, если не всеобщим, то, во всяком случае, большей части коллектива. Равно как и управления «Шахтспецстрой», где он, до того частенько напевавший: «Устал я греться у чужого огня...», нашел свою судьбу в лице Виктории Федоровны Гапоненко. И это была его Синяя птица! В Норильске появились у них и красавица Светлана, и с полным набором мальчишеского озорства сын Виктор. Кстати, могу считать себя его крестным, поскольку имя сыну Паскевича дано с моей подачи. Дважды папаша, гордый и счастливый, расхаживал по студийным коридорам и полусутожно-полусерьезно жалобно сетовал — имя новорожденному все еще не было выбрано.

— Эдька! Ну как назвать?!

— Мне бы твои заботы, Пасик. Чего тут думать? Пацан родился 9 мая, то есть в День Победы, то есть в день славной Виктории, то есть посчастливилось твоей Виктории салютовать в день Виктории сыном Виктором. И иди ты со своими проблемами... в загс.

Дорогой наш партайгеноссе безвременно скончался во время отпуска в Новошахтинске 24 сентября 1983 года. Светлая ему память...

Сегодня даже трудно поверить в следующее. Одно дело выдать в эфир, скажем, сказку, интервью или информационную программу (до 1975 года — «Панорама», затем — «Север») — это и технически, и практически достаточно просто. Но в условиях тесного студийного павильона осуществить показ «полнометражного» спектакля в трех-четырёх актах! Право, это настоящий подвиг.

Между тем Норильское телевидение реализовало в прямом (!) эфире помимо постановок драматического театра им. Маяковского («Горе от ума», «Дядя

Фотография на память: участники цикла передач «Мы живем на Таймыре». Эфир 26 марта 1972 года. Вверху (первый слева) — ведущий Эдуард Тараканов

Ваня», «Стряпуха» и др.) ряд сложных собственных телеверсий, таких, как «Страх и отчаяние в Третей империи» Бертольда Брехта (1966 г., режиссер Леонид Моисеев), «Вы ошиблись, доктор Гарстен» Георга Гаскила (1968 г., режиссер Эдуард Беднов), «Четыре монолога Артура Миллера» по его же, американского драматурга, пьесе «Цена» (1968 г., режиссер Игорь Шадхан). В 1969 году последовала инсценировка сказки Евгения Шварца «Красная шапочка». Не помню, кто был ее режиссером.

Много было передач, связанных с организацией большого числа участников. Это и КВНы, и турниры-конкурсы: «Мы живем на Таймыре», «Край наш Красноярский», «Веселый светофор», «ГТО, ГТО, ГТО!», «Знай наших!», «Поем тебя, Заполярье!».

Значение последнего в культурной жизни города трудно переоценить. Передачи этого цикла представляются одним из наивысших достижений докоммерческого периода Норильского ТВ. На абсолютно бескорыстной основе, без дорогостоящих призов и денежных вознаграждений подлинный фестиваль народного творчества продолжался, пусть с перерывами, с 1969 по 1982 год! Популярностью он пользовался совершенно потрясающей, вряд ли ожидаемой редактором Стеллой Ямонт и режиссером Эльгой Кохановой. Заявки на участие в конкурсе, всевозможные предложения, стихи и ноты стекались на студию телевидения со всего Красноярского края. Осилить такую махину, поднять такой пласт силами лишь редакции художественного вещания было немислимо. В три тура ежегодный конкурс «Поем тебя, Заполярье!» стал, по существу, детищем всего коллектива НСТ.

Какие неординарные силы талантливой самодеятельности вызвал он к жизни! Не смогли остаться в стороне и профессионалы. Композиторы И.А. Бочков, В.Н. Клепинин, Л.Н. Кузьмин, И.Т. Шестериков, красноярский бард Александр Шемряков — авторы многих вокальных сочинений, прозвучавших с экрана.

В конкурсе принимали участие эстрадно-симфонический оркестр Дворца культуры комбината под управлением Асхата Багликова, оркестр народных инструментов музыкального училища (В.К. Яровой), городской эстрадно-симфонический оркестр под управлением П.В. Шевченко.

Самобытное искусство демонстрировали национальные фольклорные ансамбли «Хэйро» (Дудинка) и «Бускан» (Норильск, О.И. Найдешкина-Ковалева).

Оригинальные программы представлял городской академический хор (руководитель и дирижер заслуженный работник культуры России Фаина Даниловна Чепель) и русский народный хор Дворца культуры комбината (организатор, руководитель и дирижер заслуженный работник культуры России Нина Григорьевна Устинова).

Не однажды радовало телезрителей вокальное трио (руководитель Г. Калюжный) медного завода — Оля Найпак, Нина Исаева, Аля Королева. Об ансамбле «Снежинка», организованном Михаилом Пономаренко еще в 1966 году, и говорить не приходится. «Снежинки» — Людмила Власова, Светлана Пинюгина, Татьяна Полозова и Лидия Русских (состав 1977 года) буквально порхали в лучах заслуженной признательности норильчан.

К вокальному трио в составе Елены Истратовой, Владимира Клепалова и Валентины Сморгыго, родившемуся и сформировавшемуся благодаря знаменитому Грушинскому фестивалю авторской песни, даже как-то и неудобно употреблять определение «самодетельное», настолько профессионально звучал этот ансамбль солистов. Да и немудрено — Лена Истратова не только окончила в свое время наше музыкальное училище по классу фортепьяно у В.С. Голованова, но затем еще и Новосибирскую консерваторию. Так что уж ей-то и карты в руки.

С первого же конкурса принимал участие в незаурядном творческом состязании инженер Борис Вершинин. 1944 год был началом норильской био-

графии Бориса Александровича. Мальчонкой по личной просьбе директора комбината В.С. Зверева выступал перед заключенными в составе джаза КВО (культурно-воспитательный отдел). Солировал на аккордеоне, освоенном практически самостоятельно. Мальчонкой облазил окрестности Норильска от Валька до Амбарки, вряд ли подозревая тогда, что бегаёт по несметным сокровищам, ждущим своего часа. Мальчонкой знал уже, как достается руда, что стоят электроэнергия и тепло, насколько желаннее бывает свежая картофелина деликатесной паюсной икры. Ему ли не знать, не чувствовать духовную суть Норильска, его звенящий нерв, его неукротимую поступь «за металл», потрясающую воображение бесценную кладовую блистательных талантов и трагически-прекрасных судеб!

Творчество самодельного композитора к началу 1990-х годов увенчала фирма «Мелодия»: был выпущен пласт-гигант «Норильские сны», вместивший одиннадцать лучших песен Вершинина в прекрасной аранжировке и в прекрасном исполнении Василия Лихача и Геннадия Дубинского. В пятидесяти тысячах экземпляров разошлись по стране песни Вершинина на стихи норильских поэтов Эдуарда Нонина, Юрия Медведева, Юрия Бариева и Юрия Климова.

В моей фонотеке хранятся два экземпляра этой грамзаписи, а не так давно Борис прислал мне по кузбасскому адресу свой музыкальный видеофильм «Серенады Севера» и компакт-диск «Позови меня в норильские сны», за что я бесконечно ему благодарен. Думаю, что на этом Борис Александрович не остановится. Дай Бог!

До сих пор большую симпатию вызывает у меня творчество и другого самородка — инженера Бориса Филоновича, энтузиаста из той породы чудачков, кто не даёт закиснуть в обыденной повседневности, кто вечно куда-то спешит, хлопочет, фонтанирует идеями, замыслами, планами и проектами, немало не смущаясь их явной подчас неосуществимостью.

Году в 1964-м он принес мне свои сочинения, поразившие чудовищной музыкальной безграмотностью, абсолютным игнорированием законов гармонии, полным незнанием вокальных возможностей голосов различных типов. Но! Все они были преподнесены с такой страстью и темпераментом, с таким всеокрушающим обилием эмоций, что невольно подумалось: «А ведь в этом что-то есть!»

К великому сожалению, не внял тогда Борис Петрович моему совету, который я не устал повторять в течение многих лет, озаботиться музыкальным образованием на профессиональной основе. «Боря, — говорил я ему, — вот за эти годы, что мы с тобой препираемся, ты бы уже две консерватории окончил, членом Союза композиторов бы стал!» Увы, по неведомым мне причинам предпочел талантливейший мелодист эмпирический путь проб и ошибок — в музыке труд поистине сизифов, изнурительный и неблагоприятный. Расточительный бессребреник налево и направо расплачивался с оркестрантами и аранжировщиками, переписчиками и дирижерами, исполнителями и концертмейстерами и бог знает еще с кем — только бы удалось услышать в законченном виде свое произведение, выстраданный, оживший свой замысел. И когда удачное стечение обстоятельств сталкивало его с добросовестными профессионалами, тогда только и появлялись наилучшие образцы его творчества: патриотическая баллада «Крыло России» на слова Эдуарда Нонина, окрашенные искренним, неподдельным лиризмом «Весна в Норильске» и «Осенний ноктюрн» (автор текстов Юрий Медведев), дивный романс на стихи Расула Гамзатова «День твоего рождения» и, на мой взгляд, лучшее из лучших его произведений — баллада «Ковыли» (Юрий Медведев), посвященная живым и павшим участникам Сталинградской битвы. Это сочинение без каких-либо натяжек высокопрофессиональное, продуманное и точенное во всех компонентах.

Однажды в отличном тонзале Красноярского радио мне довелось записывать свой концерт из про-

изведений советских композиторов и наших норильских авторов. Из павильона звукозаписи с внешним миром можно общаться лишь с помощью жестов и мимики через акустически непроницаемое окно. Надобности в этом, однако, не возникало, поскольку вся программа была тщательно отрепетирована, и запись шла без остановок. Сквозь прямоугольник специального стекла видны были неподвижные фигуры звукорежиссера и редактора передачи, склонившихся над пультом, — для них это была обычная, рядовая, повседневная работа, и казалось, никакие творческие изыски, никакие эмоциональные всплески исполнителя не способны вывести их из этого индифферентного состояния. Но когда мы с концертмейстером Еленой Иоакиманской приступили к записи песни Бориса Филоновича «Отпусти меня, зима» (слова Сергея Селиванова), фигуры зашевелились, задвигались, в аппаратной появился еще один человек, потом еще и еще. По окончании записи меня забросали вопросами: что за песня? откуда? кто автор? Люди сомневались: «Да не может быть, чтоб из самодеятельности!»

Возбудить любопытство в людях, изо дня в день купающихся в музыке, что-нибудь да значит. Такая комплиментарная ситуация — наивысшая оценка творчества самодеятельного композитора...

ПЛЮСЫ НОРИЛЬСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Конкурс «Поем тебя, Заполярье!» послужил превосходной разминкой, своеобразным трамплином перед участием норильской самодеятельности во Всесоюзном музыкальном турнире городов, проводившемся Центральным телевидением в 1973 году. Жребий свел тогда Норильск с Брестом. Никаких шансов норильчане не оставили тогда своим соперникам, на голову превзойдя белорусов во всех отношениях.

В том же 1973 году наша студия размахнулась на постановку оперы. Конечно, одноактный рахманиновский «Алеко» по сложности своей далеко не «Царская невеста» и не «Князь Игорь», но однако ж все-таки

опера! Премьера состоялась 28 мая. Это был дебют вокальной студии Дворца культуры (педагог Римма Федоровна Тараскина). В заглавной партии — пла- вильщик никелевого завода Анатолий Сидоренко. Партию Земфиры исполнила воспитатель детского сада Людмила Тайдамаха. Молодой цыган — огне- упорщик РССУ Дмитрий Савельев. Карнавала по этому поводу в городе не состоялось, но не могу здесь не привести один из трогательных откликов, посту- пивший в адрес художественной редакции. Письмо умилило всех своей непосредственностью, и я пред- лагаю его вниманию читателей, сохранив стиль, пунктуацию и орфографию:

«Уважаемы работники телевидения, с чего начать право я незнаю, но 28 мая посмотрела оперу «Алеко» поставленную Норильским Дворцом культуры, это здорово, у нас своя «Опера»! И прошу поблагодарить всех кто руководил ее постановкой, все играли свою роль хорошо, это так неожиданно, старый цыган — Эдуард Тараканов просто скажу умница, настоящий цыган, играл открыто, я это понимаю так, что все время лицом играл. Алеко — Сидоренко тоже хорош, но отворачивался много раз, когда хотелось его лицо видеть, он так переживал свою утрату, но увы, надо было видеть его лицо, надо пережить вместе с ним, а лица не было, может я не так понимаю, но мне кажется, что всю роль играет лицо. Молодой цыган хорошо играл, но мне кажется, что для цыгана сильно уж звонкий голос, а играл хорошо, ну о главной роли Земфиры и сказать нечего она хороша, настоящая цыганка. Я полюбила оперу не сразу смотрела раньше и непонимала. А однажды посмотрела Чио-Чио-Сан и вы знаете это диво, я вместе с ней переживала ее горе. «Пиковая дама» — очень хорошо все поняла. Желаю дальнейших успехов оперным певцам, а так- же всем кто пойдет принять участие в этом искусстве. С уважением Работница РСУ ЖКУ маляр-штукатур Ч.А.Д. Извените что фамилии не пишу, меня могут поднять на смех, что я люблю оперу. Извените».

Вот ведь как! Обнаружившая вкус к классической музыке, не имеющая музыкального образования работница стыдится сказать подругам о своей любви к опере — засмеют!

В какой-то связи с вышеупомянутыми турнирами, конкурсами, постановками и передачами упомяну о деятельности работников звукоцеха. Работа этих «бойцов невидимого фронта», естественно, всегда остается за кадром. Улавливает ее лишь наше ухо, но вряд ли кто обращает внимание на эту деталь. И правильно! Если музыка вас не раздражает, значит, все в порядке. Значит, звукорежиссер не ошибся в подборе музыки для данного сюжета, передачи, данной ситуации.

Должным образом расположить микрофоны в павильоне, «зарядить» магнитофоны, поколдовать над рычажками микшеров за пультом — дело тоже отнюдь не второстепенное. За три десятилетия, что отданы мною Норильскому телевидению, звукоцех оставался одним из самых стабильных по своему составу. Без труда могу перечислить практически всех специалистов: мой тезка Едикиселов, Лев Супоницкий, Альфред Пахомов, Людмила Липаева, Валентин Верушкин, Наталья Носкова, Майя Мороз, Наталья Эллерберг да две Татьяны — Кожемякина и Кузичева. Уж чего-чего, а опыта никому из них было не занимать.

Косвенно со звукоцехом связана история, в которой его сотрудникам пришлось выступить в качестве экспертов. В начале июня 1967 года или 1968 года сдавал я весеннюю сессию в Москве, заканчивая очередной курс на вокальном факультете института им. Гнесиных. Все экзамены и зачеты были сданы, авиабилет до Норильска лежал в кармане. Оставался день или два для завершения кое-каких формальностей. Супруге моей Римме Федоровне Тараскиной была известна дата моего вылета из Москвы. И вдруг получаю от нее срочный вызов из телефонные переговоры. Недоумевая, мчусь на Центральный телеграф. В трубке раздается рыдание, а потом сквозь

слезы: «Немедленно вылетай! Ты в какой компании похабные песни распевал? Савчуку пленку принесли, на которой ты записан. Сплошная нецензурица, говорят. Да верю я тебе, верю, но голос-то, говорят, на пленке твой!»

Далее разговор шел в том же духе. Не могу не отметить, что и сегодня кроме несколько приклатенной, но совершенно безобидной песенки о пресловутом чемоданчике других просто не знаю, поэтому отбыл в Норильск абсолютно спокойным. Однако на студию отправился уже в некотором смятении — что за черт, в самом деле? Что происходит? До работы Д.К. Карпов меня не допускает — иди к Савчуку. Иду. Без проволочек допускаюсь в кабинет Первого. И без того малоулыбчивый, Иван Александрович чернее тучи. Потрясая кассетой, по обыкновению нажимая на «о», Иван Александрович грохочет: «Это как же понимать? Первое лицо в городе! Рупор государства! Это же позор!» Видя, однако, что я остаюсь в общем-то невозмутимым и спокойным, Савчук несколько смягчается: «Завтра в 10 часов буду на студии. Послушаем вместе с комиссией. Но если это ТЫ напоянил — пойдешь улицы подметать!»

Назавтра в кабинете Карпова кроме самого директора собрались главный редактор Лопато, главный звукорежиссер Супоницкий, музыкальный редактор Кривошеева, звукорежиссер Пахомов, редактор выпуска Гончарова, вроде бы еще кто-то. В десять с минутами подъехал И.А. Савчук. Опустился на диван, протянул кассету Супоницкому...

В напряженной тишине раздалась какие-то выкрики, нестройный хор голосов, звон бокалов и непристойные реплики, то есть полный набор элементов заурядного пьяного застолья. Потом зазвучали гитарные переборы, после которых голос запел. Я вздрогнул: «Мой голос! Что за притча?! Как же так?.. Да нет, нет, не мой голос, но феноменально похожий!» Песня действительно оказалась весьма непотребной — что-то о норильских подъездах, в которых творятся не-

сусветные зверства, насилия, извращения и прочее, густо замешанное на непечатном фольклоре. Опешив было поначалу, я начал улыбаться, заметив улыбки и на лицах членов комиссии «экспертов». И не только мое тренированное ухо легко могло уловить, что поет тот, кто сам себе и аккомпанирует, а я не то чтобы гитары отродясь в руках не держал, но и простейшего аккорда изобразить на ней не в состоянии.

До конца кассете отзвучать не дали — повелительным жестом Савчук остановил прослушивание. После короткой паузы слово взяла М.И. Кривошеева, собственно тут же и поставившая точку в несостоявшемся обсуждении-экспертизе: «Иван Александрович, голос, конечно, очень похож, но это не Тараканов. А певца я хорошо знаю, да и не только я. Это Авдеев, бывший то ли солист, то ли хорист Большого театра. Он отбывал в Норильске срок по 58-й статье. Сейчас, кажется, уже уехал, но таких записей оставил после себя немало...» Это подтвердили и звуко-режиссеры.

Начало начал на телевидении, его основа, бесспорно, — это журналистика. Журналист — автор, редактор, ведущий, комментатор, интервьюер, собеседник, а нередко и режиссер собственных материалов. На журналистскую братию Норильскому телевидению везло необыкновенно. Сценарно-литературную сторону вещания начинали будущие мэтры. Одну из первых работ о природе ТВ напишет наш Всеволод Вильчек (искусствоведение). Пост главного редактора в разное время занимали такие асы пера, как Е.А. Лопато, А.Л. Львов, В.Е. Кравец, А.М. Тыцких. На фоне этих мастеров не потерялись Тамара Маслова, Ирина Червакова, Лина Нестеровская, Николай Ушков, Альбина Антипова, Олег Соловьев, Сергей Шульгин. А кто из бывших студийцев не сохранил добрую память о Зинаиде Иосифовне Зорькиной, о Паше Волчковой и Боре Онуфриеве, Лире Абдулиной и Вике Бакотиной?

Любопытно, что в течение десятилетий могут проработать на одном месте осветитель и диктор, оператор и звукорежиссер, а у журналистов, по-видимому, есть какая-то предрасположенность к смене мест приложения своих сил. Припоминая, с удивлением обнаруживаешь, сколько же их было, оставивших след в истории Норильского телевидения: Лилия Рудакова, Алла Щербинина, Наталья Карпова, Ирина Чиркова, Виталий Антипов, Галина Бубис, Володя Крылов, Зоя Дмитриева, Ирина Ронгайнен, Эдуард Шилаев, Татьяна Чайка...

Оставаясь верной профессии журналиста, более 20 лет находилась у кормила власти НСТ целеустремленная и «жесткая» Раиса Петровна Смолова*.

Редактора художественного вещания Нину Яковлевну Сербину «увели» со студии, вверив ей должность заведующей отделом культуры Норильского горисполкома.

Жанна Валентиновна Дунаева несколько лет руководила редакцией «Заполярной правды». И ныне вряд ли какая телекомпания может похвастать наличием в своем штатном расписании в качестве редактора писателя и драматурга. А таковым был автор нескольких пьес норильской тематики, поставленных на сцене нашего театра, Виктор Левашов.

А служители Евтерпы и Эрато?!

Кроме упомянутых Лиры Абдулиной, Валерия Кравца и Алексея Тыцких шесть лет отдал НСТ Леонид Виноградский, отметившийся не только в сборнике Ю. Бариева «Гнездовье вьюг». Норильчане скорее всего помнят Леонида Ивановича как автора и ведущего популярной некогда программы «Никаких проблем», трансформировавшейся затем в развлекательную передачу «Все свои».

Самой сложной, молодежной аудитории адресовались передачи выпускника МГУ Андрея Ласкателева. Владевший английским языком, неистощимый

* Воспоминания Р.П. Смоловой опубликованы в книге второй издания «О времени, о Норильске, о себе...».

на выдумки, он непринужденно держался в кадре, горазд был на мгновенную импровизацию. Искрометные его передачи находили живой отклик не только у молодежи.

Если у истоков радиовещания находились Елена Поддубная, Виктор Зинченко, Борис Руденко, Юрий Геталло, то журналист от Бога Анна Трофимова пребывала на этом посту лет двадцать. Все эти годы она отчаянно боролась за автономию редакции радио или, во всяком случае, за относительную независимость от крутого диктата Р.П. Смоловой, что вряд ли способствовало и качеству их взаимоотношений, и качеству радиовещания. Впрочем, руку на пульсе комбината Анна Яковлевна держала достаточно уверенно.

Как на радио, так и на телевидении журналисты пристально следили не только за строительством таких гигантов, как Надеждинский металлургический или рудник «Октябрьский». Их можно было встретить на всех переделах и участках комбината. В моменты наивысшего напряжения, в моменты каких-либо прорывов, экстремальных ситуаций на том или ином производстве появлялись экспресс-программы типа «Дней и ночей Комсомольского» Валерия Кравца. Крупная авария на газопроводе в январе—феврале 1985 года потребовала от журналистов и кинооператоров такой самоотдачи, что впору обозначить ее, не скупясь ни на какие эпитеты. Они возвращались на студию жутко уставшими, насквозь промерзшими и закопченными. В прямой эфир они выходили, не до конца отмыв лица.

Более 10 лет существовала передача с немудреным, но емким названием «Надежда». В эфир она выходила еженедельно. Готовили ее, передавая друг другу эстафету, журналисты Виктор Кравченко, Николай Ушков, Борис Онуфриев, Владимир Баранов, Вячеслав Камышев, Олег Соловьев. Таким же образом отслеживался и ход строительства всех талнахских рудников.

Нет нужды говорить о том, ЧТО значит для Норильского промышленного района навигация на

Енисее. Собственный корреспондент в Дудинке Борис Джохадзе и редактор промышленного вещания Олег Соловьев и в этом случае не мудрствовали лукаво при выборе названия для передачи — просто «Навигация». Из года в год...

А вот и предмет особой гордости: самой первой, периферийной студией телевидения, внедрившей у себя учебные программы, была наша. Учебное ТВ для младших, средних и старших классов служило подспорьем, фактором расширения кругозора учащихся. Неоценимый вклад в развитие учебного ТВ внесли учителя Р.Н. Цикал, В.П. Сидоров, В.И. Копелевич, преподаватели из института Э.Г. Классен, В.И. Драченко, А.К. Бахареv, Э.Б. Альтшулер.

Название сатирического журнала «БАЦ» появилось в 1965 году. На доске объявлений главный редактор В.М. Шлома вывесил информацию о конкурсе на лучшее название ежемесячного сатирического журнала. Премия — бутылка «Цоликаури».

Большинство выпусков «БАЦа» мы начитали с Натальей Никитиной, причем иной раз сорвались слегка из-за совпадавшего желания озвучить тот или иной обоим приглянувшийся сюжет. Всякое бывало на страницах журнала-долгожителя: и беззлобное подтрунивание, и нелюбезная критика. Почему-то особую популярность в «БАЦе» снискало пассажирское автотранспортное предприятие. Тогдашний его руководитель Николай Васильевич Андрухов, поздравляя коллектив НСТ с 25-летием, не преминул воскликнуть: «А в «БАЦе» о нас могли бы рассказывать и пореже!»

Запомнился оригинальный ход, придуманный Павлом Филипповичем Волчковым. Его притча о потерянной совести долгое время кочевала из номера в номер сатирического журнала: валяется на дороге мешок, а в мешке — совесть. Находит мешок имярек (герой сюжета), развязывает мешок и — просыпается у него совесть. Начинает он каяться напрапалую во всех своих прегрешениях, «раскалывается» бедолага.

*Работники Норильской студии телевидения.
В первом ряду (слева направо): М. Мороз, Н. Носкова, Л. Липаева,
Т. Кожемяко, Р. Смолова, Н. Эллерберг;
во втором ряду: А. Газенко, Э. Тараканов, В. Верушкин, фамилию этой
женщины память не сохранила, А. Паскевич, В. Яшин*

Опомнится да и водворит находку на место для другого «счастливчика», а иной раз и у себя оставит...

В те времена с большим успехом у горожан пользовалась передача «Кино и зритель». Ее вели в равной степени добротной и заинтересованно интеллигентной Т.И. Марчевская, обаятельная М.Р. Домникова, ироничная Н.М. Никитина.

В актуальной для Норильска передаче «Человек и Север», в создании журнала «Здоровье» очень заинтересованное участие принимал главный врач медсанчасти комбината Анатолий Григорьевич Шевченко.

Усилиями журналистов обновлялся и пополнялся корпус внештатников, помогавших разобраться в узкопрофессиональных вопросах. Привыкли свободно чувствовать себя перед камерой начальник отдела социологии управления кадров комбината Ю.А. Барклянский, ответственный секретарь Норильского отделения Всероссийского театрального об-

щества Л.Д. Пронникова, собственный корреспондент «Красноярского рабочего» в Норильске Владимир Наумович Луцет, музыкальные работники Нина Кибалина и Зоя Семенова, председатель городского суда В.Н. Василец, директор музея Арсений Иванович Башкиров — автор и ведущий цикловой передачи «Летопись Севера»...

Когда я впервые встретился с Трофимом Яковлевичем Гармашом (работником обогатительной фабрики), внутренний голос мне шепнул: «О! Типаж!» Тщедушный мужичок оказался кладезем знаний по норильской истории. Телекамеры не замечал. Торопливо, вздохнул старался высказать как можно больше в отведенное ему время. Остановить его было крайне сложно. Хронометраж между тем соблюдался тогда неукоснительно. И выход из положения был один — задать ему пусть дурацкий, но вопрос, который поставил бы Гармаша в тупик. Ну что-нибудь вроде вопроса: «Не припомните ли, как провел вечер 10 октября 1940 года Авраамий Павлович?» И за несколько секунд замешательства архивариуса (мог и ответить!) надлежало скоренько поблагодарить Трофима Яковлевича за беседу и выразить надежду на продолжение темы в следующий раз. Подвижный до суетливости, смешливый, Гармаш был облечен той положительной аурой, которая благотворно воздействует на окружающих. Его участие в программе «По норильскому времени», без сомнения, украсило передачу. Особенно удался ему собственный цикл «Норильск. Годы войны». Уму непостижимо, как сумел он в одиночку собрать несметное количество фактов, систематизировать их...

Вот интересно: ни появление цвета, ни первые стационарные видеоманитофоны, ни передвижная телевизионная станция не произвели на нас того неизгладимого, феерического впечатления, как приход в Норильск «Орбиты». Передачи Центрального телевидения по этой системе норильчане смотрят с 7 ноября 1967 года. Но мы-то, студийцы, работни-

ки телецентра и радиопередающей станции, начали обкатывать «картинку» из Москвы несколько раньше, и я прекрасно помню пасмурный вечер 15 октября. Боже мой! За тысячи верст, из космоса, пришел московский сигнал, и на наших мониторах возникло четкое, контрастное изображение — матч по футболу «Австрия—СССР»! И хотя наши проиграли тогда 0:1, необузданному всплеску эйфории не было предела*. Хотелось петь, кричать, бить в ладоши.

Передачи «Орбиты» транслировались поначалу лишь два раза в неделю, потом три, четыре и т.д. В дальнейшем пришлось делить канал с «Орбитой» в ущерб собственному вещанию. Началась долголетняя битва за свой собственный, отдельный, автономный канал. И это была поистине БИТВА, поскольку Гостелерадио повело тогда политику свертывания местного вещания.

Сегодня предельно ясно, что это была глубоко ошибочная политика, однако не тщательно ли продуманная?! Верхним эшелонам власти было архивыгодно потчевать ВСЮ страну единообразной, пропущенной через сито жесточайшей цензуры телепродукцией. Выпестованная десятилетиями, цензура жила внутри каждого из нас. Лет этак девяти-десяти от роду я вознамерился перерисовать с журнальной обложки портрет Иосифа Виссарионовича. С цветными карандашами и ластиком-стирашкой провозился часов пять. Получилось довольно похоже, но облик отца народов конечно же был все-таки искажен. И я (малолетка!) чувствовал, что показывать свое творение никому не следует. Нельзя! Могут быть крупные неприятности. Для меня, для родителей. Такое уж время было.

Но и много позже интуитивное ощущение того, что можно, а чего нельзя, продолжает существовать где-то в подсознании. Вот совершеннейший пустячок, но в чем-то показательный: на стадионе «Заполярье»

* Как свидетельствует прочитавший эту рукопись А.Л. Львов, матч «Австрия—СССР» состоялся в Вене 5 ноября 1967 года — он лично находился тогда на стадионе. (*Примеч. ред.*)

ник» в одно из августовских воскресений шестьдесят какого-то года отмечался День физкультурника, и я решил написать в «Заполярку» отчет о спортивном празднике. Быть может, кто-то из «старых» норильчан припомнит забавный эпизод, когда за колонной спортсменов увязалась бездомная дворняга. Лохматое существо радостно гавкало, путалось в ногах у спортсменов, носилось взад-вперед, то опережая колонну, то отставая. Публика развеселилась, начав отпускать скабрзные реплики. Словно уловив всеобщее настроение, собака буквально купалась в волнах внимания, лоснясь от удовольствия и подвывая оркестру на всем пути колонны вокруг футбольного поля. Попытки дружинников прогнать животное только множили веселье зрителей. Дворняга оказалась шустрее блюстителей порядка и исчезла сама по себе, когда умолк оркестр. И на стадионе ее стало не хватать!..

Я и написал об этом эпизоде просто так, по-человечески, отлично сознавая, что редактор собаку не вынесет. Он и вычеркнул. Да и я бы вычеркнул — ерничанье вроде бы не к месту. Вот сегодня собаку бы оставили. Вычеркнули бы, пожалуй, все остальное...

При помощи дирекции комбината, горкома КПСС, окружкома профсоюзов независимость НСТ удалось отстоять. 1 октября 1984 года — день рождения автономного канала телевидения в Норильске. Насколько важной почиталась эта победа, говорит тот факт, что в тот день открывал программу не кто иной, как сам первый секретарь горкома. И то! В течение семи лет еще ежевечерне, в 21 час, — будьте любезны, иначе «низзя» — освободите канал для номенклатурной программы «Время», одновременно транслировавшейся и по всем другим каналам.

ЦВЕТНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Эксперименты с ним начались в конце 1982 года. Первой передачей в цвете — это произошло 30 декабря — стал концерт воспитанников детского сада № 55. Полностью же цветным норильский телеэкран

стал лишь спустя три года. А сколько было волнений, сколько ажиотажа! Из спецкомандировки в Ленинград главный режиссер Константин Станиславович Коваль вернулся взбудораженным: «Все, ребята! О белом цвете забыть, о черном тоже: цветное оборудование передает их очень плохо. Абсолютно противопоказан самый «страшный» цвет — зеленый. Всех выступающих гримировать поголовно и непременно! Дикторам придется поменять свой гардероб на костюмы приемлемого колера — этого требует цветная композиция».

Когда содержимое двухсот ящичков из литовского Шяуляя было смонтировано и опробовано, выяснилось, что страшилки Ковалья оказались шибко преувеличенными. И в экипировке мужчин ровно ничего не пришлось менять-придумывать, и особых косметических секретов женщинам нечего было постигать.

Куда как более революционным шагом представляется появление видеозаписи — бесценной возможности увидеть свою работу со стороны. Осмыслить ее. Сделать выводы. Появилась возможность в любое мгновение остановить запись и продлить ее, внося соответствующие коррективы. К сожалению, дивным этим благом нещадно стали злоупотреблять как режиссеры, так и участники передач. Естественно, всем хотелось, чтобы в эфир вышла «изюминка» — без сучка и задоринки. Но исчезал при этом эффект живого телевидения, исчезал элемент импровизации: чуть в сторонку от текста — остановка и грозный оклик режиссера: «Без отсебятины!»

Впрочем, ни одного еще изобретения, ни одного открытия не сделано человеком, чтобы наряду с прогрессом оно не несло бы с собой и негативного заряда. Будь то порох или атомная энергия, клонирование или двигатель внутреннего сгорания. То же телевидение безжалостно пожирает наш досуг, отлучая от литературы, театра, музыки, общения с природой да и с другом...

В первые годы своего существования телевидение, казалось, поставляло лишь положительные эмоции... Приобщавшиеся к нему творческие силы чувствовали себя окрыленными, так как могли пользоваться техническими возможностями чуда XX века, и поистине «ходили на работу, как на праздник».

Не могу забыть, КАК, с каким энтузиазмом отдавались творчеству режиссеры Анна Борисовна Шмаенок, Рахиль Марковна Ларина, Нина Петровна Всесвятская. Сейчас кануло в Лету само понятие «застольная репетиция». Тогда же такая подготовка перед эфиром являлась делом обычным и почти стопроцентно обязательным. Уточнялись текст, мизансцены, жесты (!), интонация. Предусматривалась возможность того или иного поворота темы в случае заминки, оговорки, некомпетентности участников передачи.

В постоянном поиске находился, быть может, самый талантливый из режиссеров на Норильском телевидении за всю его историю Игорь Абрамович Шадхан. Вкупе с редакторами Ириной Черваковой, Виктором Левашовым и режиссером Инной Назаровой он создал творческое объединение «Контур», сломав, по сути, закомплексованный порядок деления на редакции с узконаправленной ориентацией: если «детская», значит, только для детей, коли «промышленная», следовательно, только о производстве, а раз «художественная», значит, только и только о культуре и искусстве. «Контур», как мне сейчас кажется, в те «застойные» времена попросту опережал время — его передачи и сегодня оказались бы актуальными, поскольку любая проблема (а нейтральные, индифферентные темы у «Контюра» были не в чести) разбиралась по косточкам с разных позиций, с разных точек зрения. И это было, по крайней мере, интересно.

К сожалению, «Контур» еще при Карпове был распущен. А его создатели в знак протеста покинули Норильск. И если, с моей точки зрения, отъезд Назаровой и Левашова особого ущерба студии не нанес, то

потеря Черваковой и в особенности Шадхана — урон невосполнимый. Творчество Игоря Абрамовича вообще достойно войти отдельной строкой в учебник по телевидению, если таковой когда-либо будет создан. Его «Контрольная для взрослых» (уже ленинградская) в искусствоведческих кругах почитается за ЯВЛЕНИЕ! И не только в масштабах России. После отъезда Леонида Моисеева его не назначили на освободившуюся должность главного режиссера, которой он достоин был более, чем кто-либо.

После Моисеева руководителями режиссерского содружества назначались и светлой памяти Ганс Вильгельмович Мюнценмайер (чудный дядька, мастер на все руки, не умеющий разве только рожать, но по большому счету никакой не главный), и Антонина Вячеславовна Ногинская, и Александр Матвеевич Груздев, и Надежда Константиновна Лозинская, и Константин Станиславович Коваль...

Конечно, основной груз творческих проблем, неудач и достижений тащили не главные, а несла

рядовая режиссерская гвардия. Выделялись в ней дотошная (до занудства!) Валентина Рянская, «отец» сатирического журнала «БАЦ» Борис Гаврилович Черемисин, работяга каких поискать — Марина Георгиевна Светличная, Надежда Харлампиевна Геталло, эрудированный, по-детски обидчивый Михаил Аркадьевич Талайко.

Исподволь подрастали, набираясь опыта, начинавшие ассистентами режиссера (про-

*Борис Гаврилович Черемисин,
редактор информации*

ще — девочками на побегушках), заслужившие право на место за режиссерским пультом Валентина Георгиевна Гриднева, Любовь Дмитриевна Овсянникова, Любовь Юрьевна Почекутова.

Трудно назвать из упомянутых режиссеров тех, кто внес наибольшую лепту в работу над неизбывной рубрикой «Наши гости». Еще сложнее назвать ее героев. Хотя бы самых-самых. Поэтому коснусь в своих заметках имени одного лишь человека — норильчанина, бывшего водителя, выпускника школы рабочей молодежи на базе школы № 1, народного артиста СССР, солиста Государственного академического Большого театра Владислава Ивановича ПЬЯВКО.

Более сорока лет уж тому, как навестил он меня в консерваторском общежитии, что на Дмитровке, прямо напротив Петровского пассажа. Парень был в каком-то взвинченном, взволнованно-удрученном состоянии: все его попытки влиться в ряды студенчества любого из московских театральных вузов оказались безуспешными — он сильно шепелявил. И Владислав наивно вообразил, что уж коли не принимают в Щепкинское, то что поделаешь — придется поступать на худой конец в консерваторию.

Обижать приятеля не хотелось, и я предложил ему спеть что-нибудь прямо здесь, в коридоре общежития. Нимало не смущаясь обстановкой, Пьявко тут же, «на горле», да еще с хрипом-сипом заголосил:

— Эй, мамбо! Мамбо Италия, да, эй, мамбо!

— Стой! Хватит! Слух есть. Что сипишь? Простыл?

— Да есть немного...

— Слушай, старик, приемные экзамены давно закончились.

— Думаешь, не примут?

— Кой черт! Да в середине года, будь ты хоть Энрико Карузо, не возьмут.

— Ё-мое! Что ж делать-то, Эдя?

— Попытай счастья в ГИТИСе. Там и голосом занимаются, да и, кстати, с театральным уклоном институт...

Откровенно говоря, я полагал, что никогда о Пьявко больше не услышу. Услышал!

Да! Крепко «умыл» питомца консерватории выпускник норильской школы рабочей молодежи! Поступив-таки в институт театрального искусства, Владислав совершил подлинные чудеса певческого фанатизма. На последнем курсе в классе С. Ребрикова Пьявко обрел поистине полнокровный, масштабный ДРАМАТИЧЕСКИЙ тенор. Голос чрезвычайно редкий, будто созданный для партий Хозе, Манрико, Германна, Отелло, Радамеса. Не подлежит, однако, сомнению и то, что триумфальной карьере Пьявко немало способствовала выдающаяся певица Ирина Архипова, ставшая вскоре супругой Владислава. Без ее поддержки вряд ли зубры оперной сцены позволили бы молодому дарованию (таковы тернии закулисной театральной жизни!) раскрыться так полно и скоро: со студенческой скамьи — и с ходу партия Пинкертона («Чио-Чио-сан») на одной из лучших сцен планеты! Не замедлили последовать ведущие теноровые партии в операх Верди и Пуччини, Мусоргского и Чайковского, Римского-Корсакова, Бизе и Масканьи. Не задержались и достижения на международных конкурсах, звания и титулы.

Родной Норильск Пьявко навестил в 1976 году, затем в 1980-м и в 2003-м, будучи приглашенным на празднование 50-летия города. Нет нужды говорить о том, КАК норильчане встречают своего земляка. И о том, как дорога мне его грампластинка с надписью на конверте: «Человеку, другу, который тоже в некотором роде виновен в том, что я стал певцом! Эдуарду Тараканову в память о юности от Владислава Пьявко». Добавлю, что по сих пор два Водолея (Пьявко родился 4, я — 5 февраля) продолжают обмениваться дружескими посланиями.

«ЗВЕЗДЫ» НОРИЛЬСКА

Подвижница народного хорового творчества
Нина Григорьевна Устинова, заслуженный работник

культуры РСФСР, энергичная, целеустремленная женщина, была «мамой» созданного ею самодеятельного коллектива при Дворце культуры. Она не только заботливо, ревностно опекала свою семью, не только уверенно вдохновляла ее за дирижерским пультом и не только самозабвенно пела сама. Нина Григорьевна сочинила ряд собственных песен норильской тематики. Ни одно сколько-нибудь значимое событие в культурной жизни города не обходилось без участия хора Н.Г. Устиновой. На Таймыре вообще нет концертной площадки, где бы не выступал славный коллектив.

Вот элегантный, лукаво-ироничный резонер Олег Леонидович Рассадин. Музыкант с большой буквы, профессионал, он запросто, как газету, читал клавиры и сложнейшие партитуры. В 1950-х годах практически все спектакли драмтеатра оформлял именно он.

Запомнился ничем внешне не примечательный Борис Николаевич Татаринков. Усталые глаза за толстыми стеклами. Негромкий, надтреснутый голос. Про него я знал точно — 58-я статья. «Заработана» в 1943 году — в том самом, когда в оккупированном еще Киеве положил он на музыку пронзительные симоновские строчки:

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы.

Да, можно голодать и холодать.

Идти на смерть. Но эти три березы

При жизни никому нельзя отдать!..

Давно уже нет Бориса Николаевича, а его музыкальный автограф храню и сегодня.

Тем же ветром занесло в Норильск на редкость смешливого, но и насмешливого Ивана Александровича Бачеева, бывшего джазмена, ударника в оркестре самого А.Н. Цфасмана! Искусник. Ноты на пюпитре перед ним можно было поставить и «вниз головой» — сыграет: мастер!

Взглянув на Леонида Николаевича Кузьмина, вы бы сразу догадались о его смоленско-ельнинском происхождении. Да он и бравировал слегка эдакой

мужиковатостью и угловатостью. Однако сверкнет вдруг из-под рыжих бровей хитро сощуренными глазками и выдаст такую меткую, такую образную сентенцию... Впрочем, музыку-то он сочинял как раз незамысловатую, бесхитростную.

Трагична, но и прекрасна судьба Гунара Робертовича Кродерса. Вкусивший все прелести насильственного переселения прибалтов за Урал и лишь в пятнадцать лет получивший первые уроки русского языка, Г.Р. Кродерс в совершенстве овладел речью, письменностью и культурой русского народа. Право, неловко вспоминать, но в 1963–1964 годах, когда Кродерс активно сотрудничал с редакцией радио, я, бывало, возмущался: «Это ж не по-русски!» Но через некоторое время никто уже не мог соперничать с ним по части театрально-музыкальных рецензий, очерков и обзоров. Глубочайшие познания в области истории искусства, художественный вкус делали его желанным гостем на концертах, спектаклях, творческих отчетах и празднествах. Меня, обладателя внушительной фонотеки, тщательно подбираемой с 1955 года, всегда разбирала жгучая зависть к феноменальному по объему собранию Г.Р. Кродерса. Ах, как хотелось мне одним из первых поздравить Гунара Робертовича с 75-летием в первом году XXI века. Увы. Почетного гражданина Норильска, заслуженного работника культуры России не стало на самом пороге миллениума, в августе 1999 года.

Теплые воспоминания сохранил я о военном комиссаре города полковнике Н.Я. Трижичинском. Интеллигентный, корректный в обращении с подчиненными и вне стен военкомата, Николай Яковлевич проявлял непоказную заботу о военно-патриотическом воспитании молодежи. С его подачи или, во всяком случае, с непосредственным его участием осуществлены на телевидении циклы «военных» передач «Мальчишки, мальчишки», «Мальчишки Севера», телевизионный конкурс по гражданской обороне «ГТО, ГТО, ГТО!», вызвавший наибольший резонанс

в городе. Девять передач этого цикла (самую первую написал А.Л. Львов, остальные восемь сценариев мои, ну и, естественно, вел их автор этих строк) прошли под девизом «Нет на свете прекрасней одежды, Чем бронза мускулов и свежесть кожи!».

В финале, 7 мая 1973 года, сильнейшими оказались молодые проектанты, одолевшие команду авто-транспортников (ЦАТК). Главным судьей соревнований был секретарь ГК ВЛКСМ Василий Упиров.

Героем для Книги (рекордов) Гиннеса был Искандер Газизович Файзуллин, проплывший в августе 1945 года за неполных 18 часов сто километров по Дунаю. Были потом и сотни километров по Волге, Оби и Амуру. Заслуженный мастер спорта СССР, автор нескольких книжек, посвященных плаванию, стал первым директором Норильского плавательного бассейна (1959 год), кумиром норильских мальчишек и девчонок, доплававших впоследствии до почетных званий мастеров спорта, победителей международных соревнований. На традиционные передачи, посвященные Дню Победы, И.Г. Файзуллин приходил, увешанный таким количеством регалий, что сравнение его пиджака с иконостасом казалось правомерным. А летом 1978 года — на пороге своего 70-летия! — он без отдыха отмахал по Долгому 25 километров! Наверное, у сотен аплодировавших норильчан, собравшихся на берегу озера, мелькала в голове аналогия: Искандер—Ихтиандр.

В мою норильскую бытность «адмиралу» Владимиру Ивановичу Пономаренко исполнилось 65 лет. Тридцать из них отдал он Норильску. Меткое прозвище получил по двум причинам: за постоянное ношение щегольской флотской фуражки и за бессменную вахту в Норило-Пясинском водном бассейне. Превосходный собеседник, В.И. Пономаренко представлялся личностью незаурядной именно в силу — морская душа! — безграничной влюбленности в избранную, точно им угаданную профессию. Он, казалось, знал подноготную каждого владельца лодки или катера. А то, что

флотилия плавсредств на Вальке немногим уступает автомобильному парку Норильска, известно всем.

В своей статье «В ритме вальса», опубликованной в середине 1980-х «Заполярной правдой» и журналом «Советская музыка», я утверждал, что песен о Норильске сложено больше, чем о многих куда более древних и знатных городах России. Безусловно, основной вклад в песенный жанр внесли сами норильчане — Борис Вершинин, Иван Бочков, Борис Филонович, Эдуард Петров, Нина Устинова, Леонид Кузьмин. Но многие ли города могут похвастать вниманием созвездия, в который вошли Ян Френкель («Песня о Норильске», первый исполнитель Иосиф Кобзон), Александр Долухаян («Норильчонок» в исполнении Майи Кристалинской и «Город мой» на стихи Льва Ошанина), Леонид Афанасьев («Песня о Норильске» в исполнении дуэта В. Толкунова—В. Никулин), Николай Кутузов (опять-таки «Песня о Норильске» в пленительном исполнении солиста ГАБТа Николая Тимченко)?! Наконец, Юрий Чичков, перу которого принадлежит впервые прозвучавший в самом начале 1960-х годов «Норильский вальс» (спел ее модный тогда эстрадный певец Виктор Беседин). Эту песню, моментально завоевавшую всеобщее признание, я почитаю за лучшую из лучших. Лишенная каких бы то ни было вокальных трудностей, она трогает своей непритязательностью, задушевностью. Более двадцати лет мелодия чичковского вальса служила позывными Норильского телевидения, затем радио и ушла из эфира только вследствие вконец изношенной магнитной записи и перезаписи этих позывных.

Но если число профессиональных и самодеятельных композиторов и количество песен, посвященных Норильску и норильчанам, все же при желании поддается учету, то поэтическим произведениям норильской тематики — несть числа! Только на НСТ в качестве редакторов подвизались поэты Лира Абдулина и Валерий Кравец, Алексей Тыцких и Леонид Виноградский.

Сполосну чистым снегом лицо.

Вытру ветром... —

это Сергей Лузан, поэт-«отшельник», месяцами пропадавший в тундре, не забывавший по возвращении навестить редакцию художественного вещания, всякий раз поражая, а то и шокируя сотрудников своим стихом, родившимся на просторах Таймыра.

С удовольствием и неоднократно читал я в «Золотой полке» детские стихи Эдуарда Нонина. Общение же с ним — в кадре или за кадром — доставляло наслаждение. Рановато ушел из жизни мой тезка, в 59 лет, тридцать из которых отдал Норильску.

Народный поэт Калмыкии, узник Норильлага, Давид Никитич Кугультинов посвятил городу за 69-й параллелью немало лирических строк, а в интервью для телевидения в начале 1980-х говорил о том, что именно в Заполярье встретил «лучших, мудрейших, образованнейших людей России». С великим пиететом назывались имена Федоровского, Штейна, Баландина, Гарри, Кузнецова, доктора Родионова... Памятную беседу Д. Кугультинов закончил словами: «Норильск для меня — образ России, причем лучшей России. Лучшей!»

Частицу своего творчества посвятили нашему городу Самуил Маршак и Лев Ошанин, Роберт и Игнатий Рождественские, Аида Федорова и Максим Танк, норильлаговец Лев Гумилев.

Из поэтов, с которыми непосредственно пообщалось, назову Владимира Трофименко, Марка Хасдана, Юрия Климова и Юрия Медведева, чьи стихи, между прочим, пользовались самым большим успехом у местных композиторов, среди них назову Татьяну Букетову, Марка Сировского, Михаила Колпакова, Сергея Селиванова, Петра Лебедева. Во главе этого списка поставлю выпускника родной школы № 4 Юрия Бариева, хотя он и много моложе большинства из вышеназванных. Готовясь к передаче о нем, немало часов провел я у него дома. Юрий Адыгамович обладал аналитическим складом ума, широким диа-

пазоном творческих устремлений и пристрастий. До зубовного скрежета обидно, что так рано уходят из жизни такие талантливые люди, такие беззаветные подвижники.

Из другой когорты — Изосим Алексеевич Чалкин. Энтузиаст. Неугомонный сангвиник. Организатор, лидер и максималист в любом деле. «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым» — это об Изосиме Чалкине. Начальник комсомольско-молодежной смены, аглоцеха, хлорно-кобальтового, заместитель директора завода. Его досуг — постоянная, неутомимая общественная работа и... пение! Тенор не ахти какой, но темперамент!

В 1993 году мы встретились с ним на юбилее никелевого. Оба уже без норильской прописки. Изосим Алексеевич прилетел из Красноярска, я — из Кемерово. Он — как человек-легенда, я — как автор сценария и ведущий праздника. Подозреваю, что, когда б не беспрестанная опека Изосима Алексеевича в те дни, его компетентные советы и подсказки, превратил бы я этот праздник в дежурное блюдо. Встретились и в 1995-м на юбилее комбината (вечер во Дворце культуры мы провели вдвоем с Натальей Михайловной Никитиной, прибывшей на торжество из Подмосквья). Чалкин по-прежнему смотрелся именинником, был жизнерадостен и подвижен. А попрощались мы с ним в красноярском аэропорту Емельяново (возвращались на материк одним самолетом). Оказалось — навсегда.

Выдающийся геолог Котульский. Нет-нет, я даже не видел его. И не мог видеть: Владимир Клементьевич скончался в 1951 году. Но я посещал открытые уроки вокала сестры Котульского, профессора Московской консерватории Елены Клементьевны. И безмерно был удивлен впоследствии, узнав о ее родстве с человеком, именем которого названа улица в нашем городе.

НЕ УДИВЛЮСЬ, УСЛЫШАВ ПРО ЗАПОЛЯРНУЮ КОНСЕРВАТОРИЮ!

Вернусь в 1959 год. В канун годовщины Октябрьской революции по всем шести этажам студенческого общежития Московской консерватории деловито сновала энергичная голубоглазая девица, о которой вполне можно было сказать — «кровь с молоком». Движения ее отличались непринужденностью, а в голосе проскальзывали нотки самоуверенности.

Бойкому норильчанину не составило труда выяснить, что это студентка второго курса, певица, комсорг вокального факультета Римма Тараскина. Тогдашнее ее рвение объяснялось поручением партийного бюро консерватории — подыскать и назначить правофланговых в студенческую колонну демонстрантов.

Вчерашний шахтер из никому не ведомого Кайеркана скоро попал в поле зрения энергичного комсорга. Видимо, в сравнении с худосочными скрипачами и пианистами его выгодно отличали рост, телосложение и... откровенно восхищенные взгляды, бросаемые «гренадером» на **ОЧЕНЬ** приглянувшуюся особу.

7 ноября колонна «конской школы» (так шутейно клеймили консерваторцев студенты других московских вузов искусств) формировалась на площади Восстания. И я был правофланговым!

На Красной площади мог рассмотреть Н.С. Хрущева и других членов Политбюро, а также верховный генералитет. Но не рассматривал. Внутри у флангового все ликовало и пело — комсорг пригласила отметить событие в девчачьей комнате № 52, где кроме нее обитали еще три вокалистки, теоретик и виолончелистка.

Вряд ли можно было в тот дивный вечер предположить, что мгновенно вспыхнувшая взаимная приязнь баса из Заполярья и лирического сопрано из Мордовии перерастет в нерушимую Любовь и продлится 33 года, что именно Римма Федоровна Тараскина станет одним из инициаторов, организаторов и **ПЕРВЫМ** директором Норильского музыкального училища.

Незабвенной супруги моей, увы, не стало в апреле 1993 года. Она уроженка села Курилово Ромодановского района Мордовии. Село, естественно, мордовское, но обрусевшее настолько, что через несколько посещений его во время летних вакаций мой словарный запас языка эрзя стал богаче, чем у многих аборигенов.

От Курилова до районного центра 12 километров. И ровнехонько посреди этого пути расположены чисто русские деревни Ивановка и Константиновка. Вместе с Риммочкой пешком ли, на машине ли миновать их довелось бесчисленное число раз. И оба знали — знали ведь! — что в Константиновке пребывает-здравствует далеко еще не древний старец, легендарный летчик Михаил Девятаев. Тот самый, что бежал, вернее, УЛЕТЕЛ из фашистского плена на вражеском же бомбардировщике «Хейнкель-111». Я до сих пор не могу простить себе упущенную возможность услышать из уст героя достоверные подробности беспримерного подвига.

«Деточка, у тебя золото в горле», — говаривал Римме выдающийся баритон, профессор консерватории Сергей Иванович Мигай.

Пожалуй, только сегодня я в состоянии дать достойную оценку той мере преданности, самоотверженности, что проявлена была Тараскиной, отвергнувшей лестные предложения ведущих оперных театров на партии Татьяна, Мими, Марфы, Чио-Чио-сан. Поставившей, по существу, крест на карьере оперной певицы. Последовавшей за незадачливым муженьком на Крайний Север. В безызвестность.

Правда, и я в 1963 году получил, но высокомерно проигнорировал приглашение в Краснознаменный ансамбль им. Александра. Да что значил для меня тогда ансамбль в сравнении с оперным театром — кремневое ружьецо против «калашника»!

Чарующий голос жены был в своем роде феноменом — великолепно звучал в любое время суток, при любых обстоятельствах, после сколь угодно

длительного молчания. Тогда как мне, к примеру, требовалось не менее двух-трех дней для раскочки, распевания, обретения вокальной формы. Да не было еще и гарантии, что в нужный момент голос зазвучит, не подведет. Свои магнитофонные записи тех лет я прослушивал с отвращением — настолько это было плохо, бездарно и, быть может, лишь на какую-то йоту превосходило уровень самодеятельности. И это было необъяснимо, недостойно «помпы», с какой принимали меня в консерваторию (в газете «Труд» даже напечатали заметку).

По-настоящему я «зазвучал» лишь в 1970-х годах, когда поезд, как говорится, уже ушел. **ВОКАЛЬНЫЙ**. Телевизионный же мчал меня: информация и репортаж, сказка и фельетон, интервью и КВН, дубляж. Дикторская ипостась чуть ли не в одночасье вознаградила признанием, популярностью. То, что на вокальном поприще давалось мучительными поисками, сомнениями, а порой и безутешными слезами, на телевидении препожаловало как дар судьбы.

На сцене музучилища поет Эдуард Тараканов

В том, что Тараскина после первых же публичных выступлений снискала бесспорные симпатии норильской аудитории, нет ничего удивительного. Ее природные данные были подкреплены певческой школой, истинной культурой исполнения. Как-то, на досуге, я проследил «генеалогию» ученицы профессора Виктории Федоровны Рождественской (жены С.С. Прокофьева).

В.Ф. Рождественская (1889–1982) получила вокальное образование у Натальи Александровны Ирецкой (1845–1922). Ирецкая училась у знаменитой Генриетты Ниссен-Саломан (1819–1879), воспитанницы великого Мануэля Гарсия. Великого не только потому, что бесконечно талантливый испанец изобрел ларингоскоп и прожил 101 год (1805–1906), но и потому, что Мануэль Патрисио Родригес Гарсия явился автором «Полной школы пения», патриархом бельканто, началом начал современных представлений о физиологии голоса, методологии преподавания пения. Поразительно, что чью бы вокально-педагогическую предысторию ни проследить — Ф.И. Шаляпина или Н.В. Неждановой, Энрико Карузо или Ренаты Тебальди, — она всегда напрямую либо косвенно замыкается на Мануэле Гарсия!..

Перелистываю трудовую книжку Риммы Федоровны. Книжку с двумя вкладышами из-за благодарностей. Кстати, до консерватории Риммуля в течение двух лет была солисткой мордовского ансамбля «Умарина» («Яблонька»), но записи об этом почему-то нет. Самая первая — от 20 сентября 1963 года: «Таймырский окружком профсоюзов. Зачислена на должность руководителя вокального коллектива Дома культуры шахтеров».

Старожилы помнят, что располагался он у места пересечения Заводской и Горной улиц. Если бы это был «полноценный» перекресток, то при своем продолжении Заводская пересекла бы как раз ДК шахтеров, а Горная — кинотеатр «Луч».

Уже тогда в творческую мастерскую Тараскиной пришли Рейнгольд Онгемах, Тамара Поляничко, Иван Веселовский, Августа Каширина, Изосим Чалкин, Геннадий Мусихин, Нина Фролова, Евгений Купрюнин, Зинаида Стельмах, Дмитрий Савельев... Многие уже не были новичками, освоив азы вокала в вечерней музыкальной школе у Анны Ивановны Иващенко, у которой, кстати, начинал и автор этих строк. Но Тараскина учила их не просто правильному звукообразованию, а проникновению в образный строй произведения, учила искренности и полной самоотдаче (тех аплодисментов, что удостаивалась она сама за один сольный концерт, иному исполнителю с лихвой хватило бы на годы).

В 1965-м молодого педагога перевели в распоряжение отдела культуры горисполкома. Утонченного интеллигента Владимира Ивановича Венгерова, заведующего отделом, сменила тогда на этом посту редактор художественного вещания студии телевидения Маргарита Ивановна Кривошеева, которая в полной мере прочувствовала конъюнктуру момента и, будучи поклонницей таланта Тараскиной, попросила ее зайти для конфиденциального разговора. Вдвоем они чисто по-женски буквально «намечтали» музыкальное училище в Норильске. Правда, город невелик, практически оторван от материка, хватит ли учащихся?! Однако заведующая отделом культуры крайисполкома Мария Васильевна Сидорова не была смущена этими обстоятельствами. Ее интересовало лишь наличие педагогических кадров на случай, если идея будет одобрена министерством.

А кадры в Норильске были! Это Н. Васильев, И. Знаменская, Н. Кибалина, А. Либерман, Б. Татаринов, О. Найдешкина, Х. Ростовцева, Э. Сорокова, Л. Кузьмин. Да и сама Тараскина вовсе не собиралась заниматься администрированием — только бы осуществить задуманное и немедленно окунуться в концертную и педагогическую деятельность.

Министерство культуры РСФСР не только одобрило идею, но и выделило нереальную по нынешним временам сумму на приобретение концертного рояля, двух десятков фортепиано, комплектов духовых и народных инструментов, двух готово-выборных баянов!..

С горьким юмором вспоминала Римма Федоровна эту покупку: «К чему так много пианин?!» Строгий выговор по партийной линии схлопотала она за вышеупомянутое приобретение, до сих пор, между прочим, продолжает служить воспитанникам колледжа.

Четырехэтажное здание между двумя учебными заведениями поделили пополам. Левое крыло досталось музучилищу, правое — детской музыкальной школе. Концертный зал с роскошной акустикой стали занимать по особому расписанию. 14 ноября 1967 года классы училища заполнили первые 28... Их сразу стали именовать студентами.

А директорствовать (с преподаванием) Римме Федоровне довелось три года, когда частично была удовлетворена ее просьба о переводе на должность только преподавателя вокала. Частично потому, что еще десять лет она выполняла работу заведующей учебной частью. Директорский же пост занимали последовательно Леонид Кузьмин, Виктор Яровой, Павел Шевченко, Владимир Шварев, Виктор Брезе...

К тому времени училище заявило о себе в полный голос и окрепло настолько, что специалисты принимались уже только с высшим музыкальным образованием. Леонтина Карташова и Фаина Чепель, Валерий Клепинин и Владимир Голованов, Людмила Орлова и Татьяна Мевх, Олег Латышев и Николай Купряшов, Игорь Кухарев и Валерий Шацкий, Игорь Дейнеко и Лидия Рюшина...

Стали возвращаться в родные пенаты по окончании музыкальных вузов страны пианисты Леся Марищук, Валерия Григорьева, Елена Истратова. Диплом из Гнесинки привезла певица Людмила Туаева. (Каких нервов стоило Римме Федоровне уломать

*Эдуард Тараканов с учащимися и преподавателями музучилища.
Год 50-летия Норильской студии телевидения*

Туаеву продолжать вокальное образование в академии им. Гнесиных!) У нее было чудесное лирическое сопрано да и безусловные задатки перспективного педагога. К сожалению, Людмила Алексеевна ненадолго пережила своего наставника.

Люда Абрамова, окончив Московскую консерваторию, в Норильск не вернулась. Также после армии не вернулся и Ярослав Евдокимов. Училища он, правда, не оканчивал, но занимался у Тараскиной в течение полутора лет, и в том, что Ярослав стал по праву знаменитым, есть и ее заслуга. В Краснознаменном ансамбле им. Александрова поет Виталий Аряев. В Красноярском театре оперы и балета работает еще один тенор — Игорь Гурлев. Окончил Красноярский институт искусств баритон Сергей Пивоваров. Преподает в Дудинской музыкальной школе сопрано Надежда Аксенова. Надо полагать, что добрую память о своем педагоге по вокалу сохранили Олег и Нина Жданюки, Сергей Светличный, Дима Климович, Андрей Слизков, Слава Кошевец, Наташа Сокрутенко, Андрей Петровский, Таня Скокова, Надежда Сергеева...

Памятной вехой для музучилища стал 1971 год: было открыто Северное отделение для коренных жителей Таймыра.

Трудно проходила «акклиматизация» ребят и девушек из тундры. Опускались порой руки у Валентины Прокофьевны Еньшиной и Ольги Ивановны Ковалевой-Найдешкиной. Дисциплина воспитанников оставляла желать лучшего. Сказывалась и доступность в Норильске (не то что в тундре!) алкоголя. Однако уровень «цивилизации», подготовки северян рос на глазах. А их энтузиазм, жадная тяга к знаниям, трепетная заинтересованность в репетициях и выступлениях ансамбля «Бускан» (О.И. Ковалева) можно было поставить в пример другим отделениям училища.

За три десятка лет Северное отделение замечательно себя зарекомендовало, а главное — разнопланово. Мне доставляет удовольствие перечисление имен Б.И. Голикова, И.Ф. Молчанова, Э.В. Петрова, Ю.И. Трофимова, А.Д. Ковырялова, А.А. Линькова, В.Л. Ковалева, Ф.Д. Чепель.

Уверен, что с чувством глубокой благодарности вспоминают и их, и годы, проведенные в стенах училища, О. Чапогир и М. Большакова, Г. Чарду и М. Чарду, А. Порогов, Л. Хугочар, Е. Тэседо, Г. Утукогир. И та девочка, что когда-то на замечание Тараскиной по поводу злоупотребления косметикой досадливо огрызнулась: «Ты, Римфёрна, ддрвлюционная какая-то!»

Как известно, пианисты-дипломники готовят к выпускным экзаменам ТРИ программы — собственно специальность (фортепиано), по камерному ансамблю и классу концертмейстерского мастерства. Последней этой дисциплине автор заметок отдал первые 25 лет истории училища.

В задачу концертмейстера входят тонкий, чуткий контакт с певцом, мгновенная реакция на его эмоции, импровизации да и на огрехи. Внимательный, душевный, опытный концертмейстер для вокалиста — подарок Судьбы. Аккомпанементу в нашем музучилище

всегда уделялось должное внимание. И было кому! Вот их имена: В.С. Голованов, И.А. Кухарев, О.Л. Латышев, В.В. Шацкий, М.Т. Мирончук, Н.А. Соколова, Л.В. Карташова, Т.В. Мевх, Л.Б. Марищук, Т.А. Букетов, С.А. Аракелова.

Осуществлять замыслы этих замечательных педагогов, подбиравших репертуар для своих учеников, деятельно помогали певцы-иллюстраторы Римма Тараскина и Герман Серков, Лидия Рюшина и Лариса Чепская. Двадцать один (!) выпуск пианистов — львиную долю нагрузки нес, без преувеличения и ложной скромности, автор этой статьи. Едва ли не две трети своего репертуара я «напел» именно в стенах училища, в течение четверти века занимаясь с выпускниками.

У редкостного энтузиаста, благородной, бескорыстной подвижницы Леонтины Валерьяновны Карташовой родилась идея в качестве государственного экзамена предлагать пианистам не отдельные арии и сцены из опер, песни и романсы, а целиком какую-либо оперу, поделив клавиры между исполнителями. В качестве эксперимента был выбран рахманиновский «Алеко», позволявший продемонстрировать и профессионализм академического хора (Ф.Д. Чепель).

Эксперимент удался настолько, что, не останавливаясь на достигнутом, Л.В. Карташова и Ф.Д. Чепель вынесли оперу на широкую публику в декабре 1991 года. Успех превзошел все ожидания. Это и стало началом традиционного оперного фестиваля. В феврале 2001 года был юбилейный, 10-й фестиваль, к великому сожалению, заключительный. Причина — отсутствие достаточного финансирования!

Конечно, местные солисты о каком-либо материальном стимулировании не помышляли, но после «Алеко» последовали «Паяцы» Р. Леонкавалло, «Мадам Баттерфляй» Дж. Пуччини, «Риголетто» и «Травиата» Д. Верди, «Пиковая дама» и «Евгений Онегин» П. Чайковского, «Царская невеста» Н. Римского-Корсакова, «Севильский цирюльник» Дж. Россини, «Кармен» Ж. Бизе. Фундаменталь-

ные, полномасштабные произведения! Воплотить их силами доморощенных талантов объективно немислимо. Даже просто из-за отсутствия необходимого количества солистов: если в «Алексе» их пятеро, то в «Царской невесте» — тринадцать!

Не зазорно было обратиться за помощью в оперные труппы Новосибирска, Красноярска, Екатеринбургa и Москвы. Содействие в этих мероприятиях городского отдела культуры (Нина Яковлевна Сербина) переоценить невозможно.

Норильчане познакомились с творчеством новосибирцев Галины Яковлевой, Ольги Обуховой, Александра Лебедева и Александра Беляева, Степана Ваха, москвички Диваковой, красноярского тенора Анатолия Лысенко, екатеринбуржца Виталия Петрова и норильчанина Максима Аксенова. Случай экстраординарный! Закончив наше училище по классу фортепиано у Л.В. Карташовой, Максим поступил на вокальный факультет Новосибирской консерватории, успешно сочетая учебу с выступлениями на прославленной сцене театра оперы и балета.

И совсем уж полная фантастика — не знаю, право, верить ли слухам, — еще один выпускник фортепианного отделения Алексей Шакитько якобы пел в Ла Скала. Мне, в силу индивидуально-кабинетной системы музыкального обучения, менее известны достижения классов струнных и народных, духовых и ударных инструментов, класса хорового дирижирования, но вряд ли ошибусь, если выскажу твердое убеждение, что воспитанники таких незаурядных, таких многоопытных педагогов, как Н.В. Петров, И.А. Замчук, Л.Н. Орлова, Н.Ф. Лоскутникова, Т.К. Иванова, супруги С.П. и М.Н. Солдатовы, Л.Е. Шамара и Ю.И. Трофимов, просто не могут не занять достойного места в музыкальной обойме Норильска и любых других городов России.

Общий уровень мастерства и профессионализма преподавателей Норильского колледжа искусств настолько высок, что нисколько не удивлюсь, если вдруг услышу: «Норильская консерватория».

НАШЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ ЛУЧШЕ!..

С появлением видеозаписи Норильское ТВ стало неуклонно сдавать позиции кинопроизводства, о чем приходится сожалеть. Конечно, ныне и среднего достатка имярек может приобрести видеокамеру и от души насладиться производством собственных фильмов а-ля «Сам себе режиссер». Кинопроизводство же — труд очень кропотливый, требующий большого опыта, сделать кинофильм в одиночку возможно лишь теоретически. Но! Кинолента может храниться вечно...

Всех сложностей живого эфира удавалось избегать в те годы, пожалуй, лишь цеху кинооператоров. Отсняв любое количество метров пленки, оператор затем творить маленькие чудеса на монтажном столе не только с помощью ножниц и клея, но и своих коллег — работников смежных ТВ-профессий. В конечном итоге в эфир выходил готовый — ни убавить, ни прибавить — материал. Конечный успех (или неуспех) зависел уже от диктора и звукорежиссера.

Кинооператоры Борис Дегтярев, Юрий Ковтун, Борис Танаков, Александр Вориводин, Алик Куп-

Студия. За первой камерой стоит оператор, директор студии Юрий Николаевич Дроздов, за второй — Георгий Муравьев

рейшис, Аго Вилипус исколесили Таймыр вдоль и поперек. О переделах комбината и говорить не приходится — всю технологическую цепочку они знали досконально. У каждого в творческом багаже немало документальных фильмов, демонстрировавшихся не только по Норильскому телевидению. А Георгий Муравьев (сын лауреата Ленинской премии, заслуженный деятель искусств России) и Николай Сидорченко окончили самый престижный в стране кинематографический вуз. ВГИК в афишировании не нуждается.

Много позже поступил во ВГИК и Володя Ронгайнен. Начал он с исполняющего обязанности кинооператора, а ныне — признанный мастер, лауреат всероссийских и международных конкурсов, кинооператор высшей категории.

Фильмы заслуженного деятеля искусств России Юрия Яновича Ледина о моржах, белых медведях, оленях, морских котиках, краснозобых казарках обошли телеэкраны всего мира! Неуемная его энергия, фанатичная влюбленность в природу Крайнего Севера (даже на фоне немалого числа других энтузиастов-подвижников в Норильске!) представляется неким феноменом.

Вот уж кто вдоволь вкусил издержек живого эфира, так это телеоператоры. Отечественные телекамеры того периода были громоздкими, неуклюжими монстрами. И сдвинуть с места этакое чудовище было непросто. Три колесика, управляемых специальным рычагом, то и дело безнадежно застревали в выщербленном деревянном полу. Задача более или менее упростилась, когда павильон застелили транспортной лентой.

Трансфокаторами (приближающими или удаляющими объект съемки при сохранении резкости изображения) студия еще не располагала, и в поисках нужного плана-ракурса требовалось либо поменять объектив на турели оптической системы камеры, либо перекатить ее в нужную точку, волоча за собой

кабель питания. Чаще всего надлежало произвести эти манипуляции одновременно. Адский труд под палящими лучами софитов и прожекторов, в наушниках, по которым то и дело раздавались команды режиссеров, казавшиеся порой операторам бредовыми и невыполнимыми.

Жара, духота, лавирование среди проводов и кабелей, микрофонов-«журавлей», между участниками передач и элементами оформления, между другими камерами, которым тоже надо было время от времени менять точку съемки... Самое же обидное, что ни у кого из творческой группы не было возможности взглянуть на свою работу со стороны, — секунды, минуты, часы напряженного созидания, с удачами и накладками, с находками и огрехами, безвозвратно уходили в небытие.

Исполненный глубокого уважения, с неизменно теплым чувством вспоминаю тружеников операторского цеха — Володю Долгодушева, Вадю Рехлова, Юру Нестерца, Володю Садовеня, Руслана Хороманского, Володю Фаста, Николая Маркина, Геннадия Шульгу, Валеру Яшина, Виталия Медведева.

Ну а самыми первыми телеоператорами были до моего появления на студии будущие директора телецентра Н.И. Галкин и Ю.В. Подопригора, а также... нет, не берусь за историю первых четырех лет НСТ.

До эпохи «теледолгожителя», бессменного председателя профсоюзного комитета РТЦ Виталия Ивановича Бенеско, над светом в павильоне (рисующим, контровым, заполняющим) колдовал шеф-осветитель Андрей Соболев, сын московского поэта-фронтовика Марка Соболя, близкого приятеля, между прочим, Михаила Аркадьевича Светлова. В 1968 году мы с Андреем оказались в совместной командировке в Москве и, дабы сэкономить на гостинице, остановились на Тверской у... родной внучки Александра Николаевича Островского! Того самого!

Это сейчас я забросал бы старушку вопросами. Эх, молодость ветренная, бесшашная! Жажда сиюминут-

ных удовольствий, соблазнительных приключений, и частенько на свою головушку...

В одном из филиалов «Мосфильма» скоренько начитал я текст к двум нашим кинолентам. Соболю до окончания срока командировки надлежало сделать с них несколько копий. Дело хлопотное. Андрей обивал всевозможные пороги, уговаривая, обещая и угощая.

В один из последних дней этого вояжа мы навестили его отца — Марка Соболя, который и вручил мне на прощание свою последнюю книжку стихов «Песня о двух трубачах» с дарственной надписью: «Эдуарду Тараканову, постоянному коллеге моего сына, чей голос (Эдуарда, а не сына) дважды, — дай Бог, не последний раз! — вызвал во мне чувство уважения. Марк Соболев. 5.1.68 г.».

Если патриотически настроенные горожане, возвращаясь из отпусков, наперебой утверждали, что наше телевидение куда лучше сочинского или рижского, кемеровского или краснодарского, то нам-то негоже было вариться в собственном соку. Насущной необходимостью было на других посмотреть и себя показать. С 1964 по 1975 год происходили наши командировки в различные города страны. Только в краевой центр мы выезжали восемь раз! Эта цифра может впечатлить любого, если учесть все факторы, сопряженные с каждым таким выездом. Были жаркие дебаты, что взять, что не брать, что переделать, что довести до ума, кому доверить программу, а кому остаться дома. Многократные прогоны-репетиции «на нервах» с единственным пожеланием утвержденной наконец группе не подкачать, не ударить в грязь лицом, показать, что это такое — «норильский характер».

В дорогу отправлялись целым табором — режиссеры и редакторы, телеоператоры и ассистенты, художник и звукорежиссер, диктор и герои наших передач. Все предстояло показать вживую. Каждый командированный нагружался титрами, отбивками, фотографиями, коробками с магнитолентами и кинолентами, элементами оформления, северными

сувенирами прикладного характера и съедобно-питьевого свойства.

После второго такого «наезда» на Красноярск (мы занимали там эфир два вечера — 6 и 7 июня 1966 года) нас пригласили в Москву, что само по себе явилось признанием безусловных творческих успехов коллектива НСТ.

Наш первый десант в белокаменную состоялся в самом начале января 1967 года. Треволнений, разумеется, было много. С суеверным трепетом шутили даже по поводу назначенной нам даты для столичной премьеры — 9 января, со школьной скамьи ассоциирующейся с «кровавым воскресеньем». Да и огромность аудитории подавляла. Еще бы! Кроме москвичей нас могли видеть в Ленинграде и Киеве, Минске и Тбилиси, Алма-Ате и Свердловске. В общем, нам с Маргаритой Ивановной Кривошеевой (вторым ведущим программы) было не до бравады. Конечно, волновалась и переживала вся бригада, но им-то было полегче — за кадром все-таки.

Тогда в адрес ГК КПСС (И.А. Савчук) и дирекции НГМК (В.И. Долгих) пришла телеграмма: «...подготовленный материал позволил правдиво, в увлекательной форме рассказать об истории Вашего города, самоотверженных его людях, героическом труде норильчан. Участие в выступлениях товарищей Кима, Златинской, Французова, Коротких, Рехлова сделали передачу еще более убедительной, живой. Миллионы телезрителей **ВПЕРВЫЕ** так непосредственно познакомились с Вашим краем».

Естественно, телеграмма была обнародована в еженедельной телепрограмме, равно как и список московских гастролеров. Разумеется, далеко не всегда студия располагала материальными ресурсами, позволявшими снаряжать в дорогу столь многочисленные отряды. Чаще командировались группы, состоящие из четырех-пяти человек, а программу в Архангельске представляли и вовсе лишь режиссер Антонина Ногинская и автор этих заметок.

К тому времени, напомним, только в Красноярске мы выступали восемь раз. Четырежды в Москве и столько же в Абакане. В столицу Хакасии, откровенно говоря, летали с таким шапкозакидательским настроением. Причиной тому послужили результаты первого же визита туда в сентябре 1969 года. Нашу группу составили тогда режиссер Борис Черемисин, звукорежиссер Лев Супоницкий, художник-постановщик Владимир Поляков, телеоператор Владлен Рехлов, автор сценария и ведущий Эдуард Тараканов. Так вот, побывав у хозяев на традиционной планерке, мы, мягко говоря, были просто шокированы: проблемы, над которыми на НАШИХ летучках ломаются копыя и спорят до хрипоты, здесь попросту игнорируют! Никаких проблем! Нам это совершенно отчетливо говорило и о не слишком еще высоком уровне требовательности абаканцев к своей продукции, и о малом пока творческом потенциале молодого коллектива. Так что и в дальнейшем поездки в Хакасию носили не столько характер творческого обмена, сколько давали возможность навестить в Шушенском знатного нашего земляка, коллекционера Ивана Варламовича Рехлова.

Почетный гражданин Норильска, заслуженный работник культуры России, Иван Варламович Рехлов свой трудовой стаж заработал на медном заводе. В Шушенское перебрался осенью 1969 года.

Трогательно и до какой-то степени комично зачиналась уникальная коллекция. Ваня (по отчеству еще не величали) собирал открытки, вырезки из журналов, холсты доморощенных горе-художников с изображением обнаженной женской натуры. Надо полагать, что немало времени потребовалось юноше, чтобы от созерцания прелестниц на фоторепродукциях с картин Рубенса и Тициана, Джорджоне и Ренуара постепенно перейти к непреходящему восхищению работами мастеров живописи вообще — во всех жанрах. Способствовало этому не только посещение Эрмитажа и Третьяковки, художественных галерей и

*И.В. Рехлов (слева) и Э.П. Тараканов. Село Шушенское.
Сентябрь 1969 г.*

музеев живописи во всех городах, где ему довелось побывать во время отпусков. Простого медеплавильщика природа наградила редкостным тонким чувством прекрасного, неудержимым влечением к красоте во всех ее проявлениях и — не имеющем цены! — бескорыстным стремлением поделиться полученным наслаждением.

С телевизионной рубрикой «Из почты коллекционера Рехлова» мы выходили в эфир каждый месяц, хотя в принципе это можно было делать еженедельно, — так велика и обширна была переписка и корреспонденция этого неутомимого человека. Однажды по возвращении из отпуска он получил девять мешков (!) бандеролей, открыток, посылок и писем. Ну а став пенсионером, Иван Варламович получил карт-бланш на 24 часа в сутки. Кажется, что все эти 24 часа он и использовал в полной мере. Для себя. Для галереи. Для людей.

Шушенская народная картинная галерея в 1970-х годах переживала период наивысшего расцвета. Тема-

тические выставки из коллекции Рехлова (до десятка одновременно) путешествовали по всей стране — от Владивостока до Калининграда, от Норильска до Еревана. Немало экспозиций состоялось и за рубежом.

К началу 1980-х уникальная коллекция насчитывала до 150 тысяч прекрасных репродукций и подлинников. Богатство это было доступно самым широким слоям населения. Бесплатно! И не они шли к коллекционеру, а он к ним. В этом состоял для него смысл бытия, праздник души, отрадное сознание своей востребованности.

После кончины И.В. Рехлова культурологическую миссию Шушенской народной картинной галереи с энтузиазмом продолжила Лилия Михайловна Рудакова, жена сына Ивана Варламовича — Владлена. Журналист по образованию, энергичная и темпераментная по характеру, Лилия Михайловна уверенно следовала по стопам именитого свекра до развала СССР.

...С невыразимой грустью и сожалением приходится констатировать — профессия диктора отмирает. А грустно оттого, что дикторы были проводниками чистого, правильного русского языка, не э-э-экали и не нукали в кадре. Речь их была разборчивой, логически выверенной, нескороговорочной. Слушая диктора, каждый мог проверить себя на правильность произношения многих широкоупотребительных слов. Ныне же то и дело слышишь в эфире: «нАчать», «дОговор», «новорОжденный», «позвОнишь» и пр. и пр. Что же до акцентирования главного, ключевого слова в предложении, до применения регистров голоса с нарастаниями и падениями в мелодике речи, то это и вовсе неведомо для нынешних комментаторов и ведущих. О четкой артикуляции, безукоризненной дикции и говорить не приходится.

Но мне в заключение хочется повеселить читателя. В «мое» время существовала переименованная из народной дикторская поговорка «Слово не воробей, поймает — вылетит». Конечно, на 90 процентов

это лишь шутка сродни КВНовским, однако всевозможные оговорки переживались дикторами очень болезненно. За многие годы работы в эфире диктор, будь он семи пядей во лбу, неизбежно допустит энное количество оплошностей, словесных огрехов, доставляя зрителям возможность встрепенуться. И если не вволю посмеяться, то хотя бы улыбнуться, обретая добродушное настроение.

Уверен, бывшие мои коллеги не будут в обиде, если я обнаружю несколько наших «перлов» из истории НСТ.

Галине Степановне Львовой по стажу работы на НСТ нет равных. Работай она, скажем, на Центральном телевидении, давно бы только за стаж «автоматом» получила «звание». Сохранявшая форму десятилетия перед телекамерой, сохранившая (и сегодня!) голос, фигуру, обаятельную внешность, Галочка кое от чего, надеюсь, избавилась. Например, от своего слова-паразита «севодни». Вместо «сегодня» явственно слышалось «севодни»! А ее знаменитое «Добрый вечер, уважаемые телевизоры!» стало в 1960-х годах классикой норильского телеэфира.

Наталья Михайловна Никитина — полная противоположность непритязательной и самоотверженной труженице (без иронии!) Г.С. Львовой. Волевая, эффектная и насмешливая, она из тех, кому пальца в рот не клади. Однако ж и на старуху бывает проруха. Из выпуска информационной программы в никитинском исполнении: «На звероферме «Хетский» Хатангского района произошли на днях необыкновенные роды. Рядовая сука ОЩЕТИНИЛАСЬ... простите, оценилась десятерней». Экспансивную Наташу элементарная оговорка выбила из колеи, а фраза-то была еще недочитана: «...чем увеличила поголовье белого золота совхоза на десять щенков песков... песцов щенцов... десять малышей она принесла!»

Одно время, когда ремонтировался основной павильон, мы загодя начитывали объявления в малом павильоне. В эфир они выходили потом на титрах.

Записываем. Очередь Наташи: «В магазин «Олимпиец» поступили в продажу 8-унцевые боксерские перчатки». Видимо, для Натальи Михайловны унция, как мера веса, была все-таки неведома, поскольку это объявление она интерпретировала так: «В магазин «Олимпиец» поступили в продажу ВОСЬМИПУДОВЫЕ боксерские перчатки». Живо представив себе восьмипудовую деталь боксерской амуниции, я сполз под стол и беззвучно зарыдал. Врубившись, Наталья в свою очередь закатилась нервическим хохотом. Мы смеялись долго, всласть, до слез, до колик и никак не могли остановиться, несмотря на урезонивающие реплики звукорежиссера. Каждая следующая попытка записать каверзное объявление заканчивалось приступом хохота. Так и отложили мы листок в сторону, на другой день, в подборку объявлений для пары Львова—Паскевич.

Аскольда Алексеевича, опиравшегося на солидный опыт, отличало более чем пренебрежительное отношение к текстам объявлений. До выхода в эфир он, как правило, в них не заглядывал, предпочитая читать с листа. На них и горел частенько, то выдавая «кинотеатр ИМЕНИ Родина», то «горбыткомбинат принимает у населения ВЯЛЕННЫЕ валенки», то «на экраны города выходит новый художественный фильм «Обнаженная... Маша». В подлиннике-то было верно — «Обнаженная Маха» (известная картина Франсиско Гойи), но Аскольд одновременно решил, что машинистка допустила ошибку.

Апофеозом снисходительного отношения Аскольда к жанру рекламы стало объявление, прочитанное им таким вот образом: «Поехав во Францию, вы не только посетите РУВЛ, но и станете гостями зимней Олимпиады в ГРЕНБОЛЕ».

Лувр и Гренобль (в тексте действительно наличествовали опечатки) вышли Паскевичу боком. Долгое время потом насмешливые телеоператоры упорно обращались к нему — Гренобль.

Норильчане любили и зимой отдыхать в санатории комбината «Заполярье» города Сочи. Второй слева — Э.П. Тараканов

Что до моей персоны, то с меня хватит и декабря 1968 года, когда в собственной (!) передаче «Остров любви и ненависти» о поездке на Кипр ляпнул «сувЕренный». Главным редактором в ту пору был А.Л. Львов. Его саркастическая усмешка по этому поводу была для меня унижительнее выговора в приказе. Других орфоэпических изысков за собой не упомяну, что немудрено, коль скоро по сию пору на моих книжных полках всевозможных словарей поболее, чем у иного филолога. И они не пылятся...

Зато числится за мной прокол такого свойства, что все оплошности моих коллег просто невинный детский лепет.

Непродолжительное время работала у нас некто... назову ее Виталька (подлинная фамилия не менее причудлива). Довольно странная особа, повергавшая чуть ли не в шок каждого, кто становился свидетелем ее веселого настроения. Смеялась она столь оглушительно, что раскаты достигали самых отдаленных

уголков студии, одновременно напоминая визг подкальываемого поросенка. Но кроме этой особенности она была еще обладательницей мощной, необъятной части туловища, предпочитая к тому же платьям брючные ансамбли.

И вот Паскевич, общепризнанный студийный шутник-куплетист, припомнив давнюю советскую песню о молодой казачке, что провожала у плетня своего суженого в поход, переименовал ее так: «Встань, Виталька молодая, на плетень, покажи свою...» Рифмовался «плетень» со словами сугубо фольклорными.

Молоды мы были. Хамилось легко и бездумно. Так вот с этой-то попевкой я и нарисовался однажды в павильоне минут за 15–20 до начала программы, когда в эфире работники телецентра держат настроенную тест-таблицу. На горевшее табло «Микрофон включен» я и не подумал обратить внимания. Видел, конечно, но не придумал значения — хотят послушать в аппаратной наверху скабресную частушку? Ну и пусть слушают! Для того и пою.

*На производственной площадке Норильского промрайона.
Интервьюер Эдуард Тараканов*

Не иначе то была пятница. Не иначе то было тринадцатое. Кто-то в аппаратной конечно же по недосмотру перебросил тумблер или повернул спецключ контроля за звуком. В одном положении звук наличествует только в помещениях студии и телецентра, в другом — идет на всю телеаудиторию города и поселков.

Он и пошел, став достоянием тех нетерпеливых зрителей, что включают свои «ящики» заранее для настройки по тест-таблице. Тогдашние «Темпы», «Изумруды» и «Рекорды» постоянно нуждались в подстройке вертикали и горизонтали, яркости и контрастности изображения. Так что, безусловно, кое-кто из норильчан изрядно повеселился (или возмущался) в тот вечер. Как ни странно, досаднейший инцидент благополучно сошел мне с рук. Только все те же смешливые телеоператоры какое-то время ухмылялись: «Ну что, Эдя, как там Виталька? Чего это она на плетень взгромоздилась?»

Все перечисленные накладки немислимы сегодня. За исключением разве что прямых включений и выпусков новостей. Абсолютное же большинство передач записываются на видеопленку, подвергаются тщательному монтажу, и в эфир выходит прилизанный материал. Компьютерные метаморфозы на экране, так поначалу удивлявшие, изрядно поднадоели и зачастую вызывают раздражение — ну к чему эти бесконечные спирали, блики, пятна, загогулины, кольца? К чему многократно в течение секунды мелькающие лица, графики, пейзажи, заголовки, предметы личной гигиены?!

О рекламе, заполонившей экран (нередко одновременно по ВСЕМ каналам!), беспардонно вторгающейся во все и вся когда ни заблагорассудится, и говорить не приходится. Что поделаешь? Шальные, бешеные деньги!..

Ау! Где ты — благословенное, трепетное, романтическое, ЖИВОЕ телевидение?

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абдулина Лира	514, 515, 530
Абрамова Люда	539
Авдеев С.	289
Аверченко Н.Н.	346
Аврамчук Маруся	42
Азруманян Ашот	157
Аксенов Максим	542
Аксенова Надежда	539
Александров Александр	282
Александрова Тамара	497
Алексеенко И.М.	31
Алешин Анатолий Акимович	287, 288, 290
Алкацев Дебола К.	30, 31
Алфименко Валерий Петрович	424, 426
Алфименко Мария Федоровна	309, 315, 319
Алфименко Ольга Анатольевна	424, 426

Алфименко Федор Андреевич	309
Альтшулер Э.Б.	517
Амбарцумов	440
Амбарцумян Виктор А.	156, 157, 170–172
Андрухов Николай Васильевич	517
Антипов Виталий	515
Антипова Альбина	514
Антонов	415
Апатов Иван Дмитриевич	116, 118–122, 126
Аракелова С.А.	541
Аржекаев Евгений Андреевич	106, 107, 116, 127, 128, 130, 131
Аристов Игорь	478
Арканов	61
Аркельянц Октябрина Алексеевна	468
Арсеньева Татьяна Ивановна	208
Арутюнова Н.	333
Архипова Людмила Яковлевна	264, 269
Аряев Виталий	539
Асламин Леня	203
Атарова О.И.	58
Ахромеева Раиса Георгиевна	266, 269

Б

Бабенко	426
Бабич Елизавета Савельевна	93
Бабичев Виталий Николаевич	76, 273
Бабушкин А.П.	20
Багель	126
Багликов Асхат Васильевич	283, 291, 507
Баев А.А.	20, 27, 31
Бакин	473
Бакотина Вика	514
Баландин	531
Балякин Борис	503
Баранов Василий Васильевич	27
Баранов Владимир	516
Баранова Мария Николаевна	331
Бариев Юрий	508, 515, 531
Барклянский Ю.А.	518
Баскаков Николай Иванович	474
Бахарев А.К.	517
Бахарева Инна Александровна	252, 261, 262
Бахарева Ирина Кузьминична	262
Бачеев Иван Александрович	273, 482, 527

Бачулис Альфонс Павлович	92, 253, 264
Башкиров Арсений Иванович	519
Башук	346
Беда Яков	273
Беднов Эдуард	506
Белентинова Зинаида	227
Белинская Зоя Николаевна	224, 225
Белопольский Аристарх	170
Беянин	117
Бенесько Виталий Иванович	545
Бенуа О.Е.	61
Бильк	42
Биргер В.С.	5
Благих Борис Михайлович	355
Близнюк Стефа	92
Близнякова Люба	342
Блох Дмитрий Григорьевич	240
Блохина Светлана Михайловна	468
Бобров	391
Бобров В.П.	373
Боголюбов А.	283
Богославцев А.	290
Бойцов Павел Карпович	474, 482
Большаков И.В.	291

Большакова М.	540
Боровков В.А.	373–375
Бочкарева Д.В.	336
Бочков Иван А.	506, 530
Браверман Г.М.	445
Братчиков	116, 118, 120, 130
Брезе Виктор	538
Брилева Альбина Александровна	250–252, 255– 257, 268, 269
Брумук Наталья Леонтьевна	331, 334, 336
Бубис Владимир	291
Бубис Галина	515
Бугаков Александр	291
Бугаков Виктор	291
Будко Маша	480, 481
Бузикова Алла	342
Бузунова Лидия Васильевна	342, 344, 345
Букарин Виктор Николаевич	364
Букетова Татьяна А.	531, 541
Бурдин В.П.	373, 374
Буре Валерий	209
Буре Павел	209
Бурмакин	292
Бурнашев Н.П.	427

Бусько Степан	83
Буханцов Д.П.	425
Бучаков В.	288

В

Важнов Михаил Яковлевич	350, 351, 375
Варгезова	423
Варламенко Л.П.	266
Вартанян В.	288, 290
Василец В.Н.	519
Василишина	42
Васильев Н.	537
Васильев Павел Иванович	482
Васильева Роза Николаевна	482
Васин К.В.	407, 410
Васянович Лидия Сергеевна	342
Вахменин Михаил Кириллович	355
Вачаева Валентина Петровна	50–52
Вейсманис	414
Венгеров Владимир Иванович	243, 246, 537
Веревкин Володя	342
Веретнов	122
Верушкин Валентин	512, 518

Вершинин Борис Александрович	<i>507, 508, 530</i>
Вершинина Н.Д.	<i>264</i>
Веселовский Иван	<i>482, 537</i>
Вилипус Аго	<i>544</i>
Вильчек Всеволод	<i>497, 514</i>
Виноградский Леонид Иванович	<i>515, 530</i>
Вихарев Виктор Юрьевич	<i>291</i>
Владыко Л.А.	<i>265</i>
Власова Людмила	<i>507</i>
Власьевский Александр	<i>291</i>
Вознесенский	<i>236</i>
Володченко Е.	<i>283</i>
Волохов Николай Васильевич	<i>30</i>
Волохова Нина Федоровна	<i>263</i>
Волошина Александра	<i>310, 319</i>
Волошина Нина Даниловна	<i>6</i>
Волощук Николай Федосеевич	<i>282, 283, 288, 289, 291</i>
Волчков Н.	<i>288</i>
Волчков Павел Филиппович	<i>514, 517</i>
Вонс Ирина Степановна	<i>84</i>
Вориводин Александр	<i>543</i>
Всесвятская Нина Петровна	<i>497, 523</i>
Всесвятский Владимир Николаевич	<i>410</i>
Высотина Лиля	<i>342</i>

Г

Гаева Янина	321
Газе	156, 157
Газенко А.	518
Гайсинович Е.Е.	152
Галкин Николай Иванович	497, 545
Галлиулин Спартак Абдрахимович	282
Гамазина С.А.	264
Гапеев	473
Гапоненко Виктория Федоровна	504
Гармаш Трофим Яковлевич	519
Гарри	531
Гейнц Алексей Георгиевич	61
Гельфанд Ефим Львович	242
Георге Галина	496
Герцулин А.	20
Гесс	112, 115, 132, 136
Гесс Август	112
Гесс Ирма	112
Геталло Надежда Харлампиевна	490, 524
Геталло Юрий Борисович	496, 516
Гинько Ю.А.	497

Глушанок Игорь Сергеевич	261
Гляттэр Борис	98
Гоголь Петр Николаевич	444
Големба А.Л.	389
Голиков Б.И.	283, 540
Голованов Владимир С.	507, 538, 541
Головко (Левчук) Александра	309, 319
Голуб	42
Гольнский Фоля	241
Гольдбрейх Володя	318
Гончаров Юра	342
Гончарова	513
Горбачева Н.В.	267
Горбунова Н.В.	60
Гордиенко Н.М.	264
Горячев Сергей Маратович	263
Грамп	391
Гречко	107, 115, 125– 127, 131, 133, 136
Грибков Ю.	283
Грива	119, 132
Григорьева Валерия	538
Гриднева Валентина Георгиевна	525
Гринштейн Нина	461, 462

Гришин Василий Григорьевич	424
Груздев Александр Матвеевич	524
Грузинов Володя	241
Грязнева Вера Ивановна	54, 58, 59
Губерман Юрий Давидович	468
Гужба	121
Гулай Мария Андреевна	92
Гумейко В.П.	309, 321
Гумилев Лев Николаевич	152, 153, 163, 177, 531
Гунина Фаина Федоровна	269
Гурлев Игорь	539
Гусакова Мирра Борисовна	71
Гусаковский	185
Гусева Т.И.	337

Д

Давудов Х.М.	61
Данилевская Софья Федоровна	336
Дарафеев В.	290
Дарьяльский Владимир Алексеевич	330
Даугирдас Ф.М.	59
Двуреченский	473
Дегтярев Борис	543

Дейнеко Игорь	528
Дембицкая Марийка (ныне — Вовк)	86
Демидов Геннадий Григорьевич	425, 426
Демина Лариса Васильевна	269
Демкив Евгения Юлиановна	264
Денисов Н.М.	288
Денцель К.К.	69
Дергунов Б.Н.	430
Джохадзе Борис	517
Джумаев Борис Сулейманович	330
Дзенитис Альфред Янович	59, 61
Дзюбенко Нина Семеновна	8–10, 177
Дмитриев А.	283
Дмитриев Гера	401
Дмитриева Зоя	515
Дмоховская Мария Владимировна	59
Дмоховский В.Н.	59
Добровольская Елена Герасимовна	479, 480
Добряков Володя	342
Довгопляс	346
Долгих Владимир Иванович	419, 427–429, 547
Долгодушев Владимир	545
Домбровский	141

Домникова М.Р.	518
Доугела	279
Драбкина Елизавета Яковлевна	394
Дрейблас Валентина	309
Дроздов Владимир Васильевич	280, 284, 472, 473
Дроздов Юрий Николаевич	331, 543
Дрыгин Владимир Алексеевич	356
Дуберг А.В.	336
Дубинский Геннадий	508
Дудник Евгений	494, 496, 498, 500
Дунаева Жанетта Валентиновна	499, 504, 515
Дутов	117
Душин А.И.	58, 70
Дягилев Сергей	75, 273

Е

Евдокимов Ярослав	539
Егоров Василий Александрович	418
Егорова Ольга Ивановна	98
Едикиселов	512
Елян Эдуард	202, 203
Еньшина Валентина Прокофьевна	540

Еремеев	<i>207, 208</i>
Еремеев В.	<i>283</i>
Ерусалимский Юрий Александрович	<i>247</i>
Еськов Виктор	<i>76</i>
Ечин Виктор Михайлович	<i>282</i>

Ж

Жаронкин	<i>240</i>
Жданов Петр Романович	<i>117</i>
Жданюк Нина	<i>539</i>
Жданюк Олег	<i>539</i>
Железнов Поликарп Матвеевич	<i>457, 458</i>
Железнова Анна Федоровна	<i>458, 500</i>
Жженов Георгий	<i>243, 393, 455</i>
Жижченко	<i>346</i>
Жишко Вера	<i>42, 49</i>
Жмурко П. Т.	<i>337</i>
Жолнович Марийка	<i>92</i>
Жук Павел Михайлович	<i>104</i>
Жуков Виталий	<i>495</i>
Журавлев Александр	<i>320</i>
Журавлев Виктор	<i>320</i>
Журавлев Михаил Григорьевич	<i>308, 315, 316</i>

Журавлев Федор Васильевич	327, 334
Журавлева (Кузнецова) Тамара Инно- кентьевна	296–298, 300, 305, 309, 310, 313, 315, 316, 322
Жучихин Виктор Иванович	354, 360

З

Завенягин Авраамий Павлович	28, 30, 32, 95, 103, 104, 182, 198, 199, 300, 414, 472
Зайдель Абрам Ионович	420, 421
Зайцев Лев В.	439, 442
Закусин Николай Егорович	145
Замчук И.А.	542
Замятина Людмила	401
Запрудская В.В.	265
Запрудский Савелий Борисович	265
Заречиньска	42
Зарх Александр Михайлович	468
Заячківська	42
Зверев Владимир Степанович	397, 406, 410, 411, 414, 472, 508
Зверева Галя	342, 344

Земляничкин Вадим Б.	440, 442, 445
Зенько Н.А.	264
Зенюк Дмитрий	497
Зиборовский Борис	385
Зиборовский Виктор	385
Зиборовский Лев Алексеевич	384
Зиборовский Николай	385
Зинченко Виктор	516
Зинюк Ю.Н.	152
Златинская	547
Знаменская И.	537
Знаменский Серафим Васильевич	53, 58, 62, 63, 67, 69, 72
Золотарев	68
Золотарский А.А.	58
Золотовская Лидия Сергеевна	246
Зорькина-Деева Зинаида Иосифовна	497, 514
Зубкова Анна Родионовна	57
Зуев Юрий Николаевич	283, 293

И

Иванов В.	289
Иванов Юрий	287
Иванова Т.К.	542

Иващенко Анна Ивановна	<i>482–484, 537</i>
Иевский Николай Иванович	<i>200, 212</i>
Измайлов Г.Е.	<i>333</i>
Иньков	<i>397</i>
Иоакиманская Елена	<i>510</i>
Исаева Нина	<i>507</i>
Истомин Дмитрий Михайлович	<i>444</i>
Истратова Елена	<i>507, 538</i>

К

Кавтеладзе	<i>60, 61, 67</i>
Казанцева В.И.	<i>264</i>
Казначеева В.П.	<i>336</i>
Кайдан-Дежкин Сергей Федорович	<i>6, 73–79</i>
Кайданова Маргарита Афанасьевна	<i>235, 236, 241</i>
Калачев И.А.	<i>497</i>
Калашников Петр	<i>206–208</i>
Калистов	<i>391</i>
Калюжный Г.	<i>507</i>
Камальдинов В.	<i>283</i>
Каманин	<i>391</i>
Каманина (Ройтер) Любовь	<i>400, 401</i>
Камышев Вячеслав	<i>516</i>
Каплонян Эмма	<i>342</i>

Каратаев Геннадий	<i>338–340, 342</i>
Карпов Дмитрий Кузьмич	<i>495, 496, 499, 513, 514</i>
Карпова Наталья	<i>515</i>
Карташова Леонтина В.	<i>539, 541, 542</i>
Касабова Галина Ивановна	<i>2, 7, 21, 377</i>
Касаткин Костя	<i>342</i>
Касаткина	<i>92</i>
Кастусев В.П.	<i>346</i>
Касюра Игорь	<i>503</i>
Катасонов Виктор Иванович	<i>445</i>
Качковский Н.	<i>288</i>
Каширина Августа	<i>537</i>
Кемарская Евгения	<i>497</i>
Керсновская Е.А.	<i>59, 61</i>
Кибалина Нина	<i>519, 537</i>
Ким М.В.	<i>152, 420, 547</i>
Классен Э.Г.	<i>517</i>
Клевков Эдуард	<i>482</i>
Клепалов Владимир	<i>507</i>
Клепинин Валерий Н.	<i>506, 538</i>
Климов Юрий	<i>508, 531</i>
Климович Дима	<i>539</i>
Клищ Мария	<i>93</i>

Ковалев В.Л.	540
Ковалева-Найдешкина Ольга Ивановна	507, 537, 540
Ковалевский Леонид Кузьмич	282, 288
Коваленко Е.	349
Коваль Константин Станиславович	522, 524
Ковтун Юрий	543
Ковырялов А.Д.	540
Коган Леонид	391, 401
Кожемякина Татьяна	512
Кожемяко Т.	518
Козловский Борис Николаевич	441, 444
Козловский В.И.	68
Козловский Саша	193
Козырев Александр Адрианович	170
Козырев Александр Николаевич	165
Козырев Дмитрий Николаевич	165–167
Козырев Николай Александрович	149–177
Козырев Федор Николаевич	155, 166, 167
Козырева Римма Васильевна	160, 161
Колесников А.В.	482
Колесников Борис Иванович	314, 355
Коловский Анатолий Тимофеевич	468, 473
Коломоиц В.	288

Колпаков Михаил	531
Кольцов Вячеслав Васильевич	424, 425
Коляда	321
Коляда В.Н.	27
Кононович Алексей	98
Кононович Владимир Осипович	97
Кононович Георгий Осипович	94–105, 107, 117, 120–123, 127, 130, 133, 135, 137, 138, 141–143, 145, 146
Кононович Маргарита Александровна	96, 99
Кононович Михаил	98
Кононович Осип Владимирович	98
Конт Яков Иванович	279
Копелевич В.И.	517
Коптев Александр Иванович	282, 288
Корал-оглы	391
Корал-оглы Джинар	401
Корельков Николай	319
Коркин Константин Иванович	224, 232
Коркина Зинаида Евграфовна	225
Коркина Ольга	248
Королева Аля	507
Коротких	547

Корсак Станислав Петрович	437, 442, 444
Костюшко Зинаида Николаевна	318
Косяк Мария	424
Косяк Николай Григорьевич	424
Котляр Александр Савельевич	280, 281, 287, 330
Котляр Юрий	439
Котова Н.Ф.	264
Котульский Владимир Клементьевич	532
Коханова Эльга	506
Кошевец Слава	539
Кравец Валерий Е.	514, 515
Кравец Михаил Степанович	421, 422, 428
Кравченко Виктор	516
Краинская Евгения	482
Красавин Виктор	290
Крейдун Николай Сергеевич	439, 440
Кривошеева	503
Кривошеева Маргарита Ивановна	497, 513, 514, 537, 547
Кродерс Г.Р.	528
Крупина Людмила Алексеевна	264
Крылов Володя	515
Крылова	92
Крылова Зина	305

Крысов Николай Иванович	236, 240
Кубушев Р.	283
Кугультинов Давид Никитич	54, 531
Кудрявцев Николай В.	253, 264
Кузичева Татьяна	512
Кузнецов	132, 133
Кузнецов Виктор Алексеевич	54, 55, 57, 60– 62, 240, 531
Кузнецов Иннокентий Семенович	299, 300, 303, 304, 307
Кузнецов Александр	302, 320
Кузнецова (Медведовская) Татьяна Борисовна	378–381, 401
Кузнецова (Пескоцкая) Евгения Ро- мановна	300, 307
Кузнецова Галина Михайловна	321
Кузнецова Галя	321, 322
Кузнецова Х.Я.	264
Кузьменко П.	283
Кузьмин А.В.	32
Кузьмин В.	283, 293
Кузьмин Леонид Николаевич	506, 527, 530, 537
Кузьмин Николай Васильевич	242, 243
Кузьмина Ирина	229

Кулигина Л.А.	264
Кулченкова Надя	232
Купрейшис Алик	543, 544
Купрюнин Евгений	482, 537
Купряшов Николай	538
Кутилова Марина	500
Кухарев Игорь А.	538, 541
Кушнир Виктор	321
Кюс	279

Л

Ларина Рахиль Марковна	495, 523
Ласкателев Андрей	515
Латышев Олег Л.	538, 541
Лебедев Петр	531
Лебедев Юрий Петрович	282
Лебединский А.И.	172
Левашов Виктор	515, 523
Левин Э.А.	347, 348
Левин Юра	342, 344
Ледин Юрий Янович	544
Лейман	105, 106
Леликов В.С.	497

Леринман Неля	400
Либерман А.	537
Либин	152
Лидерман	414
Лимонов Григорий	427
Линьков А.А.	540
Липаева Людмила	512
Липаньска	42
Лихач Василий	508
Логинов А.Б.	414, 417, 472
Лозинская Надежда Константиновна	524
Локтионова Вера	240, 241
Лопатинский Альфонс	279
Лопато Екатерина А.	497, 513, 514
Лоскутникова Н.Ф.	542
Лугичко	42
Лузан Сергей	531
Лукьянец	130
Лукьянов Владимир Валентинович	443
Лукьянов Г.И.	482
Луцак (Прокопович) Мария	45–47
Луцет Владимир Наумович	519
Лыткина Тамара	319

Львов Анатолий Львович	<i>497, 499, 514, 520, 529, 553</i>
Львов Владимир Евгеньевич	<i>153</i>
Львова Галина Степановна	<i>498, 499, 504, 551, 552</i>
Людвиг Зигурд Генрихович	<i>53, 54, 70, 72</i>
Ляликов	<i>138, 139, 144, 145</i>

М

Магоцкий Иван	<i>83</i>
Макарова Алла Борисовна	<i>34, 35, 93, 169</i>
Макарова Зина	<i>342</i>
Макарс	<i>60</i>
Маланенкова Н.П.	<i>267</i>
Малышкин Иван Григорьевич	<i>27</i>
Мансуров А.Н.	<i>202</i>
Мансурова Елена	<i>400</i>
Мансурова Злата	<i>202</i>
Манькин	<i>70</i>
Мардна Леонард Бернгардович	<i>56, 57</i>
Мареев	<i>414</i>
Марищук Л.Б.	<i>538, 541</i>
Маркин Николай	<i>545</i>

Марков	<i>156, 157</i>
Маркович Ю.	<i>369</i>
Мартынов	<i>115, 118</i>
Мартынов Алексей	<i>483</i>
Марутяк Василий	<i>83</i>
Марутяк Петр	<i>83, 91</i>
Марчевская Татьяна Ивановна	<i>268, 518</i>
Марченко Т.А.	<i>264</i>
Маршалко Мария Андреевна	<i>258, 262</i>
Масленникова Кира Серафимовна	<i>334</i>
Маслов Г.Д.	<i>427</i>
Маслова Тамара	<i>514</i>
Матаева Н.И.	<i>264</i>
Матвеев В.З.	<i>28, 472</i>
Махновецкий Иосиф Михайлович	<i>21, 27</i>
Машьянов Николай Порфирьевич	<i>430</i>
Мевх Татьяна В.	<i>538, 541</i>
Медведев А.М.	<i>100</i>
Медведев Виталий	<i>545</i>
Медведев Николай Андреевич	<i>447</i>
Медведев Юрий	<i>508, 509</i>
Медведовская (Бабайлова) Наталья	<i>380, 381, 401</i>
Медведовская (Зиборовская) Клавдия Львовна	<i>385, 394</i>

Медведовская Анна Семеновна	383
Медведовская Вероника (Люка)	381, 386–388
Медведовская Елена Семеновна	383
Медведовская Лина Семеновна	383
Медведовская Мария Ароновна	383
Медведовская Тамара Семеновна	383
Медведовский Борис Семенович	383, 385, 389, 391, 394
Медведовский Виктор Семенович	383
Медведовский Ефроим Семенович	383
Медведовский Иоанн Семенович	383
Медведовский Моисей Семенович	383
Медведовский Семен Иоаннович	383
Медведовский Теодор Семенович	383
Межевалова А.А.	266
Мелкозеров Юрий Александрович	283, 291
Мельник А.	13
Мергин Ян Карлович	70, 71
Меркулова А.М.	333, 336
Меченко Анатолий Евгеньевич	365
Микашвили	62
Миллер А.В.	61, 73, 336
Мирончук М.Т.	541
Мирошниченко Дмитрий Степанович	487

Миткус	60
Митяев Феликс	342
Моисеев Леонид	497, 506, 524
Мокиенко Екатерина	242
Молчанов И.Ф.	540
Мормоль А.В.	264
Мороз Александр Федотович	424
Мороз Майя	518
Морозова М.И.	60
Моса Я.М.	267
Москалев Виктор	497
Москаленко Борис	482
Муравьев Георгий	543, 544
Мусиевский	346
Мусихин Геннадий	482, 537
Мюнценмайер Ганс Вильгельмович	497, 524

Н

Нагорнов Федор Вячеславович	409, 410, 416
Назарова Инна	523
Найпак Оля	507
Нарожный Александр Онуфриевич	134
Натрошвили	32

Наумкин Владимир	277
Недлин Мирон Михайлович	232, 234, 235, 237, 243
Недлин Михаил Михайлович	232
Недлина Анна Марковна	233
Недлина Марина	234
Немтин Александр Сергеевич	444
Непокойчицкий Витольд Станисла- вович	464
Нестерец Юра	545
Никитина Наталья Михайловна	499, 504, 517, 518, 532, 551, 552
Никишин Павел Евдокимович	31, 57, 59
Никонов Михаил	29
Нич Мария	49
Ногинская Антонина Вячеславовна	497, 524, 541
Ногтев А.	27
Нонин Эдуард	508, 509, 531
Носкова Наталья	512, 518

О

Овсянникова Любовь Дмитриевна	525
Огибалов Т.А.	309, 319

Огородников К.Ф.	172
Одолинская Нина Фоминична	37–39, 41–43, 49
Олах Лаци	209
Олейник Михаил Николаевич	283, 291
Оликер Б.	21, 25
Омельчук Евгений Данилович	60
Омельян	42
Онгемах Рейнгольд	482, 537
Онуфриев Борис	514, 516
Орлов Станислав Григорьевич	335
Орлова (Журавлева) Ирина Григорьевна	324–326, 328, 331, 333, 336, 337
Орлова Людмила Н.	538, 542
Оров Павел Иванович	104, 105, 123
Осипенко Иван Данилович	281–283, 288, 289
Осипов Владимир Юрьевич	232, 235–237, 239, 243, 246, 247

III

Павленко Мария	92, 93
Панкин Александр Павлович	282, 288

Панов	112
Паншин Игорь Борисович	53, 58, 69
Панюков А.А.	102–105, 108–110, 123, 137, 138, 147, 199
Парманин Александр	382
Парманин Иван Васильевич	382
Парманин Михаил	382
Парманин Палладий Васильевич	382
Парманина Екатерина Палладиевна	383, 385
Парманина Ольга	382
Парфенов	129, 130
Паршин Стас	347
Паскевич Аскольд Алексеевич	500, 504, 518, 552, 554
Паскевич Виктор	504, 505
Паскевич Светлана	504
Пастушенко В.М.	443, 444
Пауер	409
Пахомов Альфред	512, 513
Пеннер Елена Петровна	262, 265
Пеньков Карпик	203
Перевелкин	156, 157
Перфишин Степан Федорович	111, 114, 117, 118, 131, 137

Першина Эля	342
Петращук	42
Петренко Михаил Тимофеевич	473
Петри Олег Бернгардович	107, 119
Петров Константин	482
Петров Н.В.	542
Петров Эдуард В.	530, 540
Петрова М.	267
Петровский Андрей	539
Пивоваров Сергей	539
Пиккат А.К.	58
Пилюжный Владимир	282, 288
Пинюгина Светлана	507
Пирогов	391
Пирогов Федор Сергеевич	106, 107, 114, 117, 119, 126, 128, 131–133, 137, 138, 144
Писев А.	283
Плевин В.В.	497
Плотских Анатолий Порфирьевич	273, 279, 280
Плохов Валерий В.	440, 445
Погодин Владимир Борисович	445
Пода Неля	400
Поддубная Елена	497, 516

Подольский Борис	342
Подопригора Ю.В.	545
Полозова Татьяна	507
Поляков Владимир	548
Поляничко Тамара	482, 537
Пономаренко Владимир Иванович	529
Пономаренко Михаил	507
Попов Г.А.	58
Попов Геннадий Васильевич	432–434, 440, 442, 446, 447, 449
Попов Николай Петрович	270–272, 274, 277, 283, 287– 289, 292, 293
Попов Петр Иванович	274
Попова Евдокия Ильинична	439
Попова (Буре) Людмила	209
Попова Прасковья Дмитриевна	274
Попова Христина Петровна	276
Попова Яна	450
Пормалис Артур Андреевич	273, 280–282, 288, 289
Поротов А.	540
Постников Сергей Сергеевич	283, 293
Постоев	156, 157

Потапов М.Г.	26
Почекутова Любовь Юрьевна	525
Праведников Василий Федорович	221–223, 233
Приходько	314
Прокопович Роман	47
Пронникова Лариса Дмитриевна	519
Проходная (Рознатовская) В.П.	57
Прохорчук Евгений Федорович	423
Пшеничников Коля	344
Пьявко Владислав Иванович	525, 526
Пьянков	391
Пьянкова Вероника	400

Р

Разин Сергей Иванович	144
Райвичер М.А.	31
Рассадин Олег Леонидович	289, 527
Раудсепп (Лизенко) Лариса Ивановна	411–413, 417
Раудсепп Сергей Рихардович	402–404, 425, 430
Рахвамский	424
Реймасте	61
Ремейко	391
Ремейко Олег	401

Ремейко Софья М.	253, 264
Рехлов Вадим	545
Рехлов Владлен	548, 550
Рехлов Иван Варламович	547–550
Рик Людмила Александровна	92
Рогов Иван Васильевич	475
Роденко Н.П.	336
Родионов	531
Розанов	130, 131
Розенблюм Захар Ильич	31, 56, 329, 331, 333, 334
Розенвайн Эдуард Давидович	423
Розентул	414
Розин Борис Яковлевич	268
Розинский Семен	192
Рознатовская Наташа	342
Рознатовская Тамара	342
Рознатовский Н.Н.	309, 319
Ройтер	391, 418
Ройтер Владимир	401
Ромашкин Василий Феоктистович	31
Ронгайнен Володя	544
Ронгайнен Ирина	515
Росси Жак	14

Ростовцева Х.	537
Рохлов А.К.	497
Рубеко М.П.	20, 26, 27, 30, 31
Рудакова Лилия Михайловна	515, 560
Руденко Борис	516
Руденко Н.П.	536
Русинов Иван Николаевич	393
Русских Лидия	507
Рыклин Михаил Зусманович	282, 288, 289
Рютель Галина Семеновна	468, 470
Рюшина Лидия	539, 541
Рянская Валентина	524

С

Савва Лев Александрович	68
Савельев Дмитрий	511, 537
Савельев Миша	342
Савченко Алла	342
Савчук Иван Александрович	513, 514, 547
Савыкин А.	288
Сагайдак Д.	27, 31
Садовеня Владимир	545
Саленко Л.	245

Саленко Юрий Григорьевич	444
Сапрыкина (Волкова) Галина	400, 401
Сафронов	466–470, 474
Свеклинский Геннадий	66
Светана Светлана	497
Светличная Марина Георгиевна	497, 524
Светличный Сергей	539
Седов Л.И.	173
Селезнев Юрий Павлович	356, 364
Селиванов Сергей	510, 531
Сеянина А.В.	264
Семелевичюте Людмила	92, 93
Семенова Зоя	519
Семенченко	61
Сендек Г.В.	260
Сербина Нина Яковлевна	515, 516, 542
Сергеева Надежда	539
Серков Герман	541
Сидоренко Анатолий	511
Сидоров В.П.	517
Сидоров Иван Иванович	370
Сидорченко Николай	544
Сидорюк А.	283
Синицын Сергей Павлович	249

Синцеров В.В.	497
Сировский Марк	531
Скалигерова Люся	342
Скляренко Виктор	291
Скокова Таня	539
Скуратов Валентин	279
Слесарев Александр Алексеевич	447, 448, 450
Сливинская Тамара Ивановна	74, 75, 77, 78
Слизков Андрей	539
Смирнов Георгий	440
Смирнов Сергей Михайлович	54, 58
Смоктунувский Иннокентий	243, 393
Смолов Юрий Михайлович	263, 355
Смолова Раиса Петровна	515, 516, 518
Сморыго Валентина	507
Снегов (Штейн) Сергей Александрович	27, 31, 32, 152, 153, 160, 161, 164, 165, 169, 531
Соболь Андрей	545, 546
Созаев Г.Б.	314
Соколова Н.А.	541
Сокольников Модест Петрович	282, 287, 289
Сокрутенко Наташа	539
Солдатовы С.П. и М.Н.	542
Солженицын Александр Исаевич	162, 163, 167

Соловьев Олег	514, 516, 517
Соловьева Антонина	342, 343
Соловьева Э.И.	260
Соломин Игорь Павлович	439, 442
Сорокин Владимир Александрович	282, 288
Сорокова Э.	537
Старовойтов А.Е.	31
Старшинов Федор Аркадьевич	407, 408
Стаханов Александр	273
Стебленко Юрий	401
Стеблецов	113, 118, 120, 122
Стельмах Зинаида	537
Степанова Галина Федоровна	259
Степанюк Мария	42
Стецько Анна Александровна	85
Стецько Ярослава	83
Стифеев Тимофей Гаврилович	107, 125, 414
Стрельцов Ефим Корнеевич	89, 90
Стукалова В.В.	264
Судьбина Анна Николаевна	259
Супоницкий Лев	512–514, 548
Сухомлинов Борис Данилович	342, 400
Сухоруков Н.Н.	59

Т

Тайдамаха Людмила	511
Талайко Михаил Аркадьевич	524
Танаков Борис	543
Тараканов Андрей	493
Тараканов Василий Львович	457
Тараканов Женя	463
Тараканов Петр Васильевич	461, 462, 481
Тараканов Эдуард Петрович	452–454, 469, 470, 473, 490, 491, 498, 504, 505, 511, 512, 518, 526, 535, 537–549, 553– 555
Тарасеев	99
Тараскина Римма Федоровна	493, 494, 511, 533, 534, 538, 539, 541
Татаринов Борис Николаевич	527, 537
Темникова Тамара	319
Терехова Елена Васильевна	264
Тещук	42
Тимофеева Неля	342
Титов Б.А.	282

Толмачева Ольга Александровна	165, 166
Томилина Светлана	93
Томилов Константин	273
Торгашов Николай Иванович	424, 429
Третьяков	123
Трижичинский Николай Яковлевич	430, 528
Трофименко Владимир	531
Трофимов Андриан Николаевич	488
Трофимов Ю.И.	540, 542
Трофимова Анна	516
Труханова Валентина	92
Трушин Юрий	192, 193, 202
Туаева Людмила	538, 539
Тулин	462
Туманишвили Магда	342
Туманьска	42
Туминас Станислав Игнатъевич	58, 73
Тыцких А.М.	514, 515, 530
Тэседо Е.	540
Тюнина Н.	245
Тюрин Валериан	291

У

Угаров	60
Урванцев Николай Николаевич	109, 110, 140, 141, 151, 152, 294, 336, 406
Урванцева Е.И.	58
Усевич Мира	342
Успенская (Коркина) Евдокия Ивановна	221, 222
Успенская (Недлина) Люция Петровна	6, 218–220, 226, 227, 229– 231, 235, 245, 246, 248
Успенская Женя	234, 248
Успенская Любовь	248
Успенский Петр Михайлович	221
Успенский Сергей	233, 237, 238, 243, 248
Устинова Нина Григорьевна	507, 526, 527, 530
Утукогир Г.	540
Ушаков Сергей Илларионович	138
Ушков Николай	514, 516

Ф

Файзуллин Искандер Газизович	529
Фаломеева М.	245
Фаст Владимир	545
Фатеева Вера	319
Фаюткина Тамара	342, 344
Федирко Павел Стефанович	477, 478
Федоров А.Ф.	368
Федоровский	391, 530
Федотова Августа Александровна	342
Фетисенко Игорь	200
Филин Виктор	475
Филонович Борис Петрович	508–510, 530
Фишбейн Оскар Ильич	309, 319
Фокин Юрий	216
Французов	547
Фролова Нина	483, 537
Фурманов Дмитрий Андреевич	282

Х

Хайдепримс	70
Харита А.Ю.	71

Хасдан Марк	530
Хватков Федор Васильевич	282, 289
Херувимова-Лапина Е.Г.	177
Хитрин Григорий Абрамович	142, 143
Холминский	282
Хороманский Руслан	545
Христенко Полина Павловна	335
Хромов-Хромой	156, 157
Хугочар Л.	540
Хуцишвили Варвара Леонидовна	336

Щ

Царева Наталья Ивановна	200, 204, 205, 209, 210
Цикал Р.Н.	517
Цяпка Оксана	91, 92

Ч

Чавкин Рафат Шарифович	282, 288
Чайка Татьяна	515
Чалкин Изосим Алексеевич	482, 532, 537
Чапогир О.	540

Чарду Г.	540
Чарду М.	540
Чахвадзе Георгий	26
Чахвадзе Симон Эрастович	25, 30, 31
Чекишев Эдуард Александрович	499
Чепель Фаина Даниловна	507, 538, 540, 541
Чепская Лариса	541
Червакова Ирина	514, 523, 524
Червоненко Владимир Николаевич	497
Черемисин Борис Гаврилович	524, 548
Чересюк	346
Черный	397
Чернявская Катруся	92
Чернявцева К.Н.	60
Чиркова Ирина	515
Чугунов Саша	483
Чунтонова В.А.	260
Чупретов	313

III

Шадрина Майя Константиновна	258, 269
Шадхан Игорь Абрамович	506, 523, 524
Шакитько Алексей	542

Шамара Л.Е.	542
Шамис Иосиф Адольфович	151, 152
Шаройко	397
Шаткова Елена	321
Шацкий Валерий В.	538, 541
Шварев Владимир	538
Швец Степан Михайлович	140, 423
Шевченко Анатолий Григорьевич	518
Шевченко В.	198
Шевченко Павел В.	507, 538
Шемряков Александр	506
Шептицкий	46
Шерер	321
Шестериков И.Т.	506
Шиляев Эдуард	515
Шиляева Иллария Арсентьевна	61
Шишкин Илья Захарович	57
Шлома В.М.	517
Шмаенок Анна Борисовна	497, 523
Шмитке Эрик Христофорович	114, 121, 122, 130–132
Шпагина Валентина Сидоровна	242, 243
Шписс	391
Штернберг Эрик Оттович	318

Штефан Эдуард Иванович	468, 469
Штырков Иван Иванович	103, 110, 123
Шульга Геннадий	545
Шульгин Сергей	514
Шумакова Валя	239

Щ

Щеглов-Норильский Сергей Львович	148, 149, 153, 155, 159, 164, 165
Щербинина Алла	515

Э

Эллерберг Виктор Владимирович	474
Эллерберг Наталья	512, 518
Энсоо Раймонд Хансович	423
Эфрос Марк Моисеевич	468

Ю

Юдейскас	66
Юрченко	292

Юрченко Инна	400, 401
Юрчинская Елена Остаповна (она же Луцак Мария)	6, 36, 37, 40–45, 48, 49
Юрчинская Мария	44, 45
Юрчинская Мирослава	43, 44
Юрчинская Надя	44–46
Юрчинский Богдан	44
Юрчинский Евстахий (Остап)	44
Юрчинский Роман	44
Юрчинский Софрон	44
Юрчинский Юрий	44–46

Я

Яворский	391
Ямонт Стела	506
Янулявичус Антон Иосифович	54
Яровой Виктор К.	507, 538
Ярцева Екатерина Ивановна	81, 89, 90
Ятниекс Анна	92, 93
Яхницкая Ганна	87
Яхницкая Мария	84, 87
Яхницкая Осипа Ивановна	80–82, 87, 89–92
Яхницкий Иван	87

Яхонтов Алексей Дмитриевич	<i>152, 183, 185, 194, 198–200</i>
Яхонтов Юлий Алексеевич	<i>178–180, 192, 202, 203, 211, 213–216</i>
Яхонтова Ирина	<i>203</i>
Яхонтова Раиса Семеновна	<i>185</i>
Яцковская Н.	<i>245</i>
Яшин Валера	<i>518, 545</i>
Яшнова	<i>156, 157</i>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Слово к читателю</i>	3
<i>Дзюбенко Н.</i> : «Чахвадзе, ссылаясь на слова конвоиров, называет число 3800 этапированных из Соловков в Норильск»	8
<i>Макарова А.</i> : «...прожившая 48 лет под чужой фамилией бывшая норильская каторжанка вернула себе подлинное имя...».....	34
<i>Вачаева В.</i> : «... мне довелось читать столько исповедей...»	50
<i>Яхницкая О.</i> : «Она (фронтовичка Катя Ярцева, россиянка) была мне как мать, сестра, подруга»	80
<i>Кононович Г.</i> : «... Авраамий Павлович сказал: — Товарищ Кононович, мы примем вас и ваших людей в нашу систему, поручим вам спасение парохода...»	94
<i>Щеглов-Норильский С.</i> : «...в бараке Козырев всегда был с тетрадкой, испещренной формулами и цифрами».....	148
<i>Яхонтов Ю.</i> : «... место, куда прибыл наш поезд из Дудинки, носило название Аварийного поселка».....	178
<i>Успенская Л.</i> : «До сих пор помню необыкновенное счастье жизни в театральной среде...».....	218
<i>Брилева А.</i> : «...педиатры получили возможность выписывать пол-литра молока детям первого года жизни»	250
<i>Попов Н.</i> : «Не было ни одного случая, чтобы из-за низкой температуры отменили демонстрацию или проводили ее без духового оркестра»	270
<i>Журавлева (Кузнецова) Т.</i> : «Воспоминания о норильской жизни и печалят, и радуют душу...»	296

<i>Орлова (Журавлева) И.:</i> «Какие это были интересные годы познания практической медицины, жизни!»	324
<i>Картаев Г.:</i> «Один бывший з/к после смерти Сталина... сказал: «Надеюсь, ты уже понял, что он был сволочь и бандит». Во мне что-то дернулось и затихло... С тем сейчас и живу»	338
<i>Важнов М.:</i> «... и сейчас избавиться от тревожных предположений трудно»	350
<i>Кузнецова (Медведовская) Т.:</i> «Весной 1946 года мы... двинулись в дальний-предальний путь на Север, в мерзлые снега»	378
<i>Райдсепп С.:</i> «Мне не могли сказать, куда я летел, что там буду делать...»	402
<i>Попов Г.:</i> «...экстремальные события мне пришлось пережить вместе с моей родной ТЭЦ-1»	432
<i>Тараканов Э.:</i> «Где ты — благословенное, трепетное, романтическое, ЖИВОЕ телевидение?»	452
<i>Именной указатель</i>	556

**О ВРЕМЕНИ,
О НОРИЛЬСКЕ,
О СЕБЕ...**

Редактор-составитель
Г.И. Касабова

Корректор
В.Л. Соловьева

Компьютерная верстка
О.Г. Егин
Н.А. Свиридова

ООО «ПолиМЕдиа»

Лицензия ИД № 03287 от 20.11.2000 г.
143003, Московская обл., г. Одинцово-3, а/я 101

Подписано в печать 05.04.2007. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура SchoolBook. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Объем 19 печ. л.

Заказ № .

Тираж 2000 экз.

Отпечатано с готовых диапозитивов в
ОАО «Полиграфический комплекс «ОРИУС»
398055, Липецк, ул. Московская, д. 83

Для заметок

Для заметок